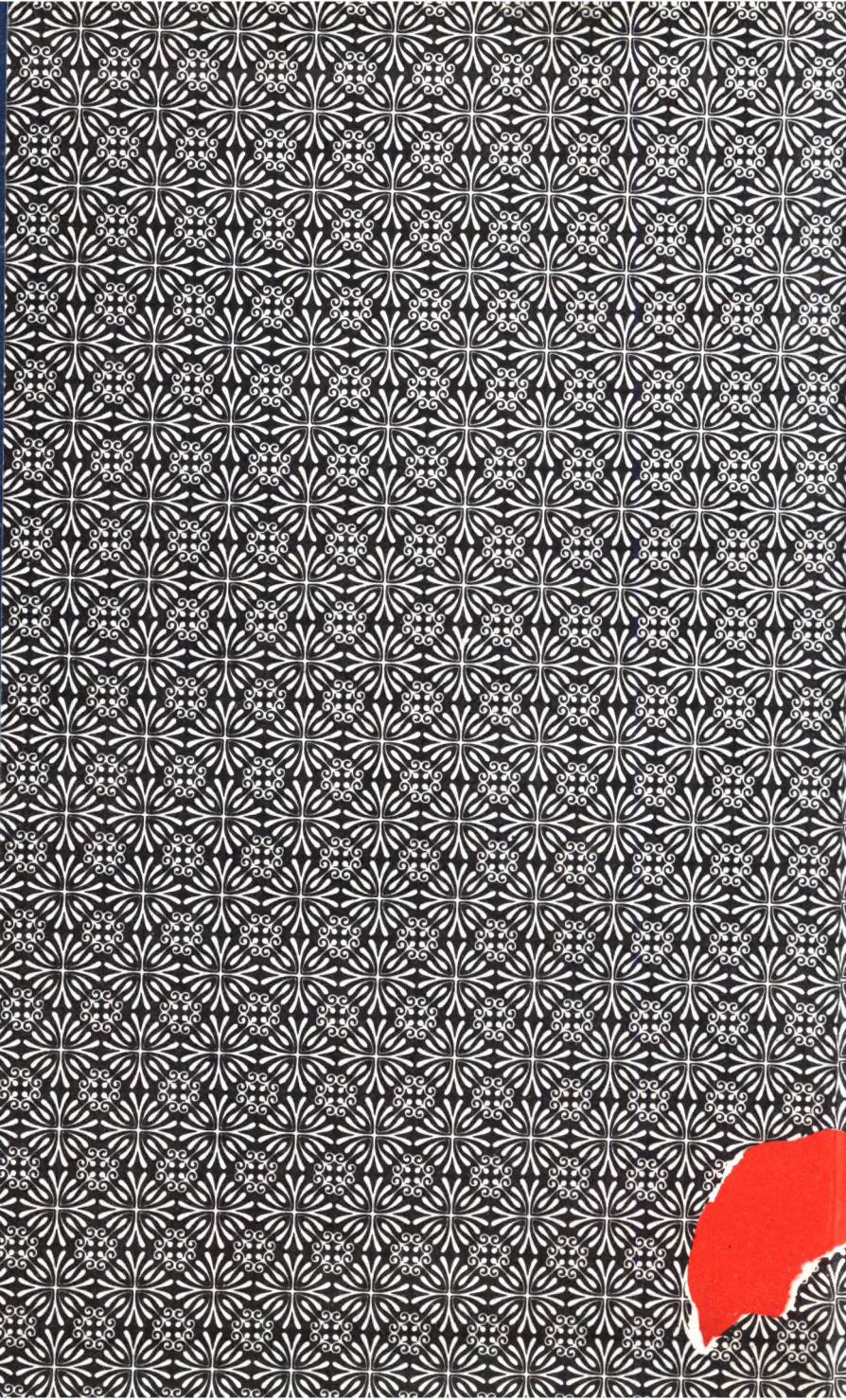

ПОДВИГ

«Выбор Флетча»

Г. МАКДОНАЛЬД

«...Когда автобус трогался с места, мужчина в кожаной куртке уже поднялся, с разбитым в кровь лицом, и прокричал им вслед что-то неразборчивое. В автобусе Шустрик промыл царапину, продезинфицировал ее перекисью водорода. Губернатор широко улыбался...»

Р. «Наперекор времени»

ДЖЕФФРИЗ

«...Что случилось? Может быть, его руки не действуют, потому что его внезапно разбил паралич? Несколько секунд Питер был в панике, пока не понял, что его руки связаны за спиной...»

Э. «Мститель»

УОЛЛЕС

«...Когда же она стала закрывать вторую раму, из темноты внизу вдруг показалась огромная волосатая лапа и схватила ее за руку, сжав ее как тисками. Адель не испустила ни звука, она стояла не дыша, чувствуя, что умирает от страха...»

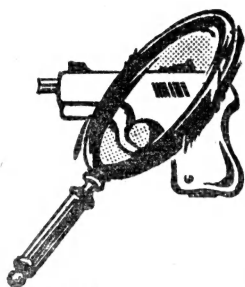
Классика мирового детектива

БИБЛИОТЕКА

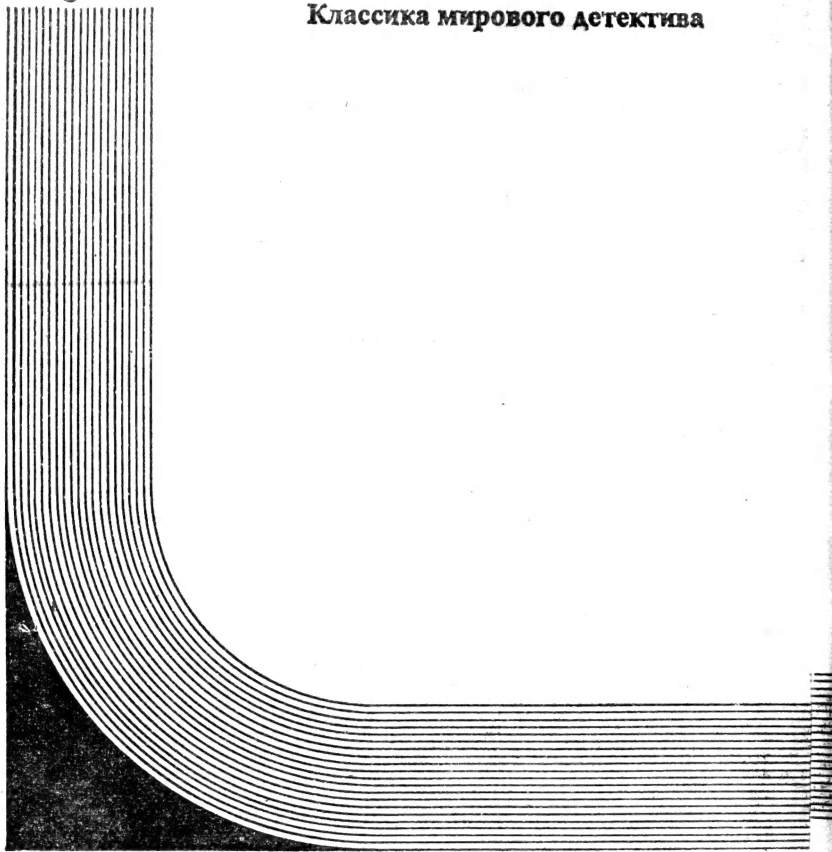
**ГЕРО-
ИКИ
И
ПРИ-
КЛЮ-
ЧЕ-
НИИ**

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
"СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

ВЫПУСК ВТОРОЙ

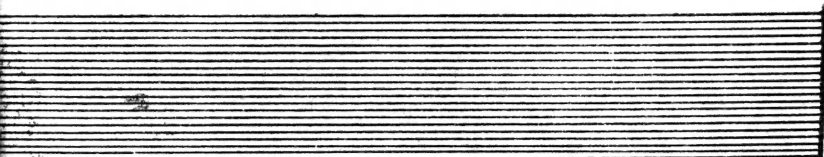
Классика мирового детектива

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛД

РОДЕРИК ДЖЕФФРИЗ

ЭДГАР УОЛЛЕС

*Акционерное общество «Молодая гвардия»
Москва, 1993*

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛД

Роман

Выбор Флетча

Классика
мирового
детектива

ГЛАВА 1

— ФЛЕТЧ, СТАРИНА! ОТЛИЧНО! ТЫ НАКОНЕЦ-ТО ЗДЕСЬ! — БЕЗ РУБАШКИ И БОСИКОМ, ФЛЕТЧ СТОЯЛ посреди обычного номера средненького отеля в заурядном городе небольшого американского штата. Едва он пустил душ, как зазвонил телефон.

— Поднимайся в отцовский «люкс», — скомандовал Уолш Уилер. — Немедленно. Номер 748.

— Почему ты не здороваешься, Уолш?

— Привет. — В трубке слышались другие голоса, звяканье бокалов, музыка.

— Почему не спрашиваешь, как я долетел?

— Не ломай комедию. Некогда.

— У нас уже кризис?

— Любая предвыборная кампания — один бесконечный кризис, Флетч. В том числе и президентская, только в последней кризисы разрастаются до размеров катастрофы. И достаточно нескольких минут, чтобы это понять. Подожди, — на другом конце провода кто-то заговорил с Уолшем. Слов говорившего Флетч не разбирал. Зато слышал ответы Уолша. — Кто она такая? — Вновь бу-бу-бу. — Она мертва?

Из ванной уже валил пар.

— Кто мертва? — спросил Флетч.

— Это мы и пытаемся выяснить. Твой самолет опоздал? Мы ожидали тебя раньше.

— Незапланированная посадка в Литтл-Рок. Наверное, пилот завез кому-то выстиранное белье.

— Ты должен был приехать в шесть.

— Твой папаша очень популярен в Литтл-Рок. Я провел опрос населения. Коп* в аэропорту заявил мне: «Если Уилер не станет нашим следующим президентом, придется мне самому баллотироваться на этот пост». Какова угроза?

Уолш продолжал с кем-то говорить.

— Кем бы она ни была, к нам она не имеет ни малейшего отношения. никоим образом не связана с предвыборной кампанией.

— Хотелось бы мне знать, о чем речь, — внес свою лепту Флетч.

* Прозвище полицейских в Америке.

— Я в коктейль-холле, — пояснил Уолш. — Тут я как-нибудь разберусь сам, а ты скоренько поднимайся к отцу.

— Уже половина одиннадцатого, не так ли?

— Около этого. И что?

— Я никогда не встречался с кандидатом. Твоим достопочтенным папашей. Губернатором.

— Постучи в дверь. Он не кусается.

— А что я скажу будущему президенту Соединенных Штатов? «Хотите купить новую швабру?»

— Не поверю, чтобы ты не нашелся, что сказать. К примеру: «Привет, я ваш новый пресс-секретарь».

— Врываться к кандидату в президенты в половине одиннадцатого, даже без стакана теплого молока.

— Будь спокоен, он еще не лег. Доктор Том в баре.

— Послушайте, лейтенант, солдаты маршируют веселее, если знают, что их ждет впереди.

— Дело чертовски серьезное, Флетч. Мне сказали, что девушка мертва.

— Смерть — дело серьезное для всех нас. А теперь просвети меня, Уолш, какая девушка? Кто умер?

Уолш откашлялся.

— Не знаю.

— Уолш...

— Какая-то девушка или женщина сиганула с крыши мотеля. Пять минут тому назад. Или десять.

— И она мертва?

— Вроде бы.

— Потрясающе! Но каким боком эта смерть связана с твоим отцом? С тобой? Со мной?

— Никак, — твердо ответил Уолш. — Суть ты уловил.

— Вот и ладушки. Тогда почему я не могу принять душ, надеть пижаму, лечь в постель и встретиться с твоим отцом утром? Между первой и второй чашечками кофе?

— Потому!

— Веская причина. Уолш, смерть в мотеле, где остановился на ночь кандидат в президенты, не такое уж событие. Люди умирают в мотелях чаще, чем заказывают обед в номер. Почему одно должно связываться с другим?

— Согласен с тобой.

— Наоборот, слишком резкая реакция команды кандидата привлечет внимание. К примеру, кто-нибудь да заметит, что я среди ночи помчался к твоему отцу, хотя раньше мы с ним не встречались.

Уолш снова откашлялся. Понизил голос.

— Похоже, она прыгнула, Флетч. С крыши. Аккурат над «люксом» отца. Перелетела через его балкон. Здание уже сфотографировали. А прочертить траекторию полета ничего не стоит.

— Однако!

— Пресса скушает, Флетч. Они ухватятся за что угодно. —

Действительно. Плохо ли написать, что эта юная дама использовала балкон кандидата как трамплин для прыжка в вечность. Некоторые газеты за это ухватятся. Хотя бы «Ньюс билл».

— Я и без того знаю, что между ушей у тебя не опилки.

— Картофельные чипсы.

— Поднимайся к отцу. Отвечай на телефонные звонки, если кто позвонит. Говори, что ты — человек новый и не ведаешь, о чем, собственно, речь.

— Нет проблем. Так приятно говорить правду.

— Я попытаюсь убедить телефонисток на коммутаторе отключить телефон отца. Но не все они неподкупны.

— В этом я убедился на собственном опыте. Какой номер?

— 748. Я тоже приду. Как только пообщаюсь с телефонистками и ублажу прессу. Заверю твоих коллег-репортеров, что мы никак не реагируем на смерть девушки.

— Уолш, ответь мне прямо. Девушка имеет к нам какое-либо отношение? К предвыборной кампании? К кандидату и президенту?

Уолш понизил голос.

— Твоя задача, Флетч, убедительно доказать, что она никак не связана с нами.

ГЛАВА 2

Когда разошлись двери лифта, в кабине она стояла одна. Флетч как раз надевал пиджак. В первое мгновение он решил, что грезит. Да и откуда взяться здесь этой девушке с карими глазами?

— Фредди! — воскликнул он. — Что б мне провалиться на этом самом месте! Единственная и несравненная! Фредди Эрбатнот!

— Флетч, это я.

— Спускаетесь в бар?

— Нет. Поднимаюсь к себе.

Автоматически двери лифта начали закрываться, но он успел проскочить в кабину. Отметил, что горит кнопка с цифрой «8».

— Я рад вас видеть.

— Раньше я такого не замечала.

— Послушайте, Фредди, далась вам эта Виргиния. Ну что я могу сказать? Я ошибся. Вы же сами знаете, эти журналистские сборища кишат агентами спецслужб. Вот я и подумал, что и вы из их числа.

— Я — честная журналистка, мистер Флетчер. — Фредди вскинула голову. — Не то что некоторые, кого я и знать не хочу.

— Честная, — согласился он.

— И известная.

— Знаменитая! Кто не читал блестящих статей Фредерики Эрбатнот?!

— Так почему же в Виргинии вы не знали, кто я такая?
— Тому причина — невежество. Долго жил в чужих краях.
— И никогда не читали «Ньюс уорлд»?
— Мой дантист не выписывает это уважаемое издание.
— Никогда не заглядывали в «Ньюс уорлд синдикейт»?
— Преступность меня не интересует. Приятного мало. Кому охота знать, что отыскал коронер в кишках убитого? Я не хочу знать, что у меня в кишках.

— Я зарабатываю на жизнь статьями о преступности.
— Они самые лучшие. Все так говорят. Статьи Фредерики Эрбатнот — эталон.

— Правда ли, что губернатор Уилер назначил вас своим пресс-секретарем?

— Еще не виделся со старым воителем.

Двери кабины открылись.

— Ему хватит одного взгляда, чтобы отослать вас обратно на детскую площадку, Флетч.

Вместе с ней он вышел на восьмом этаже.

— А что вы делаете в этом городе, Фредди? Приехали на какой-то судебный процесс?

— Решила поучаствовать в предвыборной кампании. — Она зашагала по коридору.

— Как? Вы оставили журналистику? Записались в добровольцы?

— Отнюдь. Я по-прежнему принадлежу к когорте честных журналистов.

— Что-то я вас не понял, Фредди. Вы же криминальный репортер. А тут — политическая кампания.

Она вытащила ключ из кармана юбки.

— Разве политическая кампания не похожа на судебный процесс с присяжными?

— Лишь частично. За поражением на выборах обычно не следует тюремного заключения.

Фредди повернула ключ в замке.

— Мое присутствие нервирует вас, Флетч?

— Скорее возбуждает.

— Тогда расскажите, что вам известно о девушке, убитой этой ночью в мотеле.

— Убитой?

— Вы ничего не знаете?

— Нет.

— Ее нашли на асфальте, голую и избитую. Жестоко избитую. И тут мне даже не нужно заключение coronera. Я все видела своими глазами. Она то ли бросилась вниз с балкона, то ли ее заставили броситься. Или просто сбросили.

У Флетча округлились глаза.

— Но не прошло и получаса, как она умерла, Фредди. За это время вы не успели бы добраться сюда из Нью-Йорка, Лос-Анджелеса или откуда-то еще, где вам сообщили о случившемся.

— Я знаю, что полчаса тому назад какая-то девушка прыгнула с крыши. Может, и разбилась насмерть.

— Милый Флетч, как всегда, вы обо всем узнаете последним.

— Не всегда. Лишь в присутствии несравненной Фредерики Эрбатнот.

— Я пригласила бы вас к себе, но в прошлом мои попытки постоянно натывались на грубый отказ.

— А что еще вы знаете об этой девушке?

— Не так много, как вскорости выясню.

— В этом я не сомневаюсь.

— Спокойной ночи, дорогой Флетч.

Флетч придержал уже готовую закрыться дверь.

— Фредди! Что побуждает криминального репортера освещать предвыборную кампанию?

Она приподнялась на цыпочки и чмокнула его в нос.

— А что толкает газетного курьера в пресс-секретари кандидата в президенты?

ГЛАВА 3

— Кто там? — В голосе за дверью «люкса» 748 слышалось любопытство.

Флетч уже слышал этот голос. Правда, высказывался его обладатель о недостатках сверхзвуковых бомбардировщиков и дефиците федерального бюджета.

— Ай-эм* Флетчер. Уолш просил постучать в вашу дверь.

Дверь открылась.

Не отпуская ручки, губернатор Кэкстон Уилер протянул вторую руку, готовую как для рукопожатия, так и для толчка. На губах играла улыбка, но глаза бежали Флетча с головы до ног. Обычно таким взглядом футбольный тренер встречал приглашенного на сборы новичка. Флетч поправил галстук и пожалел, что надел рубашку, в которой ходил весь день.

Лицо губернатора Кэкстона Уилера казалось огромным, как карта Америки. Лоб широкий, словно равнинные штаты, челюсть массивная, как юг, глаза большие и широко посаженные, такие Нью-Йорк и Лос-Анджелес, а нос выпирал, как небо-скребы Чикаго и Хьюстона.

— Привет, — продолжил Флетч. — Я ваш новый пресс-секретарь.

Кандидат в президенты с застывшей на лице улыбкой сверлил Флетча взглядом.

— Хотите купить швабру?

— Что ж, — хмыкнул губернатор. — Хорошая уборка еще никому не вредила.

— Держу пари, вы готовы вычистить все лишнее.

* Английское произношение инициалов Флетчера (I. M.) — Ирвин Морис. На английском это также означает «я есть».

— Вы — один из них?

Флетч огляделся.

— О ком вы?

— О прессе.

— Пресса — это народ, сэр.

— Забавно, — вновь хмыкнул кандидат в президенты. — Я-то думал, что народ — это государство. Заходите.

Губернатор отпустил ручку и в одних носках прошлепал в гостиную.

Флетч закрыл за собой дверь.

Гостиная не произвела на него впечатления. Впрочем, что он мог ожидать от «люкса» средненького отеля. Картина на стене, шхуна под полными парусами (его собственный номер украшала репродукция этой картины), облупленная позолота на углах кофейного столика и подлокотниках кресел.

На сервировочном столике стояли бутылки.

— Хотите выпить? — указал на них губернатор.

— Нет, благодарю.

— Я предполагал, что услышу именно такой ответ.

— Может, налить вам?

— Нет, — губернатор сел на диван. — Моя жена не одобрит. Она считает, что я должен черпать энергию в общении с людьми. Впрочем, я сомневаюсь, что она может объяснить, как это делается.

Наряд губернатора состоял из распахнутого на груди ношеного коричневого халата. Над нагрудным карманом зеленели буквы «К» и «У».

Глаза Флетча перебегали с загорелого лица губернатора на белизну его живота.

— Вы, похоже, только вернулись из летнего лагеря, — продолжил губернатор. — Пресса вас примет? — Флетч тактично промолчал. — Борьба идет жесткая. Есть в этом свои плюсы, но хватает и минусов. — На кофейном столике громоздились высыпавшиеся из «дипломата» бумаги. — На финише кампании, если мы выиграем эти праймеры*, вы будете выжаты, как лимон.

За спиной губернатора, меж раздвинутых портьер, поблескивала стеклом сдвижная дверь на балкон.

Медленно, как бы между прочим, Флетч подошел к ней:

— Если вы проигрываете праймеры, кампания заканчивается?

— Праймеры дают голоса. И взносы в фонд предвыборной кампании. В проигравших денег не вкладывают. А счета бензозаправок и мотелей должны оплачивать все, даже кандидаты в президенты. Таков уж американский образ жизни.

Флетч зажег свет на балконе.

— Пресса знает, что денег у вас и обрез?

Губернатор не обернулся.

* Первичные выборы, в ходе которых определяются кандидаты в президенты от демократической и республиканской партий.

— Мы не оглашаем наши финансовые отчеты по два раза в месяц. Но журналистов как ветром сдует, если они почувствуют, что нам ничего не светит.

Снег на балконе, свежавывавший и смерзшийся, истоптан многочисленными следами. Большая часть поручня под валиком снега, но есть и чистые куски.

— Сегодня вечером вы выходили на балкон? — спросил Флетч.

Тут губернатор обернулся.

— Нет. А что? Кажется, не выходил.

— Кто-то там был.

— Я приглашал сюда журналистов. Выпить, пообщаться с моими помощниками. Многие курили. Может, я и выходил подышать свежим воздухом. Или перекинуться парой слов наедине. На минуту, не более. В мокрой грязи долго не стоишься.

Флетч выключил свет на балконе, задернул портьеры.

— В ваше отсутствие здесь могли быть посторонние? Не считая персонала отеля?

— Конечно. — Губернатор вновь повернулся к кофейному столику. — В моем номере постоянная толчея, как в международном аэропорту. Кстати, а куда все подевались? И почему не звонит телефон?

— Уолш отключил его от коммутатора. — Флетч пересек гостиную и вышел в маленький коридорчик у входной двери.

— Зачем ему это понадобилось?

Поворот ручки, и дверь открылась.

— Ваша дверь не заперта.

— Естественно. Ко мне же приходят люди. Вы, собственно, кто, пресс-секретарь или агент службы безопасности?

Флетч закрыл дверь, вернулся в гостиную.

— Мне кажется, такой агент вам необходим.

— Мне вполне достаточно Шустрика. Он никому не мешает. Итак, вы служили вместе с Уолшем? Помнится, он говорил мне об этом.

— Да, сэр. Он был моим лейтенантом.

— И как он вам показался?

— Ваш сын? Как командир?

— Да. Каким он был командиром?

— С подчиненными он ладил. Хотя иной раз задавался.

Губернатор хохотнул.

— Но не слишком, так?

— Особых претензий к нему не возникало. Он не мешал нам выполнять свои обязанности. А в остальное просто не вмешивался.

— Вот это, по-моему, главное, чтобы дело шло, а там — хоть трава не расти. Уолш полагает, что вы — идеальный пресс-секретарь. — Губернатор сдвинул брови. — Он настоял, чтобы я незамедлительно вызвал вас. Он хочет, чтобы утром я первым делом объявил о вашем назначении.

Флетч пожал плечами.

— Я смог прилететь.

— Последнее означает, что вы без работы.

— Я пишу книгу.

— О политике?

— Об американском художнике, воспевшем Дикий Запад. Вы его знаете, Эдгар Артур Тарп, младший.

— О да. Превосходный мастер. Но какое отношение имеет он к политике?

— Никакого.

— Вы раньше работали в газетах?

— И во многих, — улыбнулся Флетч. — Так и перелетал из одной в другую.

— То есть вы хотите сказать, что в журналистике успех вам не сопутствовал?

— Иной раз еще как сопутствовал. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Губернатор откинулся на спинку дивана, вздохнул.

— Юноша, который выглядит так, словно не покидает теннисного корта, да еще увлеченный ковбойской живописью. А мне нужен пресс-секретарь предвыборной кампании. Можно ли полагать вас находкой?

— Разве американская политика не крестовый поход любителей?

— Чье это высказывание?

— Мое. Я так думаю.

— Вы ошибаетесь. Но фраза хлесткая. — Наклонившись, губернатор что-то чиркнул на листке бумаги, лежащем среди прочих на кофейном столике. — Видите? Мы уже работаем в паре. Вы участвуете в составлении моих будущих речей. — Он вновь откинулся на спинку дивана и улыбнулся. — Такая фраза может принести тысячи долларов. Вы уверены, что ее еще никто не произносил?

— Уверен.

— Тогда ее произнесу я. А услышат миллионы.

— Вы же сказали, что она не соответствует действительности.

— Меня не назовешь любителем. Дважды избирался в палату представителей Конгресса, трижды — на пост губернатора. Но в каждой кампании все начинается с нуля. — Кэстон Уилер бросил ручку на столик. — Как бы то ни было, Уолш говорит, что вы умны, изворотливы и согласны работать задешево. В связи с последним поневоле возникает вопрос, а так ли вы умны?

— В ваших силах сделать меня умнее. Платите больше. Если вам того хочется. Мне-то без разницы.

Губернатор хмыкнул.

— Похоже, на этот раз Уолш подобрал себе подходящего партнера. Напряжение уже сказывается на нем. У него давно нет ни дня, ни часа отдыха. И его ноша куда тяжелее моей. На нем лежит организация всей кампании. Кто куда едет, ког-

да, с кем, что говорит и кому. Да еще я уволил Джеймса. От этого ему только прибавилось забот. Мне, впрочем, тоже. Полагая, вы слышали, что у нас произошло?

— Уолш мне что-то сказал, когда позвонил вчера вечером. А в аэропорту я прочел заявление для прессы и комментарии журналистов.

Губернатор погрузился.

— Я знаком с Джеймсом двадцать лет. Нет, если точнее, двадцать два года. Политический комментатор газеты моего родного города. Газета стояла за меня горой, когда я баллотировался в Конгресс, на пост губернатора. Джеймс был моим доверенным лицом. Хороший парень, кристально честный. И опыта ему не занимать. Работал в Вашингтоне. Я думал, что возьму его в свою команду, если дело дойдет до борьбы за Белый дом. И тут он подложил мне свинью. Большую свинью.

— Газеты написали, что он подал в отставку из-за расхождений в вопросах внешней политики. Что-то вы не поделили в Южной Африке.

— Пресса меня помиловала. Причина наших разногласий — не Южная Африка. Миссис Уилер. — Губернатор тяжело вздохнул. — Первую его выходку удалось замять. Я сумел обратить все в шутку. Он шепнул нескольким репортерам в баре, что миссис Уилер каждое утро тратит на макияж два с половиной часа.

— Это так?

— Нет. Разумеется, она проводит какое-то время перед зеркалом. Как и всякая женщина. Ей тоже нелегко. Каждый день появляется на людях, встречи затягиваются допоздна. А утром она снова должна быть красивой. Короче, в газетах это напечатали.

— Небось отвели душу.

— По всему выходило, что она пустая, самовлюбленная женщина. Я отшутился, сказав, что потому-то у нас на втором этаже губернаторского особняка две ванные. Чтобы эти два часа поутру я мог спокойно искать свою бритву.

— Да, получилось удачно.

— А вот на этой неделе Джеймс подвел нас серьезно. Вчера об этом было в газетах. Он сообщил прессе, что миссис Уилер в последний момент отменила визит в детский ожоговый центр, чтобы поиграть в теннис с тремя богатыми подружками.

— Это правда?

— Послушайте, как вас зовет Уолш — Флетч? — она действительно выкроила время, чтобы поиграть в теннис с сокурсницами по колледжу, которых не видела много лет, женами очень влиятельных людей этого штата. Они бы не простили, если бы она не нашла для них нескольких часов. А благодаря этой встрече мы получили столь необходимые для кампании средства.

— Временные накладки, должно быть, обычное дело.

— Естественно. И задача пресс-секретаря — заминать их, а

не выпячивать. Я убежден, что Джеймс сознательно нагадил нам.

— Да, но почему?

— Кто знает? Не буду утверждать, что он боготворит мою жену. За эти годы у них случались стычки. Но личное отношение к тому или иному человеку — это одно, а политика — совсем иное. Если жить в окружении только тех, кто тебе нравится, придется переезжать на новое место каждые десять дней. Политика — это абсолютная верность, сынок. Когда ты покупаешь человека целиком, со всеми словами, что слетают с его губ. Когда ты продаешься, полностью осознав, на что идешь. А потому продаваться надо лишь в полной уверенности, что это в твоих же интересах. Джеймс отдал двадцать два года верности за сомнительное удовольствие публично поиздеваться над моей женой.

Слушая, Флетч кружил по гостиной. Ботинок губернатора он так и не обнаружил.

— Если миссис Уилер отменяет какую-то встречу, значит, она ее отменяет, и нечего вдаваться в подробности. Я до сих пор не могу понять, как нам удастся втиснуть все намеченные мероприятия в двадцать четыре часа. Впрочем, за пару дней вы прочувствуете это на себе. — Губернатор понизил голос. — Если останетесь с нами.

— Я понимаю.

— И что вы понимаете?

— Я понимаю, что задача пресс-секретаря — постоянно красить забор вокруг особняка. Красить, и все тут. Что бы ни творилось внутри, снаружи забор должен радовать глаз.

Губернатор заулыбался.

— Вопрос в том, мистер Ай-эм Флетчер... — Он достал из кармана недокуренную сигару, чиркнул спичкой, поднес ее к кончику сигары, затянулся, выдохнул струю дыма. — Между прочим, как расшифровывается Ай-эм?

— Ирвин Морис.

— Неудивительно, что вы предпочитаете зваться Флетч. Вопрос в том, мистер Ирвин Морис «Флетч» Флетчер, так?

— Язык можно сломать, не правда ли?

— Вопрос в том... — губернатор снял с языка табачную крошку, — во что вы верите?

— В вас, — незамедлительно ответил Флетч. — И в вашу жену. И в вашу предвыборную кампанию. Вы ждали такого ответа?

— Неплохо, — кивнул губернатор. — Для начала. Почему вы хотите принять участие в этой кампании?

— Потому что Уолш попросил меня. Сказал, что я вам нужен.

— А вы как раз ушли со старой работы, но еще не поступили на новую.

— Я пишу книгу.

— У вас есть деньги, позволяющие не работать, а писать книгу?

— Есть.

— Где вы их взяли?

— Вы представить себе не можете, сколько можно скопить, отказавшись от курева.

— Что вы думаете о моей внутренней политике?

— Она требует корректив.

— Что вы думаете о моей внешней политике?

— Ей недостает свежих идей.

Губернатор широко улыбнулся.

— Черт побери, да вы идеалист. Пожалуй, вы окажете на меня благотворное влияние.

— Возможно.

Их взгляды встретились.

— У вас есть свежие идеи?

— Пока только одна.

— Какая же?

— Хранить вам верность. — Флетч улыбнулся. — Пока я не получу более выгодного предложения. В этом суть политики, не так ли?

Кэстон Уилер сбросил пепел на металлический поднос.

— Учитесь вы быстро.

ГЛАВА 4

— Где доктор Том?

— Уже поднимается к тебе.

— Мне пора спать.

Уолш Уилер вошел в «люкс» отца без стука. Он знал, отметил про себя Флетч, что дверь не заперта.

В гостиной Уолш отделил от пачки бумаг, что держал в руке, верхний листок и протянул отцу.

— Твой распорядок дня на завтра.

Губернатор препроводил листок на стол, не удостоив его и взгляда.

Два листка Уолш отдал Флетчу. Один — сверху, другой — снизу.

— Вот распорядок завтрашнего дня отца. А это — матери. Ксерокопируй их и подсунь под двери всех репортеров до шести утра. Их поселили на восьмом этаже.

— А живет там кто-нибудь помимо репортеров?

— Не знаю. Скорее всего да. Какая разница, подсунь копии под каждую дверь. Мы не держим в секрете местопребывание отца. Несколько копий можешь оставить и на регистрационной стойке. И не обдели местных газетчиков. — Уолш наполнил два бокала виски и содовой, один протянул Флетчу. — О да, в нашем автобусе есть ксерокс. Пользоваться им дозволено только тебе. — Уолш улыбнулся отцу. — Джеймс первым делом

объявил, что отрубят руку любому, кто прикоснется к его ксероксу. — Уолш пригубил виски. — Может, тебе стоит повторить его заявление.

— Незачем Флетчу идти по стопам Джеймса, — возразил губернатор. — Чтобы результат не получился тем же.

— Ксерокс и привычка не лезть за словом в карман. Необходимые атрибуты пресс-секретаря, так? — уточнил Уолш.

— Со словом у него все в порядке, — вставил губернатор.

— Понятно. — Уолш выбрал кресло под торшером, сел, положил ногу на ногу. — Пока, я вижу, вы друг друга устраиваете.

Губернатор и Флетч переглянулись.

— Не знаю, примет ли его пресса. Боюсь, своей внешностью курортника он подействует на них, как красная тряпка на быка.

Улыбаясь, Уолш посмотрел на Флетча.

— А ты как думаешь, Флетч?

— Я думаю, губернатор Какстон Уилер сможет двинуть нашу страну вперед.

— Я в это верю! — рассмеялся Уолш.

— Скажу только одно, — в какой уж раз хохотнул губернатор. — С того момента, как он зашел в мой номер, на пол вывалилось столько коровьего дерьма, что мне пришлось снять мои купленные в обычном магазине штиблеты.

Флетч переводил взгляд с отца на сына.

— А где ваши штиблеты?

Отец и сын смеялись, довольные друг другом, словно и не слыша вопроса.

Флетч сел.

— Итак, папа, твой распорядок дня на завтра. Давай пройдемся по нему. До праймери в этом штате осталось совсем ничего. У нас есть шанс победить, но мы его еще не реализовали. А потому попытаемся использовать оставшееся время с максимальной отдачей.

Губернатор обреченно взял со стола злосчастный листок. Зевнул. Сигара дотлевала в пепельнице.

— В семь сорок пять, — начал Уолш, — ты будешь у главных ворот шинного завода. Этих парней волнуют две проблемы. Во-первых, естественно, ввоз из-за рубежа дешевых шин. А во-вторых, они опасаются, что профсоюзные боссы в апреле заставят их бастовать.

— Как фамилия президента профсоюза?

— Уолмен. Между прочим, его бросила жена, и рядовые члены профсоюза полагают, что из-за этого он стал неуступчив в переговорах с администрацией.

— Понятно, — кивнул губернатор.

— В половине девятого ты пьешь кофе с Уолменом. Звать его Брюс.

Пробежав взглядом список завтрашних мероприятий, Флетч слушал. Уолш показался ему превосходным организатором предвыборной кампании. И мог без промедления ответить на

любой вопрос губернатора. «Где завтракаем?» — «В автобусе. Еду возьмем с собой из мотеля». Если готового ответа не нашлось, Уолш делал пометку в блокноте. «Сколько времени в среднем нужно семье фермера, чтобы добраться до больницы?» — «Я выясню». Если губернатор взбрыкивал, выражая несогласие с тем или иным пунктом, Уолш не настаивал на своем, но мягко подводил отца к мысли, что предложен наилучший вариант. «Что мне делать в школе Конроя в десять утра? Сколько мне говорить тебе, Уолш, ребята не голосуют. Этот час мы потратим впустую». — «Зато голосуют их родители, а также учителя и родственники. Образование и будущее детей интересует их куда больше, чем банкротство банков в Заире. Они же живут ради своих потомков». — «Я опоздаю на митинг в Уинслоу. Опять придется говорить, что я никак не мог отыскать зубную щетку?» — «Мы наняли оркестр, который будет играть до твоего приезда».

Обсуждение продолжалось, и губернатор старел на глазах, плечи его сгибались под грузом усталости.

Уолш, наоборот, блаженствовал. Ровный голос, менторский тон, целеустремленность, как у набегающего на финиш лидера забега.

После армии Уолш, конечно, изменился. Прибавил двадцать фунтов, волосы поредели. Кожа стала серой, ярко блестящие глаза всегда смотрели в одну точку, представляющую на то мгновение наибольший интерес.

— Если все пройдет нормально, в шесть вечера ты прибудешь в Фармингдейл. Мэр дает в твою честь обед. Он — один из сборщиков пожертвований на твою предвыборную кампанию, так что соберутся нужные люди.

— А что я должен делать послезавтра утром?

— Я подумал, что тебе следует почитать газеты. Подольше полежать в постели.

— Наметь на утро посещение больницы. В Фармингдейле должна быть больница. И обязательно палаты, где лежат дети с ожогами.

— Да, сэр. — Уолш что-то чиркнул в блокноте.

Губернатор потер глаза.

— Я должен еще что-то знать или на сегодня все?

Уолш глянул на Флетча.

— Ты должен кое-что не знать.

— Что именно?

— Полтора часа тому назад с крыши мотеля прыгнула женщина.

— Разбилась насмерть?

— Да.

— Сколько лет?

— Больше двадцати. Так мне передали.

— Чертовски жаль.

— Похоже, она прыгнула с крыши как раз над окнами твоего «люкса».

Губернатор повернулся к Флетчу.

— Так вот почему вы появились ко мне сегодня вечером? Проверили балкон. Дверь. — Он посмотрел на Уолша. — И телефон отключили. Вы, я вижу, работаете на пару.

— На балконе топтались люди, — вставил Флетч. — Дверь в «люкс» вы не запираете.

— Ты об этом ничего не знаешь, — напомнил Уолш.

— Знаю, — возразил губернатор. — Я слышал сирену патрульной машины. Видел отблески маячка «скорой помощи». Как я могу делать вид, что ничего не произошло?

— Наверное, она прыгнула вниз, едва ты вошел в вестибюль.

— Никто не говорил, что она прыгнула, — поправил Уолша Флетч. — Мне вот сказали, что женщина была голая, и ее избили до того, как она упала на тротуар.

— Мы ее знаем? — спросил губернатор.

Уолш пожал плечами.

— Как я понял, это политическая маркитантка. Большого выяснить мне не удалось. Нет, мы ее не знаем.

— Политическая маркитантка? — переспросил Флетч.

— Да, — кивнул Уолш. — Есть категория девиц, которая следует за командой кандидата, точно так же, как в старину маркитантки следовали за армией. Ездят из города в город, стараются останавливаться в тех же отелях. Иногда становятся весьма полезными добровольцами.

— Мы ее задействовали? — спросил губернатор.

— Нет. Доктор Том видел тело. По его мнению, она следовала за нами с неделю. Но никаких поручений ей не давали.

— Фамилия?

— Вот фамилию тебе знать ни к чему, папа. Когда репортеры будут спрашивать о ней, я хочу, чтобы ты с чистой совестью отвечал, что никогда раньше не слышал ее фамилии.

— Ладно. Можем мы что-нибудь сделать? Послать цветы...

— Ничего не нужно. Ее смерть случайно совпала с твоим нахождением в этом мотеле. И задача Флетча — убедить всех, что к предвыборной кампании эта женщина не имеет ни малейшего отношения.

— Ты же сам сказал, что она неделю путешествовала вместе с нами.

— Это твои трудности, — отрезал Уолш.

В «люкс» вошел тощий мужчина в длинном, спортивного покрою пиджаке, с черным саквояжем в руке. Он, как и Уолш, не постучал.

— Пора спать, доктор Том, — обратился к нему губернатор.

— Сейчас ляжете. Плохо, что вам не удастся спать восемь часов каждую ночь.

— Завтра посплю, — пообещал ему губернатор. — Если все пройдет по плану.

— Пошли. — Уолш дернул Флетча за рукав. — Нам есть о чем поговорить.

— Вы должны спать по восемь часов каждую ночь, — гнул

свое доктор Том. — Каждую. Если Уолш не может этого обеспечить, нам придется приглашать другого человека для организации предвыборной кампании.

— Послушай, Боб, часа в четыре я почувствовал жуткую усталость. Не мог думать. Стал повторяться.

— Понятно, — кивнул доктор Том. — Завтра после ленча я дам вам что-нибудь...

Вслед за Уолшем Флетч вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

ГЛАВА 5

— Надо занести мамин распорядок дня в ее номер, — бросил Уолш через плечо, шагая по коридору. С каменным лицом.

— Этот доктор Том постоянно сопровождает губернатора? — спросил Флетч.

— Помолчи.

Дверь в «люкс» 758 также не запиралась. Уолш, похоже, знал об этом. Они вошли в точно такую же гостиную. Позолота облупилась на тех же местах. На стене висела та же картина — шхуна под полными парусами. На сервировочном столике стояли те же бутылки, с тем же уровнем спиртного.

Только лампы горели вполне.

Уолш положил листок с распорядком завтрашнего дня на кофейный столик.

— Закрой дверь, — попросил он Флетча. — Давай присядем.

Полумрак, похоже, вполне устраивал Уолша. Он плюхнулся в кресло, в каком только что сидел в номере отца, у торшера.

— Мама прилетает из Кливленда во втором часу ночи. Так что мы можем поговорить.

— Я не знал, что твои родители живут раздельно. — И Флетч выбрал стул, стоящий на том же месте, что и в 748-м «люксе».

Уолш не отреагировал, предпочтя ответить на вопрос Флетча, заданный в коридоре.

— Да, доктор Том постоянно сопровождает нас. Его услугами пользуются кандидат и его жена, члены команды кандидата, журналисты, водители автобусов, весь обслуживающий персонал. Звенит в ушах? Обратитесь к доктору Тому. Что-то с желудком? Доктор Том вам поможет.

— Я имел в виду совсем другое, Уолш.

— Да, ты имел в виду совсем другое. — Уолш глубоко вдохнул. — Мои родители не живут раздельно. Но во время предвыборной кампании останавливаются в разных номерах, потому что у каждого свой распорядок дня. А полноценный сон для них — едва ли не самое главное. Кстати, и помогают им разные команды.

— Куда подевалось твое чувство юмора? — полюбопытствовал Флетч.

— Мне не нравятся глупые вопросы в коридоре отеля.

— Но в коридоре не было ни души. Уже половина первого.

— Все равно, нас могли подслушать.

Флетч отметил, что дверь в спальню закрыта.

— Или ты осознаешь, Флетч, о чем я толкую, или возвращаешься в Окэму, штат Флорида, и занимаешься своими делами.

— О чем же ты толкуешь, лейтенант? Объясни мне, только доходчиво.

— Верность, Флетч. Абсолютная верность. Мы участвуем в кампании, цель которой — избрание моего отца, губернатора Кэктона Уилера, президентом Соединенных Штатов. Я хочу, чтобы ты стал нашим пресс-секретарем. Многие из того, что ты увидишь и узнаешь, находясь на этой должности, вызовет вопросы. Задавать их ты будешь мне, и только когда мы окажемся вдвоем. Ты вот увидел, что доктор Том после полуночи принес в номер отца черный саквояж. И хотел спросить меня об этом в коридоре отеля.

— А такое недопустимо.

— Именно так. То, что ты увидишь и узнаешь, возможно, тебя удивит, тебе не понравится. Тебе уже достаточно лет, чтобы воспринимать мир не таким идеальным, как он представляется в розовом детстве. Совершенства не найти нигде и ни в чем. Если такое случится, твое дело — молчать в тряпочку.

— То есть, если твоя мать отменяет визит в ожоговый центр, чтобы поиграть в теннис с тремя...

— Ты не должен указывать на это прессе. Если же пресса до этого докопается, ты обязан найти удобоваримое объяснение.

— Уолш, мне бы не хотелось прерывать твой монолог, но все это я уже знаю. Более того, согласен почти со всем.

— И ты должен следить за своими шутками. Америка желает укладываться спать, думая, что кандидат и его жена делают то же самое: спорят, кому первому идти в ванную, чтобы почистить зубы и принять душ, читают при свете общего бра, желают друг другу спокойной ночи. Логика требует, чтобы они спали в отдельных номерах, но простой избиратель этого не приемлет. Образ кандидата должен быть безупречен. А так у некоторых возникают подозрения, что отдельный номер позволяет отцу проводить ночь в обществе других женщин, а в больном мозгу подозрения могут трансформироваться в убежденность, что так оно и есть на самом деле.

— Я же пошутил. Наедине с тобой.

— Видишь ли, Флетч, образ и реальность всегда разнятся.

— Правда?

— Мы пытаемся создать образ единения губернатора и его жены. Они вместе ведут предвыборную кампанию, поспевают всюду, произносят речи, дают интервью, гладят детей по голове, переезжают из города в город, но при этом живут, едят, спят, как обычные люди. Конечно, в действительности все иначе. Такое просто невозможно.

— Доктор Том может манипулировать твоим отцом с помощью таблеток. Уколов. Или чего-то еще?

— Доктор Том помогает отцу засыпать каждый вечер, будит его каждое утро, дает стимуляторы днем. Это реалити предвыборной кампании. И делается это на самом высоком научном уровне под полным медицинским контролем.

— А на твоего отца это никак не влияет?

— Разумеется, влияет. Пилули позволяют ему вести предвыборную кампанию. Выкладываться до конца, выдерживать нечеловеческие нагрузки.

— Что бы мы делали без химии!

— Возьми человека восемнадцатого столетия. Заставь летать чуть ли не со скоростью звука. Протащи через толпу орущих людей, жаждущих пожать ему руку, причем в кармане любого может оказаться нож или пистолет. Посади перед телекамерой, чтобы он говорил с двухсотпятидесятитысячной аудиторией, когда взвешивается каждое слово, оценивается любая перемена в лице. И так изо дня в день, в течение месяцев. И посмотри, что с ним будет. А человеческая конституция с той поры практически не изменилась, ты же знаешь.

— А как же ты, Уолш?

— А что я?

— Твой отец сказал мне, что на твою долю выпадает куда большая нагрузка.

— Я моложе.

— Доктор Том пользуется и тобой?

— Нет. — Уолш смотрел в пол. — Я справляюсь сам. Что еще ты не можешь принять?

— Эту женщину, Уолш.

— А что насчет нее?

— Вполне возможно, что ее выбросили с балкона «люкса» твоего отца. Снег на балконе вытоптан. Часть поручня очищена. Кроме того, входные двери в номера твоих родителей не запираются.

— К чему ты ведешь?

— Это самоубийство? Или насильственная смерть?

— Тебе известно, сколько людей ежедневно умирает из-за плохих правительств?

— Я бы сказал, сотни.

— А я думаю, гораздо больше. Так может ли смерть ничем не примечательной женщины помешать потенциально великому президенту войти в Белый дом?

— А местная полиция? Она не будет вести расследование?

— Уже все улажено. Мэр сам нашел меня в баре. Высказал надежду, что это прискорбное происшествие не отразится на ходе предвыборной кампании и не расстроит кандидата и его команду. Попросил сразу обращаться к нему, если полиция будет докучать нам.

— Ты серьезно?

— Я сказал ему, что со всеми вопросами, у кого бы они ни возникали, следует обращаться к Барри Хайнсу.

Флетч закатил глаза.

— Похоже, в президентской кампании все идет не так, как в реальной жизни.

— Откровенно говоря, мне показалось, что мэр встревожен куда больше нас. Вокруг кишмя кишат корреспонденты самых читаемых газет, а тут убийство в его родном городе, о котором может узнать вся страна. Можно представить себе, как потускнеет образ его «малой родины», если Америка впервые услышит о существовании вверенного ему города лишь благодаря совершенному в нем убийству.

— Эти политические репортеры понятия не имеют, как писать об убийствах, — ввернул Флетч. — Они — узкие специалисты. И убийство интересует их не более боксерского поединка. Они не способны пасть так низко, чтобы удостоить его своим вниманием.

— Тут ты прав.

— Если б кого убили прямо в автобусе прессы, и то они позвали бы криминальных репортеров. Об убийстве они напишут не лучше, чем первый попавшийся на улице человек. Потому-то я и не могу взять в толк, с какой стати нас сопровождает один криминальный репортер.

— Кто именно? — без всякого интереса спросил Уолш.

— Фредерика Эрбатнот. «Ньюс уорлд».

— Завтра на рассвете, — продолжил Уолш, — мы уедем из этого города и, возможно, никогда более не появимся здесь. Пожелаем же удачи местной полиции. Надеюсь, они раскроют и это преступление. Но я не хочу, чтобы расследование причин смерти этой женщины хоть как-то затронуло предвыборную кампанию. Развести одно с другим — вопрос техники, и я думаю, нам это по силам. — Уолш потянулся. — Хватит об этом. Слишком мелкий вопрос. А главное, о чем я уже говорил, в том, что ты должен идти с нами до конца, раз уж пошел.

— Почему ты вообще обратился ко мне?

— У тебя большой опыт общения с прессой, Флетч.

— Я сотрудничал во многих газетах.

— Ты знаешь, как работают журналисты.

— Пашут по-черному.

— Как они думают.

— Соображают медленно, но в конце концов добираются до сути.

— Отметка девятнадцать-восемнадцать, Флетч.

— Девятнадцать что?

Уолш уставился в ковер. Губы его изогнулись в улыбке, но лицо побледнело.

— Нас осталось двенадцать. Во вражеском окружении. Они знали, что нас мало, и готовились покончить с нами.

— Ты собираешься рассказать мне солдатскую байку?

— Многие сотни окружали нас. Мы могли зарыться в землю и держаться до последнего. Или пойти на прорыв и погибнуть в рукопашной.

— Война есть...

— А вот ты, Флетч, не позволил своему лейтенанту принять одно из этих очевидных решений. Ты спорил со мной. Пока до меня не дошел смысл твоих слов.

— Мне и теперь нелегко убедить в чем-либо властей предрешающих.

— С твоей подачи мы вскарабкались на деревья и привязали себя к ветвям. Три дня провисели на этих чертовых деревьях.

— Кажется, чертовски проголодались.

— Лучше голодать, чем умереть с собственными яйцами во рту.

— Тебе же хватило решительности принять мое предложение, Уолш.

— Я перепугался до смерти. Не мог думать. Враги бродили внизу. Даже начали стрелять друг в друга. Потом унесли покойников. Они и представить себе не могли, что американцы влезут на деревья.

— Я спасал и свою жизнь.

— Твой приятель... как его звали, Чамберс? Ты с ним видишься?

— Олстон Чамберс. Да. Мы часто болтаем по телефону. Он — прокурор в Калифорнии.

— Ты знаешь, как найти выход из критической ситуации. А президентская кампания — сплошной кризис.

Флетч взглянул на часы.

— Уже поздно.

— Я хочу дать тебе документы, с которыми надо ознакомиться до утра. А что бы ты делал сейчас дома?

— Наверное, слушал бы Серхио Хуэвеса.

— О да. Кубинский барабанщик.

— Арфист. Из Парагвая.

— Парагвайский арфист?

— Ты никогда его не слушал.

— Я вообще не слышал, как играют на арфе.

— Ты многое потерял.

Уолш вздохнул.

Быстрым шагом Дорис Уилер пересекла гостиную. В длинном сером халате. С рассыпавшимися по плечам белокурыми волосами.

Флетч не ожидал, что Дорис Уилер — такая крупная женщина. На экране телевизора она казалась мельче, возможно, потому, что всегда стояла рядом с губернатором, двухметровым гигантом. Дорис отличали не только рост, но и ширина плеч.

Флетч встал.

— Занес тебе программу завтрашнего дня. — Уолш указал на листок бумаги на кофейном столике. — А почему ты так рано прилетела из Кливленда?

— Попросила Салли взять билет на более ранний рейс. Ушла после первого отделения симфонического концерта. — Уолш не поднялся с кресла. Взгляд Дорис скользнул по воротнику рубашки Флетча. — Кто это?

— Флетчер. Наш новый пресс-секретарь. Ввожу его в курс дел.

— Почему вы беседуете глубокой ночью?

— Вспоминаем былые дни. Давно не виделись. Не так ли, Флетч?

Дорис наклонилась над сыном. Поцеловала в губы.

— Уолш, ты пил!

— Пришлось провести какое-то время в баре. У нас происшествие. Эта женщина...

Дорис отвесила сыну крепкую затрещину. Ее раскрытая ладонь более всего напоминала лопату.

— Что мне женщина, Уолш? А вот того, что от тебя разит спиртным, я не потерплю. — Уолш не пошевелился, даже не посмотрел на нее. — Нельзя допустить, чтобы из-за такой вот мелочи отца не избрали президентом Соединенных Штатов.

Она пересекла гостиную в обратном направлении.

— А теперь идите спать.

Дверь спальни захлопнулась.

Лицо Уолша заливала краска двух цветов. Темно-красная — отметина от оплеухи и пунцовая — за ее пределами.

Он не отрывал глаз от лежащих на коленях бумаг.

— Я рад, что загодя прочел тебе лекцию о верности, — наконец выдал из себя Уолш.

ГЛАВА 6

— Доброе утро, пресс-дамы и пресс-господа, — добродушно пробасил губернатор Кэкстон Уилер, войдя в автобус, в котором ехали журналисты.

— Пресс-мужчины и пресс-женщины, — поправил его мужской голос с заднего сиденья.

— Женщины и мужчины, — уточнила женщина, сидевшая рядом с Фредди Эрбатнот.

— Может, труженики пера, — предложил губернатор.

Флетч стоял рядом с ним. В половине седьмого утра Кэкстон Уилер выглядел подтянутым, загорелым, отлично отдохнувшим. Микрофоном, подключенным к системе громкой связи автобуса, он не пользовался.

— Не забудьте фотографов, — вставил Рой Филби, представляющий фототелеграфное агентство. — Мы тоже труженики.

— К тому же пользуетесь всеобщим уважением. — Лицо губернатора расплылось в улыбке.

— Вы охватили всех, за исключением Эрбатнот! — воскликнул Джо Холл.

— И всех тварей, больших и малых? — полюбопытствовал губернатор.

— Уж не полагает ли этот мужчина, что имеет дело с животными? Или он пытается баллотироваться на пост егеря?

— А теперь позвольте представить вам вашего коллегу...

— Это вряд ли, — возразила ему Фредерика Эрбатнот.

— ...Ай-эм Флетчер, прошу любить и жаловать.

— Политики могут сказать что угодно *, — пробурчал Айра Лейпин.

— Мы наняли его, чтобы было кому раздавать раз пресс-релизы, отвечать на все ваши вопросы, не беря за это ни цента, чего бы эти вопросы ни касались, и говорить за меня то, что я не могу вымолвить сам, не покраснев.

— Он же преступник, — процедил мужчина со значком «Дейли госпел» **.

— Я понимаю, что кое-кому из вас будет не доставать старины Джеймса. — На лице губернатора отразилась печаль. Глядя на его профиль, Флетч отметил, что губернатор слишком уж явно отсчитывает секунды, скорбя об ушедшем соратнике.

Затем на его губах вновь заиграла улыбка.

— Как вы все знаете, старина Джеймс решил подыскать себе такую работу, где не надо спорить.

— Да, — повернул Ленсинг Сэйер. — Когда все идут на теннисный корт, Джеймс тоже должен играть в теннис.

— Итак, — шея губернатора покраснела, — я оставляю вам Флетча. — Уолш заранее предупредил Флетча, что тот поедет в автобусе прессы. — Пожалуйста, не съешьте его живьем. На ленч я распоряжусь подать вам что-нибудь повкуснее.

— Эй, губернатор, — прокричал Джо Холл, — что вы можете сказать о вчерашнем заявлении президента по Южной Африке?

Помахав на прощание рукой, Кэкстон Уилер вышел из автобуса.

Флетч взял микрофон. Водитель включил систему громкой связи.

— Доброе утро. Как пресс-секретарь губернатора, я торжественно обещаю никогда не лгать вам. Сегодня на этом автобусе мы проследуем через Майами, Новый Орлеан, Даллас, Нью-Йорк и Кеоук, что в штате Айова. Как обычно, в полдень мы полетим на ленч в Сан-Франциско. Меню на сегодня: суп из мидий, жареный фазан и клубничный мусс. А все, сказанное губернатором этим утром, на злобу дня, дышит мудростью и не затерто, как старый шлепанец.

— К тому же пошел снег, — прервала его Фенелла Бейкер, протерев запотевшее стекло.

Тем временем Дорис Уилер садилась в черный «седан». Автобусы с прессой и командой губернатора ехали на юго-запад, жена губернатора — на север штата. Предвыборная кампания стремительно накатывала на промежуточный финиш.

— Если у вас есть ко мне вопросы, запишите их на листочке и предложите вашим издателям в качестве загадки.

* Так как губернатор говорит по-английски, его последняя фраза звучит: «Я — Флетчер, прошу...»

** «Ежедневная проповедь».

— Флетч, вы действительно преступник? — спросил Рой Филби.

— Нет, но, ежели у кого из вас кончатся деньги, обратитесь ко мне, и я свяжу вас с людьми, которые с радостью ссудят их вам. Под скромные двадцать процентов в день.

— О, так вы работаете и на кредитную компанию?

— Это правда, что вы спасли жизнь Уолшу Уилеру? — спросила Фенелла Бейкер.

— И еще одно, — продолжил Флетч. — Я никогда не буду увиливать от ответа на ваши вопросы.

Он выключил микрофон и положил его в углубление на приборном щитке.

ГЛАВА 7

— И каково вам в шкуре противника прессы? — улыбаясь, спросила со своего места Фредерика Эрбатнот.

— Некоторые полагают, что это мое естество.

— Бетси Гинзберг, — представила Фредди свою соседку, миловидную, чуткую полноватую молодую женщину с блестящими глазами.

— У вас потрясающие статьи, — улыбнулся ей Флетч. — Я, правда, не прочел ни строчки, но решил говорить журналистам только приятное.

Бетси рассмеялась. Заревел дизельный двигатель. Шуму от него было, что от самолета на взлете. Автобус плавно тронулся с места.

Фредди подтолкнула Бетси локтем.

— Пересядь. Позволь мне первой вонзить зубы в нового пресс-секретаря.

— Это предлог, а на самом деле ты выгоняешь меня, потому что он такой симпатяга.

Бетси пересела.

— Правда? А я и не заметила.

Флетч плюхнулся в освободившееся кресло.

— Едва ли мне удастся стать добропорядочным членом общества. Для меня это внове.

Уже глубокой ночью, сняв ксерокопии и подсунув их под двери номеров на восьмом этаже, Флетч принял душ и забрался в кровать со всеми папками, полученными от Уолша. В одной он нашел тезисы программы кандидата, его точку зрения по основным вопросам внутренней и внешней политики. По некоторым позиция была ясной и четкой, по другим — столь расплывчатой и туманной, что Флетчу приходилось по два-три раза перечитывать текст, чтобы понять, чего же будет добиваться кандидат. Далее Флетч перешел к кратким биографическим данным каждого из команды кандидата. Имелась и папка, пусть и разрозненная, информация по освещающим предвыборную кампанию журналистам. Фотографии, сведения о род-

ственников, политические воззрения, наиболее известные статьи. Флетч так и заснул, обложенный папками. Разбудил его телефонный звонок...

— Мне уже прочитали две лекции об абсолютной верности, — продолжил Флетч под шуршание шин по асфальту.

— А вы ожидали чего-то иного? — удивилась Фредди.

Флетч на мгновение задумался.

— Я не верю в абсолюты.

— Позиция у вас незавидная, с этим я согласна, — кивнула Фредди. — Между молотом и наковальней. Как репортер, вы обучены добывать новости и доносить их до читателя. Как пресс-секретарь, вы обязаны препятствовать другим репортерам узнавать то, что знать им не положено. Идти супротив прессы. Переламывать себя. Бедный Флетч.

— Благодарю за сочувствие.

— Победителем вам не выйти.

— Я знаю.

— Тогда все в порядке. — Она похлопала Флетча по руке. — Я уничтожу вас совершенно безболезненно.

— Отлично. Я ценю вашу заботу. Но вы уверены, что вам это по силам?

— Что?

— Уничтожить меня.

— Так это не составит труда. Благодаря вашим же внутренним конфликтам. Вы никогда не пытались вписаться в общество, Флетч. Давайте смотреть правде в глаза, вы — прирожденный бунтарь.

— Готовясь занять эту должность, я купил галстук.

Фредди повернулась, чтобы взглянуть на его новый красный галстук.

— Приобрел его в аэропорту Литтл-Рок.

— Ограниченный выбор?

— Мне предложили пять или шесть.

— И этот был лучшим?

— Мне так показалось.

— Вы купили только один галстук, так?

— Я же не знал, сколь долго придется мне работать пресс-секретарем.

— Что ж, порадуемся, что ваши инвестиции в новое дело невелики. Так что вы хотите мне сказать насчет вчерашнего вечера?

— А что тут говорить? Я проводил вас до номера, чтобы вы захлопнули дверь перед моим носом.

— Пршлым вечером на тротуаре под окнами кандидата нашли мертвую женщину. Разве вы не читаете газеты?

— Читаю. Сегодня тема номер один — потасовка болельщиков на хоккейном матче между...

— К черту сегодняшнюю тему, — оборвала его Фредди. — Меня интересует, о чем напишут на первой полосе завтра.

— О том, как жестоко обошлась полиция с драчунами.

Фредди отвернулась к окну и заговорила со своим отражением.

— Этот пресс-секретарь полагает, что ему удастся ничего не сказать о молодой женщине, которую выбросили на мостовую из окна спальни губернатора.

— Перестаньте, Фредди. Я действительно ничего не знаю.

— Должны знать.

— Я обратил внимание, что никто из вас не спросил о ней губернатора, когда он заходил в автобус.

— На данной стадии расследования задавать подобные вопросы нелепо.

— Естественно.

— Во всяком случае, ему.

— А мне можно?

— Такова доля пресс-секретаря.

— Фредди, мне известно лишь то, что я слышал в утреннем выпуске новостей по Ти-Ви. Ее звали Элис Элизабет Филдз...

— Шилдз.

— Около тридцати лет.

— Двадцать восемь.

— Из Чикаго.

— Тут вы не ошиблись.

— На асфальт она упала головой. Ее жестоко избили перед тем, как выбросили из окна.

— Но не изнасиловали, — уточнила Фредди. — Странно, не правда ли?

— Ужасная история. Мурашки бегут по коже.

Два больших автобуса мчались по шоссе сквозь падающий снег. За ними следовали несколько легковушек с добровольцами и два микроавтобуса телевизионщиков.

— Кстати, Флетч, вполне возможно, что упала она с балкона «люкса» губернатора.

— Возможно, — кивнул Флетч. — В «люксе» губернатора собирались журналисты и члены его команды. Выпивали, беседовали. Мне к тому же известно, что входная дверь «люкса» не запирается.

— Понятно. Вижу, вы со мной откровенны.

— Я знаю, что вы не опубликуете рассуждения безответственных лиц.

— И... — Фредди вздохнула, — ...последнюю неделю эта женщина переезжала из города в город вместе с командой губернатора.

— Не с командой. Просто следовала за ней. Она из породы политических маркитанок. В предвыборной кампании она никакого участия не принимала.

— Вроде бы да. Я узнала ее, когда увидела фотографию в утреннем выпуске «Курьера».

— Вы говорили с ней?

— Два или три дня тому назад. В каком городе, не помню. Мы обе решили поплавать в бассейне мотеля. Я сказала: «Привет». Она ответила: «Привет». А когда я вылезла из воды, она уже ушла.

— И какое у вас сложилось о ней впечатление?

— Скормница. Думаю, она хотела бы помочь, но не знала, как и к кому подойти, чтобы ее зачислили добровольцем или дали какое-нибудь разовое поручение.

— А не могла она быть обычной проституткой?

— Исключено. Впрочем, об этом лучше спросить мужчин.

— Я спрошу. — Внезапно Флетчу захотелось кофе. — Локальное происшествие. И расследование будет вести местная полиция. Кто-то сказал мне, что она упала на тротуар, едва губернатор вошел в мотель. То ли был еще в вестибюле, то ли поднимался на лифте.

— Можно и это процитировать?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что я не знаю, что говорю.

— Точнее и не скажешь.

— Учитывая мою откровенность, признайтесь, в чем истинная причина вашего появления здесь? Почему Фредерика Эрбатнот, криминальный репортер «Ньюс уорлд», специалист по преступлениям, главным образом убийствам, освещает предвыборную кампанию губернатора Кэкстона Уилера?

— А вы уже пытались это выяснить?

— Кроме вас, обращаться мне не к кому.

— Ответ прост: совершенно убийство.

— Женщину убили после вашего прибытия, мисс Эрбатнот. Даже вам, пусть и блестящему репортеру, не под силу предугадывать за неделю, что в таком-то городе в такой-то день и час в таком-то месте убьют человека.

— О, дорогой, — всплеснула руками Фредди. — Вы же ничего не знаете. — Она наклонилась вперед и начала шарить рукой в спортивной сумке, стоявшей на полу. — Конечно, не знаете. — Рука вынырнула из сумки с разлезавшейся на листы записной книжкой. Из нее Фредди достала газетную вырезку. Протянула Флетчу. — Почти неделю тому назад. Еще одно убийство. Очень схожее.

Флетч прочитал заметку из «Чикаго сан-таймс».

«Служащие отеля «Харрис» этим утром нашли тело женщины в служебном помещении, примыкающем к банкетному залу. По сведениям полиции, женщину жестоко избили, лицо и верхняя часть тела в кровоподтеках и синяках, а затем задушили.

Предыдущим вечером в банкетном зале давался прием в честь журналистов, освещающих предвыборную кампанию губернатора Кэкстона Уилера.

Женщина, примерно тридцати лет, в зеленом вечернем платье

и в туфлях на высоком каблуке, не имела при себе никаких документов. Ее личность еще не установлена».

Желание выпить кофе стало еще более острым. Флетч вернул вырезку.

— Ох уж эта пресса. — Он покачал головой. — Как вы наткнулись на нее?

— Вы просто не представляете себе, какая теперь в «Ньюс уорлд» электроника. — Фредди убрала вырезку в записную книжку, последнюю положила в спортивную сумку.

— Последнее слово техники?

— Эти машины сами выключаются, предварительно пожелав друг другу спокойной ночи.

— Это уже перебор.

Фредди вновь наклонилась над сумкой, решив, что самое время навести порядок в ее внутренностях.

— Будьте вежливы со стоящим на вашем столе компьютером. Вдруг он передает информацию своему собрату в Национальную федерацию труда.

— Нами правят машины.

Фредди откинулась на спинку сиденья.

— Будут править наверняка. Так они, по крайней мере, говорят. А они не ошибаются, не так ли?

— Совершенно верно. Фредди, а что еще выяснила полиция Чикаго?

— Утром я говорила со своим приятелем, Сэмом Баком. Личность женщины до сих пор не установлена.

— Отпечатки пальцев на шее?

— Ее задушили шнуром.

— Понятно. Полиция отправила кого-то из детективов вслед команде Уилера?

— Это невозможно. Разные территории. Они обязаны ограничить расследование рамками своего участка. А потому вплотную занялись служащими отеля.

Флетч глянул вдоль кресел. Большинство журналистов читали. Один мужчина выставил ногу в проход.

— Держу пари, среди служащих отеля «Харрис» убийцу им не найти.

— Полностью с вами согласна. Я сообщила Баку подробности вчерашнего убийства.

— Теперь-то они кого-нибудь пришлют.

— Он говорит, что в этих убийствах не чувствуется одного почерка.

— Двух женщин жестоко избивают, а потом лишают жизни. По-моему, сходство налицо.

— Одна — одетая, вторая — голая. Одну задушили, вторую выкинули из окна. Душителю редко прибегают к другому методу.

— Женщину в Чикаго изнасиловали?

— Нет.

Через проход, на ряд впереди, сидел плотный мужчина в по-

лушубке. Смотрел он прямо перед собой. Лупоглазое, ничего не выражающее лицо придавало ему сходство с лягушкой.

— Фредди, скорее всего убийца сейчас едет с нами.

— Именно это предположение, старик, и привело меня сюда. Вся информация, которую я передаю о ходе предвыборной кампании, не более чем прикрытие.

Флетч кивнул в сторону лупоглазого.

— Это русский?

— Салов, — подтвердила Фредди. — Корреспондент «Правды». Освещает предвыборную кампанию. Кремль желает знать, с кем ему придется иметь дело в недалеком будущем. Америка — удивительно свободная страна.

— У него всегда такой взгляд?

— Всегда ли, не знаю. Но здесь — да. Он зачарован.

— Чем же?

— Он узнал о существовании неких каналов американского кабельного телевидения. Порнографических. И смотрит их ночи напролет. Не выходит из своего номера. С самого первого вечера в Штатах.

— Может, он перевозбудился до такой степени, что способен избить женщину до смерти?

— О, только не Борис. Насколько мне известно, он написал несколько статей о моральной деградации Америки. Он думает, что мы все смотрим только эти программы.

— То есть вы полагаете, что на женщин он бросаться не будет?

— Я в этом уверена.

Рой Филби остановился у кресла Флетча.

— Эй, Флетч, пора бы раздать нам материалы по ночному убийству.

На горизонте показалась громада шинного завода.

— У вас в последнее время превосходные статьи, Рой.

Тот рассмеялся и хлопнул Флетча по плечу.

— Ты закатываешь веселые вечеринки, Флетч. Пригласил бы меня на одну.

— Последнюю вечеринку я устраивал в Кей-Уэст, — ответил Флетч.

Рой проследовал в конец автобуса, к туалету.

— А если допустить, что эти убийства — совпадения?

— Допустить можно. Но вероятность ничтожно мала.

— Я все же на это надеюсь.

Фредди изучающе взглядела в лицо Флетча.

— Вам нравится новая работа?

— Не слишком. Знаете, Фредди, в этом деле мы не должны быть соперниками. Рассказывайте мне все, что узнаете.

— Согласна, но того же я жду и от вас.

— Хорошо. Я постараюсь.

— Но вы понимаете, Флетч, что придет день, когда я все это опубликую.

— Конечно. Но я знаю и другое. Вы передадите статью в ре-

дакцию, лишь выяснив все до конца. Мне не нравятся люди, избивающие женщин.

Автобус начал притормаживать. На крыше заводского корпуса блестела здоровенная металлическая пина.

— Так каков итог нашей беседы? — решила подвести черту Фредди.

— Ваша работа — собирать информацию. Моя — оберегать кандидата. Если убийца — журналист, кандидату на это наплевать. Журналистам посылают печатные издания, он их не выбирает. Если убийца — доброволец... — Флетч запнулся, уставившись на свои колени. — И тут ничего страшного. Кандидат не обязан знать, кого приглашают его помощники. Если убийца входит в его команду, это плохо, очень плохо. Ибо означает, что кандидат не разбирается в людях. Реакцию избирателей предугадать несложно: «Если он поручает такому человеку ведение предвыборной кампании, можно представить себе, кого он назначит министром обороны».

Фредди все еще не отрывала глаз от лица Флетча.

— А если убийца — сам кандидат?

Флетч по-прежнему не поднимал головы.

— Тогда вы станете автором сенсации.

ГЛАВА 8

К тому времени, как Флетч вылез из автобуса, нос губернатора уже покраснел от холода. Дул северо-западный ветер, и за ночь навалило не меньше дюйма снега. В сложенном из красного кирпича заводском корпусе горел свет. Губернатор стоял у главных ворот, пожимая руку всем желающим. В куртке из толстой шерсти в красно-черную клетку и черных башмаках на каучуковой подошве. Рабочим, пожимавшим ему руку, губернатор говорил: «Доброе утро, надеюсь, дома у вас полный порядок? Дайте мне шанс стать вашим президентом, хорошо?» Рабочие отвечали: «Доброе утро, губернатор». — «Позаботьтесь о создании новых рабочих мест, ладно? Мой брат уже два года не может найти работу». — «Я всем сердцем за вас. А моя тетушка ведет кампанию за ваше избрание в Шриве». — «Эй, скажите Уолмену, что забастовка нам не нужна». Некоторые не пожимали губернатору руку, но, проходя мимо, говорили: «Как дела, Кэкстон? Удачи вам». — «Надеемся на вашу победу». Кое-кто от смущения не решался ни подать руки, ни сказать хоть слово. Были и такие, кто сердито смотрел на него.

В десяти метрах от губернатора, достаточно близко, чтобы все видеть и слышать, топтались репортеры. С губернатора они не сводили глаз, дабы не пропустить момента, когда его застрелят, или с ним случится сердечный приступ, или он сподобится на какой-то неприличный поступок.

Стоящий у заводских ворот губернатор казался как никогда

одиноким. Никого рядом с ним не было, ни жены, ни Уолша, ни референтов, ни добровольцев.

Команда кандидата расположилась в теплом, хорошо освещенном автобусе.

— Где мы забираем конгрессмена? — спросил Ли Оллен Парк, что-то втолковывавший двум женщинам-добровольцам, тридцати и шестидесяти лет.

— В школе. — Уолш, в рубашке с короткими рукавами, оглядывал автобусный салон, словно учитель — класс, желая убедиться, что все ученики при деле.

Ознакомившись с содержимым папок, Флетч уже мог определить, кто есть кто.

За маленьким столиком вели неспешную дискуссию Фил Нолтинг и Пол Добсон, авторы всех речей губернатора. По ходу они вычерчивали только им понятные линии на лежащем на столике единственном листке бумаги, словно два архитектора, проектирующие здание.

Барри Хайнс, руководитель группы связи, сидел на вращающемся стуле с телефонной трубкой у уха.

Три женщины печатали у раскладных столиков, выстроившихся вдоль боковой стены салона.

Утренние газеты валялись на полу.

Доктора Тома в переднем салоне Флетч не узрел.

Не успел Флетч подойти к Уолшу, как тот воскликнул: «Вы все знаете Флетча!»

Никто, однако, не знал. А потому вслед за выкриком все, как один, повернулись к Флетчу, после чего продолжили прерванные занятия. Теперь они его знали.

— Эй, Уолш! — Барри Хайнс оторвался от телефона. — Вик Роббинс — организатор предвыборной кампании Аптона?

— Да. Что с ним?

— Его автомобиль только что слетел с моста в Пенсильвании. В реку Саскьюенна.

— Погиб?

— Если только не сидел за рулем в акваланге.

— Запросите, пожалуйста, подтверждение, — подал голос Флетч. — От полиции штата Пенсильвания.

Барри Хайнс склонился над телефоном.

Уолш коснулся плеча ближайшей к нему машинистки. Та тут же вытащила из каретки лист, на котором печатала, и вставила чистый.

Уолш начал диктовать.

— Узнав о трагической смерти Виктора Роббинса, губернатор Кэкстон Уилер сказал: «Никто не понимал сути американской политики лучше Виктора Роббинса. Миссис Уилер и я приносим глубочайшие соболезнования семье Вика и его друзьям, число которых — легион. Я и моя команда сделаем все возможное, чтобы помочь сенатору Аптону и его помощникам пережить столь серьезную потерю».

— Да, он мертв, — подтвердил Хайнс.

Уолш взял у машинистки отпечатанное заявление для прессы и протянул Флетчу.

— Почему я должен работать за тебя? — Он улыбнулся. — Немедленно размножь и раздай, пожалуйста, журналистам.

— Должен Кэксон упомянуть о смерти Роббинса, выступая в Уинслоу? — спросил Пол Добсон.

— Нет. — Уолш потер шею. — Теперь вся свободная пресса Пенсильвании в кармане у Алтона. Ну почему Роббинс не слетел с моста в штате поменьше? К примеру, в Южной Дакоте.

— Эти организаторы предвыборных кампаний готовы на все ради лишнего заголовка в газете, — ввернул Фил Нолтинг.

— Да, да, — покивал Добсон. — Давайте предложим Уилли сделать то же самое в Калифорнии. Тоже большой штат. И мостов там хватает.

— И газетчики очень шустрые, — подхватил Нолтинг. — А погода лучше.

Флетч стоял у ксерокса, копируя пресс-релиз о смерти Виктора Роббинса.

Заревел заводской гудок. Через запотевшее окно Флетч увидел, как губернатор повернулся и прошел в ворота.

— Куда он идет? — спросил Флетч.

Репортеры потянулись к автобусу.

— Выпить кофе с профсоюзным лидером, — ответил Уолш, даже не посмотрев в окно. — Как там его фамилия... Уолмен. Вместе с ним будет пить кофе и администрация.

— Кофе, кофе, — пробурчал широкоплечий мужчина, появившийся из двери в дальнем торце салона. — Кофе ему вреден.

— Ты знаком с Шустриком Грасселли? — спросил Уолш. — Это Флетчер, Шустрик. — Здоровяк крепко пожал руку Флетча. — Личный шофер отца.

— И друг, — добавил Шустрик.

— Без Шустрика он никуда, — подтвердил Уолш.

На что здоровяк пробасил:

— Именно так.

— Рад с вами познакомиться, — улыбнулся Флетч и осторожно протиснулся к выходу мимо Ли Оллена Парка, продолжавшего наставлять добровольцев.

— Конгрессмен должен чувствовать себя как дома, понимаете? В какое бы время он ни появился в автобусе, держите наготове бокал шотландского с содовой. Если он не захочет выпить, то сам скажет об этом.

Репортеры столпились у лесенки в автобус.

— Где заявление для прессы? — спросила за всех Фенелла Бейкер.

— Какое заявление? — деланно удивился Флетч.

— Заявление губернатора в связи с трагической гибелью Вика Роббинса. — Фенелла устала на листки в руке Флетча. — Идиот.

— Как вы узнали о гибели Роббинса? — спросил Флетч. — Не прошло и трех минут, как нам сообщали об этом.

— Давай сюда это чертово заявление! — взревел Билл Дикманн. — Меня ждет телефон!

— Вы же знаете, что губернатор не мог сделать никакого заявления, — тянул резину Флетч. — Он же на фабрике.

— Он что, издевается над нами? — проорал Айра Лейпин.

— Нет, — покачал головой Флетч. — Вот заявление. — Он попытался раздать листки, но их у него вырвали.

— Тебя-то я перегоню, — радостно пообещал Билл Дикманн Бетси Гинзберг.

— Если тебе в задницу будет дуть сильный ветер, — огрызнулась Бетси.

— Да вам в головы, похоже, вживлены антенны, — пробормотал Флетч.

Эндрю Эсти просмотрел заявление, повернулся к Флетчу.

— А религиозное утешение? В заявлении об этом ни слова! — Значок «Дейли госпел» он носил и на пальто.

— О Боже! — простонал Флетч.

Преодолевав ветер и снег, репортеры ринулись к телефонным аппаратам в административном корпусе.

Все, за исключением Фредди Эрбатнот. Та, улыбаясь, осталась у автобуса.

— Читателям «Ньюс уорлд» это не интересно? — полюбопытствовал Флетч.

— Я уже все передала. Обычно такие заявления состоят из трех частей. Дань уважения профессиональным достоинствам усопшего. Соболезнования семье и друзьям. И обещание помощи конкурирующей команде. Я ничего не упустила?

К заводским воротам подкатило грязное дребезжащее такси. Флетч подумал, что поездка из города влетела пассажиру в приличную сумму.

— Прямо-таки банда дикарей. Требовать заявление губернатора в связи со смертью Роббинса, прекрасно зная, что губернатор понятия не имеет о случившемся.

Из кабины вылез мужчина. Вытащил чемодан. Зажав в руке деньги, заспорил с водителем.

— Кто это? — спросил Флетч.

Фредди обернулась.

— Это дурные новости. К нам пожаловал сам мистер Дурные Новости, — она посмотрела на Флетча. — Мистер Майкл Джи Хэнреган, грязное пятно на чистой совести журналистики, ведущий специалист по лжи и гнусным инсинуациям, автор скандальной газетенки, выходящей под названием «Ньюсбилл».

С чемоданом в одной руке и портативной пишущей машинкой в другой, с развевающимися на ветру полами пальто, мужчина направился к автобусам. Водитель что-то прокричал ему вслед.

— Так это Хэнреган. Я надеялся, что нам не доведется встретиться.

Хэнреган обернулся и плюнул в сторону водителя.

— Я думал, Мэри Райс освещает предвыборную кампанию для «Ньюс билл».

— Мэри — мышка, — пояснила Фредди. — Хэнреган — крыса.

— Привет, Эрбатнот. — Хэнреган даже не кивнул Фредди, лишь искоса глянул на нее. — В последнее время удалось потрахаться с козлами?

— Как приятно засвидетельствовать вашу физическую и моральную деградацию, Хэнреган, — отпарировала Фредди. — Сколько часов жизни дают вам сейчас врачи?

Хэнреган не выпускал из рук ни чемодана, ни пишущей машинки. И дрожал всем телом в тонком пальто. Одутловатое, нездорового цвета лицо пламенело прыщами. Меж желтыми зубами чернели прогалины. Одежду он, похоже, не снимал целый месяц.

— Никогда, никогда не пользуйтесь туалетным сиденьем после того, как на нем посидел Хэнреган, — посоветовала Фредди Флетчу.

Хэнреган рассмеялся.

— А где этот болван Флетчер?

— Я — болван, — ответил Флетч.

Хэнреган закрыл рот, безуспешно попытался вдохнуть через нос, вновь открыл рот.

— О, какое счастье. Этот молокосос еще и не пользуется туалетом. Ему вполне хватает горшка. — И, подняв голову, уставился на Флетча налитыми кровью глазами, каждый из которых буквально сочился злобой. — Юноша, вы попали в передрагу.

— Это почему? — поинтересовался Флетч.

— Потому что теперь вам придется иметь дело с Хэнреганом.

— Ваши статьи отвратительны, — порадовал его Флетч.

— Раньше-то вы имели дело с котятками, которые лишь мяукали, требуя своей доли.

— Мяу, — мяукнул Флетч.

— С этой минуты вы работаете на меня. Да так, что пар повалит столбом.

— Что вам нужно, Хэнреган?

— Интервью с вашим кандидатом. И немедленно.

— Немедленно не получится.

— Тогда сегодня. На три часа. Я хочу задать ему несколько вопросов.

— Насчет чего?

— Насчет убитых «телок», — рявкнул Хэнреган. — В Чикаго и вчерашней. Жестоко избитых женщин, которых ваш кандидат оставляет за собой.

— Должно быть, электроника в «Ньюсбилл» не хуже, чем в «Ньюс уорлд», — обратился Флетч к Фредди.

— Наши машины не знают таких замысловатых слов, кото-

рыми радуют читателя репортеры «Ньюсбилл», — ответила Фредди.

— Эй, Хэнреган, — вновь повернулся к нему Флетч, — дело-то уже закрыто.

Хэнреган сощурился.

— Правда?

— Да. Час тому назад полиция арестовала Мэри Райс. Вашего же репортера. Из «Ньюсбилл».

— Ерунда.

— Он не обманывает, Хэнреган. Мы все знаем, что репортеры «Ньюсбилл» идут на все ради сенсации. На этот раз Мэри попалась.

— Полиция знает, что убийца — Мэри, потому что она оставила на месте преступления блокнот другого журналиста, — добавил Флетч.

У Хэнрегана покраснела даже шея.

— Вы знаете, сколько у меня читателей? — прокричал он.

— Да, — кивнула Фредди. — Все неграмотные Америки читают «Ньюсбилл».

— Они тоже голосуют, — напомнил ей Хэнреган.

— А жаль, — вздохнул Флетч.

— Я требую интервью с вашим кандидатом, — продолжил Хэнреган. — И довольно болтовни.

— Сомневаюсь, что кандидат сможет выделить для вас хоть минуту, Хэнреган.

— Это еще почему? — Хэнреган шагнул к автобусу. — Вы организуете мне это интервью, а не то завтра «Ньюсбилл» сообщит своим читателям, что губернатор Кэксон Уилер отказывается отвечать на вопросы о двух убийствах, напрямую связанных с его избирательной кампанией.

— Именно так и напишите, Хэнреган. — Флетч поднялся на две ступеньки, намереваясь зайти в автобус. — Пусть читатели впервые услышат от вас правду.

ГЛАВА 9

— Вот послушайте. — Доктор Том разлегся на кровати в комнате отдыха кандидата, занимающей хвостовую часть автобуса. Он читал книгу «Теория Дарвина: старо, как мир». — «Тысячи лет нам говорили, что совершенство недостижимо, но достойно стремление к нему. Теперь же, в постфрейдистскую эру, нам говорят, что недостижимо уже естественное состояние, но к нему тоже надо стремиться. В первом случае мы можем обрести идеал, во втором — посредственность». — Доктор положил раскрытую книгу себе на грудь. — Чем я могу вам помочь?

— Хочу задать вам пару вопросов. — Прежде чем войти, Флетч постучал, получил ответ: «Войдите, раз уж вам надо», — а переступив порог, сел на один из удобных вращающихся стульев.

Говорил доктор Том медленно, нарочито растягивая слова.

— Тот, кто пытается держать прессу в узде, может получить от меня все, что пожелает: отравляющий газ, огнеметы, автоматы, гранаты. Если у меня не найдется требуемого, я достану сей предмет незамедлительно.

— Сейчас я заказал бы что-нибудь из вашего арсенала, — признался Флетч. — Только что познакомился с Майклом Джи Хэнреганом, из «Ньюсбилл».

— Репортеры — вымирающие особи, — покивал доктор Том. — Их эволюция остановилась на низшей стадии. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как они ходят, пригнувшись к земле. Я, пожалуй, посоветую кандидату, что в дальнейшем прессой должен ведать департамент внутренних дел. Тем самым вымирание будет гарантировано.

— Нам необходима свободная пресса, — возразил Флетч.

— Вы действительно так думаете? Ни любимый вид спорта американцев — политика, ни любимая их еда — булочки с сосиской не выдержат объективного анализа. Если выставить на показ закулисную кухню политики или рассказать читателям, из чего делаются эти булочки с сосисками, американцев вывернет наизнанку, а избирательные участки они будут обходить за милю.

— Вы и против материнства?

Доктор Том постучал ногтем по лежащей на груди книге.

— На шкале эволюции женщина и птица, разумеется, не знают равных. — Он откашлялся. — Потому-то мужчины и изобрели телефонную связь.

— Как я понимаю, вы одним из первых оказались у тела Элис Элизабет Шилдз?

— Да.

— Что вы можете мне сказать?

— А с чего столь нездоровое любопытство?

— Фредерика Эрбатнот и Майкл Джи Хэнреган сидят в автобусе прессы не для того, чтобы подсчитывать голоса избирателей. Они — криминальные репортеры.

— Однако. И преступник, возможно, один из нас?

— Вполне вероятно.

— И вы хотели бы получить необходимую информацию раньше, чем они, чтобы затем подать ее в нужном ракурсе.

— Да еще так, чтобы они этого не заметили.

Доктор Том внимательно разглядывал потолок.

— А полиция этим не занимается? Или они глянули на среднестатистический процент раскрываемости убийств и решили, что портить его не стоит? А потому ограничили свои действия взиманием штрафов за стоянку в неподобающем месте, где их успехи существенно выше?

— Убийства слишком уж разнесены территориально. Разные юрисдикции. Мы живем в благословенной стране, не имеющей государственной полиции.

— О да. Дабы гарантировать поймку лишь мелкой рыбешки, не имеющей возможности переплыть границу штата.

— Расскажите мне о том, что произошло прошлой ночью.

— Я сидел в баре. Вошел коридорный... а может, швейцар. Поначалу я даже не понял, то ли он ищет ответственное лицо, скажем, управляющего мотелем, то ли просто хочет выпить. И произнес сдавленным голосом: «Кто-то прыгнул с крыши. Она голая».

— Так и сказал?

— Я, конечно, не помню всего того, что вчера вечером говорилось в баре о сенаторе Аптоне, сенаторе Грейвзе, Ближнем Востоке и «Вашингтон пост», но эти слова отложились в моей памяти. Тем более что их смысл дошел до меня не сразу.

— Что вы делали в тот самый момент?

— Беседовал с Фенеллой Бейкер и Бетси Гинзберг. Ранее говорил с Биллом Дикманном, но он, кажется, уже ушел. Кто там еще был? Несколько бизнесменов, пьющих в одиночку. Громкоголосые, болтливые водители-дальнобойщики, готовые говорить с кем угодно и о чем угодно. Обычная компания для бара рядового мотеля.

— Это все?

— Все, что я могу вспомнить. Потом, после приезда и отбытия «скорой помощи», в бар потянулись репортеры. Некоторые пришли в пальто, наброшенном на пижаму.

— Расскажите мне о женщине. Вы осмотрели ее?

— Благодаря большому числу судебных исков к врачам, мы, как вы знаете, не стремимся в те места, куда побоятся идти даже дурак. Разумеется, если бы мне попался лежащий на тротуаре адвокат, я бы с удовольствием прошел прямо по его физиономии.

— Вы не любите и адвокатов?

— Адвокатов не любят даже их матери. Если провести опрос общественного мнения, наверняка выяснится, что среди различных групп населения наивысший процент выступающих за легализацию абортов у матерей адвокатов.

Флетч отметил, что речь доктора обладает гипнотическим эффектом.

— Проходя через вестибюль, вы столкнулись с губернатором Уилером?

— Нет. С губернатором я увиделся лишь ночью, в его «люксе».

— Укладывали его спать?

— Укладывал его спать. У тела женщины стояла хорошо одетая пара. Мужчина как раз снимал пальто, чтобы прикрыть тело. Я попросил его этого не делать. Потому что хотел осмотреть ее.

— Она еще жила?

— Нет. Смерть наступила мгновенно при ее соприкосновении с асфальтом.

— Не раньше?

— Думаю, что нет. Она приземлилась на голову, сломала себе шею, затем упала на спину.

— Вы видели доказательства того, что ее жестоко избили, прежде чем она упала или ее скинули вниз?

— Синяки на лице. Левый глаз заплыл. Кровь, струящаяся из носа и губ. Два выбитых передних зуба. Два или три сломанных ребра. Кровоподтеки на груди и животе.

— Коронер объявил сегодня утром, что ее не изнасиловали.

— Так какой же мотив? Ограбление? Кто-то позарился на ее одежду? Разумеется, избиение молодой женщины предполагает изнасилование.

— Пока вы ее осматривали, собралась толпа?

— Небольшая толпа. Главным образом журналисты.

— Вы помните, кто там был?

— Я окинул их взглядом, чтобы убедиться, что детей среди присутствующих нет. Была Эрбатнот. Весьма симпатичная дама. Фенелла Бейкер пришла из бара вместе со мной. О ее красоте или отсутствии оной распространяться не будем. Стоял кто-то еще. Но помогал мне лишь один водитель грузовика.

— Как я понимаю, погибшую вы видели раньше.

— Да. Встречал ее несколько последних дней. То в лифте, то в вестибюле мотеля.

— А почему вы обратили на нее внимание?

— Потому что она неизменно оказывалась в том же мотеле, что и мы, хотя не имела никакого отношения к предвыборной кампании. Правда, один раз она завтракала с Бетси Гинзберг.

— Вы видели ее с мужчинами?

— Нет. Похоже, она ехала одна в маленьком двухдверном «фольксвагене».

Взревел двигатель. И тут же автобус тронулся с места.

— Эй! — Флетч вскочил. — Мне же нужно в другой автобус! Доктор Том закрыл книгу.

— А мне пора освобождать кровать хозяину. — И сел.

Флетч протер запотевшее окно.

Губернатор Уилер открыл дверь комнаты отдыха, на ходу снимая красно-черную клетчатую куртку.

— Как жизнь? — спросил он находящихся в комнате мужчин.

— Сколько чашечек кофе вы выпили? — ответил вопросом на вопрос доктор Том.

— Всего лишь две. Но черного. — Кандидат хитро улыбнулся, словно ему удалось кого-то провести.

— Тогда не вините меня, если у вас начнется бессонница.

— А что мне делать? Каждый раз просить сгущенного молока? Эти парни не могут без кофеина.

В двери возник Уолш.

— Сегодня утром Вик Роббинс слетел с моста в Пенсильвании. Погиб.

— Понятно. — Губернатор повесил куртку на плечики. — Вот уж кто был настоящим кудесником. Я сделал заявление?

- Да.
- Послал венки?
- Пошлешь, как только мы будем знать куда. И теперь в Уинслоу тебе нужно сказать что-то важное и значительное, чтобы попасть в вечерние выпуски новостей. Этот несчастный случай будет смотреться с телевизионного экрана.
- Естественно. И что я скажу?
- Фил и Пол стараются что-нибудь придумать.
- Каковы результаты?
- Расходы Пентагона.
- Черт, да о них говорят все, начиная с Эйзенхауэра. Только ему хватило ума упомянуть их в прощальной речи.
- Уолш скрылся за дверью.
- Вам что-нибудь нужно, Кэксон? — подал голос доктор Том.
- Да. Трансплантация мозга. Иди. И не возвращайся, пока не отыщешь подходящую голову.
- Флетч последовал за доктором Томом.
- Оставайтесь, Флетч, — остановил его губернатор. — Думаю, нам пора познакомиться поближе.

ГЛАВА 10

— Такое впечатление, что мы все — одна шайка, не так ли? — хохотнул губернатор Уилер, когда за доктором Томом закрылась дверь. — Гибнет один из главных помощников конкурента, а мы заказываем венки еще до того, как узнаем, куда его послать. — Он опустил на стул, с которого только что встал Флетч, и указал тому на кровать. — В американской политике всего понемногу: тут и спорт, и показ мод, и загородный отдых, и деловые переговоры. — Он наклонился, чтобы развязать шнурки башмаков. — Задавайте вопросы.

— Какие?

— Спрашивайте о чем вашей душе угодно. Человека легче узнать по вопросам, а не ответам. Кто это сказал?

— Вы, только что.

— Неплохой, однако, афоризм.

— Вопрос у меня простой.

— Валяйте.

— Почему вы хотите стать президентом Соединенных Штатов?

— У меня особого желания нет. — Кандидат уже снял обувь и теперь менял носки. — Да вот миссис Уилер хочет быть Первой леди Соединенных Штатов. — Улыбаясь, он посмотрел на Флетча. — Чего вы так удивляетесь? Большинство мужчин стараются ублажить своих жен, не правда ли? Знаете ли, после десяти-пятнадцати лет работы многие подали бы в отставку и предпочли удить рыбку, если б жены не продолжали толкать их вперед и вверх. Или вы придерживаетесь иного мнения?

— Не знаю, что и сказать.

— Никогда не были женаты?

— Раз или два.

— Ясно. — Губернатор переменял носки, надел башмаки, завязал шнурки, откинулся на спинку вращающегося стула. — Так вот, миссис Уилер принимала самое активное участие в двух избирательных кампаниях по моим выборам в палату представителей, в трех — на пост губернатора. Она много и с большой пользой для дела трудилась как в Вашингтоне, так и в столице штата. Карьеру делал не только я, но и она. Для себя, пять или шесть лет тому назад, я почувствовал, что имею шанс стать президентом, а потому сознательно двинулся в этом направлении. Я — политик, потому и венчать мой жизненный путь должно президентство. Так почему же не попытаться?

— То есть у вас нет твердой убежденности...

Губернатор заулыбался.

— Американский народ не ждет от своего президента твердой убежденности. Принципиальные люди опасны. Они неспособны править демократическим обществом, потому что не приемлют компромиссов. Люди, которые не могут поступиться принципами, сажает всех несогласных с ними в тюрьму. А потом могут взорвать мир. Вы этого не хотите, не правда ли?

— Может, я имею в виду не столь жесткие принципы.

— Насколько же они должны быть жесткими?

— В принципе...

— Послушайте, Флетч, государство — это хорошо отлаженная бюрократическая машина. Президент — дверная ручка, а бюрократия — сама дверь. Ручкой пользуются, чтобы открыть или закрыть дверь, поставить ее так или эдак. Но дверь, она остается дверью.

— И все эти разговоры насчет самого высокого поста в стране...

— Черт, самый высокий пост в стране — учительская кафедра. Учителя — единственные, кто отличается от всех остальных.

— Так почему вы не учитель?

— Дидактика, но не догма — вот основной принцип настоящего политика. Кто это сказал?

— Кроме вас, больше никому.

— Президент Соединенных Штатов должен быть хорошим администратором. Я — хороший администратор. Как, я надеюсь, и другие господа, поставившие перед собой ту же цель, что и я.

— И вам без разницы, кто победит?

— Мне — да. Но не миссис Уилер. — Кандидат рассмеялся. — После моей последней фразы у вас глаза вылезли из орбит.

— Я удивлен.

— Но вы же не хотите, чтобы президентом стал честолюбец?

— Все зависит от того, куда направлено его честолюбие.

— Нет, я такой же, как и соседские парни. Получу работу, которую доверяют мне люди, и буду ее выполнять.

— Похоже, вы морочите мне голову.

Кэстон Уилер рассмеялся.

— Возможно. Теперь моя очередь?

— Конечно. Какая очередь?

— Задавать вопросы.

— А я знаю ответы?

— Мы уговорились прошлой ночью, что я беру вас на эту работу с одним условием — выдвигать новые идеи. И перед тем как заснуть, я все гадал, а какие же у вас идеи?

— Вы предъявляете ко мне высокие требования.

— Иногда можно узнать человека и по его ответам.

— Губернатор, я не думаю, что вас интересует политическая доктрина Ирвина Мориса Флетчера, шута и бумагомараки.

— Наоборот, еще как интересует. Я готов выслушать политическую доктрину любого. Рано или поздно мы набредем на что-нибудь ценное.

— Ладно, выкладываю. — Флетч глубоко вздохнул.

Но ничего не сказал.

Губернатор рассмеялся.

— Вывел вас на чистую воду, так?

— Нет, сэр.

— Тогда говорите. И забудьте о благоговейном ужасе. Я всего лишь один из тех, кто включился в гонку.

— Ладно. — Флетч вновь замолчал.

— Ладно так ладно.

— Ладно, — в третий раз повторил Флетч и тут же выпалил: — Идеологии никогда не удастся создать мир равенства. Это под силу лишь техническому прогрессу.

— Поздравляю.

Флетч молчал.

В маленькой комнатке в хвостовой части автобуса кандидат пристально вглядывался в лицо Флетча.

— Технический прогресс преобразует мир?

Флетч молчал.

— Вы верите в технический прогресс?

— Я верю тому, что вижу собственными глазами.

— Так, так. — Губернатор повернулся к запотевшему окну. — Всегда полезно прислушаться к мнению молодого поколения.

— Это не политическая доктрина, — пояснил Флетч. — Всего лишь жизненное наблюдение.

Губернатор все еще смотрел на окно.

— Емкое наблюдение.

— Я — репортер. И моя задача — наблюдать наше бытие во всех его проявлениях.

Сквозь запотевшие, покрытые снаружи слоем грязи окна проникал ровный серый свет. Те же грязь и водяной конденсат не позволяли любоваться окрестным пейзажем. Губернатор протер стекло. Грязь, однако, находилась по другую сторону окна, за пределами его досягаемости, а потому видимость не улучшилась.

— Включись в президентскую гонку, и ты увидишь Америку, — пробормотал кандидат.

Приоткрылась дверь, и в комнату отдыха всунулась голова Шустрика Грасселли.

— Что-нибудь нужно, губернатор?

— Да. Кофе. Черный.

— Сегодня вы уже выпили свою норму, — отрезал Шустрик. — Кофе вам не будет.

Голова исчезла, дверь закрылась.

Кандидат и Флетч улыбнулись друг другу.

— Когда-нибудь... — начал кандидат.

— Почему вы зовете его Шустриком?

— Потому что он так медленно все делает. Медленно ходит. Медленно ведет машину. Более того, медленно прыгает на людей. — Губернатор нахмурился. — Я могу во всем положить на него. — Он развернул стул, чтобы посмотреть Флетчу в глаза.

— Как дела в автобусе прессы?

— Не так хорошо, как хотелось бы. Есть личности, которые представляют для вас определенную угрозу.

— Неужели?

— Фредерика Эрбатнот и Майкл Джи. Хэнреган. Фредди — криминальный репортер «Ньюс уорлд», Хэнреган — «Ньюсбилл».

— Криминальные репортеры?

— Фредди умна, талантлива, истинный профессионал. Хэнреган мерзок и отвратителен. Будь моя воля, я бы не пустил его в автобус прессы.

— А может, попробовать его выгнать?

— У «Ньюсбилл» больше читателей, чем у «Нью-Йорк таймс» и «Лос-Анджелес таймс», вместе взятых.

— Да, но читатели «Ньюсбилл» предпочитают не афишировать себя.

— Если уж на то пошло, у «Дейли госпел» читателей еще больше.

— Чем мы привлекли внимание криминальных репортеров? Кто-то залез под юбку Фенеллы Бейкер?

— Вчерашнее убийство, Элис Элизабет Шилдз, оказалось вторым по счету за неделю, имеющим отношение к предвыборной кампании.

— Имеющим отношение? — переспросил губернатор.

— Возможно, они никак не связаны. Таково на текущий момент мнение чикагской полиции. Но велика вероятность и наличия такой связи. Достаточно велика, чтобы привлечь внимание Фредди Эрбатнот и Майкла Джи Хэнрегана.

— Связи, — покивал губернатор. — С моей предвыборной кампанией?

— Не знаю.

— Кого убили в Чикаго?

— Молодую женщину. Личность еще не установлена. Ее на-

или задушенной в чулане, примыкающем к банкетному залу, где вы принимали прессу. В отеле «Харрис».

— И вчера вечером в мотеле женщину убили?

— Несомненно.

— То есть меня могут спросить об этом?

— Да.

— Что же мне отвечать? Подготовьте меня.

— Хорошо. Расскажите мне о вашем приезде в мотель.

— Пожалуйста. Уилли привез меня после моего выступления в Торговой палате.

— Уилли Финн, один из организаторов вашей предвыборной кампании?

— Да. Он прилетел, как только узнал об отставке Джеймса. В машине мы переговорили о делах. Потом он отправился в Калифорнию.

— В котором часу вы приехали в мотель?

— Понятия не имею. Но Уилли улетал в одиннадцать вечера.

— В мотель вы вошли один?

— Конечно. Кандидаты в президенты ничем не выделяются. Нас много. Пока.

— Сразу направились к лифту?

— Да. По пути пожал несколько рук. Когда поднялся к себе и открыл дверь «люкса», увидел отблески маячков. В окне гостиной. Включил свет, переоделся в халат. Просмотрел бумаги, которые положили мне в «дипломат».

— Вас не заинтересовало, чем вызвано мерцание маячков у мотеля, вой сирен?

— Маячки и сирены сопровождают меня уже много лет. Где я, там и полиция.

— Вы уверены?

— То есть?

— Вы не вышли на балкон, не перегнулись через поручень, не посмотрели вниз?

— Нет.

— Почему вы были в одних носках, когда я пришел?

— Я всегда снимаю ботинки перед тем, как лечь в постель. — Губернатор усмехнулся. — А вы — нет?

— А может, они промокли, когда вы выходили на балкон?

— Я не был на балконе.

— Кто-то был. И истоптал весь снег.

— Я уже говорил, ранее ко мне приходили люди. Много людей. Возможно, кто-то и выходил на балкон. Я не помню.

— Вы нигде не задержались по пути наверх? На другом этаже? Никто не заговорил с вами?

— Нет. А в чем дело?

— Концы с концами не сходятся, губернатор.

— Почему же?

— Временной расклад. Или вы проходили мимо толпы, собравшейся у тела...

— Возможно...

— Но маловероятно.

— Да. Маловероятно.

— Или, находясь в вестибюле, видели, как люди, включая доктора Тома, устремились на улицу, чтобы посмотреть, что произошло.

— Я не видел ни толпы на тротуаре, ни бегущих к дверям людей.

— Однако должны были видеть то ли первое, то ли второе, чтобы войти в «люкс» аккуратно к прибытию патрульной машины и «скорой помощи».

Губернатор пожал плечами.

— Разумеется, я наскучил до смерти членам Торговой палаты, но после этого я никого не убивал.

— Почему вчера вечером рядом с вами не оказалось Шустрика? Он же ваш телохранитель.

— Я же не всюду беру его с собой. Иногда удираю, чтобы спокойно выкурить сигару. Кроме того, он не ладит с Бобом.

— Доктором Томом.

— Да. Боб полагает Шустрика кретином.

Флетч наклонился вперед.

— Мне не по душе роль прокурора, губернатор, но вы лично знали Элис Элизабет Шилдз?

Их взгляды встретились.

— Нет, — твердо ответил губернатор.

— Вам что-нибудь известно о ее убийстве?

— Нет, — вновь твердый ответ. — Но вы, я вижу, очень обеспокоены. Что вы предлагаете? Заявление для прессы?

— Пожалуй, что нет. Раз уж вам ничего не известно.

— Так что же мне делать? Нас сопровождают два криминальных репортера. Они же что-нибудь да напишут.

— Я думаю, вам следует обратиться в Федеральное бюро расследований. Пусть они займутся этим делом.

— О Боже, нет. — Губернатор покачал головой. — Только не ФБР с их портативными магнитофонами и увеличительными стеклами. Избави Бог! Что бы я ни сказал, чего бы ни сделал, в прессу не попадет ни строчки. Предвыборная кампания превратится в расследование преступления, так что о Белом доме придется забыть...

— Я уверен, что они не привлекут к себе внимания.

— Не привлекут, как же! Да стоит одному из этих дуболомов приехать сюда... Пресса распознает его еще на трапе самолета.

— В какой-то момент вам придется привлечь агентов Секретной службы *...

— Я не намерен обращаться к ним раньше остальных кандидатов. Опасность грозит мне не больше, чем другим. И каков будет предлог? Прошлым вечером я видел человека с пистолетом в Торговой палате?

* Служба охраны президента Соединенных Штатов. Во время предвыборной кампании на нее возлагается и охрана кандидатов в президенты.

— Вы видели?

— Да.

— У вас есть Флинн, в таких вопросах он дока. Думаю...

— Нет, нет, нет. Или я выразился недостаточно ясно.

— Убиты две женщины...

— Возможно, эти убийства никоим образом не связаны с избирательной кампанией. Вы это допускаете, не так ли?

— А если последует повторение?

— Когда проводишь предвыборную кампанию по всей стране, случается всякое. Люди вот падают с мостов.

Шустрик вновь всунулся в комнату отдыха.

— Подъезжаем к школе, губернатор.

— Отлично.

Шустрик вошел, прикрыл за собой дверь.

— Расставим все по местам, Флетч. Я сожалею о случившемся. Воспринимаю эти убийства со всей серьезностью. Но мы не можем загубить предвыборную кампанию из-за событий, возможно, не имеющих к ней ни малейшего отношения. Это понятно?

— Да, сэр.

Губернатор встал. Шустрик снял с плечиков пиджак, смахнул с него невидимые пылинки, застыл, ожидая, пока губернатор подойдет к нему.

— Беседовать с вами — одно удовольствие, — улыбнулся губернатор.

— Благодарю.

Губернатор сунул руки в рукава пиджака.

— Деньги у вас есть?

— Простите?

— Монеты. Четвертаки, десятицентовики. Они мне нужны для школы. Мелочь есть, Шустрик?

Флетч оставил себе один четвертак, Шустрик вывалил все.

— И еще, Флетч, не подпускайте ко мне этих криминальных репортеров.

— Да, сэр.

— Эрбатнот и Хэнреган. — Губернатор одернул пиджак. — Прямо-таки фирма, производящая отбойные молотки.

Глава 11

— Да, телевидение этим заинтересуется, — говорил Уолш отцу после посещения школы Конроя. — Для местного потребления в самый раз. Несопоставимо, конечно, с прыжком Роббинса в Саскьюхенну. Вот об этом услышит вся страна. Так что в Уинслоу ты должен сказать что-то новое, папа. Обязательно.

Кандидату, безусловно, понравилась остановка в региональной школе Конроя.

И на детей произвело впечатление, пусть и не с самого нача-

ла, появления человека, который мог стать следующим президентом Соединенных Штатов.

Поначалу же их потрясли большие автобусы с торчащими антеннами и следовавший за ними автомобильный караван, все эти люди из Вашингтона...

А их комментарии стоило и послушать.

Насчет Стеллы Кирчнер: «Посмотрите на ее сапоги! Они с красными нитями! У нее сапоги с венами!»

Насчет Фенеллы Бейкер: «Ты когда-нибудь видел столько пудры на одном лице? Почему у нее не чешется кожа? Или она мертвая?»

Насчет Билла Дикманна, Роя Филби и многих других: «Готов спорить, ни один из них не держал в руках баскетбольного мяча».

Насчет фотографов, увешанных камерами: «Зачем им столько фотоаппаратов? У них же только два глаза».

В актовом зале школьный оркестр шесть раз сыграл «Америку», последний ничуть не лучше первого. Директор представил гостей, по ходу поинтересовавшись, знают ли дети, где находится Вашингтон. «В выпусках новостей!» — полагало большинство. Но маленькая девочка, выступив по знаку директора вперед, решительно заявила: «Один — неподалеку от Сизтла, а второй — в центре округа Колумбия».

Затем директор спросил, на какой срок выбирают президента Соединенных Штатов.

- Навечно!
- Шесть лет!
- Нет, четыре года!
- Пока его не застрелят!

Далее губернатор Кэкстон Уилер произнес короткую речь, суть которой сводилась к тому, что стране нужны хорошие люди, которые смогут принести благоденствие всему миру.

Кандидат не спешил покинуть школу. Окруженный детьми, он начал показывать фокусы. Монеты исчезали из его рук, а потом он находил их в чем-то нагрудном кармане, во рту, в ухе. У одного негртенка монетка оказалась в кроссовке. Оттуда, наклонившись, и достал ее кандидат. Каждый, у кого обнаруживалась чудесным образом исчезнувшая монета, становился ее новым владельцем.

Дети тут же забыли про камеры, «юпитеры», вашингтонских гостей. Они залезали на стулья и друг на друга, чтобы попасть в число счастливиц, у которых находилась монетка. Кандидат в президенты смеялся едва ли не громче всех. Глаза его сияли, как и у детей.

Дети не хотели отпускать кандидата.

— Не уходите, сэр! С вами интереснее, чем в спортивном зале! — Кандидат прижимал их к груди и ерошил им волосы.

Репортеры скучали.

— Эй, Флетч! — театральным шепотом обратился к пресс-

секретарю Рой Филби. — Не пойти ли нам в мужской туалет и выкурить сигарету с «травкой»?

Эндрю Эсти что-то доказывал учителю математики.

Мэри Райс сказала Флетчу, что Майкл Джи Хэнреган спит в автобусе прессы.

Фотограф пугал маленьких девочек, поднося объектив к их лицам и включая вспышку.

— Какая у тебя восхитительная кожа, крошка. Каким кремом ты пользуешься?

Около учительской кое-кто из репортеров тихим голосом что-то бубнил в телефонные трубки. Другие ожидали своей очереди.

Что они могут диктовать? — гадал Флетч. Сегодня кандидат в президенты Кэкстон Уилер убеждал детей продолжать взрослеть?

Снег прекратился. Но небо по-прежнему затягивали тяжелые серые тучи.

— Удачный ход. — Флетч стоял с Уилером в школьном дворе.

— Да. Отец показывал мне эти фокусы, когда я учился в школе. Так я каждую неделю получал карманные деньги.

— Продолжаешь получать и теперь?

Уолш улыбнулся.

— Я до сих пор полагаю, что деньги должны выскакивать из моего носа.

Оба фургона телевизионщиков уже выезжали со школьной автостолнки.

Выйдя из школы, губернатор обернулся и помахал рукой детям, прилипшим к окнам.

— Я понял, о чем скажу в Уинслоу, Уолш, — на ходу бросил он сыну. — По пути подработаем мою идею.

— Конгрессмен уже должен ждать нас. — Уолш посмотрел на автобус команды кандидата. И ахнул. — О Боже!

У ступенек, меж двух женщин-добровольцев, которым поручали встретить конгрессмена, стояла почтенная бабуля.

На вскрик Уолша повернулся и губернатор. Ли Оллен Парк, застывший в дверном проеме, развел руками, показывая, что его вины в этом нет.

— Конгрессмен на поверку оказался женщиной, — констатировал губернатор. — А ты говорил, что его зовут Джек Спайв.

— Это не Джек Спайв, — признал Уолш. — Кто-то дал маху.

— Как ее зовут? — осведомился губернатор.

— Понятия не имею. В каком мы округе? — Уолш оглянулся на школьное здание. — В той ли мы школе?

— Можешь не сомневаться. Без репетиций они не смогли бы так плохо сыграть «Америку». — Губернатор вздохнул. — Наверное, мне придется обращаться к ней «госпожа член палаты представителей». Не очень благозвучно, но это политика.

И, протягивая руку, поспешил к бабуле.

— Добрый день. Давно жду встречи с вами. Как вы себя чувствуете? Вы так много делаете для своего округа. — Он помог

бабуле подняться в автобус. И, подмигнув сыну, добавил: — Я хотел бы знать ваши планы на ближайшие четыре года.

Глава 12

— О-о-о-о! — столь оригинальноотреагировала Бетси Гинзберг, когда Флетч остановился у ее кресла. — Неужели и я удостоилась вашего внимания?

Автобус дернуло, и Флетч ухватился за спинки кресел по сторонам прохода.

— Хочу спросить, нужен ли вам полный текст глубокомысленных высказываний кандидата в региональной школе Конроя?

— Нет.

— Жаль. Блестящие высказывания разнесло ветром.

— Что удивительного нашли вы в утреннем мероприятии? Я видел вас у телефона.

— Вы не знаете?

— Не имею ни малейшего представления.

— Ну и пресс-секретарь нам достался. Раньше-то вы участвовали в предвыборной кампании?

— Нет.

— Вы мне очень симпатичны, Флетч. Но не думаю, что вам следовало участвовать и в этой.

— Так что такого произошло утром?

— Скажите мне, что произошло между вами и Фредди в Виргинии?

— Ничего. В этом-то и беда.

— Не может быть. Она сказала, что произошло.

— Мы просто не разобрались, кто есть кто. На конгрессе Ассоциации американских журналистов, год или два тому назад.

— Том самом, где убили Уолтера Парча?

— Да.

— Так что там случилось после смерти старого мерзавца?

— Я же вам говорю. Не разобрались, кто есть кто. Фредди полагала, что она — Фредерика Эрбатнот, а я придерживался противоположного мнения.

— Но она — Фредерика Эрбатнот.

— Значит, я ошибался.

Эндрю Эсти поднялся с кресла и решительным шагом направился к Флетчу.

— Мистер Флетчер, после поездки в школу у меня возникли вопросы, которые я хотел бы задать кандидату.

— Вы пишете превосходные статьи, мистер Эсти. И нынешний тираж «Дейли госпел» — тому свидетельство.

— Благодарю, — просиял Эсти. — Насчет коллективных молитв в школе.

— Я, бывало, молился в школе, — встрял Рой Филби, сидевший за Бетси Гинзберг. — Перед каждым экзаменом. А после него ругался последними словами.

— Так что вас интересует? — спросил Флетч.

— Кандидат против того, чтобы детям разрешили молиться в школе?

— Кандидат за все, везде и всегда.

— Вы меня понимаете, учитель служит примером.

— Моя учительница поклонялась Сатане, — не унимался Филби. — Она правила наши контрольные кровью.

Эсти бросил на него злобный взгляд.

— Речь идет о людях, молящихся вместе в помещении, являющейся государственной собственностью...

— Мнение кандидата по этому вопросу изложено в одном из пунктов его программы. — В проходе качало, и мышцы рук и ног начали напоминать Флетчу, что он не спал уже тридцать часов.

— Я бы хотел обратить ваше внимание, и кандидата тоже, — гнул свое Эсти, — что коллективные молитвы и проповеди уже разрушены в федеральных тюрьмах.

— Святой Боже! — воскликнул Филби. — Эсти нашел абсолютно новую жилу! Разрабатывайте ее, Эсти. Копайте глубже!

— Официально разрешенные молитвы и проповеди, — подчеркнул Эсти.

— Верно, — включилась в разговор Бетси. — А о чем молятся заключенные?

— Налицо нарушение принципа разделения церкви и государства. — Эсти словно не услышал ее.

— Как тонко подмечено, — вновь встряла Бетси. — Мне вспоминается один умирающий. Последний, кого он увидел перед смертью, был уборщик Джо. Взглянув на его зеленую униформу, умирающий прошептал: «Заверните мои останки в «Дейли госпел». Воскресный номер, если возможно». И испустил дух.

— Итак, коллективная молитва на территории, являющейся собственностью государства. — Эсти не отреагировал на шпильку Бетси. — Допускаете вы это или нет?

— Вы настаиваете на эксклюзивном интервью с кандидатом? — уточнил Флетчер.

— Сами видите, нам есть о чем поговорить.

— И я настаиваю, — ввернул Филби. — Я жду от кандидата прямого и честного ответа: будет ли исполняться в Белом доме «Аве Мария» Шуберта, если он станет президентом?

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал Флетч Эсти.

В нескольких рядах от них сидел Салов, с выпученными, уставившимися в небытие глазами. Из-за его головы Фенелла Бейкер взмахами руки звала Флетча.

— Хочу задать вам вопрос, — наклонился Флетч к уху Бетси.

— Ответ — да. В любое время. Можете приходить даже без бутылки вина.

Эндрю Эсти, теребя пальцами значок «Дейли госпел», пепел Бетси взглядом. До этого его взгляд испытывал на жаростойкость Роя Филби.

— Позже, — пообещал Флетч.

— Просто удивительно, сколь плодотворные идеи приходят в голову журналистам, освещающим избирательную кампанию, — поделился с Флетчем своими жизненными наблюдениями Филби.

Флетч протиснулся мимо Эсти, держа курс на Фенеллу Бейкер.

— Два, максимум три вопроса, — по-деловому начала она. — Во-первых, вы действительно спасли жизнь Уолша Уилера на армейской службе?

— Нет, мадам.

— Так что же связывает вас с Уолшем Уилером?

— Как вы справедливо заметили, мы вместе служили в армии. Он был моим лейтенантом.

— Похоже, люди часто выдают выдумки за быль.

— А что в этом плохого?

— С тех пор вы — близкие друзья?

— Нет, мадам, последний раз я виделся с Уолшем на футбольном матче более года тому назад.

— Вы удивились, когда он предложил вам должность пресс-секретаря предвыборной кампании отца?

— Я здесь временно, — нашелся Флетч. — Пока они не найдут кого-нибудь с опытом. Так что обо мне писать не стоит.

— Согласна, — кивнула Фенелла Бейкер, а Флетч задумался, почему у нее не чешется кожа. Ибо первые слои пудры легли на лицо еще при Джимми Картере. — Теперь насчет этой Шилдз...

— Простите?

— Женщина, убитая прошлым вечером.

— Ее фамилия Шилдз?

— Вы отлично понимаете, о ком я говорю.

— Я видел вашу статью о предвыборной кампании в утреннем выпуске. Отлично поданный материал.

— В утренний выпуск статью о предвыборной кампании я не давала, мистер Флетчер.

— О да. Вы же анализировали причины потасовки на хоккейном матче.

— Вы сошли с ума?

— Наверное. Я же здесь.

— Сегодня я бы не стала писать об убийстве Шилдз. Пока это неинтересно.

— Неужели?

— Интерес появится, когда обнаружится связь между убийством и предвыборной кампанией.

— О, я понимаю, — кивнул Флетч.

— Чем связаны убитая женщина и предвыборная кампания?

Майкл Джи Хэнреган спал в заднем ряду. Голова его запрокинулась. Челюсть отвисла. Аккурат в тот самый момент, когда Флетч посмотрел на него, Хэнреган поднес ко рту бутылку виски и дважды отхлебнул из нее. Не открывая глаз и не меняя положения головы.

— Какая женщина?

— Следующим вопросом будет: «Какая кампания?» Вы что, еще и глупы?

— Я лишь стараюсь не упустить ход ваших мыслей, мисс Бейкер.

— Мне вот сказали, что она путешествует с кем-то из команды кандидата.

— Для меня это новость.

Ленсинг Сэйер, стоя в проходе, коснулся плеча Флетча. Тот обернулся.

— Вы пришли мне на выручку?

Сэйер также повернулся спиной к Фенелле Бейкер.

— От Фенеллы, — усы его воинственно топорщились, — просто так не отвяжешься.

— Вы пишете превосходные статьи, мистер Сэйер.

— Хочу предупредить вас, старина. Вашего кандидата, похоже, уличат в том, что в его штате много людей получают пособия по подложным документам.

— Когда?

— Как только опросы общественного мнения покажут, что за него готовы отдать голоса более тридцати процентов избирателей.

— Благодарю.

Билл Дикмани, сидевший в одном из передних рядов, согнулся от боли. Закрыв глаза, он сжимал голову обеими руками. Бледное как полотно лицо блестело от пота.

Проходя по проходу, Флетч наклонился к Фредди.

— Вы не знаете, что с Биллом Дикманном?

Фредди приподнялась.

— С ним это бывает.

— Что?

— Приступы. Иной раз он стонет. Я думаю, даже теряет сознание. Наверное, иногда он не отдает себе отчета в том, что делает.

Флетч задумчиво смотрел на Дикманна.

— Мы можем ему чем-нибудь помочь?

— Полагаю, что нет.

Флетч покачал головой.

— В этом автобусе полно чудиков.

— Сказывается напряжение избирательной кампании, — ответила Фредди, не отрываясь от романа Джей Дейли «Стены».

Флетч положил руку на плечо Дикманну.

— С вами все в порядке, Билл? — Дикмани поднял голову, посмотрел на Флетча влажными от слез глазами. — Может, мне остановить автобус? Вызвать доктора Тома?

Дикмани крепко сжимал голову обеими руками.

— Нет.

— Если надо, я остановлю. Что с вами?

Глаза Дикманна закрылись, он отвернулся от Флетча.

— Оставьте меня в покое, — хриплый шепот.

— Вы уверены?

Дикмани не ответил. Он страдал.

— Ладно. — Флетч пожал плечами. — Как скажете.

И прошел к Бетси, читающей монографию Джаста Каплан «Уолт Уитмен». Наклонился к ней.

— Мне доложили, что несколько дней тому назад вы завтракали с женщиной, убитой прошлым вечером, — говорил он тихо, ибо сказанное предназначалось только для ушей Бетси.

— Совершенно верно. В столовой было много народу. Поэтому официантка посадила нас вместе. Двух одиноких женщин.

— Вы разговаривали?

— Конечно. Вежливая болтовня ни о чем.

— Вы — журналист, Бетси. Полагаю, вам удалось узнать некоторые подробности ее жизни.

— В общем-то, нет.

— Но кое-что узнали?

— Обычная, ничем не выделяющаяся, миловидная женщина. Работала продавцом в универмаге в Чикаго. Кажется, в книжном отделе.

— Это все?

— Любила читать. Говорила, что прочитывает в неделю три-четыре книги. Спросила меня, читала ли я произведения Уильяма Максвелла, Джин Риз, Хуана Алонсо. Сказала, что как-то раз к ее прилавку подошел Сол Беллоу, но нужной ему книги у них не оказалось. Очень хвалила «Мороз в мае» Энтони Уайт, потому что сама училась в католической школе. Кажется, святой Мэри Маргарет.

— Это все, что она рассказала?

— Нет. — Бетси порылась в памяти. — Ее отец погиб, когда ей было девять лет. Он работал на чикагском водопроводе. И стоял в траншее, когда с крана сорвалась труба. Потому-то она и не мечтала о колледже.

— Ясно. Что еще?

— Ее мать так и не оправилась от трагической гибели мужа, тронулась умом, и через пять лет ее пришлось поместить в психиатрическую клинику.

— Однако вы выяснили немало.

— Жила она одна, в маленькой квартире. Сестра у нее в Торонто, замужем, четверо детей. Муж — владелец оружейного магазина. Салли, так называла себя Элизабет Шилдз, пару раз обручалась. В том числе с чикагским полицейским. Но тот обрюхатил другую девушку и женился на ней. Салли замуж так и не вышла.

— Можно подводить черту?

— На ее банковском счету было три тысячи семьсот долларов. Она уволилась с работы, села в «фольксваген» и поехала по стране.

— Немного же вы вызнали.

— Обычная болтовня за завтраком.

— Вы знаете ее номер в Службе социального обеспечения?

— По-вашему, сую нос в чужие дела?

— Вы же журналист.

- Я не брала у нее интервью.
- Почему она избрала тот же маршрут, что и ведущий предвыборную кампанию губернатор Уилер?
- В тот момент я этого не знала.
- За завтраком она не упомянула кого-либо из команды кандидата?

Бетси задумалась.

- Нет. Но она, похоже, знала, что я — репортер.

Автобус на полной скорости вписался в левый поворот, и Флетчу, чтобы не свалиться на Бетси, пришлось ухватиться за спинку сиденья.

— То есть меня она ни о чем не спрашивала, — dokonчила мысль Бетси, когда автобус выровнялся.

- А была у нее такая возможность?

— Мы же просто беседовали.

— Пока вы завтракали, никто из команды кандидата с ней не поздоровался, не кивнул ей, проходя мимо столика?

— Я такого не припоминаю. Она показалась мне очень одинокой.

- И жаждущей выговориться.

— С исповедью она, однако, не навязывалась.

— Вчера вечером вы были в баре мотеля?

— Да. Пила ромовый пунш.

— С кем сидела в баре Салли? С кем она ушла?

— После нашего разговора в Спрингфилде я ее больше не видела. Даже не подозревала, что она следует за нами.

— Но вы же видели ее «фольксваген».

— Я не отличу «фольксваген» от авианосца.

— Отличия есть.

— Естественно.

— Морские чайки редко сопровождают «фольксваген».

— Так что теперь я знаю, как связаны Шилдз и предвыборная кампания.

— Как?

— А никак. Нет ни единой точки соприкосновения, а потому и писать не о чем. Пока. Вы скажете мне, если обнаружится такая связь?

— Скорее всего нет.

— После того, как я вам столько рассказала?

— Немного. Ваши слова.

— А теперь у меня к вам личный вопрос.

— Я весь внимание.

— Уолш не женат, не так ли?

— Да, он предпочитает девушек.

— Отлично. Почему бы вам не представить меня ему? Вы — его друг.

— Разве вы не знакомы?

— По существу, нет. То есть меня не представляли ему как женщину. Он, конечно, знает, что я — репортер и освещаю избирательную кампанию.

— Понятно.

— Мне думается, ему может приглянуться женщина, стремящаяся создать крепкую семью.

— А вы как раз такая?

— Во всяком случае, смогу такой стать. Особенно если наш дом будет находиться на Пенсильвания-авеню.

— В квартале 1600 *?

— Вот именно.

— Там же полным-полно комнат. Их все придется убирать.

— Вы еще не видели, как ловко я управляюсь со шваброй.

— Нет, не видел.

— Летаю как молния. Раскрасневшись от возбуждения. В полном экстазе. Вы должны представить нас друг другу.

— Будет сделано.

— Кто-то из президентской семьи должен жениться на Гинзберге. Мы лучше всех умеем накрыть стол.

— Я вам верю.

— Скажите ему, что мы вместе работали в Атланте.

— Я никогда не работал в Атланте.

— Зато я работаю.

— Ну, хорошо.

— Ирвин! — выкрикнул водитель.

— Ирвин! — эхом отозвался Рой Филби. — Какое счастье, что это не мое имя.

— К телефону! — добавил водитель.

Черный шнур змеился вдоль приборного щитка и исчезал за спинкой сиденья.

— У нас телефон? — удивился Флетч.

— Не для репортеров, — пояснила Бетси. — Воспользоваться им может лишь пресс-секретарь. Хотите услышать, что говорил Джеймс насчет ксерокса?

— Уже слышал.

Флетч направился к водителю. Тот протянул ему телефонную трубку.

— Привет, — поздоровался Флетч. — Как хорошо, что вы позвонили.

Ответил ему голос Барри Хайнса.

— Вам бы лучше перейти вперед, Флетчер.

— Я и так впереди.

— Я имею в виду наш автобус. Вам надо бы посмотреть полуденный выпуск новостей.

— Я с удовольствием. Но зачем?

— Мне только что сообщили из Нью-Йорка, что нас ждет неприятный сюрприз.

— Какой?

Но Хайнс уже разорвал связь.

Вспыхнули тормозные огни первого автобуса. Плавное сбросив скорость, он съехал на обочину.

* Адрес Белого дома.

Флетч искал, куда положить трубку.

— Короткая остановка. Мне надо перейти в другой автобус. Автобус с прессой повторил маневр автобуса с кандидатом и его командой.

— Положите трубку мне на колени, — пришел на помощь Флетчу водитель. — Больше звонков не будет.

Флетч так и сделал.

— Как вы узнали, что меня зовут Ирвин?

— Догадался, — ответил водитель.

ГЛАВА 13

— Мы опаздываем на митинг в Уинслоу, — заметил кандидат.

— Оркестр поиграет подольше, папа, — успокоил его Уолш.

Вновь губернатор попытался взглянуть на окружающий мир через запотевшее, заляпанное грязью окно.

— Но на улице холодно.

Автобусы уже вырулили на шоссе и мчались на полной скорости.

Маленький телевизор висел под потолком, над сиденьем водителя. Экраном к салону. Показывали рекламный ролик, расхваливающий женские гигиенические тампоны.

— Приношу мои извинения, мадам, за плохой вкус моего телевизора, — улыбнулся кандидат члену палаты представителей. — К сожалению, тут я бессилен. — Они сидели рядышком на диванчике у боковой стены автобуса. — Абсолютно бессилен.

Флетч переступил через ноги губернатора. Остановился рядом с Уолшем. Оперся о багажную полку.

— В чем дело?

Рекламный ролик сменился физиономией комментатора, огласившего основные новости дня: гибель в автокатастрофе на мосту в Пенсильвании организатора предвыборной кампании сенатора Аптона, последствия потасовки на хоккейном матче, число раненых и арестованных, раздача денег школьникам кандидатом в президенты Кэктоном Уилером.

— Однако! — Флетч оглянулся на Шустрика Грасселли, привалившегося к двери в комнату отдыха. — Да кто в это поверит?

— Все, — ответил Уолш. — Это же правда.

— Во всяком случае, меня не поставили на первое место, — прокомментировал губернатор. — Наверное, они полагают, что подкуп школьников — не самое тяжкое преступление.

— Подкуп школьников, — ахнул Флетч.

— Именно так они все и представят, — подал голос Фил Нолтинг.

Комментатора сменила реклама быстрорастворимых овсяных хлопьев. Дети лопали овсянку большими ложками и требовали новую порцию.

За исключением Барри Хайнса, что-то говорящего в телефонную трубку, вся команда кандидата смотрела на экран. Им показали мост с разломанным ограждением, с которого свалился в ледяную воду Вик Роббинс, затем потасовку на трибунах хоккейной арены, и, наконец, комментатор добрался до самого интересного: «Сегодня утром губернатор Кэкстон Уилер, в рамках своей избирательной кампании, посетил региональную школу Конроя, где раздавал деньги ученикам младших классов». На экране возник кандидат, показывающий фокусы в окружении галдящих детей. Затем крупным планом показали руку кандидата, вкладывающую монетку в ладонь ребенка.

— Одни получили десятицентовики, другие — четвертаки, кто-то и полдоллара. Многим не досталось ничего, — последовала реплика комментатора.

— Это покажут и в нашем штате? — спросил Фил Нолтинг.

— Скорее всего, — ответил Пол Добсон. — Наши конкуренты не упустят такой возможности.

Рядом с комментатором появилась худющая горбоносая женщина.

— Мы пригласили в студию знаменитого детского психиатра, доктора Дороти Долкарт, автора книги «Перестаньте ругать своего ребенка, или Воспринимайте описанную постель как должное».

— Это же надо, — покачал головой Добсон. — Как же быстро оказываются в студии эти эксперты. И часа не прошло, как мы уехали из школы. Неужели им больше нечего делать?

— Доктор Долкарт, вы только что видели на нашем студийном мониторе, как кандидат в президенты, губернатор Кэкстон Уилер, раздавал монеты некоторым ученикам школы Конроя. Можете вы пояснить нам, какой эффект произведет это на школьников?

— Им причинен исключительный вред. Нанесена тяжелая моральная травма. Но прежде всего мы имеем дело со взрослым человеком, который пытается завоевать популярность, раздавая деньги.

— То есть предлагает детям ложные ориентиры?

— Воспитывает в них грубый материализм.

— По существу, показывает детям, что дружбу можно купить.

— И происходит это в школе, куда дети приходят за знаниями. И там любой взрослый для них — авторитет.

— Вот-вот, — покивал комментатор. — А уж для детей, не получивших денег...

— Они просто в отчаянии. Немного найдется в нашей стране индивидуумов, престиж которых в глазах детей выше, чем у кандидата в президенты. Может, сам президент, некоторые футболисты, лучшие представители других видов спорта. Встреча с человеком, который может возглавить самую могущественную страну в мире, так и останется едва ли не самым ярким воспоминанием детства. И те школьники, что не получили мо-

нету от губернатора Уилера, теперь полагают себя отверженными, париями. Утром эти дети получили моральную травму, которой могли избежать.

— О Господи, — выдохнул Кэкстон Уилер.

— А дети, что получили монеты? С ними-то все будет в порядке?

— Отнюдь. Им будет даже хуже. Ибо выбор на них пал совершенно случайно, они получили награду, не ударив палец о палец. Все обстояло бы иначе, если б кандидат раздавал монеты отличникам в учебе или победителям спортивных соревнований. Тогда на детей, получивших монеты, не давил бы непомерный груз вины. А сейчас они в полной мере осознают, что получили монеты незаслуженно, когда их более достойные соученики остались ни с чем...

— Наверное, Джеймс остановил бы меня. — Губернатор покачал головой. — Он бы понял, как воспримет мои фокусы пресса. Раздавать деньги детям! Должно быть, старина Джеймс посмеивается, глядя на экран.

Флетч наклонился к Уолшу.

— Похоже, моя карьера пресс-секретаря оборвется в самом ближайшем будущем.

— Муторная работа, — посочувствовал ему Уолш.

Выпуск новостей завершился прогнозом погоды.

— Что ж, — губернатор накрыл ладонью руку почтенной матроны — члена палаты представителей, — судя по всему, я загубил жизнь всех школьников вашего округа. — Он улыбнулся. — Вы согласны?

Матрона вытащила руку.

— Да, Кэкстон. Вы поступили безответственно. И бесчувственно.

Кандидат пристально посмотрел на бабулю, дабы понять, говорит та серьезно или шутит. Оказалось, что серьезно. Потому он встал и отошел в хвост автобуса, где стояли Уолш и Флетч.

— Извините. Я думал, все так здорово, — начал Флетч. — И действительно было здорово. Весело.

— А надобно смотреть на все глазами прессы, — наизда-тельно заметил Уолш. — На каждую мелочь. Предугадывать, как они смогут извратить самый благой поступок.

— Как же нам выпутаться? — спросил Флетч губернатора. — Может, заявление для...

Губернатор улыбнулся.

— Нет. Пусть варятся в собственном соку. Чертовы психиатры. Едва ли американцы сочтут меня Вельзевулом за то, что я раздавал монетки детям. — Он позвал Барри Хайнса и знаком предложил Шустрику подойти поближе.

— Слушайте, парни. Делайте что хотите, но в Уинслоу эта старая карга не должна попасть на трибуну.

— Дама из Конгресса? — изумился Барри.

Губернатор кивнул.

— Заблокируйте ей дорогу. Поставьте подножку. Спрячьте

сумочку. Мне все равно, что вы предпримете. Лишь бы она не дошла до трибуны.

— Это же ее округ, папа, — вмешался Уолш.

— Плевать. Она все равно выступит против меня. Так зачем мне поднимать ее престиж, фотографируясь рядом с ней?

— Хорошо, — кивнул Шустрик.

— Мы покажем этой старой карге, какой я чувствительный. — Губернатор открыл дверь в комнату отдыха. — Идите сюда, Флетч.

— Да, сэр. — Флетч последовал за губернатором.

— Закройте дверь.

Флетч закрыл.

— Мне очень жаль. Я не подозревал, что пресса...

— Я не собираюсь топтать вас ногами.

— Не собираетесь?

— Разумеется, нет. Кто первый сказал: «Если не выносишь жары, выметайся из кухни»?

— Э... Фред Фентон?

— Кто это?

— Повар Генри Восьмого. — Губернатор как-то странно посмотрел на Флетча. — Похоронен в часовне Тауэра. Поджарил фазана, забыв вынуть печень.

— Вы все выдумали. — Губернатор хохотнул.

— Естественно.

— Есть у вас что-нибудь для меня?

— Все, что...

— Вы же провели утро в автобусе прессы.

— О да. Ленсинг Сэйер говорит, что команда Аптона хочет подложить вам свинью. Обнародовать данные о числе получающих пособие по подложным документам. Кажется, в вашем штате таких перебор. Они порадуют вас, как только опросы общественного мнения покажут, что за вашу кандидатуру готовы проголосовать более тридцати процентов избирателей.

— Что ж, попутного им ветра. По подложным документам получают пособия в любом штате. Так же, как везде вламываются в дома и грабят прохожих. Я попрошу Барри заняться этим. Пусть соединят воедино все мои достижения в борьбе с подлогами. А также подберут статистику по другим штатам. Когда же мой рейтинг приблизится к тридцати процентам, я выступлю на эту тему и включу в предвыборную программу специальный пункт. Касательно того, что социальную помощь должны получать лишь те, кому она положена.

— Просто удивительно, как иной раз формируется предвыборная программа.

— Что-нибудь еще?

— Эндрю Эсти жаждет эксклюзивного интервью.

— Из «Дейли госпел»?

— Да. Он вконец запутался. Если людям разрешено собираться на проповедь и молиться вместе в федеральных тюрьмах, почему такого нет в федеральных школах?

— Однако. «Долой проповеди из тюрем!»

— Нет, я думаю, ему хотелось бы обратного. «Вернуть проповеди в школы!»

— Только этого лозунга нам и не хватало.

Автобус замедлил ход, судя по всему, въехав в город. Он останавливался, вновь трогался с места, подчиняясь сигналам светофора и транспортному потоку.

— Как мы ему поможем? — спросил Флетч.

— Помолемся за него, — усмехнулся губернатор. — Что еще мы можем для него сделать?

Автобус уже полз, как черепаха. Снаружи доносилась музыка. Губернатор взгляделся в серое стекло. По привычке помахал рукой встречающим. Флетч мог поклясться, что через окно кандидата не увидел ни один человек.

Автобус остановился.

— Пойдемте, — распорядился губернатор. — Держитесь между мной и этой сучкой из Конгресса. Близо ее не подпускайте. Понятно? Если потребуется, двиньте ей по ребрам.

— Будет сделано.

— И передайте Ленсингу Сэйеру, что я дам ему эксклюзивное интервью в любое удобное для него время.

— Да, сэр.

Когда Флетч открыл дверь из комнаты отдыха, оркестр играл «Скачки в Кэмптауне».

— Джейкоб, прищпорь эту лошадь, — пробурчал Кэкстон Уилер. — Если она вдруг встанет, нам ее не продать.

ГЛАВА 14

— Я благодарю вас всех, что в такой холодный день вы пришли сюда, чтобы дать мне шанс выступить перед вами, — обратился губернатор к горожанам, запрудившим самый маленький перекресток Уинслоу.

Уилли Фин сознательно выбрал для митинга именно этот перекресток. Маленькая толпа выглядит большой на маленькой площади. Большая — кажется огромной. Кандидат в президенты привлек многих.

— Вы знаете, президентская кампания — всего лишь крестовый поход любителей. И я могу сказать вам, мои друзья в Уинслоу, что кампания, которая позволит мне следующие четыре года послужить вам в Белом доме, нуждается в вашей помощи и поддержке.

— Однако, — пробормотал себе под нос Флетч, стоя в грязи на периферии толпы.

— Он таки сказал что-то новое, — отметила Фредди Эрбатнот.

Мэр, члены городского совета, начальник полиции, директор школ округа, судья, старейший житель Уинслоу (девяносто восьми лет, укутанный, надежно защищенный от холода), составляющий подготовительный комитет митинга, сгрудились

у ступенек, ведущих в салон автобуса. Оркестр играл «Боевой гимн республики». Не сходя с последней ступеньки, губернатор Уилер пожал руку и нашел несколько добрых слов для каждого члена комитета. Затем мэр повел его сквозь толпу к трибуне, сооруженной на углу Корн-стрит и Уинслоу-лейн, дал знак оркестру уgomониться и в короткой вступительной речи представил кандидата, не забыв упомянуть о собственных усилиях по контролю городского бюджета.

Флетч наблюдал, как Барри Хайнс и Шустрик Грасселли повели почтенную матрону не к трибуне, но в самую гущу толпы, где она и завязла в рукопожатиях и жалобах избирателей.

Флетч представился местным журналистам. Раздал листки с изложением позиции кандидата по субсидиям фермерам, выращивающим зерновые культуры. Местные газетчики стояли справа от трибуны. Репортеры, сопровождающие кандидата в поездке по стране, разделились. Большинство осталось в автобусе, кое-кто вышел к трибуне, а Рой Филби, Стелла Кирчнер, Бетси Гинзберг и Билл Дикмани, уже полностью оправившийся от приступа, обнаружили бар в полуквартале от перекрестка, где проходил митинг. Там они и решили пропустить по рюмочке, пока кандидат будет произносить речь*.

— Позови нас, Флетч, если его застрелят или он начнет бросать деньги в толпу, — попросил Рой Филби.

Три телекамеры нацелились на трибуну. Фотографы замерли у подножия лестницы.

Здание Первого национального банка Уинслоу на углу Корн-стрит и Уинслоу-лейн, высившееся позади трибуны, украшал громадный звездно-полосатый флаг. Как заметил Флетч, с рока восемью звездами**.

— Мир изменился, друзья мои, — прогремел голос губернатора. И вы, и я это знаем, но нынешний хозяин Белого дома, похоже, даже не подозревает об этом. Так же, как и его высококобые советники. Как и другие кандидаты, республиканцы или демократы, которые хотят поселиться в Белом доме на следующие четыре года...

— Это не его обычные слова. Это не Речь! — вынесла вердикт Фредди.

— ...Ранее все, что происходило в Нью-Йорке или Вашингто-

* Обязательный атрибут американской политической культуры. Основная предвыборная речь, в которой изложены все главные положения программы кандидата. Пишется специально для кандидата с учетом его индивидуальных особенностей (манера говорить, дикция и т. д.). Обычно состоит из отдельных блоков, которые легко тасуются. И хотя на каждом митинге кандидат говорит практически одно и то же, создается впечатление, что всякий раз он произносит новую речь.

** Число звезд соответствует числу штатов. В настоящее время, как и в год написания книги, штатов 50. Автор намекает, что экономические банкиры уже не один десяток лет пользуются одним и тем же флагом, благо вывешивается он нечасто.

не, считалось важным в Парамарибо, Дурбане, Кампучии. И не было там ничего более важного. Нынче все изменилось. Теперь мы знаем, что происходящее в Сантьяго, Тегеране, Пекине чертовски важно для Нью-Йорка и Вашингтона.

— Однако, — повторил Флетч.

— ...«Третий мир», как его называют, перестал быть чем-то чуждым, далеким, не имеющим для нас никакого значения. Хотим мы этого или нет, но мир становится более осязаемым. Планету покрывает сеть коммуникаций, этакая электронная нервная система, во многом схожая с той, что является составляющей наших тел. Мы ощущаем боль не только, когда болит сердце или голова, но и когда ударяемся пальцем ноги. Точно так же теперь мы мгновенно ощущаем боль Монтевидео, Джидды, Бангкока. И конечно, друзья мои, мы ощущаем боль нашего...

— Ну, дает, — прокомментировал Флетч.

Фредди то и дело искоса поглядывала на него.

— ...Уже нет Первого мира, или Второго, или Третьего. Есть человеческая цивилизация, которая на наших глазах превращается в единое целое!

— Неужели... — начал Флетч.

— Что «неужели»? — тут же спросила Фредди.

— Вы и я знаем, что ни теология, ни идеология не причастны к этому новому, неожиданному, всеобщему единению. Христианство две тысячи лет пыталось связать мир воедино... и потерпело неудачу. Ислам положил на это шесть веков... с тем же результатом. Американская демократия два столетия связывает мир... без особых успехов. Коммунизм почти сто лет занимается тем же... и ничего у него не выходит.

— Так он решил!

— Решился на что? — доставала его Фредди.

Глаза Флетча изучали лица в толпе. Посиневшая от холода кожа, красные носы. Взгляды, сошедшиеся на том, кто может стать самым могущественным человеком страны, который будет контролировать их налоги и траты, медицинское обслуживание и образование, дни и ночи, юность, зрелость, старость и даже смерть.

Член палаты представителей тем временем рвалась сквозь толпу к трибуне. Она все еще позволяла пожать себе руку, отрывочно отвечала на обращенные к ней просьбы, но лицо ее превратилось в каменную маску. А Барри Хайнс и Шустрик Грасселли, вроде бы помогая ей, вновь и вновь сбивали ее с нужного направления.

— Вы и я знаем, что связывает этот мир воедино, лучше, чем миссионеры, эффективнее, чем любые армии...

— Что он такое говорит? — Фредди подрегулировала уровень записи на магнитофоне, висящем на поясе.

— Сегодня, — продолжал кандидат, — спутники позволяют нам видеть, как зреет пшеница в России, как растет рис в Китае. Мы можем разглядеть, как муштруют солдат в Карачи или

Лесото. Мы можем слетать в Эр-Рияд или Лусон перед ленчем или обедом. Любое изменение в экономике Алжира оценивается буквально в течение нескольких часов. Вполне возможно едва ли не мгновенно определить мнение всего населения Индии по тому или иному политическому вопросу...

Уолш Уилер, до того бесцельно рассекавший толпу, решительно двинулся к автобусам. От лестницы на трибуну члена палаты представителей отделяли уже считанные метры.

— ...Вы и я, друзья мои, знаем, что мир объединяет технический прогресс, сцепляет его воедино куда лучше всех религий и идеологий. Технический прогресс создает нервную систему под кожей матери-Земли. А потому, как мы с вами прекрасно понимаем, политикам, чтобы избежать ненужной боли, необходимо незамедлительно отреагировать на появление этой новой системы. Если сегодня мы проигнорируем страдания в любой части Земли, многие поколения будут страдать от боли и несчастий. Если мы сознательно оставим гниющую рану где-то далеко от нашей процветающей страны, зараза обязательно доберется и до нас.

Фотографы уже заняли лестницу на трибуну. На просьбы члена палаты представителей пропустить ее, обращенные к их спинам, они не реагировали.

— ...Американским политикам пора дорасти до осознания этой новой реалии. Технический прогресс сводит нас ближе к сямским близнецам! Технический прогресс делает нас более взаимозависимыми, чем любые отношения труда и капитала! Технический прогресс объединяет людей там, где терпят поражение любовь и закон! Такова новая реальность! Мы должны как можно быстрее сжиться с ней! Ради мира на Земле! Ради благополучия всей планеты! Ради здоровья каждого ее жителя! Ради процветания! Друзья мои, ради продолжения самого рода человеческого!

Не сразу слушатели поняли, что кандидат закончил Речь. Последовали глухие аплодисменты: никому не хотелось снимать перчаток, крики: «Так и надо, Кэкстон! Мы с тобой до конца!»

Заиграл оркестр.

У края трибуны кандидат пожимал руку члену палаты представителей, независимым своим видом показывая всем, а особенно фотографам, что никогда не встречался с ней ранее и для него эта почтенная дама — одна из многих, составляющих отряд его доброжелателей. Затем он помахал руками толпе и сбежал по ступеням.

У автобуса Уолш Уилер, Пол Добсон и Фил Нолтинг что-то горячо обсуждали.

— Однако, — в который уж раз повторил Флетч, — я и представить себе не мог, что так просто быть волшебником.

— Вы что-то об этом знаете, — обвинила его Фредди. — Расскажите мне?

— Нет.

Фредди Эрбатнот надулась.

Повернулась к трибуне. Бабуля, член палаты представителей, что-то кричала в микрофон. Оркестр полностью заглушал ее слова.

— Что все это означает? — задала Фредди риторический вопрос.

— Только одно, — ответил Флетч. — Он попал в вечерний выпуск новостей.

ГЛАВА 15

Поравнявшись с Флетчем, губернатор Уилер широко улыбнулся.

— Настроение бодрое?

— Как у дедушки Адама.

Все еще улыбаясь, губернатор направился к сыну. Уолш, Фил Нолтинг и Пол Добсон являли собой стену, рухнувшую от звука трубы. На лицах всех троих отпечатался ужас.

— Как я выступил?

Уолш стрельнул взглядом по сторонам, дабы убедиться, что они вне досягаемости ушей репортеров. Но рядом стояла лишь группа из тридцати или сорока пациентов местной психиатрической больницы, приведенных на встречу с кандидатом.

— Тебе надо бы предупреждать нас о подобных сюрпризах.

— Я же говорил, что у меня возникла идея.

— Да, но ты забыл упомянуть, что намерен бросить бомбу, предложив совершенно новый подход.

— Который потребует новой Речи. — Глаза Фила Нолтинга превратились в щелочки.

— Да уж, — согласился губернатор. — Признаться, я обдумывая выступление, пока эта бабка из Конгресса что-то долдонила насчет водоснабжения.

— Дело в том, — вмешался Пол Добсон, — что мы должны готовить убедительные доводы в защиту каждого вашего тезиса до того, как вы представите их на суд общественности.

— Истину защищать не надо, не так ли? — возразил губернатор.

— Привет, губернатор, — обратился к нему один из психов, мужчина лет тридцати пяти. — Меня зовут Джон.

— Привет, Джон, — поздоровался с ним губернатор.

— Ты, возможно, произнес отличную Речь, папа. Но мы-то ничего о ней не знали, а потому мы чувствуем себя ненужными.

— Я сам не знал, скажу я об этом или нет, — улыбнулся губернатор. — Но так уж вышло, что сказал.

— Сейчас мы получим текст и посмотрим, что можно сделать, — подвел черту Добсон.

Губернатор пожал плечами.

— Все будет нормально. — И протянул руку другому психу, женщине лет тридцати. — Привет. Вы — приятельница Джона?

В автобусе Ли Оллен Парк, координатор добровольцев, подсоединял к наушникам портативный магнитофон. Машинистка сидела за столиком, готовая приступить к работе.

— Ли Оллен, — начал Флетч. Парк не повернул головы. — Один простой вопрос.

— Не сейчас. Пожалуйста, сейчас вопросов не надо. Нам нужен полный текст Речи губернатора, — последнее предназначалось машинистке. — И чем быстрее, тем лучше. — Он нацепил наушники на голову машинистке. Она чуть поправила их.

На многоканальном телефоне, встроенном в кресло Барри Хайнса, горели все лампы вызова. Телефон не звонил. Сам Барри куда-то сгинул.

— Ли Оллен... — упорствовал Флетч.

Ли Оллен нажал кнопку «пуск» на магнитофоне и приложил к уху третий наушник.

— Слышно хорошо? — спросил он машинистку.

Та кивнула. Ее пальцы уже бегали по клавиатуре.

— Мой Бог, — простонал Ли Оллен. — Что же он такое говорит?

— Ли Оллен, меня интересует Салли Шилдз, Элис Элизабет Шилдз...

— Не сейчас, Флетчер! Тут же настоящий ад! Губернатор взорвал бомбу, если вы этого еще не знаете.

— Нет. Не знаю.

— Во-первых, его поймали на подкупе школьников. Затем, как нас сориентировали, пьющий, не пропускающий ни одной юбки, конгрессмен оказался чьей-то прабабушкой. Между прочим, в холодильнике кувшин с «Кровавой Мэри». Выпей, если желаешь. И наконец, он выступает в Уинслоу, словно Линкольн в Геттингсберге. А день только начался.

— Ну что вы, — успокоил его Флетчер. — Добрая половина уже миновала.

— По моим часам — нет. — И Парк склонился над машинисткой, слушающей и печатающей. — Нам нужно каждое слово! Каждое слово!

— Теперь вы можете мне ответить, — твердо заявил Флетчер.

Ли Оллен Парк все еще прижимал наушник к уху.

— Что? Что, что, что?

— Элис Элизабет обращалась к вам с просьбой зачислить ее в добровольцы? Вы ей платили за какую-нибудь работу?

— Нет. — Ли Оллен мотнул головой.

— Не обращалась?

— Мне докладывали о следующем за нашим караваном «фольксвагене». Это все, что я о ней знаю.

— Он сказал что-нибудь новое? — прокричал Билл Дикманн, один из тех, кто предпочел стопку спиртного Речи кандидата.

— Похоже, что да, — признал Флетч.

— Совсем новое? — На лице Дикманна отразилась тревога.

— Я, конечно, не могу точно указать процент новизны...

— У кого пленка? — прервала его Стелла Кирчнер.

— У тех, кто сейчас оккупировал телефоны в центре Уинслоу, — ответил Флетч. — Полагаю, что у них.

— У вас есть пленка, Флетч? Дайте ее нам, и я обещаю, что больше мы не будем писать о том, как кандидат подкупает школьников.

— Пленки у меня нет. Распечатка Речи будет готова с минуты на минуту.

— Распечатка, — скривился Дикманн. — Мои издатели получают текст по системам теле- или радиовещания. Зачем же мне отправлять им еще и распечатку?

— Что же сказал губернатор? — насканивала на Флетча Стелла Кирчнер.

— Ну, вроде того, что мир объединяется, несмотря на все усилия человечества.

Репортеры в изумлении уставились на него, словно он внезапно заговорил на незнакомом им языке.

— И ничего насчет водоснабжения? — Рой Филби выглядел так, будто вот-вот шлепнется в обморок.

— Ничего.

— Дерьмо, — процедил Филби. — Я-то уже сообщил, что он говорил о водоснабжении... Так что он сказал не о водоснабжении?

Флетч ввел Бетси в автобус команды кандидата.

— О-о-о! — Бетси изобразила притворный восторг. — Неплохо тут живут. Телевизор и все такое.

Услыш разговаривал с Ли Олленом Парком.

— Уолш, это Бетси Гинзберг.

— Я знаком с Бетси. — Уолш вопросительно глянул на Флетча.

— Как с репортером, но не как с женщиной, — вставила Бетси.

— Да, да, — покивал Флетч. — Она, как никто, умеет ошибиться.

— Часть политической кампании — общение с людьми по всей стране. И хороший политик всегда прислушивается к голосу народа. Вот и вы утром поделились со мной очень дельной мыслью. Возможно, каждый знает, что это так, но никто еще не сказал об этом вслух. А может, только молодые впитали эту новую реальность с молоком матери и теперь не представляют себе иного будущего.

— Да, сэр. Возможно.

— Я думаю, люди голосуют за того, кто говорит им правду. А вы?

— Надеюсь, что это так, сэр.

— Я тоже. Политики — не философы, Флетч. От них этого и не требуется. Никто не хочет, чтобы в Белом доме поселился

Том Пейн*. Или Карл Маркс. Или Маркузе**. Но никому и не нужно, чтобы хозяин Белого дома не признавал основополагающих истин. — Не глядя на Флетча, застывшего у двери комнаты отдыха, губернатор хохотнул. — Мне нравится, что я вас пронял. Держу пари, ваши прежние знакомые полагали, что вы абсолютно непробиваемы. — Флетч шумно глотнул. — Это так?

— Я... возможно... я... э...

Губернатор рассмеялся и протянул руку.

— Дайте-ка мне распечатку.

Флетч отделил для него верхний листок и чуть не выронил на пол остальные.

Губернатор углубился в чтение.

— Посмотрим, что я такого наговорил.

ГЛАВА 16

— Немедленно отрывай свою чертову задницу от стула и поднимайся сюда. — Голос Уолша не оставлял сомнений в том, что он настроен серьезно.

— Да, сэр, лейтенант, сэр, — ответил Флетч в телефонную трубку. — Скажите только, куда поднимать мою чертову задницу, сэр.

— Номер 1220.

И в трубке раздались гудки отбоя.

Спеша к двери, Флетч споткнулся о нераспакованный чемодан...

Вторую половину дня Флетч то и дело перескакивал из автобуса прессы в автобус кандидата и обратно.

По телефонному аппарату, установленному в автобусе прессы, он долго беседовал с Уилли Финном, уже прибывшим в Калифорнию, о мероприятиях, намеченных на тот день в Спайрсвилле, на вечер в Фармингдейле, на следующий день в Кимберли и Мелвилле. Финч еще ничего не мог сказать о впечатлении, произведенном Речью губернатора в Уинслоу, хотя уже слышал о ней. Трагическая смерть Виктора Роббинса, похоже, очень его опечалила.

Вместе со всей компанией Флетч побывал в Спайрсвилле. Купил в местном магазинчике кулек залежавшихся пончиков, съел четыре, пообщался с местными газетчиками, снабдил их всеми необходимыми материалами. На стене склада обнаружил надпись: **ЖИЗНЬ — ЭТО НЕ ШУТКА**. Подобные надписи он видел в Северной Европе в начале восьмидесятых годов. Вер-

* Пейн Томас (1737—1809) — просветитель радикального направления, родился в Англии, с 1774-го жил в Северной Америке.

** Маркузе Герберт (1898—1979) — немецко-американский философ и социолог. Концепции Маркузе во многом определяли идеологию левых экстремистов на Западе.

нувшись после прогулки по Спайрсвиллю, Флетч обнаружил, что кто-то разбил окно в автобусе прессы.

По пути в Фармингдейл (час езды) Флетч играл в покер с Биллом Дикманном, Роем Филби и Тони Райсом. Когда автобус остановился у отеля, его личное состояние увеличилось на двадцать семь долларов...

Двери лифта открылись. В кабине стоял Хэнреган. И смотрел на Флетча с каменным лицом. Не улыбнулся, не скривился.

— Вверх? — спросил Флетч.

Хэнреган молча сверлил его взглядом.

Ответила женщина, стоявшая рядом с Хэнреганом, в пурпурном платье и коричневых туфлях.

— Нет, мы едем вниз.

Флетч нажал кнопку вызова соседнего лифта.

Уолш распахнул дверь номера 1220, едва Флетч постучал.

— Что происходит? — спросил он, как только пресс-секретарь переступил порог.

Они стояли в полутемном коридорчике у ванной.

— Ладно, — потупился Флетч, — верну я эти двадцать семь долларов.

— Какой-то репортер, вонючий, грубый, грязный, оказался в моем номере раньше меня. Он уже сидел в кресле, когда я вошел.

— Вонючий, грубый, грязный репортер?

— Он сказал, что представляет «Ньюс билл».

— О, этот вонючий, грубый, грязный репортер Хэнреган, Майкл Джи.

— Он подждал меня, когда коридорный открыл дверь. Расположился вот в этом кресле, — Уолш прошел в спальню и указал на одно из кресел у окна. — Курил сигару. — В пепельнице на столике у кресла серела горка пепла. — Мерзавец. Полагаю, хотел показать мне, какие у него возможности. Запертые двери, право на уединение, похоже, ничто для репортеров «Ньюс билл».

— Он просто хотел познакомиться с тобой поближе.

— Он не познакомился со мной поближе. Но довел меня до белого каления.

Во взгляде Уолша, однако, не чувствовалось злобы. Вроде бы он говорил о том, что разъярен, но глаза ясно указывали, что думает он совсем о другом. Да и голос не звенел негодуяще, хотя в нем и слышались нотки раздражения.

И жалобу его, как воспринял ее Флетч, вызвали не эмоции, но нарушение заведенного порядка.

— Майкл Джи. Хэнреган — вонючий, грубый, грязный мерзавец, — согласился Флетч. — Он пишет для «Ньюс билл». Но называть его репортером — слишком много чести.

— Я думал, «Ньюс билл» представляет у нас кто-то еще. Потрясающе глупая женщина... Как ее звать?

— Мэри Райс.

— Она не родственница Тони Райса?

— Нет. Мэри тоже пишет для «Ньюс билл». Освещает избирательную кампанию. И все ее материалы отличается сенсационность. Чего стоит упоминание о том, что прапрапрадедущка Лии Оллена Парка был рабовладельцем.

— Круто!

— В общем, полная ерунда.

— Но ведь в «Ньюс билл» нет ничего, кроме новостей, добытых их борзописцами из чьей-нибудь спальни через замочную скважину.

— Спальни, бары, залы суда — это их сфера. Плюс гороскопы. Влияние звезд небесных на земных. Последнее проходит у них, как новости.

— Но это еще не все. В вестибюле меня атаковала роскошная девица, заявившая, что она из «Ньюс уорлд».

— И что она хотела?

— Полный список побывавших вчера вечером в «люксе» отца. Плюс полный список тех, кто мог зайти туда. Что она вынюхивает?

— Так это Фредерика Эрбатнот.

— Да. Эрбатнот. С каких это пор «Ньюс уорлд» интересуется предвыборными кампаниями?

— Ты должен уяснить, Уолш, что Хэнреган и Эрбатнот — криминальные репортеры. Это все, что у них общее. Такова их работа. Они пишут о преступлениях.

— Так что они делают в автобусе прессы?

— Вчера вечером в мотеле убили женщину.

— А, перестань. Мало ли что случается в мотелях.

— Еще одну убили в отеле «Харрис» в Чикаго, когда там находилась команда губернатора. Ее нашли в чулане, примыкающем к банкетному залу, где принимали журналистов.

Уолш вздохнул.

— Не можем ли мы лишить их аккредитации, поскольку они — криминальные репортеры.

— Я уже думал об этом. Но боюсь, мы только разожжем их интерес. Они станут более настойчивыми. Ты же не будешь отрицать, Уолш, у них есть основания интересоваться нами.

— Очень зыбкие. — Уолш взглянул на часы. — Отец ждет нас у себя к вечернему выпуску новостей.

— А о чем спрашивал Хэнреган?

— Задать много вопросов он не успел. Я наорал на него, наорал на коридорного, позвонил в службу безопасности отеля, потом — тебе.

— Но о чем-то он спросил?

— Только о моем послужном списке.

— Твоим послужном списке? А какое отношение имеет он к цене фасоли?

— Я предложил ему обратиться в Министерство обороны, где ему выдадут все необходимые сведения. — Уолш поправил зеленый галстук. Надел зеленый пиджак. — Мерзавец. Я не вытолкал его взащей лишь потому, что не хотел пачкать руки.

— Боюсь, я бессилён тебе помочь, Уолш. — Флетч открыл дверь. — Пресса имеет право задавать вопросы.

Уже в коридоре Флетч попробовал повернуть ручку двери. Последняя не открылась: замок запирался автоматически.

— Скажи этому мерзавцу, — Уолш уже шагал к лифту, — что я засажу его в тюрьму, если без моего ведома он вновь окажется в моем номере или в номерах родителей.

— Уолш, — предупредил своего лейтенанта Флетч, — он только порадуетсЯ, услышав такие слова.

ГЛАВА 17

— Губернатор Кэстон Уилер, выступая сегодня в Уинслоу, возвестил о приходе, как он выразился, Новой Реальности и тем самым перевел предвыборную кампанию в иную плоскость...

Этим сообщением начались вечерние выпуски новостей всех трех ведущих телевещательных компаний. Слова, разумеется, разнились, но суть оставалась неизменной.

Барри Хайнс сидел на полу по-турецки перед тремя телевизорами, которые он принес в спальню губернатора.

Губернатор, в рубашке с короткими рукавами, без галстука и ботинок, расположился в кресле, держа в поле зрения все три телевизора. Шустрик Грасселли развешивал в шкафу одежду губернатора. Флетч примостился на краешке кровати. Уолш стоял.

— Виктор Роббинс погиб зазя, — изрек Уолш. — Выпуски новостей начались не с Алтона.

— Нет, не зазя, — не согласился с ним губернатор.

В гостиной, по другую сторону закрытой двери спальни, Ли Оллен Парк и несколько добровольцев поили и развлекали местное руководство. Все ждали, пока губернатор оденется, чтобы сопроводить его и миссис Уилер на обед, который давал в их честь мэр города.

Затем все телекомпании показали выступление Уилера, естественно, сильно обрезанное, но обязательно со словами: «Христианство две тысячи лет пыталось связать этот мир воедино... и потерпело неудачу. Ислам положил на это шесть веков... с тем же результатом. Американская демократия два столетия связывает мир... без особых успехов. Коммунизм почти сто лет занимается тем же... и ничего у него не выходит... Технический прогресс сводит нас ближе сиамских близнецов! Технический прогресс делает нас более взаимозависимыми, чем любые отношения труда и капитала! Технический прогресс объединяет людей там, где терпят поражение любовь и закон! Такова новая реальность!» Все три телекомпании показали кандидата крупным планом, без шляпы, в пальто, на трибуне, на фоне звездно-полосатого флага, украшающего фасад Первого национально-го банка Уинслоу.

В Спайрвилле губернатор выступил практически с той же речью.

— Возможно, ты и не согласишься со мной, Уолш, но я полагаю, что повторение лишь доказывает, что это не просто слова, — пояснил он...

— Президент еще никак не прокомментировал Речь губернатора Уилера, — сообщили со всех трех экранов.

— Старик выжидает, в какую сторону подует ветер, — отозвался Уолш.

— Представитель Белого дома заявил, что предложения губернатора Уилера весьма серьезны и требуют тщательного анализа. А вот что сказал нам сенатор Грейвз, также претендующий на пост президента и участвующий в тех же первичных выборах, что и губернатор...

— Дураки всегда спешат, — вставил Барри.

Лицо сенатора один за другим заполнило три экрана, его скрипучий голос разнесся по всей Америке: «Слышал ли я, как губернатор Уилер поведал нам, что христианство и демократия уже никуда не годятся? Ну, я в это не верю. И полагаю, что большинство американских граждан согласятся со мной».

В спальне губернатора Кэктона Уилера воцарилась мертвая тишина.

А телекомментатор продолжал: «Мы не смогли связаться с сенатором Аптоном, так как он улетел в Пенсильванию, где сегодня утром трагически погиб в автокатастрофе его близкий друг и организатор предвыборной кампании».

— Видите? — подал голос губернатор. — Старина Вик умер не зря. Позволил Аптону подготовиться к ответу.

Новости продолжались, перемежаясь рекламными роликами. Автомобиль Виктора Роббинса поднимали из ледяных вод Саскьюхенны. Цитировались теплые слова, сказанные о Роббинсе нынешним президентом Соединенных Штатов и большинством кандидатов. Президент в Овальном кабинете подписал законопроект, разрешающий индейскому племени заниматься разработкой полезных ископаемых на территории своей резервации. Вновь показали видеозапись вчерашней потасовки на хоккейном матче, сопровождаемую интервью с игроками и болельщиками. (Каждый говорил: «Меня кто-то ударил». Ни один не признался: «Ударил я».) Одна телекомпания дала видеосюжет из региональной школы Конроя, где губернатор Уилер раздавал деньги школьникам, вместе с негативными репликами специалистов. Вторая сочла достаточным упомянуть об этом лишь в сводке новостей. Третья обошлась и без этого, зато показала мартышку из Луизианы, научившуюся компьютерным играм.

Смерть Элис Элизабет Шилдз прошлым вечером осталась без внимания.

— Не знаю, отец, — покачал головой Уолш, — просто не знаю.

— Чего же ты не знаешь? — воинственно спросил губернатор.

— Ты вроде бы сказал, что христианство и демократия нам уже и не годятся.

— Я этого не говорил! — воскликнул губернатор. — Я лишь сказал, что им одна идея не смогла объединить мир так, как это делает технический прогресс. Черт побери!

— Есть разница между идеями и способами их реализации, — резко ответил Уолш.

— Разница между идеями и действительностью, — возразил губернатор. — И конкретные дела сослужат людям более добрую службу, нежели словесные замки.

Барри Хайнс, не поднимаясь с пола, на коленях дополз до телевизоров, выключил их, повернулся к губернатору и его сыну.

— По-моему, это хорошая речь. Если задуматься, губернатор сказал правду. И не надо лезть в бутылку, Уолш, из-за глупой реплики Грейвза.

— Да, — поддержал его Флетч. — Ты же знаешь, умом Грейвз не блещет.

Дверь из гостиной открылась.

Вошла Дорис Уилер. В вечернем платье. С шарфом, брошенным на широкие плечи. Она затворила за собой дверь.

Шагнула к губернатору.

— Кэкстон, ты только что проиграл выборы.

Губернатор побледнел.

— Подожди, подожди.

— Чего мне ждать? — Еще шаг, к центру спальни. — Ты же выставил себя круглым идиотом.

Уолш попятился к стене. Шустрик Грасселли ретировался в ванную.

Дорис говорила с мужем так, будто в комнате они были вдвоем.

— Все твои сегодняшние поступки для меня — полный сюрприз. Раздавать деньги школьникам. Да еще не всем, а избранным. Барри передал тебе, что мне пришлось сказать по этому поводу? Не пустить члена палаты представителей Флагерти на трибуну! Надеюсь, ты не станешь убеждать меня, что это чистая случайность?

Губернатор посмотрел на Барри, потом — на жену. Все поняли, что услышанное от Дорис Барри оставил при себе.

— А что за бред ты нес в Уинслоу?

Глаза губернатора превратились в щелочки.

— Бред?

Дорис продолжила хорошо поставленным голосом опытного лектора:

— Кэкстон, ты прекрасно знаешь, что фермеры и лавочники Уинслоу, как и повсюду в США, не желают слышать о «третьем мире». Их интересуют налоги, программы по здравоохранению, социальной защите, обороне, субсидии на зерно. Избиратель прежде всего эгоист! Каждый раз, слыша название какой-либо чужой страны, он знает, что ему придется платить!

— Дорис, надо говорить и об этом.

— А что ты лепил насчет технического прогресса? — Дорис Уилер закатила глаза.

Губернатор, сидевший в кресле, без галстука, обмяк. Словно на него навалилась усталость.

— Ты пытаешься показать, что ты — государственный деятель, Кэкстон? — выкрикнула Дорис.

— Мама, — вмешался Уолш, — ты же не хочешь, чтобы тебя слышали люди в гостиной?

— Почему нет? — Дорис не понизила голоса. — Пусть слушают! Предвыборная кампания губернатора Кэкстона Уилера завершена! Они могут допить виски, убрать в карманы чековые книжки и разойтись по домам, чтобы потом переметнуться к Симону Аптону или Джо Грейвзу.

Губернатор искоса глянул на Барри Хайнса, словно ища поддержки.

— Грейвз сболтнул чушь...

Барри Хайнс оставил на телевизоре пластмассовый стаканчик, наполовину наполненный пепси.

Дорис смахнула стаканчик на ковер.

Губернатор Уилер устался на коричневое пузырящееся пятно. Затем поднялся, подошел к зеркалу, начал завязывать галстук.

Барри Хайнс уже стоял у двери в гостиную.

— Кэкстон, — Дорис обращалась к спине мужа, — американцы не доверяют техническому прогрессу. Они не понимают технического прогресса. Технический прогресс отнимает у них работу.

— Перестань, — устало отмахнулся губернатор. — Американцы влюблены в технику. Они обожают компьютерные игры, механические игрушки, кабельное телевидение. Они даже устанавливают всякие хитрые приспособления на свои тракторы и грузовики...

— А в глубине души они полагают, — настаивала Дорис, — что все технические достижения — проделки дьявола.

— О, Дорис.

— И надо быть круглым дураком, чтобы заявить, что технический прогресс заменит религию!

— Я ничего такого не говорил.

— Что технический прогресс заменит демократию?

Повернувшись от зеркала, губернатор застегивал рукава. По его щекам ходили желваки.

— Это наша вина, — попытался погасить пожар Уолш. — Мы переоценили значение гибели Вика Роббинса. До первичных выборов всего два дня, а нам очень хотелось попасть в вечерние выпуски новостей.

— Твои оправдания ни к чему, сын, — раздраженно осадил его губернатор. — Я сказал то, что считал нужным, и не намерен забирать назад ни единого слова.

— Что ж, эти слова дорого тебе обойдутся, — холодно пропедила Дорис.

— А так ли я навредил себе? — Губернатор повернулся к Флетчу. — Как отреагировала пресса?

— Думаю, они еще не переварили всего того, что вы вывалили на них. А большинство просто обрадовались, услышав что-то новое.

— Естественно, — повела плечами Дорис. — Еще с большей радостью они опубликовали бы предсмертную записку Кэкстона.

— Кроме того... — Флетч замялся. — Эндрю Эсти уехал в аэропорт. Назвал вас безбожником.

— Кэкстон! — воскликнула Дорис. — Ты знаешь, каков тираж «Дэйли госпел»? Ты представляешь, что означает для нас потеря его читателей?

— О, Эсти! — хмыкнул губернатор. — Иисус Христос не одобрил бы его поступка. Иисус Христос омыл ноги протитутке.

Лицо Дорис Уилер порозовело.

— Как ты мог сказать все эти глупости, не посоветовавшись со мной? Как ты мог повторить их в Спайрсвилле?

— Люди ждут, — напомнил губернатор.

— Поверьте мне, — Дорис Уилер оттолкнула Барри Хайнса и открыла дверь в гостиную, — на сегодня с самоуничтожением и глупостью покончено. Если вы все не можете убедить его не выставлять напоказ свою дурь, то мне это по силам, будьте уверены.

Выходя из спальни, она оставила дверь открытой.

Губернатор тут же закрыл ее.

— Господа, — он обвел взглядом Барри, Уолша и Флетча, — общаясь с нашими гостями, как бы невзначай упомяните в разговоре о громкости телевизора. Что сейчас показывают, Барри?

Хайнс задумался.

— Симфонический концерт, ретроспектива фильмов Арчи Банкера и «Маппетс-шоу».

— Отлично. Мы смотрели фильм с Арчи Банкером, пока я одевался, и перестарались с громкостью.

В гостиной прием продолжался. Флетч беседовал с издателем и автором передовиц «Фармингдейл ньюс». Они хотели знать наверняка, что губернатор верит в абсолютную свободу прессы, и, судя по всему, могли кое-что рассказать о некоем федеральном судье. Флетч заверил их, что для губернатора свобода прессы — абсолютный закон и он не собирается назначать федеральных судей, не ознакомившись с мнением местных жителей.

Выражение легкой тревоги, появившееся на лицах при выходе губернатора, исчезало по мере того, как осушались все новые бокалы. Не повредило и упоминание фильма Арчи Банкера.

Дорис Уилер кружила по комнате, не останавливаясь ни на

секунду, переводя взгляд с одного лица на другое, стараясь не пропустить ни единого слова.

Губернатор же стоял, засунув руки в карманы, обменивался любезностями с окружавшими его людьми, шутил сам, смеялся над шутками других.

Уолш около бара что-то горячо обсуждал с пятью или шестью мужчинами лет двадцати пяти.

А потом, совершенно неожиданно, губернатор возник рядом с Флетчем и, взяв его за локоть, отвел на пару шагов.

— Флетч, найди доктора Тома. Пусть поднимется сюда. Но только без черного чемоданчика. Он знает, что мне нужно.

Рука, державшая локоть Флетча, чуть подрагивала.

— Да, сэр, — ответил Флетч.

ГЛАВА 18

— Приветствую вас. Мисс Эрбатнот?

— Да?

— Рад, что поймал вас.

— В чем?

— В душе?

— Только что вышла из ванной.

— Пели любимую песенку про мытье ножек?

— О, вы знаете и об этом.

— Бывало, слышал ваш голосок через стену в Виргинии. Утром — громче, вечером — тише.

— По утрам я принимаю холодный душ.

— Я как раз собирался заказать в номер сэндвич и бутылку молока. Но могу заказать и два сэндвича.

— Конечно, можете, Флетч. Если хотите съесть оба.

— Мне хватит и одного.

— Тогда и заказывайте один.

— Вы, похоже, меня не понимаете.

— Стараюсь не казаться такой бесцеремонной, как некоторые.

— Видите ли, я могу заказать один сэндвич для себя. А второй — для друга. Который мог бы разделить со мной трапезу.

— Логично. У вас есть друг?

— Я подумал, может, им станете вы, учитывая, что вы приняли душ и все такое.

— Нет. Не стану.

— С чего такая уверенность?

— Я уверена.

— Мы могли бы съесть сэндвичи, посидеть рядышком, может, спели бы колыбельную.

— Нет. Не могли.

— Но, Фредди...

— Послушайте, Флетч, вы не обидитесь, если я положу трубку? Я жду звонка из Чикаго. А потом мне самой надо позвонить в Вашингтон.

— Ладно, — вздохнул Флетч, — перезвоню вам позже, когда вы передумаете.

Он позвонил в бюро обслуживания, заказал два сэндвича и квартиру молока.

Снял ботинки, рубашку, улегся на кровать.

Его номер ничем не отличался от того, в котором он провел прошлую ночь. Комната того же размера, те же немаркие обои, зеркало на том же месте, в ванной то же число полотенец. Картина, правда, висела другая. Вместо летящей под парусами шхуны ему предлагали любоваться горной вершиной, освещенной лучами восходящего солнца. Но Флетч не успел порассуждать о любви Америки к стандартизации, о неизменности номеров мотелей, самих мотелей, аэропортов, городов, телевизионных выпусков новостей, даже кандидатов в президенты: зазвонил телефон.

— Я знал, что вы передумаете, — сказал он в трубку. — И уже заказал вам сэндвич.

— Как мило с вашей стороны, — ответил ему мужской голос. — Вы можете послать его в Айову?

— Почему бы и нет. Но кому?

— Мне. Рондоллу Джеймсу.

Флетч сел.

— Ай-эм Флетчер, мистер Джеймс.

— Пожалуйста, называйте меня Джеймс. Мои родители наградили меня именем, которое никто не может произнести правильно. Рондолл, сами видите. Как будто не могли найти чего-нибудь попроще. Так что я уже давно сдал его на хранение в отдел регистрации, где записывают вновь родившихся и умерших.

— Как я вас понимаю!

— Ваше имя тоже никто не может выговорить?

— Наоборот. Вы хотите вернуться на прежнее место работы?

— Пока еще нет. Я в Айове, приехал на похороны Вика Роббинса.

— Но он погиб в Пенсильвании.

— Жил он в Айове. Его тело доставили сюда вечером.

— Вы были друзьями?

— Очень близкими. Вик многому научил меня. Кто писал заявление для прессы? Уолш?

— Да. Когда пришло сообщение, губернатор был на заводе.

— Будь я там, заявление для прессы звучало бы не столь формально. Иногда эти парни забывают, кто действительно творит американскую политику. Как вам нравится моя работа?

— Я в ней не силен.

— Неужели? Но вы ведь попали в выпуски новостей всех телекомпаний. Для первого дня неплохо.

— Да, но не навредила ли нам эта речь?

— Главное, попасть на глаза избирателю. Получить время на телевидении, место в газете. Приближает кандидата к рядовому

американцу, знаете ли. Нужно, чтобы кандидат стал добрым знакомцем. А что он говорит или делает — дело десятое.

— Как вы думаете, Джеймс, его слова дошли до людей?

— Не уверен. Он говорил, что технический прогресс объединяет мир, сближает нас, возможно, усиливает чувство ответственности каждого за других. Так?

— Да. Я думаю, да.

— Удивительно то, что я сидел в баре, в тысяче миль от того места, где он выступал, но видел его и слышал все, что он говорит. Доказательство его правоты, не так ли?

— А что думали об этом те, кто сидел у стойки рядом с вами?

— Полагаю, речь Кэкстона не оценили. Один парень так и заявил: «Опять Кэкстон распинается не пойми о чем. Лучше бы подсказал, где найти работу моей жене». Любитель джина. Бармен. Типичная реакция. Умный бармен никогда не будет брать чью-то сторону. Сказывается на чаевых, знаете ли.

— Наверное, пройдет день или два, прежде чем кто-либо переварит сказанное губернатором.

— Больше, Ай-эм, больше. Вик не раз втолковывал мне, и я убедился на практике, что он абсолютно прав — чересчур умные мысли не для предвыборной кампании. Предвыборная кампания — как боксерский поединок. Удар — нырок, удар — нырок. Надо двигаться, двигаться. И всегда с улыбкой на лице. Избиратели хотят лицезреть действо. Быстрое действо. Другого они не приемлют. Изю дня в день радуйте их веселыми сюжетами, уверенными заявлениями. Если же вы попросите их остановиться, о чем-то задуматься, они вас возненавидят. Они не способны думать, знаете ли. И подобная просьба вызывает у них комплекс неполноценности. А нам не нравится ощущение неполноценности. С какой это стати наши кандидаты считают, что они умнее нас? Это отход от демократических идеалов, знаете ли. Кандидат должен создавать впечатление, что он такой же, как все, просто хочет получить другую работу. В этой стране еще никому не удавалось войти в Белый дом благодаря высказанным идеям. Нет, к победе кандидата приводит образ, который ему удалось создать у избирателя, а отнюдь не истинные мысли.

— А как насчет розданных школьникам монет? Это сработало на нужный образ?

— Несомненно.

— Правда?

— Готов поспорить. Как только психоаналитик набрасывается с телеэкрана на вашего кандидата, его рейтинг подскакивает минимум на три процента. Психоаналитики копаются в головах, знаете ли. Этого никто не любит.

— Вы даже подняли мне настроение.

— Такую цель я перед собой не ставил. И звоню по другому поводу. Но уж раз мы говорим, мой вам совет: если почувст-

вуете, что Кэкстон собирается сказать что-то глубокомысленное, заткните ему рот перчаткой.

— Обязательно этим воспользуюсь. А зачем вы звоните?

— Чтобы сказать, как я люблю Кэкстона Уилера. И объяснить мотивы моих недавних поступков.

— А что вы такого сделали?

— Лишился работы, знаете ли. А может, поставил крест и на всей карьере. Принес себя в жертву на алтарь Афины. Богини войны, так?

— О да, здоровая такая деваха, со сковородкой в руке. Великолепная статуя. В детстве видел ее десятки раз. Губернатор сказал мне...

— То, что сказал он, не имеет значения. Слушайте сюда. Я работал на Кэкстона двадцать три года. Все это время был его глазами и ушами, ногами и ртом. Все двадцать три года, днем и ночью, включая выходные.

— Я знаю.

— Я хочу, чтобы вы поняли, как я люблю этого человека. Я восхищаюсь им и люблю и сейчас. Я знаю о нем больше, чем его жена, сын, кто угодно. Он — отличный парень. Ради него я готов на все, даже пожертвовать собой, что я и сделал.

Флетч ждал. Некролог человеческих отношений обычно не нуждается в комментариях слушателя.

— Кэкстон должен стать президентом Соединенных Штатов, — продолжил Джеймс. — Я верю в это всем сердцем. Но его слабое место, если вы это еще не распознали, Дорис Уилер. Ужасная женщина. Ужасная. На людей она смотрит, как крокодил. Если что-то рядом движется, она бросается, стараясь укусить как можно больнее. А Кэкстона она кусает уже добрых тридцать лет.

— Джеймс, муж и жена... какое нам до этого дело?

— Никакого, если только один из них не баллотируется в президенты. Вот тут их отношения затрагивают и нас. Вы слышали, как она разговаривает с добровольцем? С пилотом зафрахтованного самолета?

— Еще нет.

— С репортером, сыном, самим Кэкстоном?

Флетч промолчал.

— Иначе, как сукой, ее не назовешь. Дорис Уилер — всем сукам сука. Иногда мне казалось, что она просто выжила из ума. Если кто может подвести Кэкстона, так это его жена, а он не хочет этого признавать.

— Должно быть...

— Не хочет признавать, — повторил Джеймс. — Всегда покрывает ее. Тысячу раз я просил его приструнить эту суку. Даже развестись, избавиться от нее. Он меня не слушал. И она становится все хуже по мере того, как нарастает напряжение кампании. Я больше не мог выводить ее из-под удара, просто не мог, Ай-эм. Вы меня понимаете?

— Да.

— Пошли разговоры, что она помыкает губернатором, его командой, всеми. Или все делается, как она хочет, или жди скандала. Это, мол, ее кампания. Ею руководит она. И остальным лучше пристроиться ей в затылок, или жизни не будет.

— Тот визит в ожоговый центр...

— Один из подобных случаев. Она знала, что делает. Уолш просил ее поехать к детям. Ее личный секретарь, Салли, просила о том же. Барри и Уилли договорились с подругами, что она поиграет с ними в другое время. А она взяла и поехала играть.

— Почему?

— Да потому, что она уверена, что умнее всех.

— Да, но почему? Поступок-то глупый, учитывая обстоятельства...

— Во-первых, она не сомневается, что ей все сойдет с рук. Что бы ни случилось, вина ляжет на кого-то еще. Во-вторых, тщеславие. Плохо ли заявиться к подругам и поиграть с ними в теннис в ранге жены кандидата в президенты?

— Я обычно просто играю в теннис.

— Слушайте дальше.

— Подождите. Разве она не собирала пожертвования, играя в теннис? Кампания нуждается в средствах.

— Я же сказал: мы договорились, что она поиграет в теннис двумя днями позже. Она даже не отменила визит в ожоговый центр. Села в машину и уехала к подругам. Представляете себе? Медицинские сестры выкатили детей на креслах в большой зал. Собрались фотографы, репортеры. А эта сука не явилась. Какую боль причинила она детям? Зато наигралась в теннис.

— Но почему губернатор обвинил во всем вас?

— Он не может обвинить жену. Он никогда ее не винит. Раньше я всегда выкручивался. Договаривался с фотографами, репортерами. «Если вы об этом напишете, я не останусь в долгу. Организую вам эксклюзивное интервью или устрою так, чтобы вы сфотографировали губернатора в душе, голым и с сигарой. Такое тянет на Пулицеровскую премию, знаете ли». На этот раз я не смог, Ай-эм. Не смог.

— Но...

— Мое терпение лопнуло. Губернатор все эти годы не слушал меня. Ситуация осложнилась до предела. Дорис Уилер перешла все границы. Его шансы стать президентом росли день ото дня, а она грозила все погубить. А потому я рассказал репортерам все как есть. Я надеялся, что Кэксон увидит, как воспринимает подобные выходки пресса, и приструнит эту суку.

— А он сможет?

— Должен. Потому что мужа сумасшедшей никогда не изберут президентом Соединенных Штатов.

— Они прошли вместе долгий путь, Джеймс.

— Тем стремительней будет падение.

— Если она такая мегера, почему он живет с ней? Развод придумали не вчера.

— Если хотите, я назову вам три причины, по которым он не разводится с ней.

— Разумеется, хочу.

— Во-первых, избиратели не одобряют развода. Хотя и проостили его президенту Рональду Рейгану. Общее мнение таково — если мужчина не может навести порядок в доме, можно ли ожидать, что он справится с целой страной?

— Это одна причина.

— Во-вторых, у нее есть деньги. И много. Ее папочка преуспел в нефтяном бизнесе. Жизнь у политика рискованная, требующая больших расходов. А нефть, как известно, отличная смазка.

— Это вторая.

— В-третьих, я полагаю, что Кэкстон любит эту суку. Можете вы в этом поверить? Не спрашивайте меня, как и почему. По мне, лучше любить змею. Но в жизни увидишь всякое. Есть у меня знакомые, которые слова сказать не могут без дозволения жены. И все они в один голос твердят: «Что бы я делал без моего солнышка?» Любовь, Ай-эм, слепа, как Фемида. Возможно, вы это заметили.

— И так же переменчива.

— Господи, как я рад, что моя жена сбежала пятнадцать лет тому назад с психоаналитиком. Вот уж кому следовало навести порядок в голове.

— Возможно, и так, Джеймс. Но что делать мне?

— Нести свой крест, что же еще. Я лишь хотел, чтобы вы знали, благодаря кому я ушел от Кэкстона.

— Его жене.

— Я его люблю. Восхищаюсь им. Я хочу видеть его президентом Соединенных Штатов. Ради этого я отдал бы все. Все что угодно. Так что, если возникнет необходимость, звоните в любое время.

— Ловлю вас на слове.

— Они выпшвырнули меня, но это неважно. Для Кэкстона я готов на все.

Флетч скоро понял, что достаточно опустить трубку на рычаг, чтобы телефон зазвонил вновь.

И едва он переговорил с выпускающим редактором «Ньюс-уик», как в трубке раздался голос его давнего армейского приятеля Олстона Чамберса.

— Рад тебя слышать, — выразил свои чувства Флетч.

— Что происходит, Флетч?

— Если бы я знал.

— Только что услышал по радио, что ты стал пресс-секретарем Кэкстона Уилера, баллотирующегося в президенты. Твою физиономию показали по телевидению.

— Да, теперь я пресс-секретарь.

— Почему ты это сделал? Что-то на тебя непохоже.

— Уолш позвонил позавчера вечером. Сказал, что отчаянно нуждается в помощи. Убедил меня, что так оно и есть.

— Это же надо, президентская кампания! И на что это похоже, Флетч?

— Ирреальный мир, Олстон. Абсолютно ирреальный.

— Я тебе верю. По телевизору тебя показали в костюме и при галстуке.

— Олстон, прибавь еще пару убийств.

— Что значит убийств? Настоящих убийств?

— Двух женщин забили до смерти. Одну задушили. Они не принимали участия в предвыборной кампании, но я чувствую, что кто-то из команды кандидата, добровольцев или сопровождающих лиц имеет самое непосредственное отношение к этим убийствам.

— Ты шутишь.

— К сожалению, нет.

— Кэстон Уилер — Джек Потрошитель. С твоей легкой руки термин «президентский убийца» приобретает новое значение.

— Это несмешно.

— В новостях об этом ничего не говорилось.

— Мы стараемся не афишировать эти сведения. По крайней мере, все убеждают меня, что не стоит бросать прессе такой кусок.

— Я достаточно долго знаком с тобой, Флетч. Что-либо скрывать — не твоё амплуа. Особенно если речь идет об убийстве.

— Ты не представляешь себе, Олстон, что тут творится.словно мчится скорый поезд, люди вываливаются из вагонов, но никому и в голову не приходит дернуть за стоп-кран.

— Ты прав. Такое мне недоступно.

— Я и говорю, ирреальный мир. Слишком много власти. Престижа. Все меняется с калейдоскопической быстротой. Копы и те зачарованы кандидатом и его командой.

— Да, но убийство — это убийство.

— Слушай, Олстон, вчера вечером женщину сбросили с крыши мотеля, аккуратно над спальней кандидата. Через полчаса в мотель заявляется мэр и говорит одному из руководителей избирательной кампании: «Послушайте, если мои полицейские будут беспокоить вас, гоните их прочь». А пресса услышала от него следующее: «Пожалуйста, не марайте грязью образ моего города. Не раздувайте в национальную сенсацию обычный несчастный случай, который мог бы произойти в любом другом маленьком городе».

— А Уилер? Что говорит об этом кандидат?

— Пожимает плечами. «Полицейские сирены сопровождают меня всю жизнь».

— А Уолш?

— «Местная проблема. Мы же завтра отбываем».

— Увозя с собой убийцу. Таково твоё мнение?

— Я пытался убедить губернатора начать расследование. Но он убежден, что такое расследование поставит крест на его избирательной кампании, лишит его шанса стать президентом.

— Поэтому старина Флетч, мастер журналистского расследования, пусть и отошедший от дел, решил сам разобраться, что к чему.

— У меня связаны руки. Я не могу задавать вопросы. После первого же меня отправят домой.

— Но ты пытаешься, так?

— Да, обходными путями. Я же здесь никого не знаю, за исключением нескольких человек. Уолша, Фредерики Эрбатнот, Роя Филби...

— Тебе бы поспешить. Два убийства кряду обычно означают и третье, и четвертое...

— Я стараюсь изо всех сил, господин прокурор. Ощущение такое, будто я гашу пожар в цирке, знаешь ли. Потому что никто не хочет признать, что цирк горит.

— Я позвонил тебе лишь для того, чтобы поздравить с новой работой. И спросить: «Как случилось, что босоногий репортер * превратился в добропорядочного гражданина?»

— Мне нравится Кэкстон Уилер. И я хочу решить этот ребус.

— А почему он вообще включился в президентскую гонку? Будь у меня деньги его жены, я бы просто купил себе целую страну.

— Изнутри кампания выглядит иначе, чем снаружи. Снаружи вежливые ответы, улыбки, вселенское согласие. Изнутри — напряжение, споры...

— И убийства?

— В данном случае да.

— А почему бы тебе при случае не спросить Уолша, с чего он так внезапно покинул нас? Меня это интересует до сих пор.

— О чем ты?

— Разве ты не помнишь? Проведя три дня на деревьях, мы вернулись в базовый лагерь. И не прошло и недели, как лейтенант Уилер отбыл в Штаты.

— Его же перевели.

— Я знаю. Но как и почему?

— Как? Его папаша использовал политические связи. Почему? Потому что его папаша мог их использовать. Я вообще не пойму, как Уолш угодил на передовую. Его отец был конгрессменом.

— Мы так и не узнали, что послужило причиной перевода.

— Он свое отвоевал.

— Мы тоже.

— Олстон, в тот момент любой из нас постарался бы вы-

* Флетч по натуре бунтарь, не признающий светских манер. В частности, в редакцию он предпочитал приходить босиком (подробнее в романе «Флетч», опубликованном на русском языке).

браться оттуда. Если б была такая возможность. У нас с тобой ее не было. наших отцов в Конгресс не избрали.

— И богатых жен у нас нет.

— А потому расскажи о себе. Как тебе нравится должность генерального прокурора?

— Флетч, в Калифорнии мы все прокуроры. И я еще не генеральный.

— В последнее время кого-нибудь засадил за решетку?

— Двоих, вчера. Ордеров на твой арест более не выдано. Я проверяю каждое утро.

— Давненько не заглядывал в Калифорнию.

— Если ты намерен остаться добропорядочным гражданином, Флетч, приезжай. Калифорнии нужны люди, которые носят костюмы.

Древний старик из бюро обслуживания извинился за задержку с заказом, пояснив, что в отеле полно репортеров, освещающих кампанию «этого Кэкстона Уилера. Разумеется, хотелось бы, чтобы его избрали. У меня кузена зовут Кэкстон».

— Эй, Фредди, — он набрал номер еще до того, как за посылным закрылась дверь.

— Кто говорит?

— Черт побери, Фредди.

— Привет, черт побери.

— Я звоню, чтобы сказать, что ваш сандвич принесли.

— Зачем?

— Чтобы его съели.

— Вот и съешьте его.

— Черт побери, Фредди, вы всегда были такой милой, проявляли такой интерес.

— К сандвичу?

— Ко мне! Я не сандвич! Что произошло?

— Вы поступили на работу.

— Вам не нравится моя работа? Или я?

— Флетчер, что бы вы подумали о журналистке, которая очень уж сближается с пресс-секретарем кандидата в президенты, чью предвыборную кампанию она освещает?

— Ах, вот оно что.

— Какого вы были бы о ней мнения?

— Не слишком высокого.

— То-то и оно.

— Но на вершине очень уж одиноко.

— Вот видите, мы уже нащупали точки соприкосновения.

— Я увольняюсь! Немедленно! Я как раз искал предлог.

— И какой же предлог вы нашли?

— Перевод еды, естественно. Нельзя же выбрасывать такой хороший сандвич. Подумайте о голодающих детях с Беверли-Хиллз, которым нечего есть, кроме сладких овсяных хлопьев.

— Спокойной ночи, Флетч. Приятных сновидений.

— Ах ты...

Флетч съел один сандвич, потом второй, выпил бутылку молока.

Телефон звонил не переставая. Речь губернатора Кэкстона Уилера в Уинслоу заинтересовала журналистов со всего мира. Пережевывая ветчину, куриное мясо, хлеб, томатный соус, майонез и салат, Флетч втолковывал им, что никакого подтекста в Речи нет, губернатор хотел сказать именно то, что они слышали.

Телефон звонил, когда Флетч принимал душ. Когда надевал ботинки, рубашку, пиджак.

Звонил и когда Флетч вышел в коридор, закрыв за собой дверь номера.

ГЛАВА 19

— Конечно, это не мое дело, но...

— Вы правы, — оборвал его Билл Дикманн. Сидя за стойкой, он не отрывал глаз от кружки с пивом.

— А может, я смогу чем-либо помочь, — бармен принес пиво и Флетчу. — То, что произошло с вами в автобусе, повторяется часто?

— Вас это не касается.

— Вы обращались к врачу?

— Не ваше дело.

— Согласен, — не стал спорить Флетч. — Дайте мне знать, если вам понадобится помощь, — он оглядел бар. И бары похожи друг на друга как две капли воды. Те же пьющие в одиночку бизнесмены, те же говорливые шоферы-дальнобойщики да несколько горожан, невесть зачем забредших в мотель. — А где все? — Знакомые лица в баре он мог пересчитать по пальцам одной руки.

— Наверное, сидят по номерам, — предположил Билл. — Бетси в клубе «4 Эйч», собачонкой бегаёт за Уолшем. Салов наверняка смотрит кабельное телевидение.

— Он когда-нибудь снимает свою шубу? — спросил Флетч.

— Нет, нет. Он в ней родился. Можно сказать, рос в ней. И каждый раз, когда «Правда» посылает его за границу, редактор лишь перешивает пуговицы.

— Шубка-то становится ему маловата. Наверное, пора редактору браться за иглолку.

Подошел доктор Том. Поставил черный саквояж на стойку рядом с локтем Флетча.

— А вот и доктор, — Флетч широко улыбнулся.

— Лучшее предпостельное обслуживание. Если у вас нет температуры, когда появляется доктор Том, она обязательно будет к его уходу. Полезно для бизнеса, не так ли, доктор Том?

— Журналисты, — вздохнул доктор Том. — Если хоть один

журналист скажет обо мне доброе слово, я готов принять двойную дозу слабительного.

— Похоже, вы ее уже приняли, — вернул Билли Дикманн.

— Все журналисты рождаются с хроническим поносом. Это медицинский факт, — доверительно сообщил доктор Том Флетчу. — Двойное шотландское, без льда, — последнее предназначалось бармену.

— Я тоже журналист, — заметил Флетч.

— Насколько мне известно, вы сменили профессию до того, как пришли сюда.

— Мистер Флетчер? — Справа от него возникла женщина.

— Да? — Флетч повернулся к ней.

— Вы — мистер Флетчер?

— Да. Но вы можете называть меня мистер Джонс.

— Я — Джуди Надич. Из «Фармингдейл ньюс».

— Вы пишете отличные статьи, — Флетч рассмеялся. — Я в этом уверен.

Заулыбалась и Джуди.

— Вам понравился мой последний материал? О том, как чинить треснувшие чашки?

— Отличная работа. Прочитал несколько раз.

— Я знала, что эта заметка привлечет внимание.

— Естественно. У кого нет дома треснувших чашек?

— Вы знаете, я хотела взять интервью у Дорис Уилер.

— Полагаю, с этим вам нужно обратиться к мисс Салливан.

— Я обращалась и получила отказ.

— Почему?

— Она говорит, что день миссис Уилер расписан по минутам и выкроить даже полчаса для интервью невозможно. То есть дала понять, что читатели «Фармингдейл ньюс» не стоят и полчаса времени миссис Уилер. Она, разумеется, права. Но для меня это интервью очень нужно.

— Конечно, — Флетч отметил, что Джуди очень мила. Несмотря на забранные в пучок каштановые волосы, толстый свитер, юбку из грубого материала, плотные колготки и туфли на каучуковой подошве. — Так что вы хотите от меня?

— Организуйте мне интервью с миссис Уилер. В обмен возьмите мое тело.

— Чистый бартер. Око за зуб.

— Примерно так.

— Я еще не встречался с мисс Салливан. Никогда не видел ее.

— Попытаться-то вы можете.

— Вы хотите, чтобы я ей позвонил?

— Пожалуйста. Она в номере 940.

— Вас устроит сопровождение?

— Что-что?

— Вы будете сопровождать миссис Уилер час или два, понимаете? Находиться рядом с ней. Вы не будете брать у нее интервью. Но сможете написать о том, что она делала и говорила

другим людям. «Час в жизни Дорис Уилер». Если постараться, получится хорошее чтиво.

— Конечно. Я согласна.

— Отлично. Я позвоню мисс Салливан. Постерегите мое пиво. Под ухом бубнил доктор Том:

— ...журналисты — единственная категория людей, которых просят не оставлять своих останков науке. Экспериментально установлено, что сердца у журналистов очень маленькие и пере-саживать их можно только мышкам-полевкам.

— Не позволяйте им сойтись в рукопашной, хорошо? — по-просил Флетч Джуди.

— Не беспокойтесь, — она забралась на стул Флетча. — Готова поспорить, уважаемые господа, что вы не знаете, как починить треснувшую чашку...

— Мисс Салливан? Это Флетчер.

— Что вам нужно? — Голос удивительно низкий, чуть ли не бас.

— Добрый вечер. Мы еще не встречались.

— Вот и хорошо. Пусть так будет и дальше.

— Как? — деланно изумился Флетч. — А где же командная солидарность? Или мы гребем в разные стороны?

— Ближе к делу.

— Даже сотрудничества не получится?

— Получится. Но вы оставайтесь по вашу сторону забора, а я — по свою. Идет?

— Не идет. Ко мне обратилась юная дама, репортер из «Фар-мингдейл ньюс». Завтрашнее утро она проведет с миссис Уилер. Рядом, не более того.

— Только через мой труп.

— Это можно устроить.

— Кому нужна эта бестолковая провинциалка? И кто вы такой, чтобы планировать контакты Дорис?

— На завтра я выписываю ей журналистский пропуск. На сопровождение Дорис Уилер. Плюс фотографии. Если вам это не нравится, засуньте его себе в нос.

— Идите к черту, Флетчер.

— Едва ли я составлю вам компанию в аду, дорогая.

Доктор Том и Билл Дикмани ушли из бара. Джуди Надич дожидалась его над пустой кружкой из-под пива.

— Что случилось с моим пивом? — полюбопытствовал Флетч.

— Я его выпила.

— Пиво хорошее?

— Нет.

Он протянул ей журналистский пропуск, который заполнил и подписал, поднявшись в свой номер.

— Держите. Завтрашнее утро вы проведете, сопровождая миссис Уилер. Только не путайтесь у нее под ногами.

— Благодарю, — Джуди с сомнением смотрела на квадрат плотной бумаги. — Мисс Салливан не возражала?

— А с чего ей возражать? Миссис Уилер только порадует ваше присутствие.

Шустрик Грасселли поднялся из-за столика в дальнем углу и подошел к Флетчу.

— Когда мне отдать вам свое тело? — спросила Джуди. — Сейчас?

— В каком мы городе?

— В Фармингдейле, где же еще.

— Когда я окажусь здесь в другой раз.

— Вы меня отвергаете?

— Нет, нет. Просто я не верю в предоплату.

— Мистер Флетчер, могу я угостить вас пивом? — подал голос Шустрик.

— Конечно. Надеюсь, следующая кружка будет лучше предыдущей. Джуди не понравилось пиво, которое принесли мне в прошлый раз.

— Почему вас зовут Шустрик?

Шустрик Грасселли и Флетч взяли по кружке пива и последовали к столику Шустрика в дальнем конце бара. Джуди Надич, подхватив свою объемистую сумку, упорхнула, чтобы подготовиться к завтрашней встрече с Дорис Уилер.

— Так меня прозвали еще на ринге.

— За быстрый удар?

— Не уверен. Репортеры всегда подкалывали меня. Их интересуют только сведения об Уилерах. Но я им ничего не говорю, перевожу разговор на далекое прошлое.

— А о чем они вас спрашивают?

— Сами знаете, о жизни губернатора, — Шустрик посмотрел Флетчу в глаза. — Его исчезновениях.

Флетч понял, что от него ждут очевидного вопроса.

— Он исчезает? Что значит исчезает?

— Его поездки на рыбалку. Так их иногда называли. Но ловить рыбу он не умеет. Тогда стали говорить, что он ездит на охоту. Но губернатор не смог бы подстрелить кролика, даже если бы умирал с голода. Вы понимаете, — Шустрик улыбнулся. — Поездки губернатора с проститутками. Оргии, которые он устраивает по уик-эндам. Пьяные загулы. В тайных притонах.

По спине Флетча пробежал холодок.

— О чем вы говорите?

— Все это знают, — Шустрик продолжал улыбаться. — Вся пресса. Его запои. Контакты с мафией. Женщин, которые та поставляет ему по первому требованию. Он исчезает на несколько дней кряду. Это всем известно. Я езжу с ним.

— Губернатор не может просто исчезнуть.

— Он может. И на посту губернатора. И в бытность конгрессменом. Всегда исчезал. На несколько дней.

— Чепуха. Не может губернатор исчезнуть. Держать его под наблюдением — сущий пустяк.

— Просто невозможно. Он об этом заботится. Я — тоже. Суть в том, что никто не знает, когда это случится. Ночью, в два или три часа утра, он звонит мне в мою комнату над гаражом и говорит: «Пора, Шустрик». Я отвечаю: «Да, сэр», — и подгоняю машину к черному ходу, где он меня уже ждет. Однажды он ушел с совещания попечителей университета, вроде бы в туалет. А сам сел в машину и сказал мне: «Пора, Шустрик». Я всегда знаю, что это значит.

— И пресса знает?

— Это великая неопубликованная сенсация. Они не решаются написать хоть строчку, потому что не знают, о чем писать. Доказательств ни у кого нет. Никому не известно, куда он ездит и что там делает. Знаю только я, — Шустрик отпил пива.

— А мне дозвоительно спросить?

— У губернатора была подруга, еще до того, как он женился. Барбара... фамилии не помню. Модельер, то ли по шляпам, то ли по одежде. Тот коттедж она получила в наследство. От отца. Когда-то давно они ездили туда вместе, молодыми, он еще учился на юридическом факультете. Она умерла. Коттедж оставила ему. Они знали, что она должна умереть. Рак. О том, что коттедж принадлежит ему, никому не известно. Самый большой его секрет.

— Значит, исчезая, он объявляется в коттедже? Один?

— С ним еду я. Я знаю все дороги, даже проселочные. Ведущие на север, юг, запад, восток. Я могу проехать по ним с завязанными глазами. И еще никому не удавалось проследить за мной.

— Вы говорите о коттедже, построенном лет тридцать тому назад?

— Раньше. Гораздо раньше. Дом гниет. Разваливается. По комнатам гуляет ветер. Там холодно, сыро. Я стараюсь хоть как-то подновить его. Он ничего не замечает. Крыша течет. Камин коптит. Трубы проржавели. Воду я ношу ведрами с озера. Дом не ремонтировали уже добрых тридцать лет. Что я могу сделать один? Ничего не умею. Вырос-то в городе.

Флетч молча смотрел на шофера-телохранителя губернатора. Шустрик наклонился вперед.

— И вы знаете, что он делает в коттедже? Никаких шлюх, никакой выпивки. Не говоря уж о гангстерах. Только я. И фотография этой девушки. Барбары, на комод в спальне.

— Она красивая?

— Ничего особенного. Милая. С приятной улыбкой.

— И чем он занимается?

— Ложится в постель. Спит. Спит и спит. Забирается в постель, едва войдя в дом. Кровать там большая, мягкая, но

белье отсыревает. Он этого не замечает. Он спит пятнадцать-шестнадцать часов. Когда просыпается, я приношу ему еду. Биштекс и яичницу. Всегда биштекс и яичницу. Там есть телефон, по-прежнему записанный на фамилию Барбары, хотя она тридцать лет, как умерла. Телефонной компании-то все равно. Лишь бы оплачивались счета. Он звонит своей секретарше, вице-губернатору, жене, Уолшу. Решает какие-то вопросы. Затем вновь засыпает. Не ходит гулять. Не тратит энергию. Он — как медведь. Впадает в спячку на несколько дней. За те годы, что я провел с ним, он ни разу не спустился к озеру. Вне коттеджа его можно увидеть, лишь когда он выходит из машины или садится в нее, а приезжаем и уезжаем мы обычно в темноте. Думаю, он даже не представляет себе, что это за лачуга.

— Шустрик, он принимает таблетки, чтобы так долго спать?

— Нет. Биштекс и яичница. Вода из озера. В коттедже я не видел даже аспирина. Он просто спит. Сначала шестнадцать, пятнадцать часов. Потом восемь. Затем двенадцать. Там есть старые книжки. Эллери Куин. Ван Дайн. Иногда он читает в постели. Но до конца обычно не дочитывает.

— И даже его жена не знает об этом коттедже?

— Никто не знает.

— Но он же говорит, где находится, когда звонит им?

— Не говорит. Он это делает с давних пор. Я знаю, что они думают. Что он с какой-то женщиной. В некотором роде так оно и есть. Те, кто интересуется местопребыванием губернатора, получают стандартный ответ. Он в отъезде. По личным делам. Большинство журналистов отдало бы руку, чтобы узнать, где находится губернатор. Чего мне только за это не предлагали!

— Это уж точно.

— А пока они ничего не знают, им не о чем и писать, так?

— Так. Джеймс знает об этих поездках?

— Нет. Иной раз он закатывал такие скандалы. Орал на губернатора. Он полагал, что отлучки эти потенциально опасны. «Когда-нибудь тебя поймут, Кэкстон, — говорил он, — и обольют грязью так, что отмыться уже не удастся».

— И что отвечал на это губернатор?

— Ничего. Джеймсу, кстати, ума хватает. Чего он только не делал, чтобы узнать у меня, куда же ездит губернатор. Мне известно немного, мистер Флетчер, но то, что знаю, я держу при себе.

— Шустрик, а с чего такая секретность? Сон — совершенно безобидное занятие...

— Не знаю. Может, эти поездки показывают, что он всего лишь человек? Что запасы его энергии не безграничны. Что ему нужен сон. Может, он этого стыдится. Может, причиной всему та женщина. Хотя она давно умерла.

— А может, губернатора влечет все необычное?

— Он ездит туда с давних пор. Ездил до того, как мы познакомились. Может, так и рождаются секреты? Сначала ты ни-

чего не говоришь, а потом выясняется, что ты не можешь ничего сказать. Или старику нравится дурить всем голову. Пусть все думают, что он пьянствует с бабами, когда на самом деле он спит в мягкой постели у озера. Спит, как младенец. Перечитывает одни и те же книги, никогда не доходя до последней страницы.

— И что потом?

— Через три, четыре, иногда пять дней он встает, одевается, говорит: «Пора домой, Шустрик». Мы садимся в машину и возвращаемся в особняк.

Он никогда не говорит, где был.

Говорит, что уезжал. Только однажды произошло ЧП. Кажется, надо было за что-то голосовать. Наверное, его расчеты не оправдались, какие-то события накатились быстрее, чем он предполагал. И нам пришлось вернуться раньше обычного.

— Часто он уезжает?

— Три-четыре раза в год.

— Вам такая поездка — зеленая тоска?

— О нет. Мне нравится смотреть на озеро. Я держу там свитера, толстую куртку. Там так тихо. Я беседую с птичками. Чирикаю в ответ. Знаете, если захотеть, с птицами можно разговаривать. Хотя бы пытаться. И мне нравится помогать бурундукам.

Флетч вскинул глаза на здоровяка экс-боксера.

— И как же вы помогаете бурундукам?

— Коттедж разваливается на глазах. Бурундуки роют норы под фундаментом. А камни из фундамента вываливаются, блокируя выходы из нор. Я убираю камни. Собираю орехи и кладу их у нор. Мне искать орехи проще, чем им. Я могу принести больше орехов, — говорил Шустрик совершенно искренне.

— Это понятно. Но благодарят ли они вас?

— Думаю, что да. Во всяком случае, орехи они утаскивают. Да и почему мне им не помочь? Я их сильнее.

— Конечно.

— Больше там делать особенно нечего.

— Не понимаю, как ему это сходило с рук столько лет? Как ему удавалось ничего не объяснять ни Дорис, ни Уолшу?

— А что тут удивительного? Ему же во всем сопутствует успех. Он уже кандидат в президенты. Чего еще можно желать? Они с этим смирились. Иной раз даже говорят мне, чтобы я присматривал за ним в эти отлучки. Они, конечно, не потеряли надежды узнать, где он скрывается. Но я молчу. Одному Богу известно, что они думают. Конечно, они волнуются. Но губернатор живет как в стеклянной клетке. Имеет же он право на уединение.

— Получается, полностью он никому не доверяет?

— Он имеет на это право.

— Шустрик, если бы губернатор пьянствовал с бабами, вы бы не возражали?

— Не знаю. Наверное, нет. Зачем? Женщины нравятся мне больше бурундуков.

— Сказали бы вы правду?

Глаза Шустрика сузились.

— Я бы молчал и об этом. Я считаю, что каждый должен стравливать пар, как ему этого хочется. Каждому нужно время, чтобы побыть с собой. Я вот иду в свою комнату над гаражом и делаю все что мне вздумается. Правда, я никогда не привожу туда женщин. В губернаторский особняк. А в остальных могу делать все что хочу. А губернатор постоянно в стеклянной клетке. За исключением тех дней у озера. Так он наедине с собой. И не принадлежит никому.

— Шустрик, а наркотики не имеют никакого отношения к этим поездкам?

— Абсолютно никакого. Он даже не пьет кофе. Заявись в коттедж доктор Том с его черным саквояжем, я бы выставил его за порог до того, как он успел бы обзывать меня.

— Однако быстро.

— Доктор Том — оскорбление рода человеческого.

— А в последнее время он этого не делал? Не исчезал?

— Нет, — Шустрик нахмурился. — После начала избирательной кампании — нет. Последний раз мы уехали туда за день до Рождества. Вернулись перед Новым годом.

— Ясно. Теперь, Шустрик, очевидный вопрос.

Шустрик, однако, как видел Флетч по выражению его лица, понятия не имел, о чем его сейчас спросят.

— Почему вы мне это рассказали?

— Потому что меня попросил губернатор.

— Я так и думал. Ответ тоже очевидный. Но почему? Почему он попросил вас об этом?

Шустрик пожал плечами.

— Не знаю. Но догадываюсь.

— Так о чем вы догадываетесь?

— Он знает, что вы любите доктора Тома с его черным саквояжем не больше моего. Я слышал, Уолш говорил ему об этом.

Флетч покачал головой.

— Получается, я знаю то, чего не знает Уолш. Как такое возможно?

— Видите ли, мистер Флетчер, окружение губернатора не очень-то думает о нем, пока он двигается, ходит, говорит, остается Кэкстоном Уилером, шагает от победы к победе. В том числе его жена и сын. Они напоминают мне футбольную команду. Работают как единый, тщательно отлаженный механизм, похлопывают друг друга по плечам и так далее. Если кто-то из них ломает себе спину, вроде Джеймса или того парня, что погиб сегодня, Виктора, как его там, они скоренько выясняют, как играть без него. И забывают и думать о нем. Ворота стоят на поле, и цель у них одна — забить в них мяч. Другой цели нет. А губернатор и есть этот мяч. По нему бьют ногами, бросают его на землю, дерутся из-за него. А он остается мя-

чом, — Шустрик покачал головой. — Давно вы в команде губернатора? Уже двадцать четыре часа? И губернатор захотел, чтобы вы узнали о его отлучках. Я понятия не имею, какими таблетками кормит губернатора доктор Том. Но он хочет показать вам, что с ним все в порядке.

— Я не уверен, что вы правы насчет Уолша.

— В том, что губернатор ему безразличен? — Шустрик откинулся на спинку стула. — Нет, конечно. Он отца обожает. Отец для него — чудо из чудес, — Шустрик рассмеялся. — По-моему, губернатор хочет, чтобы сын думал, будто он сжигает лишнюю энергию с женщинами. Готов спорить, Уолш придет в ужас, если узнает, что старик просто спит в старом коттедже. Вы меня понимаете?

— Нагрузки у него большие.

— Да, и старик нашел способ справляться с ними. Представляете, что произойдет, если кто-нибудь напишет, что он уезжает отсыпаться? О Боже, да его карьера будет загублена. Пусть уж лучше все думают, что он участвует в оргиях, тем более что доказательств ни у кого нет.

— Ну, ну, — Флетч покачал головой. — Отец говорил мне, что в баре можно узнать много интересного, если внимательно слушать.

Уолш сунул голову в дверь, оглядел зал, но не вошел.

— Губернатор хочет, чтобы я знал, что никакой он не наркоман, а просто соня. Так?

Шустрик пожал плечами.

— Губернатор умный человек. А у меня мозгов нет. И не было. Но я знаю, что все будет хорошо, если я буду во всем слушаться его.

— Что он просил рассказать мне о миссис Уилер?

— Ничего.

Флетч отпил пива.

— А что вы можете сказать мне о миссис Уилер?

— Ничего. Женщина она жесткая, умная. Со стальным характером.

— Умнее губернатора?

— Да.

— Сегодня она орала на губернатора.

— Я не слышал. Был в ванной.

— Вы специально ушли в ванную?

— Да, — признался Шустрик.

— Какой же в этом ум? Она просто сорвалась.

— Миссис Уилер позволяет себе такое не один год. Возможно, сегодня она говорила по делу. Я ее не слышал.

— Вам пришлось приложить немало усилий, чтобы не услышать ее?

— Это моя работа. Она использует свой язык как хлыст. Сечет Уолша, кричит на губернатора, называет меня гунном.

— Не только язык, Шустрик. Руки тоже.

— Знаете, нельзя стать кандидатом в президенты, просто

стоя под дождем. Кто-то должен толкать тебя, и толкать сильно. Видите ли, я знаю главную тайну губернатора — он хороший человек. Если б не она, губернатор впал бы в спячку давным-давно. Читал бы детективы. Играл с детьми. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Что в этом плохого?

— Кто-то ведь должен стать президентом Соединенных Штатов? — бесхитростно ответил Шустрик. — Почему не умный, честный, хороший человек, такой, как Какстон Уилер?

ГЛАВА 20

— Я составил, ксерокопировал и разнес список завтрашних мероприятий, — доложил Флетч. — Передал журналистам три специальных пресс-релиза, подготовленных Нолтингом и Добсоном. Ты их видел. О положении в Центральной Америке, об использовании природных ресурсов резерваций, об экономике России. Я также подкинул им неплохую тему для статьи.

— Какую же? — спросил Уолш.

Они сидели в его номере на двенадцатом этаже, за маленьким столиком у торшера.

— Рассказал им, как твой папаша давал тебе карманные деньги. Они исчезали из его рук, а потом ты находил их в кармане, башмаке или ушной раковине. Нормально?

— Нормально, — кивнул Уолш.

— Я хотел как-то сгладить инцидент в школе. Внушал журналистам, что к тем детям губернатор относился точно так же, как и к собственному сыну.

— Понятно, — в голосе Уолша звучали нотки нетерпения.

— Помог местной журналистке получить разрешение провести утро с твоей матерью.

— Через Салли? — уточнил Уолш.

— Совершенно верно.

— Ты столкнулся с ней впервые?

— Да.

— Вот уж сука так сука.

— Полностью с тобой согласен.

— Флетч, я думаю, завтра тебе тоже надо провести какое-то время с матерью. Познакомиться с ней поближе. Понять, что она за человек.

— Конечно, надо.

— Я это устрою.

— У меня постоянно звонит телефон, Уолш. Весь мир желает знать, кто нацелил губернатора на «Новую реальность».

— И что ты им отвечаешь?

— Я говорю каждому, что речь в Уинслоу — плод многолетних раздумий кандидата.

— Это так? — резко спросил Уолш.

— Уолш...

— Так кто все-таки натолкнул его на эту мысль, Флетч?

— Я что-то сказал. Он спросил. Возможно, мои слова оказались той затравкой, на которой выкристаллизовалась Речь. Утром, в автобусе. Твой отец поинтересовался моим мнением. Кандидат в президенты. Такое в моей жизни случилось впервые.

— Тебя это польстило?

— Естественно. Разумеется, у меня не было времени продумать идею до конца.

— Ты не спичрайтер*.

— А что я мог сделать?

— Спичрайтеры несут ответственность за каждое слово, что слетает с языка кандидата.

— Тем не менее, Уолш, не прошло и двух часов после нашего разговора, как твой папаша выступил в Уинслоу с блестящей речью, развив одну-две высказанных мною идеи...

— Он злился на эту бабку из Конгресса. Злился на прессу, выставившую его чуть ли не растлителем малолетних. Вот он и нанес ответный удар. Мы... наверное, я слишком уж надавил на него, требуя чего-то существенного, лишь бы попасть в вечерние выпуски новостей.

— А я полагаю, что Речь удалась.

— Еще бы. Ты же попал в творцы истории. На вопрос: «Почему Кэксон Уилер не стал президентом Соединенных Штатов?» — твои правнуки смогут прочитать в книжке следующий ответ: «Потому что в Уинслоу, в снегопад, выступил с неудачной речью, критикуя христианство и демократию».

— Слушай, Уолш, может, я это делаю подсознательно, как только оказываюсь рядом с начальством? Любим начальством. Сразу начинаю закладывать мины. Твой отец — единственный начальник, который мне понравился. Я бы не хотел ставить под угрозу его карьеру.

— Эдипов комплекс. Ты об этом?

— Возможно. Я по натуре бунтарь. Никогда не ладил с начальством. Ты это знаешь не хуже меня. Ты помнишь холм 1918? А я помню, что щедро снабдил весь взвод марихуаной, дабы, накурившись, мы не смогли участвовать в более ранней операции. Я знал, что нас отправляют на смерть.

— Ты был прав.

— А тебя чуть не отдали под трибунал.

— Взвод все равно расчихвостили.

— Слушай, Уолш, я репортер. А не пай-мальчик. И мне чертовски противно говорить этим журналистам, что мне нравятся их статьи, когда они двух слов связать не могут.

Уолш вглядывался в темноту, окружающую пятно света, отбрасываемое торшером.

* Переводчику приходится употреблять английское слово, поскольку аналога в русском языке нет, как и профессии, которую обозначает это слово. Спичрайтерами (дословно «пишущие речи») называют авторов речей, с которыми выступают кандидаты.

- Может, мне собрать вещи и ускакать вечерней лошастью?
- А зачем ты привел ко мне Бетти Гинзберг?
- Чтобы вы поздоровались.

Уолш покачал головой.

— Вот что еще, Уолш, — продолжил Флетч. — Дама, с которой я познакомился задолго до этой предвыборной кампании, сегодня отказалась поужинать со мной из-за моей работы. Из-за того, что я — пресс-секретарь. Как ты борешься с изоляцией, Уолш?

— Флетч, я думаю, что пока о сексе надо забывать.

— Я могу от этого заболеть.

— Болей на здоровье.

— Другая дама предложила мне свое тело в обмен на интервью с твоей матерью.

— Ты согласился?

— Разумеется, нет.

— Видишь? Ты уже болен.

— Может, мне лучше уехать, Уолш?

Уолш уставился на полированную поверхность стола.

— Ты лишь давал отцу монеты. Детей он одаривал сам. Некоторых детей. Ты лишь поделился с ним своими мыслями. А Речь произносил не ты.

Флетч потянулся.

— Может, этим мне и нравится твой отец. У него тоже мятежная натура. Он ищет истину. И доносит до людей то, что считает нужным. Кстати, мне позвонил Джеймс. Он в Айове, на похоронах Вика Роббинса.

— Мерзавец. Он поехал туда в надежде, что Аптон возьмет его в свою команду.

— Я тоже подумал об этом.

— Сомнений тут быть не может.

— Он долго говорил со мной. Давал советы. Отвечал на вопросы.

— Небось сказал, что любит отца больше, чем себя. Готов на все, лишь бы помочь ему. Предложил звонить в любое время. Я прав?

— Абсолютно.

— Плохо ли ему быть в курсе наших дел. Больше не говори с ним.

— Но я думаю, что он сказал правду. Двадцать три года...

— Ничего не значат.

— Возможно, но...

Уолш махнул рукой, отсекая возражения.

— Он стремился опорочить мою мать. Такое не прощается. Нельзя заявлять о верности моему отцу, предвыборной кампании и подкладывать матери такую свинью.

— Он трактует случившееся иначе.

— Тебе хочется, чтобы Джеймс получил прежнюю работу? Твою работу?

— Наверное, это невозможно.

— Невозможно. Этот подонок сам вырыл себе яму. Ошибки бывают и в нашем деле. Ничто человеческое нам не чуждо. Но, если ты пошел войной на жену кандидата, в избирательной кампании тебе места нет.

— Уолш, послушай меня.

— Я слушаю.

— Он говорит, что характер твоей матери становится все хуже. Это начинают замечать люди, журналисты...

Уолш покачал головой, показывая, что не согласен с таким выводом.

— Когда одновременно говорят десять человек, кому-то приходится кричать.

— Эта сцена в спальне твоего отца...

— Ерунда, мама просто сравнила пар. Слишком уж велико напряжение, — Флетч всматривался в глаза Уолша. — Разве она причинила хоть какой-то урон? Люди узнали, что кандидат смотрит фильмы Арчи Банкера. Это и хорошо. Всем ясно, что ничто человеческое ему не чуждо.

— Не чуждо, Уолш?

— Естественно.

— Но только Шустрик Грасселли знает, насколько не чуждо, так?

Уолш коротко глянул на Флетча.

— Я вижу, репортеры пристали к тебе с вопросами об отлупках отца. Мне следовало предупредить тебя.

— Ты знаешь, куда он ездит, Уолш?

— Конечно. В один уединенный дом. Принадлежащий приятелю. Приезжает туда, ловит рыбу, отдыхает, читает исторические романы. Вырабатывает политическую стратегию.

— Откуда тебе это известно?

— Он сам сказал мне. Номер телефона не дает никому. Звонит нам сам. Регулярно. Мы его не беспокоим. Он не хочет, чтобы репортеры прознали об этом. Я его понимаю.

— Кто этот приятель?

— Его сокурсник по юридическому факультету. Адвокат.

Зазвонил телефон.

Уолш схватил трубку.

— Слушаю... Уже иду, — он положил трубку, поднялся. — Мать.

Флетч остался в кресле.

— Когда ты спишь, Уолш? — спросил он.

— Отосплюсь в Белом доме, — ответил тот.

ГЛАВА 21

Флетч вышел из лифта на пятом этаже и зашагал к своему номеру.

В коридоре увидел человека. Стоящего спиной к лифту. Правой рукой человек опирался о стену.левой держался за голову.

Флетч подошел к нему.

— Билл?

Глаза Билла Дикманна застила пелена. Флетча он не узнавал. Возможно, даже не догадывался, что к нему обращаются.

— Билл...

Колени Дикманна подогнулись. Флетч не успел подхватить его. Все произошло слишком внезапно. Мгновение спустя Билл Дикманн лежал на полу без сознания. С его лица исчезла гримаса боли.

В кармане пиджака Дикманна Флетч нашел ключ от номера 916.

Весил Дикманн немало. Но Флетч дотащил его до служебного лифта.

Когда раскрылись двери, перед Флетчем возник Энди Эсти. В пальто со значком «Госпел дейли». В одной руке Эсти держал чемодан, в другой — портативную пишущую машинку.

— Я думал, вы покинули нас, мистер Эсти, — войдя в лифт, Флетч нажал кнопку с цифрой «9».

— Мне приказали вернуться.

Эсти как бы и не замечал Дикманна, навалившегося на спину Флетча.

— Я рад, что вы вернулись.

— Я особой радости не испытываю, — сухо ответил Эсти.

— Но кто-то должен делать эту работу.

— Неужели вы думаете, что мы могли оставить наших читателей в неведении, когда развернута антиамериканская, антихристианская кампания?

Лифт остановился. Двери раскрылись.

— Мы на девятом этаже?

Эсти кивнул.

— Тогда нам пора, — и, сгибаясь под тяжестью Дикманна, двинулся к номеру 916.

В номере Флетч уложил Дикманна на кровать. Взялся за телефонную трубку.

— Что вы делаете? — остановил его голос Дикманна.

Журналист открыл глаза, озираясь по сторонам, не понимая, как оказался на кровати.

— Звоню доктору Тому.

— Как вы оказались в моем номере?

— Вы отключились, Билл. На пятом этаже. Упали в обморок.

— Положите трубку на место.

Телефонистка на коммутаторе еще не ответила Флетчу.

— Может, не стоит?

— Положите трубку.

Флетч подчинился.

— А теперь убирайтесь отсюда.

— Вы могли бы поблагодарить меня, Билл. Все-таки я при-
тащил вас сюда на собственном горбу.

— Благодарю.

— Билл, я вам не жена, босс, брат, друг... и так далее.

— И что?

— Билл, у вас что-то не в порядке с головой. Я уже дважды
видел, как вы пытались отвернуть ее. Возможно, завтра вам
это удастся.

— Вам до этого нет никакого дела, — Билл сел, опустил
ноги на пол, обхватил голову руками.

— Вы мне это уже говорили. Ваше недомогание — не такой
уж секрет, Билл. Доктор Том, конечно, не подарок, но он не
станет с утра звонить вашему редактору, чтобы доложить о со-
стоянии вашего здоровья. Доктора по-прежнему хранят лечеб-
ные тайны, даже доктор Том.

Дикманн вроде бы слушал, а потому Флетч продолжил:

— Представьте себе, что вы сумели отвернуть голову. Поду-
майте, какое это будет отвратительное зрелище. Вы идете, дер-
жите голову в руках на уровне живота. Кровь хлещет из шеи
и пачкает костюм. Что будет с дамами? Вы хотите, чтобы
такое увидела Фенелла Бейкер? Да у нее с щек облетит вся
пудра.

— Уходите, Флетч. Пожалуйста, — Дикманн не отрывал рук
от головы. — Беспокойтесь о ком-нибудь еще. Об Айре Лейпи-
не. У него проблемы посерьезней моих.

— А какие у него проблемы?

— Вот у него и спросите.

— Тут вы правы. Но, Билл, вы только что потеряли сознание.
Оказавшись не на своем этаже. Вы себя не контролировали, не
отдавали отчета, что делаете. Перед тем как упасть на пол, вы
не узнали меня.

— Ладно, ладно. И что мне теперь прикажете делать?

— Обратитесь к врачу. Избирательная кампания не стоит
вашей жизни, Билл. Надеюсь, вы это понимаете?

— Я в полном порядке.

— В таком же порядке, как и снеговик четвертого июля.

— Оставьте меня.

— Хорошо. Если вы того желаете, — у двери Флетч
сбёрнулся. — Вы уверены, что и ничем не могу вам по-
мочь?

— Можете.

— Чем же?

— Скажите, на того ли я поставил кандидата? Кто выиграет
эти чертовы праймеры?

— Я не ясновидящий, Билл.

— Тогда пользы от вас для меня нуль.

— Но я могу сказать вам, что это первичные выборы. Не по-
следние. Гонка только началась. Спокойной ночи, Билл.

— Доброе утро. Благодарю, — сказал Флетч в телефонную трубку.

Когда зазвонил телефон, он решил, что телефонистка коммутатора хочет напомнить ему, что уже половина седьмого.

— Вижу, вы уже проснулись, — густой голос кандидата.

Флетч взглянул на часы. Шесть двадцать.

— Доброе утро, — повторил он. Сел. Его плечи, грудь, живот покрывала пленка пота. Батареи жарили почем зря. А вечером, когда он ложился спать, ему показалось, что в номере холодно. И он даже взял из шкафа лишнее одеяло. Теперь-то одеяла не требовались.

— Вы, должно быть, привыкли подниматься рано?

— Правда?

— У меня сложилось такое впечатление.

— О да, — не стал спорить Флетч. — Есть у меня такая привычка.

— Голова у нас уже работает?

— Конечно. Загадайте мне загадку. Даже если знаете ответ.

— Послушайте, Флетч, я только что позвонил Ленсингу Сэйеру. Предложил ему поехать со мной в больницу.

— В больницу?

— На утро у меня намечен визит в больницу Фармингдейла.

— Однако. Ну, конечно, сэр.

— Он может взять у меня интервью по пути. Я хочу, чтобы вы поехали с нами. Чтобы не вызывать кривотолков. Не могу же я общаться с прессой через вашу голову.

— Я понимаю.

— Мы отъезжаем в половине девятого. За руль сядет Шустрик.

— Да, сэр.

— Жду вас у входа в отель в половине девятого. Вы не спите?

— Наоборот. Бодр, как снеговик...

— А что вы делали, когда я позвонил? — В голосе губернатора звучал смех.

Флетч провел рукой по груди.

— Потел.

— Молодец, — похвалил губернатор. — Утренняя зарядка — великое дело. Отожмитесь пару раз за меня. У меня сразу прибавится здоровья.

Флетч босиком прошлепал к двери, открыл ее, взял пачку газет, оставленную для него кем-то из добровольцев.

Сверху лежал номер «Ньюс билл». С заголовком на первой полосе: «СМЕРТЬ УЧАСТВУЕТ В КАМПАНИИ УИЛЕРА».

Флетч просмотрел статью, с многочисленными фотографиями, напечатанную на третьей странице.

«Фармингдейл. Кандидат в президенты и его помощники отказываются отвечать на вопросы, касающиеся двух молодых

женщин, убитых в последние семь дней в тех городах, где находилась команда Уилера.

Вторую из них, Элис Элизабет Шилдз, двадцати восемью лет, нашли голой и избитой на тротуаре аккуратно под окнами «люкса» на седьмом этаже, в котором останавливался Уилер.

Помощники Уилера не пожелали даже сказать, что ничего не знают ни об этих женщинах, ни об убийствах...

Написал статью Майкл Джи Хэнреган.

— Ну, ну, — пробормотал Флетч. — Дамбу прорвало. Теперь кому-то пора браться за швабру.

ГЛАВА 23

— Нет, нет, яичницу не буду, — замахал руками Айра Лейпин. Он и Флетч сидели в кафетерии отеля.

— Мой доктор предупреждает — холестерина в крови должно быть как можно меньше. И ветчины не надо. Я забыл, какой вред от ветчины. Но что он есть, можете не сомневаться. И, разумеется, никакого кофе, — Лейпин заказал овсянку, гренки без масла и чай. — Чем вот вреден холестерин? Приводит к образованию маленьких бляшек, которые так и норовят оторваться от стенки сосуда и закупорить сердце.

— А я думал, он как-то влияет на сосуды головного мозга.

— Этого я не заметил. С головой у меня полный порядок.

Флетч заказал бифштекс, яичницу, апельсиновый сок и кофе.

— Что же творится с нашей молодежью? — пробурчал Лейпин. — Неужели у вас нет денег, чтобы хоть раз сходить к доктору и более не объедаться за завтраком?

— Меня больше волнует рост населения Земли.

— Это предлагаемый вами способ борьбы с перенаселением? Самоубийство за завтраком?

— Не самоубийство, — поправил его Флетч. — Я лишь хочу не задерживаться на этом свете дольше отведенного мне срока. Айра покинул.

— Оригинальная точка зрения.

— Каждый должен о чем-то тревожиться.

— Эти доктора вгонят нас в могилу. Все для нас плохо. Спиртное. Табак. Кофе. Мясо. Даже яйца. Что может быть безвреднее яйца? Это даже не цыпленок.

— Молоко, сыр, шоколад. Вода. Воздух.

— Они хотят, чтобы мы из материнской утробы напрямую отправлялись в могилу. Никаких внешних воздействий. И это называется у них жизнью.

— Тяжелое дело, — Флетч покачал головой. Официантка принесла чай и кофе. — Сомневаюсь, что нам удастся приспособиться.

— Все это я услышал от самого болезненного врача, которого только смог найти. Не человек, полутруп. Толстый, как федеральный бюджет. Дымит, как заводская труба. Пьет, словно у

него не один рот, а добрая дюжина. Когда он дышит, в груди у него все клокочет. Я-то думал, что он отнесется ко мне с пониманием. Не будет давить. Как бы не так. Я услышал от него старую песню: «Не делайте того, что делаю я. Делайте то, что я вам говорю». Наверное, придется последовать его советам. Он-то уже купил себе землю на кладбище. А ему только тридцать два.

Официантка принесла завтрак.

— Как вам нравится избирательная кампания? — спросил Айра Лейпин пресс-секретаря кандидата.

— Постоянно преподносит сюрпризы.

— Какие же?

— Кэстон Уилер умнее, чем я думал. Более честный. Более разумный.

— Ранее вы его не знали?

— Нет.

— Были знакомы с его сыном?

— Да.

— Как вы теперь относитесь к прессе? Теперь вы видите нас со стороны.

— Тертые калачи. Без труда могут раздуть из мухи слона. Возьмите, к примеру, вчерашний случай в школе. Фокусы с монетами, которые показывал губернатор. Событие пустяковое, но разгубили на всю страну.

Айра кивнул.

— Я сообщил об этом в редакцию. О значимости, правда, ничего не сказал. Оставил на их усмотрение.

— То есть редакторов, выпускающего номера...

— Такие-то пустячки зачастую и приобретают решающее значение... — Айра посыпал овсянку сахаром, щедро сдобрил сливками. Положил в чашку три ложки сахара, добавил сливок. Густо намазал гренки джемом. Принялся за еду. — Знаете, вы у нас барашек на закланье. Да, да. Вас бросили на съедение волкам. Мне. Нам. Вы удивлены? Ешьте бифштекс. Бифштекс на завтрак. Вы бы вогнали моего доктора в запой. Впрочем, сделать это не так уж и трудно. Он постоянно балансирует на грани. Мы на таком этапе предвыборной кампании, когда на вашем месте им нужен кто-то из молодых. Которому потом можно дать пинка под зад. Сгодился бы и Джеймс, но он подустал. И трюки его мы знали наперечет. Наскулил он нам. Вы молоды и, судя по разговорам, мыслите неординарно. Так оно и есть. Плюете на докторов, тревожитесь о перенаселении Земли. С вами нам скучать не придется. Говорят, вы дали Салову пузырек с глазными каплями. Это так?

— Нет.

— О вас уже выдумывают истории. Переключают внимание с губернатора. Когда эти бестолковые, отнимающие столько времени и энергии праймеры закончатся, из вас сделают козла отпущения. Вам придется отвечать за все ошибки кампании. А потом они пригласят профессионалов. Вы думаете, я не знаю,

что говорю? — Флетч слушал и ел, а потому не выразил должного изумления. — Один у них уже наготове. Вы слышали о Грэхеме Кидуэлле? Его уже взяли консультантом по контактам с прессой. Я готов поспорить на оставшийся кусок гренка, что Уилер разговаривал с ним этим утром. Может, даже дважды. Кидуэлл, хозяин большого вашингтонского кабинета, совладелец крупной фирмы, специалист в информационных проблемах, можно ли желать лучшего претендента на пост пресс-секретаря президента Соединенных Штатов? Вы думаете, что попадете в Белый дом? Неужели вы так наивны? Я видел, как это делается. «Президентская кампания — крестовый поход любителей». Где он это взял? Кэкстон Уилер — любитель. Да он такой же любитель, как проститутка в Джорджтауне. А его жена, женщина-дракон. Она может выйти в финал любого соревнования. Даже по кетчу. В ходе первичных выборов, когда приходится колесить по захолустным городкам, налет любительства приносит определенные дивиденды. Приближает кампанию к рядовому избирателю. Создает ощущение народного движения. Привлекает добровольцев, пожертвования. Люди видят поднимающуюся суету, говорят себе: «А я ведь тоже могу помочь», — откладывают лопаты или клюшки для гольфа и идут работать на кандидата. Потом остаются только профессионалы. Поскольку необходим образ компетентности. А сейчас, на проселочных дорогах, вы — главный любитель, — Айра допил чай. — Я вот подумал, что вам следует знать об этом.

— Благодарю, — достаточно бодро ответил Флетч. — Возможно, вы правы.

— Не возможно. Наверняка прав. Поначалу избирательной кампании нужны идеализм и молодость. Как только в праймерии одержана победа, бразды правления берет цинизм, а идеализму покупают билет домой. Вы не возражаете, что вас используют?

— Используют всех. Все зависит от того, для какой цели.

— Идеализм, — скорчил гримаску Айра Лейпин. — Идеализм едет домой на автобусе, — он вылил в чашку последние капли из чайника. — Меня тошнит.

— Вы неважно выглядите.

— Что мне нужно, так это кофе, — он подал знак официантке. — Наверное, и я должен внести свой вклад в борьбу с перенаселением, — подошла официантка, и Айра заказал чашечку кофе. Вновь повернулся к Флетчу. — Вы знаете, мою жену убили.

— Нет. Боже мой. Когда?

— Два года и пять месяцев тому назад. В квартале от нашей квартиры в Вашингтоне. Грабитель ударил ее ножом.

— Прямо в сердце?

— Нет. Но от удара она упала и ударилась головой о каменные ступеньки, у двери дома.

Флетч покачал головой.

— Как можно с этим примириться?

— Нельзя. Можно только об этом не думать. Отложить в памяти и никогда не заглядывать в тот уголок, — официантка принесла кофейник, чашку и блюдец. — Спасибо, — поблагодарил ее Айра. — Вы меня убиваете. — Не торопясь, наполнил чашку. — Я был в Вене с президентом, когда пришла телеграмма. Я смотрел на клочок бумаги и не мог поверить своим глазам. Перечитывал раз за разом и убеждал себя, что это ложь. Я даже не помню, как добрался до дому. В памяти осталось лишь одно: Марти Нолан из «Бостон глоб» собрал мне чемодан.

— А дети?

— Давно выросли. Убийство потрясло и их. Могли ли они подумать, что на их мать бросится с ножом?

— Этого человека поймали?

— Кто-то видел мужчину, убегающего с кошельком. Может, в нем было пятьдесят долларов. Больше вряд ли. Он даже не утащил новую скатерть, которую она купила. Непонятно зачем. Скатерть у нас была.

— Я не знал. Я вам очень сочувствую.

— Дело не в этом, — Айра провел рукой по подбородку. — Но каждый раз, когда я слышу об очередном убийстве, а убивают-то женщин, все всплывает вновь.

— Конечно.

— Послушайте, неужели вы пришли сюда, не зная, что в коридоре убили женщину?

— О чем вы? — удивился Флетч.

— Вы не слышали? Хорошим же вы были репортером. Ночью убили горничную. Задушили.

— В этом отеле?

— Да. Ее нашли повара. В четыре утра. В служебном лифте. Два дня тому назад женщину сбросили с крыши отеля, в котором мы останавливались. Не знаю, что и сказать. Мы продолжаем предвыборную кампанию, словно ничего не происходит... Что с вами? Теперь затошнило вас? Что случилось с вашим загаром? Вы так побледнели. Выпейте-ка кофе.

— Не хочу.

— Выпейте, выпейте. У вас такой вид, будто ваше сердце сторвалось и сейчас выкатится из ваших ботинок.

— Благодарю.

— Пейте, пейте. Я все равно больше не буду. Доктор говорит, что от кофе я начинаю нервничать.

ГЛАВА 24

— Вы не заболели, Флетч? — Бетси Гинзберг столкнулась с ним в вестибюле, на выходе из кафетерия.

— Нет.

— Вы такой бледный.

— Увидел карикатуру Пола Цера, — и действительно, Рой

Филби показал ему карикатуру, когда они расплачивались с кассиршей. — Так как вам Уолш? Теперь, я понимаю, вы с ним знакомы.

Майкл Джи Хэнреган прошествовал мимо них в кафетерий. То ли улыбнулся Флетчу, то ли скорчил гримасу, подняв руку с тремя растопыренными пальцами.

Флетч словно и не заметил его.

— А что вы думаете об Уолше? — задала Бетси встречный вопрос.

— Хладнокровный парень. Уверенный в себе, компетентный. Полностью контролирует ситуацию.

— Ну, не знаю, — повела плечами Бетси.

— Значит, он на вас не клюнул, — подвел итог Флетч. — Но вы подумайте, какая у него сейчас ответственная работа.

Из лифта появился кандидат. И тут же завладел всеобщим вниманием. С его лица не сходила улыбка.

Люди двинулись к нему, чтобы пожать руку. Некоторые с детьми. Засверкали фотовспышки. Шагая к двери, кандидат пожимал руки, выслушивал, что ему говорят, коротко отвечал. Глазил детей по головам. Не выуживал монетки из их ушей.

Флетч пристроился рядом.

— Нам нужно поговорить. Наедине. Поскорее.

— Почему бы и нет. Что случилось?

— Айра Лейпин сказал мне, что убита еще одна женщина, — прошептал Флетч губернатору в ухо.

Перед тем как выйти на улицу, губернатор повернулся к швейцару, чтобы поздороваться с ним за руку.

Широко улыбаясь, едва слышно процедил сквозь зубы:

— Каждый час в Соединенных Штатах убивают двух человек, Флетч. Вам это известно?

— Надо поговорить

— Поговорим обязательно.

ГЛАВА 25

-- Я рад, что вы задали этот вопрос, — сидя позади Шустрика, губернатор подмигнул Флетчу, устроившемуся рядом с водителем. Ленсинг Сэйер только что задал общий вопрос о речи «Новая реальность», произнесенной Кэкстоном Уилером в Уинслоу. Сэйер уже включил диктофон, приготовил ручку и блокнот. — Потому что в короткую речь трудно вместить все, что хотелось бы сказать.

По небу в то утро плыли тяжелые облака. Холодный ветер пронизывал до костей. Шустрик включил обогреватель на полную мощность.

— Сенатор Аптон говорит, что вы предлагаете технократию.

— Я ничего не предлагаю. Я лишь отмечаю то, что вижу вокруг.

Флетч вспомнил совет Джеймса заткнуть кандидату рот, если тот собирается сказать что-то значительное.

— И я вижу, — неторопливо, раздумчиво продолжил губернатор, — что технический прогресс получает от правительства львиную долю внимания. Современное оружие. Машины смерти и уничтожения. Вы представляете себе, сколько в наши дни стоит один танк? Самолет-истребитель? Авианосец? Я имею в виду не только наше правительство. Все правительства. Некоторые государства активно экспортируют оружие. Другие не менее активно покупают его. Третьи и покупают, и продают. Государства концентрируют технические достижения в сфере создания вооружений. Улучшают и улучшают лук и стрелы.

Шустрик действительно ездил медленно. По правой полосе, чуть быстрее скорости пешехода. Пожалуй, катафалк и тот катил бы быстрее, подумал Флетч.

— В то же время, — и губернатор неспешно излагал свои мысли, — по Земле распространяется информационная система, которая скоро охватит самые дальние уголки. Система, позволяющая собирать и распространять информацию. Завораживающие дух технические диковинки, появлению которых мы целиком обязаны частному предпринимательству, особенно индустрии развлечений.

Благодаря этим техническим достижениям народы нашей планеты начали узнавать друг друга, знакомиться друг с другом, осознавать общность их интересов.

И создание единого информационного пространства, возможно, приведет к изменениям, причем, подчеркну, изменениям положительным, превосходящим по своей значимости те, что принесла с собой водородная бомба.

Флетч не сразу понял, что они остановились на красный сигнал светофора. Люди переходили улицу, не подозревая, что находятся в непосредственной близости от кандидата в президенты. Они куда-то спешили. На работу, в магазин. На машину никто и не смотрел. Никто не знал, о чем говорят в черном «сидане».

— Правительство лжет, и все сразу узнают об этом. В какой-то стране подтасовываются результаты выборов, и весь мир становится тому свидетелем. Государства начинают войну по дипломатическим или идеологическим причинам, и все видят раненых и искалеченных.

Ленсинг Сэйер уронил руки на колени.

— Я не понимаю, что все это значит.

Шустрик снял перчатки и положил их на сиденье рядом с Флетчем.

Автомобиль пополз дальше.

— Я говорю, что надо собирать и распространять информацию, а не оружие.

— Грейвз заявил, что во вчерашней речи вы опорочили, среди прочих идеологий, христианство, иудаизм и демократию.

— Идеи я не порочил. Наоборот, предложил новую.

— Вы сказали, что технический прогресс связывает мир воедино, объединяет людей с куда большей эффективностью, чем любая идеология.

— Разве это не так? По Библии, мы все братья. В марксизме — товарищи. Но, только узнавая друг друга, мы осознаем, что человечество — единое целое.

Ленсинг Сэйер практически ничего не записал.

— Едва ли я ошибусь, если скажу, что большинство малоприятных событий на нашей Земле произошло лишь потому, что люди не получили достоверной информации в нужное время. Хорошо, конечно, во что-то верить. Можно одобрить войну за правое дело. Можно радостно голодать за идею. Но начинались бы войны, если бы обе стороны оперировали одними и теми же фактами? И за голодом обычно стоят честолюбивые замыслы отдельных личностей.

— Все дело в толковании фактов, — возразил Ленсинг Сэйер.

— Факты есть факты. Я не говорю о вере, религии, мнениях. Я говорю о фактах. Большинство детей планеты знает, что Пеле — король футбола, а Мухаммед Али — знаменитый боксер. Однако те же технические достижения не используются для того, чтобы дети изучали историю своей страны, научились читать и писать. Банк в Лондоне в любую минуту знает, сколько денег на счету банка в Нью-Йорке, но подросток в Ливерпуле, которому только что вышибли пару зубов, понятия не имеет, что три тысячи лет тому назад греческий философ проанализировал поведение уличных банд. Руководству Соединенных Штатов и России доподлинно известно, где находятся ядерные ракеты: на земле, под землей, в океане. Однако те же технические средства не используются для прогноза будущего урожая.

— То есть вы полагаете, что правительства используют технический прогресс не по назначению?

— Я говорю, что наше руководство отстает от жизни. Они разрабатывают разрушающую технику, а надо бы — созидательную. Нам приходится во что-то верить, потому что у нас нет достоверной информации. Теперь мы имеем возможность знать все.

Ленсинг Сэйер посмотрел на губернатора.

— Но какое отношение имеет все это к президентской кампании? Можно ли ваши идеи преобразовать в пункты политической программы?

Губернатор отвернулся к окну.

— Ну... мы ведем международные переговоры по контролю за вооружениями. Они тянутся десятилетиями, а оружие разползается по Земле как чума. Перевести мои наблюдения в плоскость политики... — вновь Флетч подумал, с какой легкостью появляются и исчезают пункты предвыборной программы. — Я думаю, нам пора осознать на межгосударственном уровне важность единого информационного пространства и договориться о его использовании. Очевидно, что никто — поли-

тическая, религиозная, финансовая группа — не должен контролировать его. Вы только представьте себе, — губернатор улыбнулся Ленсингу Сэйеру. — С помощью электроники опрос населения целой страны, даже референдум, можно провести в считанные секунды. То есть люди практически лишатся времени на обдумывание. Может, следует заключить международное соглашение, что такой референдум должен носить справочный характер, не обязывать правительство действовать в соответствии с принятым решением.

Автомобиль преодолевал последний подъем к больнице.

— Отличная больница. Расположена удобно, связана с горой хорошей дорогой. Так и должно быть.

Ленсинг Сэйер снял очки и протер потный лоб.

— Шустрик отвезет вас в отель, а потом вернется за мной. У меня сегодня запись на телевидении.

— Так в чем суть вашей программы, губернатор? — спросил Ленсинг Сэйер. — Перенести основной упор с бомб на информационные системы?

— Бомбами информацию не донесешь, — ответил губернатор. — Оглушают, знаете ли.

Автомобиль остановился. Губернатор открыл дверцу, чтобы вылезти из кабины. Сэйер наклонился к нему.

— Губернатор! Могу я написать, что такова ваша основная цель? Осознание на международном уровне важности единого информационного пространства.

Губернатор Кэкстон Уилер вылез из машины, повернулся к Ленсингу Сэйеру, улыбнулся.

— Должна же президентская кампания иметь какую-то цель.

По пути к главному входу, где его ожидала администрация больницы, Кэкстон Уилер коротко глянул на Флетча, хохотнул.

— Знаете, сэр, а у меня возникло желание стать президентом Соединенных Штатов.

ГЛАВА 26

— Ага! — выражение участливости, утешения сползло с лица губернатора, как только он увидел, что в палате нет никого, кроме Ай-эм Флетчера. Дверь за губернатором закрылась. — С чем вы попали в больницу?

— Тревога, — ответил Флетч. — Острая.

— Я уверен, что в самое ближайшее время вы поправитесь и вернетесь домой.

Пока губернатор обходил основные отделения больницы — родильное, общей хирургии, детское (в отделения интенсивной терапии и геронтологическое его не повели), — Флетч договорился с администратором, что губернатора пригласят в одну из пустых палат. Предлогом послужило желание губернатора позвонить по телефону.

— Так что вас тревожит? — уже более серьезным тоном спросил губернатор. — Что-то случилось?

— Хэнреган опубликовал статью в «Ньюс билл», — Флетч достал из внутреннего кармана пиджака первую страницу с заголовком и две другие, с текстом. — Я хочу, чтобы вы посмотрели, как это выглядит на бумаге.

Стоя у окна, губернатор просмотрел статью.

— И что? Кто поверит «Ньюс билл»? Однажды они написали, что с Дорис у меня второй брак. А первый раз я женился в университете.

— Боюсь, теперь от Хэнрегана просто так не отделаешься. Обратите внимание на третий абзац.

Губернатор прочел вслух.

— «Помощники Уилера не пожелали даже сказать, что они ничего не знают ни об этих женщинах, ни об убийствах...» — Он протянул газету Флетчу. — Как можно что-либо говорить о том, чего не знаешь?

— Плюс ко всему этой ночью в отеле убили женщину. Горничную. Так сказал мне Айра Лейпин. Между прочим, вам известно, что жену Лейпина убили?

— И теперь он убивает других женщин?

— Возможно. Кто-то же это делает.

Губернатор прошелся по палате, вернулся к окну.

— Вы полагаете, кто-то нацелился на меня?

— Вот об этом я не задумывался.

— Так подумайте. Какова конечная цель этих убийств? Поставить мою избирательную кампанию на колени?

— Напряжение, конечно, возрастет...

— Избавиться от меня, поставить перед избирателем большой знак вопроса, другого мотива я не вижу, — губернатор пожал плечами. — А может, это дело рук какого-то параноика. Вам представляется, что убийца едет вместе с нами?

— Печальное известие, не так ли? Именно поэтому нас сопровождает Фредерика Эрбатнот, криминальный репортер «Ньюс уорлд». Она не так падка на сенсации, как Хэнреган, но теперь ей придется что-то написать.

— Пожалуй, надо попросить Нолтинга подготовить специальное заявление касательно разгула преступности в стране. Теперь-то я могу сказать, что убивают везде, где я появляюсь.

— Губернатор... — Флетч запнулся.

— Да?

— Я все понимаю. Вы должны защищать себя. Избирательную кампанию. Но ваши заявления не приблизят нас к решению главной проблемы.

— А что еще мы можем сделать? До праймери два дня.

— Самое лучшее — выяснить, кто убил этих женщин.

— Но как? Мы постоянно в пути, переезжаем с места на место. Сколько людей сопровождает нас? Человек пятьдесят-шестьдесят? Кто пытается подрубить под корень мою избирательную кампанию? И akurat в тот момент, когда я начал входить во вкус. Кто? Аптон? Невероятно. Грейвз? Он, конеч-

но, известен своими грязными делишками, но на такое не пойдет. Иностраннный агент? Этот тип из «Правды»?..

— Салов.

— Это его фамилия? Странная личность. Не задал мне ни одного вопроса. Зачем он здесь? Пресса! Вы сказали, что Эндрю Эсти уехал вчера вечером, а женщину убили ночью. Значит, его можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

— Он вернулся. Вернее, ему приказали вернуться. Я видел его вчера в лифте. Около полуночи. А почему вы упомянули о нем?

— Он чокнутый. Вы же видели, как он улыбается? Натянут, как струна на теннисной ракетке. Он из тех, кто абсолютно уверен в собственной правоте. А те, кто думает, что абсолютно прав, способны на все, включая убийство. Какой-нибудь маньяк среди добровольцев. Ли Оллен не может проверить каждого. Мы путешествуем слишком быстро, у нас нет необходимых для этого средств. Своей команде я доверяю полностью. Они все проверены досконально. За исключением вас. Но вы появились после убийства в отеле «Харрис». Так что же мне делать? Выйти к избирателям и сказать: «Друзья мои, я — не убийца!» Боюсь, меня не поймут.

— Что-то сказать придется. И пора уже что-то делать. Мне понравилась ваша «Новая реальность», но дело в том, что людей больше волнуют нераскрытые убийства, сопровождающие предвыборную кампанию.

Губернатор указал на страницы «Ньюс билл», которые Флетч все еще держал в руке.

— Вы показали эту мерзость Уолшу?

— Когда я позвонил утром, его уже не было в номере.

Губернатор посмотрел на часы.

— Через двадцать минут у меня запись в телестудии. Я упомяну о смерти женщины, скажу, что я в ужасе. Мы должны остановить рост насилия. Каждый из нас может оказаться следующей жертвой. Вечером большой митинг в Мелвилле. Потом я должен лететь в Нью-Йорк для участия в программе «Вопросы и ответы». Она пойдет завтра утром в прямом эфире. И все твердят, что завтра же утром я должен заглянуть в церковь, поскольку в Уинслоу обвинил христианство в беспомощности.

Какое-то мгновение мужчины молчали. Главная-то проблема так и оставалась нерешенной.

— Черт, — пробурчал губернатор, — опять пошел снег.

— Теперь-то вы пригласите агентов ФБР? — спросил Флетч.

— Нет, — покачал головой губернатор. — И ваша задача, Флетчер, позаботиться о том, чтобы эти убийства не отразились на мне. На избирательной кампании. Это все, что от вас требуется. Кто бы ни убивал женщин, по любой причине, к борьбе за пост президента это не должно иметь никакого отношения. Первичные выборы в этом штате через два дня. Найти убийцу за это время невозможно. И я не могу допустить, чтобы люди шли на избирательные участки, думая о том, что убийства

женщин напрямую связаны с моей предвыборной кампанией. Это ясно?

— Да, сэр.

— Тогда нам пора.

Флетч распахнул перед губернатором дверь.

— Вы знаете, что президент в два часа дня проводит пресс-конференцию?

— Да.

— Пресс-конференция в субботу. На него это непохоже.

— Я думаю, он будет хвалить христианство и демократию и выльет на меня ушат помоев, — выходя из палаты, предположил губернатор.

ГЛАВА 27

— А вот и я, — возвестила Фредди Эрбатнот, возникнув рядом с Флетчем.

Оккупировав телефонную будку в вестибюле отеля, Флетч пытался найти Уолша Уилера. Номер последнего не отвечал. Барри Хайнс не знал, где Уолш. Вроде бы тот собирался на встречу с Ассоциацией молодых профессионалов Фармингдейла. Ли Оллен Парк полагал, что Уолш на агротехнической выставке в пятидесяти милях от Фармингдейла (Флетч выяснил, что Уолш позавтракал с молодыми профессионалами, а потом посетил выставку).

— Вы ищите меня, не так ли? — спросила Фредди.

— Как всегда, — Флетч повесил трубку. — Вы уже собрали вещи?

— Я никогда их не разбираю.

— Я тоже. Но мне надо подняться наверх и покидать в чемодан то, что я достал из него вечером. Пойдете со мной?

— Сэр! В ваш номер?

— Да.

— Разумеется, пойду.

Джуди Надич вылетела из лифта.

— Эй! — позвал ее Флетч.

Она обернулась, по ее щекам катились слезы.

— Что случилось? — спросил Флетч.

— Эта сука! — вскрикнула Джуди.

— Кто?

— Ваша мисс Салливан! — Она шагнула к Флетчу. — И ваша Дорис Уилер!

— Что они сделали?

— Ничего. Вышвырнули меня. Обозвали белкой.

Флетч не смог сдержать улыбки.

— Предложили мне написать о выставке цветов! — Вновь слезы. — А до нее еще больше месяца!

— Так проучите их.

Джуди постаралась взять себя в руки.

— Как?

— Естественно, на газетной полосе, — Флетч осознал правоту Джеймса: миссис Дорис Уилер, жене кандидата в президенты, следовало дать урок светских манер. Его даже бросило в жар.

— Мне не о чем писать! — взвизгнула Джуди. — Я даже не видела, как выглядит внутри ее номер.

— Понятно, — вздохнул Флетч.

— А я так надеялась на эту статью, — и Джуди, опустив голову, двинулась к выходу, писать о цветочных выставках, склеенных чашках, пожертвованиях, необходимых на поддержание в чистоте статуй в парках.

— Бедные провинциальные репортеры, — покачала головой Фредди. — Когда-то я была такой же.

Флетч нажал кнопку вызова.

— Где?

— В Большом Нью-Йорке.

— Большой Нью-Йорк — не провинция. Пусть он и большой.

— В президентских кампаниях провинциальных журналисток соблазняют бокалом легкого вина и награждают поцелуем в щечку, — двери кабины раскрылись, Фредди вошла в лифт.

— Так, значит, вы живете, — Фредди огляделась. — Ваш чемодан темно-коричневый. А мой — светло-синий.

— Да. В этом разница между мальчиками и девочками, — он прошел в ванную, чтобы взять бритвенные принадлежности. — Что вам известно о женщине, убитой этой ночью?

— Мэри Кантор, тридцати четырех лет, вдова, трое детей. Ее муж служил в морской авиации, штурман. Погиб три года тому назад в авиакатастрофе.

Флетч попытался было представить себе трех сирот, но отогнал это видение.

— А женщину в Чикаго опознали? Ту, что нашли задушенной в чулане?

— Жена акушера. Член Лиги женщин-избирателей. Очень уважаемая дама. Возможно, удостоверение личности или автомобильные права были в сумочке, а ее кто-то утащил.

Флетч вернулся в спальню. Фредди уже улеглась на разобранную постель.

— Не понимаю, что связывает этих женщин. Светская дама из Чикаго, Элис Элизабет Шилдз, одинокая поклонница книг, и, наконец, горничная, вдова летчика, мать троих детей.

— У них есть одна общая черта.

— Какая?

— Все они — женщины.

— Горничную изнасиловали?

— Я еще не говорила с коронером. Но сотрудница лаборатории уверена, что женщину не изнасиловали. Но в том, что убийства совершены насильником, сомнений нет.

Флетч сворачивал грязные рубашки. Они так быстро меняли мотели, что он не успевал отдать их в прачечную.

— Что вы имеете в виду?

— Изнасилование — это не просто удовлетворение сексуальной потребности. Главное здесь — возвыситься над женщиной, унижить ее, втоптать в грязь. А секс — это вторично.

— Это я понимаю, — кивнул Флетч. — Но без фактического изнасилования нельзя утверждать, что убийца — мужчина. Вполне возможно, что их отправила на тот свет сильная женщина.

— Да, да, — отозвалась с кровати Фредди. — Фенелла Бейкер. Сорвала с себя блузку и обратилась в мускулистую амазонку.

— Как убили последнюю жертву?

— По мнению полиции, задушили мягким шнуром. Вроде пояса от банного халата.

— Меня тревожит отсутствие сексуального контакта, — Флетч достал из стенового шкафа пиджак, быстро сложил его и сунул в чемодан. — Сильная женщина...

— Кошмар, — Фредди поднялась, достала из чемодана пиджак, сложила его как полагается. — В таких поездках одежду надо беречь.

— Я никогда не ношу этот пиджак.

— Так почему вы возите его с собой?

— Этот пиджак я вожу, — Флетч указал на пиджак, что лежал на кровати. — А этот — ношу, — имелся в виду тот, что был у него на плечах.

Фредди кончиками пальцев побросала разложенную на кровати одежду в чемодан.

— Флетч, да у вас тут одно грязное белье.

— Я знаю.

— Надо же как-то выходить из положения.

— Где? Когда?

— Или мы выгоним вас из автобуса прессы. У нас и так хватает вонючек. Вы обратили внимание, что никто не сидит рядом с Хэнреганом?

— Я заметил, что он всегда разваливается на два сиденья.

— От него плохо пахнет.

Фредди переложила футляр с бритвенными принадлежностями, чтобы закрыть чемодан.

— Оставьте в покое мое грязное белье!

Фредди опустила крышку и посмотрела на нее.

— Может же между мужчиной и женщиной все быть по-хорошему. Или нет?

Флетч наблюдал за ней, не вставая с кресла.

— Как будто вы не знаете, что может, Фредди?

— Я что этот чемодан, Флетчер. Все, что не влезит, сразу выкидываю.

— Но почему? Почему вы должны так жить?

Фредди провела рукой по крышке чемодана.

— Почему я Фредерика Эрбатнот? Потому что у меня был шанс стать ею. И я его не упустила. У кого-то есть шанс стать

любовницей, женой, матерью, — она опустилась в другое кресло. — Что бы делал мир без моих блестящих репортажей?

— Хотите, чтобы я заказал кофе?

— Мы его не дождемся...

Так же неторопливо Шустрик отвез губернатора и Флетча на студию. В записанном на пленку интервью кандидат сделал упор на разгул преступности, особо подчеркнув немотивированность многих убийств. Он даже упомянул убитую ночью горничную. Интервью с кандидатом намеревались показать в дневном выпуске новостей...

— Вы видели утреннюю парашу Хэнрегана?

— Конечно.

— Теперь и вы должны что-то написать.

— Уже написала. Обошлась с вами по справедливости.

Убийства имели место в тех городах, где находилась команда кандидата, но никакой связи с предвыборной кампанией не выявлено. Полиция даже не уверена, что все убийства — дело рук одного человека.

— То есть вы намекаете, что происшедшее может оказаться не более чем совпадением?

— Да.

— Вы в это верите?

Фредди пожала плечами.

— Если б верила, то не сидела бы здесь. Мне пришлось отметить, как и Хэнрегану, что кандидат не пожелал отвечать на вопросы, касающиеся этих убийств.

— Это правда. Ему нечего сказать.

— Правда... — Фредди потянулась, откинула голову на спинку кресла. — Флетч, а что говорит Уилер по этому поводу?

— Убийства эти для него что мухи над тарелкой каши. Он только и делает, что отгоняет их. Он ведет предвыборную кампанию. И не хочет, чтобы она превратилась в полицейское расследование.

— Действительно, в этом случае его шансы упадут до нуля.

— Он говорит об использовании технических достижений для сбора и распространения информации, производства продуктов, вообще об улучшении благосостояния народов всей планеты, а ему подбрасывают трупы.

— Кто?

— Может, вы мне и скажете?

— А нет ли другой причины, по которой он избегает наших вопросов? И расследования убийств?

— Разве крах избирательной кампании недостаточно уважительная причина?

— Да нет, недостаточная.

— Вы намекаете, что его останавливает нечистая совесть?

— Салли Шилдз нашли на тротуаре под его окнами на седьмом этаже. И Хэнреган, в отличие от меня, написал, что Дорис и Кэстон Уилер занимали отдельные «люксы». Дорис — бога-

тая сучка. Мне рассказывали, как она третирует людей. Так с чего ему ее любить?

— Вы думаете, что кандидат пользуется услугами других женщин?

— Кто знает?

— Мне кажется, он не стал бы выкидывать их из окна своего номера.

— Ситуация могла выйти из-под контроля, — промурлыкала Фредди.

— Есть одна идея... — Флетч помялся.

— Выложите ее мне. Полагаю, я смогу оценить, далека ли она от истины.

— Тот, кто это делает, подкладывает мину под избирательную кампанию Кэкстона Уилера. Уничтожает его как кандидата в президенты.

— И чья это идея?

Вновь Флетч замаялся.

— Кэкстона Уилера.

— Я так и думала. Даже в разговоре с вами он старался отвести от себя всякие подозрения. Был он в своем номере, когда Элис Элизабет Шилдз приземлилась на тротуар, или нет?

Флетч заерзал в кресле.

— С временным раскладом не все чисто. Он говорит, что, выйдя из машины, не заметил ни толпы на тротуаре, ни людей, спешащих на улицу из бара, а вот поднявшись в свой номер, услышал полицейские сирены и увидел мигание маячков.

— Такого быть не может.

Флетч промолчал.

— И кто, по мнению Уилера, мог убить этих женщин?

— Он упомянул Эндрю Эсти.

— Эсти? — Фредди рассмеялась. — Не думаю, что его религия разрешает убивать.

— Он сопровождал команду кандидата три недели. Вчера уехал, вечером вернулся, и тут же новое убийство. Я столкнулся с ним в лифте поздним вечером. Раздраженным, злым...

— Эсти не допустит, чтобы его изобличили как убийцу, — улыбнулась Фредди. — Верховный суд может запретить молитвы в тюрьме.

— Билл Дикмани, — назвал Флетч второго подозреваемого.

— Как я понимаю, Билл серьезно болен.

— Вчера вечером я нашел его в коридоре на пятом этаже. Его прихватило в очередной раз. Когда я подошел к нему, он опирался о стену. Меня он не узнал. Вообще не соображал, где находится, что делает. А потом потерял сознание. Я отнес его в номер на девятый этаж. Когда он очнулся, то не мог понять, каким образом оказался на собственной кровати.

— А что он делал на пятом этаже?

— Кто знает? Но утром я вспомнил, что стоял между основным и служебным лифтами. Горничную нашли в служебном лифте, так?

Фредди погрузилась.

— Бедный Билл. У него пятеро детей, — и тут она рассмеялась. — Вы заметили, как изменилось лицо Филби, когда тот понял, что пропустил новую речь кандидата? Словно доктор сказал ему, что придется вырезать весь желудок.

— Такое трудно переварить.

— А Джо Холл невероятно вспыльчив, — добавила Фредди. — Я видела, как однажды он вышел из себя. На процессе в Нэшвилле. Судебный клерк отказался пропустить его в зал заседаний. Усомнился в подлинности его документов. Джо обезумел. Набросился на клерка с кулаками.

— И не говорите мне, что Салов — типичный русский. Если он ночи напролет смотрит порнографические фильмы, можно представить себе, что у него творится в голове. Возможно, что для него забыть женщину до смерти — достойное завершение телесеанса.

— Бедные русские, — вздохнула Фредди. — Где еще им посмотреть «клубничку»?

— Я думаю, он достойный кандидат в убийцы. И вполне укладывается в рамки версии Уилера насчет того, что кто-то пытается сорвать его предвыборную кампанию.

— А чем занимается Уилер во время своих отлучек? — неожиданно спросила Фредди.

— Вы упорно переводите разговор на Уилера.

— А вы с тем же упорством уходите от Уилера. И его команды. Продолжаете напирать на журналистов. Неужели вы так легко забыли собственное прошлое?

— Я стараюсь говорить с вами откровенно. Я доверяю вам.

— Особенно теперь, когда знаете, что я — Фредди Эрбатнот.

— Да. Когда мы оба сошлись на том, что вы — Фредерика Эрбатнот.

— В команде губернатора тоже полно чокнутых. К примеру, доктор Том. Мне кажется, он получил свой диплом у самого Сатаны.

— У него есть недостатки, — признал Флетч.

— А Ли Оллен Парк не пропустит ни одной юбки. Я с такими сталкивалась. И шофер губернатора...

— Шустрик Грасселли.

— У него тело гориллы, а мозг — тритона. Барри Хайнс...

— Я вижу, что у нас не команда, а сумасшедший дом.

— Флетч, дорогой, вот вы кажетесь мне вполне нормальным. Флетч взглянул на часы. Без двадцати двенадцать.

— Не опоздать бы к автобусу, — он подошел к кровати, защелкнул замки чемодана. — В час митинг в торговом центре. А вечером большой митинг в Мелвилле.

Фредди осталась в кресле.

— Так где скрывается губернатор во время своих отлучек?

— Шустрик рассказал мне, что он едет в безымянный коттедж у безымянного озера и отсыпается там.

— Отсыпается?

— Несколько суток спит, а в промежутках читает.

— Занятно.

— Не стану утверждать, что я ему поверил.

Фредди поднялась.

— Флетч, пусть этот разговор останется между нами.

— Другого и быть не может.

Фредди направилась к двери.

— Возможно, мы чего-то не заметили, не увидели, не услышали. Вы понимаете... Есть же у нас мисс Салливан, которая так жестоко обошлась с этой журналисткой из местной газеты. Она очень злобная женщина.

Флетч опустил чемодан на пол.

— Я хочу попросить вас еще об одном, Фредди.

— Не обещаю, что выполню вашу просьбу.

— Будьте настороже ради собственного блага. Кто-то убивает женщин. Вы — женщина.

— Я вам еще этого не доказала.

— Я видел, как вы складывали мой пиджак.

— О!

— Хотите снова поцеловать меня в нос?

— Вы меня эксплуатируете, — и Фредди поцеловала его в губы.

Тут же Флетчу пришлось оторваться от нее, чтобы ответить на телефонный звонок.

— Завтра вас ждет то же самое, — хриплый пропитый мужской голос.

— Могу я узнать, с кем говорю?

— С лучшим репортером «Ньюс билл», мерзавец ты этакый.

— А, Хэнреган. А я-то думал, что вы уже летите в Нью-Йорк, получать Пулицеровскую премию.

— Завтра вас ждет много интересного. Особенно для тех, кто отказывается говорить со мной насчет убийств. Я собираюсь опубликовать вопросы, на которые мне не дали ответа. Где, например, был Кэкстон Уилер, когда Элис Элизабет Шилдз вышвырнули через окно его спальни? Где она провела четыре предыдущие ночи? Почему Барри Хайнса выгнали из университета штата Айдахо? Расстрелял ли Уолш Уилер группу подростков, когда служил в армии?

— Не расстреливал.

— Вопросы — пустяк, сынок. Главное — ответы или их отсутствие.

— Барри Хайнса выгнали из университета, потому что он не смог осилить химию. Такое случается со многими.

— Кому какое дело. Вы же ухватили суть?

— Вы делаете успехи, Хэнреган. Если я таки устрою вам интервью, вы опубликуете ответы? Или опять что-нибудь выдумаете?

— Тебе придется рискнуть, парень. Если я не смогу опубликовать то, что напоминает ответы, придется ограничиться вопросами.

— Я все понял. Счастливо, Майкл.

Флетч тут же перезвонил Барри Хайнсу и попросил найти Уолша и передать тому, что он должен выкроить время для встречи с Майклом Джи, Хэнреганом и Фредерикой Эрбатнот.

ГЛАВА 28

Флетч открыл заднюю дверцу арендованного черного «седана».

— Уолш сказал, что мне следует поехать с вами в торговый центр.

Дорис Уилер дружески кивнула ему.

— Отлично.

Он нашел Уолша, без пальто и галстука, на тротуаре у отеля. Ледяным тоном, цедя слова, Уолш сообщил, что согласен встретиться с Фредерикой Эрбатнот и Майклом Джи, Хэнреганом, если Флетч полагает, что это необходимо.

— Мне сесть впереди? — Женщины, Дорис Уилер и мисс Салливан, занимали практически все заднее сиденье. Шофера автомобиля Флетч видел впервые.

— Нет, нет, — возразила Дорис Уилер. — Места вам хватит. Зайдите с другой стороны.

Флетч обошел машину, открыл дверцу, сел, потеснив высокую, коротко стриженную, с большим носом, мисс Салливан. В итоге она оказалась посередине, и ей пришлось поставить ноги на возвышение, под которым проходила труба глушителя. В таком нелепом положении она напоминала большую собаку, посаженную в маленькую конуру.

— Мы незнакомы, — обратился к ней Флетч. — Ай-эм Флетчер.

Мисс Салливан холодно кивнула.

— Салли.

Автобус с командой кандидата отвалил от тротуара. За ним последовал автобус прессы. Тронулись с места легковушки добровольцев и микроавтобусы телекомпаний, формируя караван.

— Пристраивайтесь за вторым автобусом, — скомандовала водителю Дорис Уилер.

У выезда на улицу образовалась пробка. Швейцар отеля пытался остановить проезжающие машины, чтобы дать освободить путь каравану, но водители Фармингдейла не прониклись почтением к его золотисто-зеленой униформе, а потому улицы огласили автомобильные гудки: местные избиратели желали без промедления ехать по своим делам.

Зеленый «мустанг» добровольца и синий пикап вклинились между арендованным черным «седаном» и вторым автобусом. На заднем бампере пикапа белела наклейка с надписью: «ПОГУДИ ЗА АПТОНА».

Водитель нажал на клаксон.

— Перестаньте, — осадил его Дорис Уилер.

— Я слышал, утром вы не поладили с местной журналисткой? — Флетч повернулся к мисс Салливан.

— Корова, — фыркнула та.

— Она нагрубила вам или что?

— Тупица.

— Я же велела вам пристроиться за вторым автобусом, — обратилась Дорис к водителю.

Автобусы и автомобили остановились на красный свет. Водитель посмотрел на Дорис Уилер в зеркало заднего обзора, не пытаясь обогнать зеленый «мустанг» и синий пикап. Да и стояли машины бампер к бамперу.

— Чем она вас оскорбила? — спросил Флетч.

— Все интервью с миссис Уилер планирую я.

— Ей не требовалось интервью. Она лишь хотела побыть рядом, понаблюдать, послушать.

— В это утро у нас не было времени для таких, как она. И в дальнейшем не навязывайте нам своих протезе, Флетчер. Не лезьте не в свои дела.

— Мои «дела», как вы изволили выразиться, — избирательная кампания в целом. И грести мы должны в одну сторону.

— Тихо, тихо, — Дорис Уилер похлопала Салли по коленке. — Мистер Флетчер работает на нас. И мы рассчитываем на его помощь. Вы же приложите все силы, чтобы помочь нам, не так ли, мистер Флетчер?

Даже в этих, вроде бы вежливых фразах чувствовались командные нотки.

Зажегся зеленый свет, и караван двинулся дальше.

— Обгоните эти две машины, — взялась за старое Дорис Уилер.

— Автобусы никуда от нас не денутся, мадам.

— Я сказала, обгоните их!

Вновь водитель глянул в зеркало заднего обзора. На главной улице Фармингдейла вывалился из каравана на полосу встречного движения. Приближающийся желтый «кадиллак» взвизгнул тормозами. Сзади в него врезалась «хонда». Черный «седан» вернулся в свой ряд уже впереди пикапа, но за зеленым «мустангом».

— Сумасшедший, — бросила Дорис Уилер. — Обгоните и эту машину.

— При первой возможности, — пообещал водитель.

— Оставьте эти разговоры, — отрезала Дорис Уилер. — Давайте, что вам говорят!

Они миновали центр Фармингдейла, и встречных машин заметно поубавилось. Водитель вновь выехал на полосу встречного движения, обошел «мустанг» и вклинился между ним и автобусом прессы.

— Местных журналистов надо гладить по шерстке, — продолжил Флетч. — Сегодня Джуди Надич пишет для «Фармингдейл Ньюс». А через три года может стать обозревателем «Вашингтон пост».

— Через три года она будет стирать ползунки и готовить обед своему толстому мужу, — возразила Салли.

— Не пойму, о чем вы говорите? — вмешалась Дорис Уилер.

— О глупой корове, что заявила к нам этим утром.

— Какой именно?

— Той, что улыбалась. Она думала, что разрешение Флетчера откроет ей все двери. Показала мне какой-то листок с нацарапанными на нем словами, — Салли фыркнула. — Думала, что эти слова что-то да значат.

— Вы послали ее к нам, Флетчер?

— Она могла стать вам другом на всю жизнь. Для молодой журналистки нечасто выпадает шанс написать статью о жене кандидата в президенты. Эта статья могла бы послужить трамплином для ее карьеры.

— Ранее вы участвовали в избирательных кампаниях, Флетчер? — спросила Дорис Уилер.

— Нет, мадам.

— До сих пор не могу понять, почему Кэкстон взял вас.

— Чтобы делать ошибки, мадам, — без запинки ответил Флетч. — Чтобы придать кампании ауру юности и любительства, — Дорис злобно глянула на него. — Чтобы меня могли обвинить во всех недоработках и уволить до первичных выборов в Пенсильвании и Калифорнии. Чтобы я согрел место для Грохема Кидуэлла, — теперь и Салли смотрела на него, как на котенка, перевернувшего блюдечко с молоком. — Чтобы отправить меня домой на автобусе.

Они выехали на автостраду. Вновь повалил снег.

— И с чего это Уолш решил обратиться к вам? — добавила Дорис Уилер.

— Я знаю, как управляться с ксероксом.

— Мне известно, что в армии вы оказали моему сыну важную услугу, — Дорис поправила пальто. — Но, откровенно говоря, не могу взять в толк, зачем вы понадобились ему сейчас?

Водитель ехал так близко от автобуса прессы, что стекло постоянно обдавало грязью и песком, вылетающими из-под задних колес. «Дворники» работали с максимальной скоростью. Всю машину, даже заднее стекло, забросало грязью.

— Сумасшедший! — заорала на водителя Дорис. — Сбросьте скорость! Отстаньте от автобуса!

— Не хочу, чтобы кто-то вклинился между нами, — ответил водитель.

— Сумасшедший! И где только Барри нашел такого водителя!

— В свободное время, когда я не вожу идиотов, я — пожарник, — пояснил водитель.

Глаза Дорис вылезли из орбит.

— Считайте, что вас выгнали с обеих работ.

Салли достала из сумочки ручку и блокнот, сделала пометку. В зеркало заднего обзора водитель посмотрел на Флетча.

— Что ж, — Дорис откинулась на спинку сиденья, — давайте подумаем, чем же вы можете нам помочь.

Флетч постарался показать, что он весь внимание. Еще со школы он знал, что учителям и лекторам это всегда по нутру.

— Мой муж, Флетчер, легко поддается чужому влиянию. Он умный, энергичный, кто с этим спорит. Но постоянно интересуется мнением окружающих. Видите ли, он всегда сомневается в собственных суждениях.

— Слушает, что говорят советники? — предположил Флетч.

— Он слушает всех. И особое впечатление производит на него последняя услышанная идея.

— Чего бы она ни касалась, — ввернула Салли.

— Такой он впечатлительный? — изобразил удивление Флетч.

— Я знаю его больше тридцати лет.

— С той поры, как умерла Барбара?

Дорис уставилась на него, словно он громко пукнул.

— Какая Барбара?

— Неважно.

— Я понимаю, вам льстит внимание губернатора, его интерес к вашим мыслям.

— Конечно.

— И эту ерунду, я про «Новую реальность», он почерпнул от вас?

— Не совсем.

— Молодежь считает особым долгом дискредитировать устои нашего общества.

— А что в этом плохого?

— Политически это самоубийство. Как я и сказала вчера вечером. Разрушить их невозможно. И это единственная реальность.

Водитель сбавил скорость, и разрыв с автобусами увеличился. Добровольцы не решались обогнать машину, в которой ехала Дорис Уилер.

— Беда Кэкстона в том, что он не всегда представляет себе последствия того или иного шага. И зачастую не знает, к чему приведут его высказывания. Утром я долго беседовала об этом с Эндрю Эсти.

— Правда?

Салли кивнула.

— Рассказала ему о моем дедушке, проповеднике из Небраски... — Дорис Уилер повторила рассказ о дедушке и Флетчу. — Именно его сын, отец Дорис, нашел месторождение нефти.

Флетч перестал слушать. Этому он тоже научился еще в школе.

Микроавтобус «Эн-би-си ти-ви ньюс» * вывалился из каравана и начал обгонять машину Дорис Уилер.

— Прибавь газу! — крикнула она водителю. — Мы отстаем от автобусов.

Черный «седан» помчался наперегонки с микроавтобусом «Эн-би-си».

* Информационная программа телевещательной компании NBC.

— Как хорошо, — вздохнул Флетч. — Всегда мечтал сняться в «Бен Гуре» *.

— Сумасшедший, — отреагировала Дорис Уилер.

Микроавтобус «Си-би-эс» держался следом за микроавтобусом «Эн-би-си». Микроавтобус «Эй-би-си» ** начал обходить машину Дорис Уилер справа. Теперь «седан» забрасывали грязью с двух сторон.

— В разговоре с Кэкстоном нужно проявлять осмотрительность, — подвела итог Дорис. — Ваша работа — оберегать его, даже от себя самого. Избирательная кампания не прогулка по летнему саду.

Разрыв с автобусами увеличивался и увеличивался.

— А что вы думаете об этих убийствах? — спросил Флетч.

— Вы имеете в виду женщин? — спросила Дорис Уилер.

— Вы, стало быть, в курсе.

— Естественно.

— Есть какие-либо предположения на этот счет?

Поворот к торговому центру начинался на вершине небольшого холма. Так как двигался караван с приличной скоростью, при прохождении поворота могли возникнуть сложности. Так, собственно, оно и произошло. Зеленый «мустанг» просто проскочил мимо, и теперь ему предстояло преодолеть немало миль до ближайшей дорожной развязки.

— Нет, предположений у нас нет, — ответила Дорис. — И не наше это дело. Убийствами должна заниматься полиция.

Автобусы уже замерли на автостоянке торгового центра. Собравшаяся толпа, две или три тысячи человек, топталась в мокром снегу, ожидая появления кандидата.

— А почему нас не сопровождает полиция?

— Чего только не хватает избирательной кампании, так это полицейского расследования, — ответила Салли.

— Вы не верите в закон и порядок?

Салли наградила его презрительным взглядом.

Водитель остановил машину на приличном расстоянии от автобусов. Посреди самой большой лужи. И замер. Похоже, он не собирался открывать дверцы своим пассажирам.

Дорис открыла дверцу сама.

— Какая грязная машина.

— Не волнуйтесь, — пробормотал водитель. — Больше вы ее не увидите.

— Я же сказала, что подам на вас жалобу, — Дорис Уилер вылезла из кабины.

— Вы можете быть женой президента Соединенных Штатов, —

* Один из наиболее известных и для своего времени самый дорогой фильм Голливуда. Российским зрителям он незнаком, а потому остается лишь предполагать, что возникшая ситуация напомнила Флетчу эпизод из фильма.

** NBC, CBS, ABC — тройка ведущих телевещательных компаний США.

прокричал вслед водитель, — но в Фармингдейле вы — старая карга!

Салли последовала за Дорис Уилер. Флетч вышел с другой стороны.

— И за вашего мужа я голосовать не буду! — не унимался водитель. — Нечего ему делать в Белом доме, если его жена — такая сука.

«Седан» рванул с места, окатив их грязью.

— Мой Бог! — Дорис Уилер посмотрела на заляпанную юбку. На внушительных размеров лужу, в центре которой они стояли. На удаляющуюся машину. — Мы же взяли машину на целый день. Он не может бросить нас здесь.

Флетч наблюдал, как арендованный «седан» повернул к автостраде.

— Как видите, может. Что он, собственно, и сделал.

ГЛАВА 29

— Добрый день, — поздоровался президент Соединенных Штатов. — Я хочу сделать короткое заявление.

— Короткое, как же, — обратился к телевизору Фил Нолтинг. — Стоило ради этого собирать журналистов в субботу. Спортивным болельщикам это не понравится.

Барри Хайнс повернулся к Флетчу.

— Вам звонил некий Олстон Чамберс. Сказал, что его телефонный номер у вас есть. Дважды звонил Рондолл Джеймс. Вот с этого номера, — и Барри протянул Флетчу полоску бумаги.

— О Джеймсе лучше забыть, — пробормотал Уолш.

Автобус стоял на площадке отдыха. Даже водитель поднялся со своего места, чтобы посмотреть пресс-конференцию президента.

— Готов поспорить, он хочет дать наказ на завтрашнюю воскресную проповедь, — вставил Пол Добсон. — Вперед с Богом и страной.

Кандидат, с царапиной на щеке, сидел на скамье у боковой стены салона и молча смотрел на экран.

Митинг в торговом центре не удался. Губернатор с микрофоном в руке забрался на крышу «форда» одного из добровольцев. Всякий раз, когда он пытался что-то сказать, из динамиков доносились какие-то завывания. Барри Хайнсу и водителю автобуса так и не удалось устранить неполадки. Тогда губернатор попытался говорить без микрофона. Но ветер, шум машин, въезжающих и выезжающих с автостоянки, рев пролетающих над торговым центром вертолетов, скомкали впечатление.

Дорис Уилер проигнорировала собравшихся поклонников кандидата. И напрямик прошествовала в автобус, в грязной юбке и мокрых туфлях. Салли не отставала от нее ни на шаг, словно собачка на коротком поводке.

— Пожалуйста, больше не сажай меня в одну машину с твоей матерью, — попросил Уолш Флетч.

— Понятно, — кивнул Уолш. — Ох уж эта Салли, — его адамово яблоко ходило вверх-вниз. — Суровая дама.

— Шофер уехал, высадив их посреди лужи.

Уолш оглядел автостоянку.

— Ничего. Кто-нибудь из добровольцев отвезет их в дом престарелых. Может, оно и к лучшему. Меньше проблем.

Губернатор слез с мокрой крыши «форда». Сунул микрофон Ли Оллену Парку. Тот передал его добровольцу, последний — Барри Хайнсу.

Затем Кэкстон Уилер двинулся в толпу. Ему пожимали руки, толкали, чуть не сбили с ног. Маленькую девочку, сидящую на плечах отца, вырвало. Часть блевотины попала на волосы губернатора. Женщина зрелых лет попыталась его поцеловать, но дело кончилось тем, что ногтем разодрала ему щеку. Неожиданно в толпе началась драка. Флетч видел, как трое мужчин сшибли четвертого, в кожаной куртке, на землю, щедро награждая пинками. Еще двое мужчин, постарше возрастом, начали их разнимать. Уолш метнулся к отцу, схватил за плечи, развернул и буквально затолкал обратно в автобус.

Со стоянки у торгового центра они отъехали раньше намеченного срока.

Когда автобус трогался с места, мужчина в кожаной куртке уже поднялся, с разбитым в кровь лицом, и прокричал им вслед что-то неразборчивое.

В автобусе Шустрик промыл царапину, продезинфицировал ее перекисью водорода. Губернатор широко улыбался.

— Не так-то просто завоевывать сердца и души избирателей. Можно найти работенку и полегче.

— Извините, — промямлил Барри Хайнс.

— Это все чертова погода, — успокоил его Уолш.

Около двух часов пополудни автобусы и следовавшие за ними автомобили свернули на площадку отдыха, чтобы посмотреть выступление президента.

В салоне все молчали, пока президент зачитывал свое заявление.

— «Технические достижения, имеющиеся в нашем распоряжении, особенно в области информатики, пока не используются на благо народов планеты. Несомненно, что все нации только выиграют от более полного применения этих достижений в сфере образования и здравоохранения, при обмене научными данными и культурными программами, для контроля состояния окружающей среды. Поэтому сегодня я объявляю о создании специального совета Белого дома, в состав которого войдут видные представители науки и культуры, с тем чтобы они подготовили доклад о путях более эффективного использования научных достижений в области информатики, дабы сделать еще один шаг на пути к миру и всеобщему процветанию», — президент ото-

рвался от бумажки и оглядел собравшихся журналистов. — А теперь ваши вопросы, господа.

— Сукин сын, украл твою идею, — прокомментировал заявление президента Уолш. Кандидат молча смотрел на экран.

Большинство вопросов касалось Центральной Америки, экономики, Среднего Востока, отношений с Россией. На вопрос о возможных дебатах с кем-либо из претендентов на его пост президент ответил: «Пока еще рано даже думать об этом».

С окончанием пресс-конференции Барри Хайнс выключил телевизор.

— Сукин сын, украл твою идею, — громко повторил Уолш.

— Это точно, — губернатор оглядел свою команду и хохотнул. — Зато благодаря этому сукиному сыну на меня не будет дуться жена.

ГЛАВА 30

— Как дела, господин прокурор? — Поднявшись в номер отеля «Первый» в Мелвилле, Флетч улегся на кровать и позвонил Олстону Чамберсу. — У меня одна минута, не более. Должен встретиться в баре с Уолшем и двумя журналистами на предмет жизни и смерти. И смерти.

— Как ты, Флетч?

— Кручусь как белка в колесе.

Часы показывали пять вечера. В восемь начинался митинг на крытом стадионе Мелвилла...

С трех до четырех Флетч просидел в радиостудии города Маккензи, организовавшей «горячую» линию, по которой кандидат отвечал на вопросы радиослушателей. Большинство вопросов касалось мер социальной защиты малоимущих, дотаций фермерам, расширения дорожного строительства. Некоторые обращались с личными проблемами.

«Моя жена сейчас работает, денег не хватает, знаете ли, даже на еду. Это означает, что мои дети приходят после школы в пустой дом, мы просим соседку присмотреть за ними, но у нее артрит, она еле ходит, мы не знаем, что делают дети в наше отсутствие. Почему жизнь теперь не такая, как раньше? Когда я был маленьким, моя мама всегда была дома...»

Не раз упоминалась поднимающаяся волна преступности, что дало возможность кандидату упомянуть о горничной, убитой в отеле, где он провел ночь. Ровно час губернатор старался честно ответить на все вопросы, чего бы они ни касались.

Затем малой скоростью Шустрик доставил их из Маккензи в Мелвилл. Губернатор читал на заднем сиденье. На переднем Флетч смотрел на приближающиеся, а затем проплывающие мимо знаки ограничения скорости (55 миль в час). Стрелка спидометра при этом дрожала у цифры 30.

В отеле Флетчу передали кипу записок. Журналисты, освещающие кампанию, хотели встретиться с ним. (Ленсинг Сэйер, Фелла Бейкер, Стелла Кирчнер.) Просили позвонить журналисты

со всех концов страны (плюс из Мехико и один из лондонской «Таймс»). Рондолл Джеймс из Айовы звонил трижды.

Флетч отзвонился лишь Олстону Чамберсу.

— Хотел сказать тебе, что нашел ответ на вопрос, который задавал вчера вечером.

— Какой вопрос?

— Насчет неожиданного отъезда Уолша с военной базы. После того, как мы три дня просидели на деревьях.

— А что тебя удивило? Он устал. Наелся войной досыта. Его папашка подергал за какие нужно веревочки. Я бы сам смотался оттуда при первой возможности. Да и другие тоже.

— Тут дело другое. Уолш обхамил старшего офицера.

— Подумаешь, событие.

— Я переговорил с капитаном Уолтерсом. Между прочим, у него оптовый книжный магазин в Денвере.

— Приятный человек. Всегда приносил нам книги. В любой ситуации сохранял хладнокровие.

— А вот Уолшу в какой-то момент оно изменило. Он последними словами изругал майора Лесли Хант.

— Не знал, что ее фамилия начинается с буквы Х*.

— Тем не менее. Ты ее помнишь.

— Мерзкая тварь. Презирала солдат за то, что они — мужчины.

— Помнишь ее любимого конька?

— Конечно. Палатка-столовая должна располагаться в центре лагеря. Таково требование устава. А снайперов побоку. То-то они пользовались нашей глупостью.

— Двух парней из роты Кей подстрелили, когда они шли на завтрак. Одного в ногу, другого в спину.

— Вот этого я не помню.

— Уолтерс говорит, что с этого все и началось. Уолш накричал на майора на заседании штаба.

— И за это Уолша услали в Штаты? Следовало наградить увольнительной.

— Не за это. Потом он угрожал ей.

— Отлично.

— Замахнулся прикладом карабина. Произошло все при свидетелях. Если бы не отец, говорит Уолтерс, Уолш загремел бы под трибунал.

— Черт, Уолш пережил три или четыре жутких дня. А эта баба-майор круглая дура. Сама-то никогда не была на передовой, а потому хотела, чтобы мы показывали чудеса героизма на пути в столовую.

— Именно так. Я подумал, что тебе это небезынтересно.

— Значит, Уолш спустил на нее всех собак. Молодец.

* Флетч хочет сказать, что эту женщину-офицера называли не иначе как матерным американским словом «cunt» (произносится как «кант»), означающим женский половой орган.

— Уолтерс помнит тебя. Просил рассказать, как ты поживаешь. Я сказал, что ничего не знаю.

— Уолш парень не промах. Напугал до смерти эту сучку и быстренько смотался домой. У его мамочки не может быть глупых детей.

ГЛАВА 31

— Я согласился встретиться с вами вопреки собственным убеждениям.

Они сидели за круглым столиком в темном углу бара в квартале от отеля «Первый». В центре столика стояла вазочка с орешками. Перед каждым, Уолшем, Флетчем, Майклом Джи Хэнреганом и Фредерикой Эрбатнот, официантка поставила по кружке пива. Хэнрегану принесли и стопку виски.

Из музыкального автомата лилась тихая, успокаивающая мелодия.

Хэнреган первым делом приложился к виски.

— Флетч, однако, настоял на этой встрече, вероятно, из-за того дерьма, что вы напечатали этим утром в «Ньюс билл», Хэнреган, — продолжал Уолш тихим голосом. — Вы не провели с нами и нескольких часов, а уже пишете, что никто не хочет разговаривать с вами по поводу каких-то убийств, случившихся Бог знает где и когда. — Уолш посмотрел в потолок и покачал головой. — Полагаю, что с тем же успехом вы можете поинтересоваться у нас о кражах со взломом и разбоях, имевших место в тех городах, где мы побывали. И не забудьте о прелюбодеяниях. В мотелях этого хватает с лихвой, — голос его звучал устало. — А повод, по которому мы встречаемся, весьма простой. Вы не политические репортеры. Флетчер говорит мне, что ваша специализация — преступность. И в общем-то я не понимаю, почему мы должны возить вас в своем автобусе. Вы настаивали на встрече, и я согласился. Но пока у меня есть все основания просить Флетча отказать вам в аккредитации.

— Вы закончили? — поинтересовался Хэнреган.

Фредди повернулась к Флетчу.

— Отказ в аккредитации не пойдет вам на пользу. Да и пребывание в автобусе прессы не самое радостное впечатление, которое я испытала в жизни.

— Вот-вот, — покивал Хэнреган. — «Ньюс уорлд» обеспечит Эрбатнот лимузином с водителем. А я найму вертолет. Так что не мелите чушь, Уилер.

Уолш бросил в рот несколько орешков.

— Через несколько минут Флетч и я должны быть на совещании у кандидата. Если у вас есть вопросы, задавайте.

Хэнреган отхлебнул из кружки. Его глаза блеснули.

— Как давно вы были знакомы с Элис Элизабет Шилдз?

— Я ее знать не знал.

— Вы встретились с ней в Чикаго?

— Повторяю, я ее не знал.

— А кто знал? Ваш папаша?

— Мой отец также не был с ней знаком.

— Так почему она упала на тротуар под окном его спальни?

Уолш скорчил гримасу и промолчал.

— Уолш, — вмешалась Фредерика Эрбатнот, — мы бы продвинулись вперед, если бы получили список лиц, находившихся в «люксе» вашего отца в тот вечер, когда убили Элис Элизабет Шилдз.

— Составить такой список невозможно, мисс Эрбатнот. Там были местные журналисты. Я не знаю их фамилий. Пара координаторов предвыборной кампании, жителей этого города. Одного зовут Уильям Бурк, фамилия второго Блэкстоун. Были еще Фенелла Бейкер, Ленсинг Сэйер, ваша Мэри Райс, — он глянул на Хэнреган, — Дикмани, кто-то еще.

— А вы там были? — спросил Хэнреган.

— Да. Приходил и уходил.

— А Салов? — спросил Флетч.

— Не помню.

— Доктор Том? — спросила Фредди.

— Не помню. Но сомневаюсь. Он избегает контактов с репортерами.

— В родном городе вашего доктора Роберта Тома зовут Доктор Хорошее Самочувствие. Он выписывает больше рецептов, чем любой другой. Как он стал лечащим врачом вашего отца?

— Он сопровождает отца во время избирательной кампании, не более того.

— Ваш отец постоянно живет на таблетках? — Хэнреган придвинул к себе пиво Фредди.

— Мой отец принимает таблетки очень редко, — отчеканил Уолш. — Лишь в случае крайней необходимости.

— Тогда почему три-четыре раза в год его увозят, чтобы прочистить ему голову?

— На этот идиотский вопрос я отвечать не собираюсь.

— И почему уезжает ваш отец? — спросила Фредди. — Он же действительно неожиданно исчезает на несколько дней.

— Он исчезает, но не «неожиданно». Использует паузы в своем графике, когда они возникают. Ловит рыбу. Читает книги по истории. Даже Кэкстон Уилер нуждается в отдыхе. За последний календарный год мой отец отсутствовал на работе ровно пятнадцать дней. Если хотите, можете раздуть из этого сенсацию.

— А куда, собственно, он ездит? — поинтересовался Хэнреган.

— Вам до этого нет дела.

— Но он всегда уезжает один? — уточнила Фредди.

— Нет. Его всегда сопровождает сотрудник.

— Шустрик Грасселли, — фыркнул Хэнреган. — Сундук на колесах.

— Сундук с компьютером внутри, — добавил Флетч.

— Опять же, часть вопросов снялась бы сама собой, — продолжила Фредди, — если мы знали, что делал ваш отец в тот вечер, когда умерла Элис Элизабет Шилдз. Когда, только точно, до минут, он вернулся в отель, когда поднялся в номер... и так далее.

— Я сомневаюсь, чтобы он хоть что-то помнил, — покачал головой Уолш. — Наша страна лежит в четырех временных поясах. По ходу кампании мы мотаемся из одного пояса в другой. Живя в таком ритме, поневоле теряешь чувство времени. Я имею в виду точное время.

— А вот вы, по-моему, его не потеряли, Уолш.

— Заткнись, женщина, — Хэнреган допил пиво Фредди. — Не думай, что ты стала настоящей журналисткой лишь потому, что «Ньюс уорлд» позволил тебе звонить в редакцию.

Фредди улыбнулась Флетчу.

— Эта телка в Чикаго. Жена гинеколога...

Фредди хихикнула.

— Элейн Рамси. Жена акушера. Интересуетесь биографическими данными, Майкл? Или мне самой позвонить в «Ньюсбилл»?

— Вы и ваш отец оба знали ее.

— Едва ли, — возразил Уолш.

— Вы разговаривали с ней на приеме в отеле «Харрис», — Хэнреган взялся за кружку Флетча. — И ваш отец тоже.

— Хэнреган, мы разговариваем с десятками людей. И десятки людей разговаривают с нами. В политической кампании иначе не бывает.

— А потом некоторые из них оказываются в морге, — Хэнреган поднес кружку Флетча ко рту.

— Ясно, — подала голос Фредди. — Из ваших слов следует, что ни вы, ни ваш отец не знали миссис Рамси?

— За отца я ничего сказать не могу. Но полагаю, что он ее не знал. Да и как они могли познакомиться? Я ее не знал.

— Вы не можете говорить за вашего отца! — вскинулся Хэнреган. — Так почему вы не привели старика сюда, чтобы я задал ему этот вопрос? Доктор Том по такому случаю мог бы вколоть ему что-нибудь тонизирующее.

Уолш посмотрел на часы.

— Может, вы ответите на вопросы о прошлой ночи? — продолжил Хэнреган. — Тут память вас не подведет?

— Какие вопросы? — полюбопытствовал Уолш.

— Коронер определил, что смерть Мэри Кантор, горничной отеля, наступила между одиннадцатью вечера и половиной третьего утра. В полночь вас в номере не было.

— А вы были? — Уолш набычился. — Я вас предупреждал, Хэнреган. Не лезьте ни в мой номер, ни в номера моих родителей.

— Так где вы были? — гнул свое Хэнреган.

— После приезда мы с Флетчем провели короткое совещание в моем номере. Примерно в половине двенадцатого, так, Флетч?

Потом я пошел в «люкс» матери. Нам надо было кое-что обсудить. Вернулся к себе, поработал с документами.

— На три с половиной часа это не растянешь.

Уолш пожал плечами.

— Больше мне сказать нечего.

— Вы можете сказать, что делали в тот момент, когда Элис Элизабет Шилдз целовалась с тротуаром?

— Не помню. Кажется, был в баре. А до того — в своем номере.

— Звонили по телефону?

— Возможно.

— Телефонистка коммутатора отеля говорит, что ваш номер не отвечал с восьми вечера.

— Если я работаю, то, бывает, не снимаю трубку. Ко мне заходил Барри Хайнс. С Филом Нолтингом мы пытались выработать позицию кандидата по Южной Африке. В бар я спустился, дожидаясь Флетча. Звонки-то в основном были насчет Рондолла Джеймса, от его приятелей-журналистов, поэтому я и не брал трубку. Извините, но железное алиби я вам представить не могу.

— Уилер, когда вы служили в морской пехоте, вас едва не отдали под трибунал.

Лицо Уолша закаменело.

— Что вы имеете в виду?

— Вы отказались повести свой взвод в разведку. Взвод, который отправили вместо вашего, погиб до последнего человека.

— Он не отказывался, — вставил Флетч. — Мы так накурились марихуаны, что не могли пошевелиться. Все до единого. За исключением лейтенанта.

— Вы стреляете наугад, Хэнреган, — Уолш посмотрел на репортера. — Меня не отдавали под трибунал.

— Не отдавали. Ваш папаша этого не допустил.

— Мой отец не имел никакого отношения к моей военной службе.

— Однако он помог вам поскорее вернуться в Штаты?

— Меня перевели в Вашингтон, — признал Уолш. — Возможно, не без участия отца. В колледже я изучал статистику. Вот меня и направили в бюро статистики Министерства обороны, где я и служил до демобилизации. Можете написать об этом что хотите.

— Всего два месяца?

— Да. Мой отец хотел знать, насколько реальными для молодого офицера, только что вернувшегося с поля боя, кажутся статистические данные, публикуемые Пентагоном.

— Чуть, — пробурчал Хэнреган.

— А раз мы затронули статистику, позвольте мне сказать следующее, — Уолш наклонился вперед, оперся локтями о стол. — За год убивают больше двадцати тысяч американцев. Каждый год преступления так или иначе затрагивают более тридцати процентов американских семей. В этом интервью и

не буду приводить социологические причины появления таких цифр, не буду касаться того, как администрация Кэкстона Уилера планирует снизить эти цифры. Я не буду оскорблять длинными выкладками слух мисс Эрбатнот. Но вам я скажу, что, по статистике, преступления случаются везде, где бы мы ни оказались. И для этого не обязательно быть кандидатом в президенты. Это все, что я могу сказать криминальным репортерам. Лично я ничего не знаю об этих убийствах. И мой отец тоже. Если вы думаете, что они каким-то образом связаны с предвыборной кампанией, я советую приглядеться к вашим коллегам-журналистам. Я же полагаю, что это обыденное явление современной американской действительности.

— Женщин не убивают там, где появляется команда Аптона, — резонно заметил Хэнреган. — И нас не послали освещать избирательную кампанию Грейвза.

— Будем считать, что им повезло. Будьте осмотрительны с тем, что пишете. У нас политическая кампания, а не новогодний парад.

Флетч поднялся вслед за Уолшем. Пиво осталось лишь в кружке последнего.

— Эй, Уилер, — крикнул вслед им Хэнреган. — Как вышло, что вы ни разу не женились?

У двери Флетч обернулся. За столом остался один Хэнреган. Кружка Уолша уже стояла перед ним. Хэнреган ухмылялся.

По дороге к отелю Фредди держалась от них на почтительном расстоянии.

— Грязный, вонючий, наглый мерзавец, — Уолш улыбнулся. — Как ты думаешь, я сильно ему помог?

— Конечно. Теперь ему многого уже не напечатать.

ГЛАВА 32

— Небольшое изменение в планах, — объявил кандидат своей команде. — Я решил, что миссис Уилер, которая вместе со мной будет сегодня на трибуне, скажет несколько слов, — все лица остались бесстрастными. — Она выступит прямо передо мной. Скажет то, что хочет сказать, а затем представит меня. Уолш, позаботься о том, чтобы ведущий митинга, кто бы он ни был, объявил о выступлении твоей матери, а не моем.

Уолш наклонился вперед.

— Конгрессмен хочет представить тебя, папа. А не мать. Для него это важно.

— Придется ему представлять твою мать. Кто еще будет на трибуне?

— Мэр Мелвилла, судья...

— Мне передали их «объективки»?

Уолш протянул отцу несколько листов.

Совещание проходило в гостиной «люкса» кандидата. Флетч чувствовал себя как дома: третий по счету отель, а комната

точь-в-точь как две предыдущие. Стандартизация правила в Америке бал.

— Барри? — Губернатор просматривал листки. — Тебе есть что сказать?

— Да, сэр. Наш рейтинг упал на четыре пункта в опросах Харриса и на три — у Гэллала.

Губернатор поднял голову, на его лице отразилось удивление.

— А я думал, что дела у нас идут на лад.

— На сегодняшний день Аптон опережает нас на восемь пунктов, а Грейвз отстает на четыре.

Губернатор провел пальцем по царапине на щеке.

— Аптон! — воскликнул Ли Оллен Парк. — Он даже не приезжал сюда! Был в Пенсильвании и Айове.

— Должно быть, разлука согрела сердца избирателей, — предположил Фил Нолтинг.

— Плохо дело, — покачал головой губернатор. — Наверное, кое-что из сказанного мной в Уинслоу нанесло кампании...

— Урон, — закончил фразу Пол Добсон.

— Дорис была права.

— Мы все были правы, — поправил его Добсон.

— Может, всему виной зеленый костюм Уолша, — вставил Ли Оллен Парк. — Глядя на него, избиратели думают, что у нас «крестовый поход любителей».

— Вернее, президент утащил в клювике твою главную мысль, — добавил Уолш.

— Не совсем. Оригинальной его реакцию не назовешь. Образовать специальный совет — это в его духе. Пол и Фил, я хочу, чтобы вы подготовили мне первоклассную речь. В понедельник я выступлю с ней. Я получу время на телевидении?

— Да, — кивнул Барри. — Договор подписан, деньги уплачены.

— Это будет моя основная речь. Стержень ее — международные переговоры, в том числе со странами «третьего мира» о заключении всеобъемлющих соглашений по разработке и контролю новых технических решений по передаче, приему и распространению информации, — говорил губернатор медленно. Нолтинг записывал все слово в слово. — Моя цель не контроль технических достижений, но принятие международного договора, согласно которому никто — ни нация, ни политическая партия, ни какая-то другая группа — не сможет контролировать значительную часть единого информационного пространства.

— Слишком уж наукообразно, — засомневался Добсон.

Губернатор зыркнул на него.

— Вот и поработайте, чтобы моя мысль стала доступной рядовому избирателю.

— Можем ли мы использовать такие фразы, как «укрепление мира» или «процветание всех народов»? — спросил Нолтинг.

— Звучит неплохо, — холодно ответил губернатор. — Но хорошо бы использовать и тройку-другую моих слов.

— Папа, утром ты выступаешь в нью-йоркской передаче «Вопросы и ответы». Она транслируется на всю страну. Если ты хочешь выйти с новой инициативой, почему не сделать это завтра утром? Зачем ждать митинга в столице штата перед самыми выборами?

— Может, ты и прав, — губернатор задумался. — Обычно главный козырь берегут до последнего. У «Вопросов и ответов» хорошая аудитория.

— Для подобных заявлений, — добавил Добсон.

— Так скажите им все, — предложил Флетч.

— Нет, — губернатор покачал головой. — Телезрителям я скажу, что тема не исчерпана, что Аптон, Грейвз и президент недостаточно точно истолковали мои слова, а потому все необходимые разъяснения я дам в понедельник, на вечернем митинге.

Барри Хайнс кивнул.

— Это их заинтригует.

— Кстати, в распорядке завтрашнего дня, — Уолш повернулся к отцу. — «Вопросы и ответы» выходят в эфир в одиннадцать утра. В девять ты посетишь службу в церкви на Тридцать шестой улице. Пока ты и Флетч сидели в радиостудии, мы с Барри связались с нью-йоркскими газетами. Репортеры и фотографы встретят тебя у церкви. Между прочим, Флетч, тебе туда лучше не ходить.

— Ты не хочешь, чтобы я шел в церковь?

— Когда кандидат в президенты посещает церковь, пресс-секретарю делать там нечего. Ты понял?

— Мне велено не ходить в церковь.

— Когда я лягу спать? — спросил губернатор.

— Самолет взлетит из аэропорта Мелвилла в половине первого ночи, — ответил Уолш. — В половине третьего ты будешь спать.

— Кто полетит со мной?

— Флетч, Барри и Шустрик.

— И Боб.

— И доктор Том, — подтвердил Уолш.

— Значит, вы без опаски сможете пить нью-йоркскую воду, — заметил Пол Добсон.

Уолш повернулся к Добсону. Он по-прежнему был без галстука, а потому Флетч видел, как напряжена его шея.

— Обрато мы ждем тебя в четыре, максимум в половине пятого. В аэропорту столицы штата постараемся организовать встречу, но в воскресенье собрать много народу не удастся. Очередной тур Эн-фэ-эл*.

— Тот, кто хочет стать президентом, всегда стоит вторым за футболом, — прокомментировал губернатор. Оглядел свою команду. — Что-нибудь еще?

— Флетч, сейчас пойдем ко мне. Я хочу дать тебе последние газетные вырезки. Пора знакомиться с журналистами Висконтина.

* Национальная футбольная лига.

— Это точно. Но есть еще один вопрос, который хотелось бы обсудить.

Присутствующие, как один, заерзали на стульях.

— Прошлой ночью в отеле, где мы останавливались, убили горничную. Мэри Кантор, вдову военного летчика. В отеле, где мы провели позапрошлую ночь, убили другую женщину, Элис Элизабет Шилдз, продавщицу книжного магазина.

— Чего только не бывает, — бросил Уолш.

— И еще одну женщину, Элейн Рамси, жену акушера, нашли мертвой в чулане отеля «Харрис» в Чикаго после того, как мы уехали оттуда.

— Как вы думаете, нью-йоркский «Космос» победит в этом году? — спросил Барри Хайнс.

— Я видел сегодняшний номер «Ньюс билл», — подал голос Фил Нолтинг. — И, по моему разумению, вы должны были приложить все силы, чтобы не допустить появления этой статьи до вторника, когда пройдут праймеры.

— Возможно. Но пресс-секретарь я неопытный, так что чудес от меня ждать не приходится.

— Ваши симпатии по-прежнему на стороне прессы, — присоединился к своему коллеге Добсон. — Суть информации вам неважна. Инстинктивно вы стремитесь донести ее читателю. И чем больше в ней грязи, тем лучше.

— Достаточно, — вмешался в перепалку губернатор. — Проблема налицо. Кто-то убивает женщин. Вполне возможно, что делается это с одной целью — поставить крест на моей избирательной кампании.

— Кто же пойдет на такое? — спросил Ли Оллен Парк.

— Это ерунда, — покачал головой Уолш. — Возможно, у Симона Антона есть здесь свой человек, но он не станет убивать женщин, чтобы попасть в Белый дом.

— Разумеется, нет, — согласился губернатор. — Но, приняв за аксиому, что кто-то это делает, тут же задаешься вопросом, а зачем?

— Наверняка какой-нибудь псих, — предположил Ли Оллен Парк.

— Вы кого-нибудь подозреваете, Флетч? — спросил Барри Хайнс.

— Многих.

— Это Салов, — уверенно заявил Барри. — Вам следовало взглянуть на его счет за телефон.

— Почему?

— Он никому не звонит. Должно быть, он отправляет свои статьи в «Правду» голубиной почтой.

— Да, это важная улика.

— А может, он пользуется бутылками из-под водки? — выдвинул свою версию Парк. — Бросает их в Атлантический океан, а течения доносят их до России.

— Есть у тебя какие-то предложения, Флетч? — спросил Уолш.

Флетч подождал, пока на нем скрестятся все взгляды.

— Было бы неплохо, если б каждый из присутствующих провел со мной несколько минут и убедительно доказал, что у него есть железное алиби на то время, когда произошло хотя бы одно убийство.

— Черт, — вырвалось у Уолша.

— Я бы этого не делал, — покачал головой Добсон.

— Только так я смогу воспрепятствовать появлению в газетах материалов, бросающих тень на избирательную кампанию. Губернатор поднялся.

— Пора одеваться. Уже семь двадцать. Мои часы не спешат?

— Флетч, — обратился к нему Фил Нолтинг, — стараясь защитить нас, вы тем самым создаете впечатление, что у нас есть причины отводить от себя подозрения.

— Я думаю, что есть.

Вслед за губернатором встали и остальные.

— Похоже, ты потерял слушателей, Флетч, — заметил Уолш. Флетч встал.

— Так что же мне делать? Это же бомба с часовым механизмом, и часы уже пущены.

— Прикройте ее собственным телом, — посоветовал Добсон, выходя из гостиной.

— Подождите.

— Флетчер, ну сколько можно изображать детектива-любителя? — осадил его губернатор.

— Пойдем, Флетч, — Уолш ждал его у двери. — По пути в мой номер я куплю тебе сборник «Лучшие детективы года».

— Полагаю, больше упоминать об этом не стоит, — Флетч сел в кресло.

— Согласен.

Уолш снял грязную рубашку, достал из чемодана чистую.

— Все равно что пытаться потушить пожар в цирке.

— Нет, — покачал головой Уолш, — больше это похоже на попытку пробить засор в одном из туалетов цирка.

— Местная полиция зачарована кандидатом. Старается защитить его от любой опасности, а потому ей не до расследования. Журналисты, специализирующиеся на политике, не опускаются до того, чтобы пересчитать убийства и сказать себе: «Эй, да об этом стоит написать».

— Писать тут не о чем, — Уолш достал из чемодана костюм, критически оглядел его, прогладил рукой, расстегнул брюки. — Вырезки на столе, — он указал на столик, где стояли его бриф-кейсы.

— Почему ты меняешь выглаженный костюм на мятый?

— У меня только один галстук, подходящий к этому костюму. Наверное, оставил его в какой-то машине. Там две статьи Фенеллы Бейкер, которые наверняка тебе не понравятся. Одна критикует нас за оборонные расходы. Во второй отмечается не-

определенность нашей позиции по мерам социального обеспечения. Она, конечно, права.

Флетч подошел к столику, взял кипу вырезок.

— Между прочим, — Уолш уже завязывал галстук, — остерегайся Ленсинга Сэйера. Самый умный, самый проникательный журналист из тех, что сопровождает нас. И я рад, что он с нами. Но, к сожалению, он в постоянном контакте с сенатором Симоном Аптоном. Способен на все.

— Умный теленок от двух маток сосет, — пробормотал Флетч.

— Пора трогаться, — Уолш надел черный пиджак. — Мы с Барри сами хотим проверить звуковую систему. Чтобы не получилось, как у торгового центра.

— Да, повторения не хотелось бы, — кивнул Флетч.

— Ты можешь не торопиться. Поужинай. Отец выступит не раньше половины десятого.

ГЛАВА 33

— Ай-эм? Это Джеймс...

Вернувшись к себе, Флетч нашел на столе вазу с дюжиной красных гвоздик. И записку. «Флетчер. Рада, что вы с нами. Дорис Уилер».

Ожидая заказанный сэндвич, он отзвонился всем, кроме Рондолла Джеймса.

Когда принесли ужин, Флетч принял душ, сел на кровать и принялся за еду, одновременно проглядывая газетные вырезки.

На телефонные звонки он старался не обращать внимания, но в конце концов не выдержал и снял трубку...

— Извините, что жую.

— Вы должны что-то делать. Немедленно.

— Я должен поститься*?

— Днем мне позвонил репортер, освещающий избирательную кампанию. Рассказал мне об этих убийствах. Почему вы ничего мне не сказали? Убили уже трех женщин.

— Кто вам звонил?

— Эрбатнот.

— Понятно. Вы все еще в Айове?

— Да.

— И что вы ей ответили?

— Сказал, что для меня это новость.

— Неужели?

— Ай-эм, я знаю, кто убийца. Как, впрочем, и Кэкстон.

Флетч отодвинул пустую тарелку из-под сэндвича.

— Вы говорили насчет этого с Кэкстоном?

— Не раз.

* Слово «fast» имеет два значения: немедленно и поститься. Флетч намеренно делает вид, что не понимает, о чем речь.

— Что он сказал?

— Может, лучше вы поделитесь тем, что вам известно, Джеймс.

— Не понимаю я Кэкстона. Почему он ничего не предпринимает?

— Джеймс.

— Эдвард Грасселли.

— Старина Шустрик?

— В этом нет никакого сомнения.

— Почему Шустрик?

— Вы не знаете, кто он такой? Все уже забыли.

В досье Шустрика лежали лишь фотография и листок с датой рождения и теперешним адресом.

— Так кто такой Шустрик Грасселли?

— Убийца. Осужденный убийца. Забил человека до смерти. Кулаками. Профессиональный боксер. Его кулаки — смертоносное оружие. Отсидел за это в тюрьме... почти пятнадцать лет.

— О чем вы говорите?

— Как-то вечером один парень прогуливался с собакой. Большой собакой. Шустрик Грасселли шел мимо. Когда он поравнялся с собакой, та его тянула. За ногу. Шустрик поднял крик, пообещал парню, что заявит в полицию, потребовал, чтобы тот назвал свою фамилию. Так этот парень спустил на него собаку. Грасселли прибил пса. Как, не знаю, но размозжил ему голову то ли о стену, то ли об асфальт. А потом принялся за хозяина. И убил голыми руками. На глазах полудюжины свидетелей.

— О Господи, Джеймс.

— Собака уже не представляла никакой опасности. Человека не убивают после того, как инцидент исчерпан. Это уже не самооборона.

— Старина Шустрик пошел на такое?

— Умышленное убийство.

— Почему же губернатор помиловал его?

— Большая итальянская семья развернула шумную кампанию в его защиту. Того же мнения придерживалась и боксерская ассоциация, включая тренерский совет. Грасселли примерно вел себя в тюрьме. Однажды спас старика, который подавился пищей, но такое всегда можно подстроить.

— Губернатор знал его прежде?

— Нет. После освобождения Грасселли и матерью пошли в особняк губернатора, чтобы поблагодарить его. Кэкстон предложил взять его на работу.

— Тут совсем другие убийства, Джеймс. Одно дело — убить на улице в приступе ярости. И совсем иное — убийства женщин.

— И там, и тут убивали кулаками. На такое способны очень немногие. Давайте посмотрим на происшедшее несколько под иным углом. Из города в город переезжает сорок-пятьдесят человек, оставляя за собой шлейф убийств. Мы знаем, что один

из этой компании уже совершал нечто похожее. Пусть и давно, но забил мужчину до смерти. Какова вероятность того, что и убийства женщин — его работа?

— Немалая.

— Это Шустрик, будьте уверены.

— Мне показалось, что губернатор говорил со мной предельно откровенно. Почему же он не упомянул о прошлом Шустрика?

— Потому что знает, что Шустрик виновен. Скажите мне, губернатор ратует за активный поиск убийцы?

— Глупость какая-то. Скрывая вину Шустрика, губернатор становится соучастником преступления. Я в это не верю.

— Подумайте как следует, дружище. Подумайте о том, что может знать о губернаторе Шустрик.

— Например?

— О Боже! Да ему известно все! Шустрик — его шофер, камердинер, телохранитель. Всегда находится рядом. Сопровождает Кэкстона во всех поездках, даже когда тот исчезает на несколько дней кряду. Выпивка. Бабы. Бог знает что еще.

— Вы верите, что он пьет и шляется по бабам?

— Послушайте, я знаю Кэкстона больше двадцати лет. Он не святой, а мужчина. Энергия так и прет из него. Вы это заметили, не так ли? А спать с Дорис все равно, что с бульдозером.

— Шустрик рассказывал мне об этих поездках.

— Конечно, рассказывал. Небось говорил, что они ездят в горы молиться.

— Почти.

— Если поездки такие безобидные, то зачем держать их в секрете? Почему они окружены покровом тайны, проникнуть сквозь который мечтали все журналисты штата, а теперь, наверное, и всей страны?

— Ладно. Итак, губернатор знает, что убийца — Шустрик, но боится, что тот выложит всю правду, если он укажет на него пальцем.

— Да.

— Может, Шустрик не заговорит.

— Пусть так, хотя я в этом очень сомневаюсь, но подумайте, что скажут об умении губернатора разбираться в людях? Взять телохранителем парня, который по ночам убивает женщин. А кого же он возьмет на должность государственного секретаря, спросят избиратели. Гиммлера?

— Джеймс, я не знаю что предпринять. Все уехали на митинг.

— Остановите Грасселли. Как, не знаю, но вы должны что-то сделать.

— Джеймс, мне не выдержать десять раундов с Грасселли. Он старый, медлительный, но боксер.

— Найдите его. Не спускайте с него глаз. Купите ему билет в Ташкент. Ушли куда-нибудь подальше. Без особого шума. Господи, как жаль, что меня нет рядом с Кэкстоном. Я бы все

уладил еще вчера, если не раньше. Все эта сука, Дорис Уилер. Если бы не она...

— Я все понял, Джеймс.

— Отлично. Действуйте.

Торопливо одеваясь, Флетч вдруг заметил, что в стопке газетных вырезок пять схвачены скрепкой. Они лежали в изголовье кровати. Он наклонился и поднял их. Верхней оказалась вырезка из «Чикаго сан-таймс».

«Чикаго. — Сегодня утром, в чулане, примыкающем к банкетному залу, сотрудниками отеля «Харрис» найдено тело женщины. По мнению полиции, женщину задушили.

Предыдущим вечером в зале принимали журналистов, освещающих избирательную кампанию губернатора Кэкстона Уилера.

Согласно сообщению полиции женщина примерно тридцати лет, в зеленом платье и туфлях на высоком каблуке, не имела при себе документов, удостоверяющих ее личность».

За ней следовала вырезка из «Кливленд плейн дилер».

«Кливленд. — Женщина, известная на улицах как Элен Трой, которую за последние десять лет полиция арестовывала не меньше сорока раз за приставание к мужчинам, ранним утром избита до смерти в подъезде на Кассел-стрит.

Полиция полагает, что в этот район Трой привлекла толпа, собравшаяся, чтобы встретить кандидата в президенты, Кэкстона Уилера, остановившегося в расположенном неподалеку отеле «Стерн».

— О, Господи! — ахнул Флетч.

Третья вырезка была из «Уичито игл энд бикон».

«Уичито *. — Жительница Калифорнии, Сюзан Стретфорд, двадцати шести лет, вчера, во второй половине дня, найдена забитой до смерти в своем номере в отеле «Кейсон». Судебный медик сообщил, что она умерла несколько часов тому назад.

Горничная отеля, Джейн Полтроу, которая нашла тело, сказала, что она припозднилась с уборкой, потому что останавливавшаяся в отеле предыдущей ночью команда кандидата в президенты Кэкстона Уилера и освещающие предвыборную кампанию журналисты прибавили ей работы.

Миис Стретфорд, инженер по компьютерам, приезжала в Уичито по делам. Полиция утверждает, что в город она приехала одна».

Боже мой, — Флетч посмотрел на остатки сэндвича на столе, и его чуть не вырвало.

Четвертая вырезка касалась смерти Элис Элизабет Шилдз, «которую скорее всего столкнули с крыши прямо над окнами «люкса», в котором останавливался кандидат в президенты Кэкстон Уилер».

* Уичито — город в штате Канзас, центр авиационной промышленности.

Пятая была из «Фармингдейл вьюз».

«Фармингдейл. — Мэри Кантор, тридцати четырех лет, которая работала горничной после смерти ее мужа, военного штурмана, погибшего три года тому назад в авиакатастрофе, ранним утром найдена задушенной в служебном лифте отеля...»

Флетч закрыл глаза.

— Господи... Так их уже пять...

Еще не придя в себя, Флетч снял трубку после телефонного звонка.

— Флетчер...

— Сейчас говорить не могу. Извините. Мне не следовало брать трубку.

— Флетчер... — в голосе не было ничего человеческого. — Это Билл Дикманн.

Флетч тряхнул головой, отгоняя дурноту.

— Да, Билл?

— Помогите мне.

— А в чем дело, Билл?

— Вы сказали... что можете.

— Что случилось?

— Флетч, моя голова. Моя голова. Мне так плохо. Я боюсь. Не знаю...

— Билл, где вы сейчас?

— Я уже...

— На стадионе?

— Да. Под трибунами. У телефонов.

— Билл, оглядитесь. Нет ли кого знакомого? Или копа?

— Ничего не вижу. Это ужасно. Что...

— Билл, стойте на месте. Я сейчас.

— Я боюсь... Не знаю...

— Уже бегу, Билл. Ничего не делайте. Стойте, где стоите. Бегу к вам.

ГЛАВА 34

Флетч проскочил вращающуюся дверь отеля, оглядел пустынную улицу, вернулся в вестибюль, поспешил к портье.

— Как мне найти такси?

— Наверное, подождать, пока оно подъедет, — предложил портье логичное решение. — Случается, они заглядывают к нам.

— Я очень спешу.

Портье пожал плечами.

— Вызова у нас нет. Придется подождать.

— А далеко крытый стадион?

— Восемь кварталов на север. И потом три на восток*. Без такси вам туда не добраться.

* Американцы предпочитают улицы, ориентированные по сторонам света, пересекающиеся под прямым углом.

— Благодарю.

Флетч так сильно толкнул вращающуюся дверь, что задняя лопасть стукнула его по спине. Такси, естественно, не было. Он посмотрел на часы. Ребром ладони стукнул себя по животу. Мышцы спружинили удар.

— Придется попотеть, — сказал он себе.

И побежал на север по тротуару. «Джейкоб, прищпорь-ка эту лошадь. Если она остановится, мы не сможем ее продать», — вспомнились ему слова губернатора. Через три квартала лежащий на тротуаре снег заставил его бежать по мостовой. Иной раз ноги скользили по льду.

Пять убийств, не три... Такси, похоже, покинули Мелвилл. Его догнала какая-то развалюха. Флетч замахахал руками, надеясь, что водитель остановится, но тот объехал его по широкой дуге.

После восьмого квартала Флетч повернул на восток. Впереди сверкал огнями стадион. «Кто-то убивает женщин, — сказал губернатор. — С одной целью — поставить крест на моей избирательной кампании». Флетч перепрыгнул через сугроб, отделявший мостовую от тротуара. Поскользнувшись, подвернул ногу. «Наверняка какой-нибудь псих», — версия Ли Оллена Парка.

Над входом висел огромный транспарант:

КЭКСТОНА УИЛЕРА — В ПРЕЗИДЕНТЫ

На тротуаре толпились люди. У самых дверей стояли полицейские и пожарные.

Флетч уже взялся за ручку двери, когда пожарник схватил его за плечо.

— Туда нельзя.

— Но мне надо.

— Приказ командира пожарной команды.

— Меня вы должны пропустить.

— Зал переполнен.

— Вопрос жизни и смерти.

— Совершенно верно.

Глубоко вдохнув, Флетч полез за бумажником.

— Моя фамилия Флетчер. Я — пресс-секретарь губернатора Уилера. Мне надо пройти.

Пожарник даже не взглянул на удостоверение Флетча.

— Сейчас мы не пропустили бы и самого губернатора.

— Человеку плохо. Журналисту. Он попросил помочь ему. Я выведу его оттуда. И у вас станет на одного человека меньше.

— Пусть его выведет кто-то еще, — пожарник остановил старушку с желтыми ягодами на черной шляпке. — И у нас станет на два человека меньше.

Проулок вдоль боковой стены не освещался. Никто не очистил его от снега. Изнутри доносились звуки музыки, ответственные крики, аплодисменты.

Воздух, выдыхаемый Флетчем, образовывал облако тумана перед его лицом.

Как и ожидал Флетч, вверх по стене уходила пожарная лестница. Специальные балансиры удерживали ее нижнюю площадку на высоте четырех метров. Под тяжестью человека площадка могла опускаться вниз.

Флетч подозревал, что не сможет прыгнуть так высоко, но решил проверить это на практике.

Разбежался по скользкому, бугристому от ледяных наростов асфальту. Прыжка не получилось. Наоборот, поскользнувшись, он полетел на землю. Угодил головой в деревянный ящик из-под апельсинов, наполненный мусором.

Из ящика выпала пустая банка из-под кетчупа. Флетч отшвырнул ее ногой. Банка беззвучно влипла в снег.

Флетч поднял ящик, перевернул. На его ботинки посыпались кожура грейпфрутов, яичная скорлупа, куриные кости. Он поставил ящик под пожарной лестницей. Встал на него. Подпрыгнул, пытаясь ухватиться за нижнюю площадку. Приземляясь, проломил ящик. Боль в подвернутой ноге отдалась по всему телу. Он вновь стоял на асфальте, по колено в сломанных дощечках.

— Отчего человек не летает? — печально вздохнул Флетч.

Если по проулку и ездили автомобили, то не очень часто, ибо он сильно напоминал свалку.

— Может, ему это и не нужно, ибо он мыслит, — добавил он мгновение спустя.

Заметавшись по проулку, Флетч быстро собрал достаточное количество ящиков, коробок, бочек, чтобы добраться до нижней площадки пожарной лестницы.

Она со скрипом опустилась вниз. Флетч полез наверх. Преодолев половину лестницы, оказался перед металлической дверью. Естественно, ручки снаружи не было. Не только ручки, но и замочной скважины. Металлические полосы по периметру закрывали щель между дверью и дверной коробкой.

— Человек мыслит, — повторил Флетч и полез выше.

Пожарная лестница оканчивалась небольшой площадкой. На ней Флетча ждала не дверь, но окно. С толстым матовым стеклом. Оборудованное датчиками сигнализации. Запертое изнутри.

Он ударил по стеклу каблуком. Посыпались осколки, зазвонел звонок тревоги. Звучал он как школьный звонок, сердитый, но негромкий. Внутри оркестр играл «Боевой гимн республики». Люди скандировали: «Уилер! Уилер! Уилер!» Флетч логично рассудил, что в сложившихся обстоятельствах едва ли кто обратит внимание на этот звон.

Еще несколькими ударами он расширил дыру, рукавом пиджака отодвинул провода, перелез на подоконник, прыгнул вниз. Пол оказался ниже, чем он ожидал. А потому левая нога вновь отозвалась острой болью.

Музыка и скандирование стихли. Их заменил мужской голос. Не отрывая ноги от пола, чтобы не свалиться в темноте со сту-

пенек, Флетч двинулся налево. Через несколько шагов наткнулся на стену. Повернул направо, на мужской голос: «Защищать нашу великую республику...» Вновь стена, еще поворот. Стало заметно светлее. Флетч увидел, что стоит на площадке старой деревянной лестницы. Звонка он уже не слышал.

Нога уже не болела, так что он сбежал по ступеням. Открыл дверь в коридор на балконе. Со стороны коридора дверь маскировало зеркало.

Чтобы сориентироваться, Флетч вышел на балкон.

Ни одного свободного места. Люди стояли даже в проходах.

На возвышении полукругом сидели Дорис Уилер, губернатор Кэстон Уилер и городская верхушка. У микрофона держал речь конгрессмен Джек Спайв.

Чуть впереди, лицом к партеру, возникшему на месте ледовой арены, стоял сводный оркестр школ города. Люди заполняли все проходы, хотя пустых стульев еще хватало. На другой стороне, в отдельной ложе, Флетч увидел Фредерику Эрбатнот, Роя Филби, Фенеллу Бейкер, Тони Райса, других репортеров. Кто сидит в такой же ложе, справа от него, оставалось тайной.

С балкона Флетч спустился в фойе. Слева от дверей в зал увидел три телефона-автомата. Дикманна рядом с ними не было.

Флетч осмотрел все уголки. Никаких следов Дикманна. Не нашел он и других телефонов.

Народ толпился и в фойе.

Пожарник, который не пускал Флетча, переместился с улицы в фойе. Заметил Флетча. Двинулся к нему. Флетч скоренько избежал по лестнице на балкон.

— Фредди, — Флетч сел рядом с ней. Лишь в ложе прессы остались свободные места, — вы не видели Шустрика Грасселли?

Она покачала головой.

— Мне пришла в голову одна мысль.

— Надо найти Шустрика.

— Не кажется ли вам странным, что Уолш нанял вас буквально через несколько дней после того, как я присоединилась к репортерам, освещающим предвыборную кампанию?

— Помогите мне найти Билла Дикманна.

— Я имею в виду, что вы мастер журналистского расследования. Как и я.

— Билл позвонил мне в отель. Отсюда. Попросил помочь ему. У него опять что-то с головой.

Ее карие глаза уставились на Флетча.

— Похоже, он боялся того, что может сделать.

— Давно он звонил?

— О Господи, — Флетч посмотрел на часы. — Полчаса тому назад. Люди не летают.

— Шустрика я не видела. И Билла тоже.

Флетч поднялся.

— Я просил его не отходить от телефона. Сейчас его там нет.

Взгляд Флетча obeжал партер. Проходы расчистились. По ним ходили лишь пожарные и полицейские.

Фредди наклонилась к Рою Филби и Тони Райсу, что-то им сказала.

Бетси Гинзберг сидела внизу, в самой середине партера.

Рой и Тони тоже встали.

— Они вам помогут. Я сказала им насчет Билла.

Флетч отступил в сторону, давая им выйти из ряда.

— Поищите его. Возможно, он в одной из комнат отдыха, — по голосу чувствовалось, что он при последнем издыхании.

— А может, его уже увезли в больницу? — предположил Рой.

— Прошло не так уж много времени после его звонка. Скорее всего он еще здесь.

Перед тем как выйти из ложи, Флетч еще раз посмотрел вниз. Бетси поднялась со своего места и пробиралась к проходу.

— Черт! — сказал себе Флетч. — Бетси!

Флетч выбежал из ложи прессы так быстро, что ткнулся в спину Тони Райса.

— Флетч! — крикнула вслед Фредди. — Ты его засек?

— Нет!

По коридору он помчался к лестнице, слетел в фойе. Народу там заметно прибавилось, похоже, полиция вытолкнула сюда тех, кто не смог найти свободный стул в зале. Многие громко выражали свое недовольство. К дверям, ведущим в зал, Флетч протолкался с великим трудом. И уткнулся в толстый живот полицейского, перегородившего вход.

— Пожалуйста, дайте мне пройти, — Флетч протиснулся между животом и распахнутой половинкой двери.

— Порядок нарушать не будете?

— Ни в коем разе, — обернувшись, ответил Флетч.

И тут его заметил пожарник, все еще болтающийся в фойе.

— Задержите его! Эй, задержите этого парня!

И он протиснулся мимо полицейского.

Через головы сидящих Флетч увидел Бетси, выходящую через дверь справа от возвышения, где расположились чета Уилеров и «отцы» города. Над дверью горела табличка «Запасной выход».

Флетч двинулся направо по проходу, идущему поперек партера. Когда он проходил мимо Хэнрегана, за его спиной, чьи-то руки схватили его за плечи, развернули на сто восемьдесят градусов.

— Одну минуту. — Пожарник чуть пригнулся, словно готовился к удару. — Вы причинили нам массу хлопот.

— Извините, — Флетч отступил на шаг.

Майкл Джи Хэнреган повернулся к ним.

Пожарник схватил Флетча за руку.

Флетч не сопротивлялся.

— Пойдемте со мной.

— Трудности, Флетчер? — ухмыляясь, спросил Хэнреган.

— Я очень тороплюсь, Майкл.

— Это хорошо, — и Хэнреган с короткого замаха вогнал левый кулак в бок пожарника.

Тот разом отпустил Флетча.

А мгновение спустя скрутил Хэнрегана в бараний рог.

— Спасибо, Майкл, — поблагодарил его Флетч.

Лицо Хэнрегана побагровело.

— Пустяки, Флетч. Одно удовольствие врезать копу.

— Майкл, — Флетч попятился, видя, что к ним потянулись полицейские, — вы ударили пожарника!

— Послушайте, — Хэнреган уже переключился на державшего его пожарника, — вы что, не читаете «Ньюс билл»? Я — Хэнреган, черт побери!

По проходу под балконом Флетч быстро добрался до двери с табличкой «Запасной выход», открыл ее и оказался в пустом, ярко освещенном коридоре.

Слева дверь вела за кулисы. Справа, в конце коридора, и фойе.

Указатель у короткого коридора, идущего перпендикулярно основному, гласил: «ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ, ВТОРНИК-СУББОТА, 10—4».

На фразу оратора: «Я хочу представить вам человека, который станет следующим президентом Соединенных Штатов», — зрители ответили оглушительным ревом.

Флетч выбрал короткий коридор. Дверь в нише справа вела в выставочный зал. Массивная, двойная, полированного дерева. Разумеется, запертая.

Флетч обернулся.

Напротив еще одна дверь. Маленькая, неприметная. С надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». И ниже, буквами поменьше: «Пожарного выхода нет».

Флетч подошел к двери, повернул ручку. Дверь открылась.

А в зале гремел голос Дорис Уилер: «Мой муж, сын и я рады тому, что приехали в Мелвилл. Давным-давно, когда мы только что поженились...»

Лестница за дверью, освещенная тусклыми лампочками, вела в подвал, в крошечную тьму.

— ...И друзья, которых мы приобрели тогда...

— Нет! — донесся из подвала женский вскрик.

Флетча бросило в жар.

Спускаясь по лестнице, он услышал звук глухого удара, напоминающего пощечину, шарканье ног по бетону.

На последней ступеньке Флетч остановился, прислушался.

На пол упало что-то легкое, возможно, досочка.

— Перестань! — вновь женский вскрик.

— Бетси! — позвал Флетч.

Тусклые лампы аварийного освещения кое-где горели и в подвале. Тут и там стояли какие-то ящики, стенды, выставочные объекты.

— Мой муж и я вслушиваемся в ваши слова, осознаем ваши проблемы...

Флетч двинулся к центру подвала.

— Бетси...?

Многократно усиленный системой громкой связи, голос Дорис Уилер заглушал все прочие звуки.

— Мы знаем, сколько денег, времени, труда вложили вы в ваши школы, фермы, магазины, дома...

Еще слабый вскрик.

— Бетси! — проревел Флетч.

Снова шарканье ног по бетонному полу.

Глаза Флетча наконец привыкли к полумраку подвала.

Послышался звук сильного удара.

Женщина ахнула, истерически взвизгнула.

— Уолш! — проорал Флетч.

Он навалился на огромный ящик, на поверку оказавшийся пустым, и потому легко отъехавший в сторону. Флетч же, потеряв опору, упал. А когда сел, увидел перед собой мужчину, зажавшего в угол женщину.

— Уолш, — позвал Флетч, не поднимаясь с пола.

Уолш обернулся. Флетч увидел лицо безумца.

Одной рукой Уолш держал Бетси за волосы, второй зажимал ей рот.

Ее пальцы впились в бицепсы Уолша. Она все еще пыталась вырваться. Глаза Бетси вылезли из орбит.

— Эй, Уолш, ты сошел с ума. Не понимаешь, что творишь.

— ...У вас будет друг в Белом доме, человек...

Уолш глянул на потолок подвала. В тусклом свете ламп блеснули его глаза.

Флетч встал.

— Я здесь, Уолш. Пора бы тебе уняться.

Перекрывая гром овации, до них вновь долетел голос Дорис Уилер: «В Белом доме будет тот, кто...»

Левой рукой, той, что сжимала волосы, Уолш нагнул голову Бетси к себе. А правой, сжатой в кулак, с силой ударил по лицу.

Ее голова стукнулась о стену.

— Уолш! Прекрати!

Стоя за спиной Уолша, Флетч поднял обе руки и с силой, ребрами ладоней, ударил по мышцам между шеей Уолша и его плечами.

Руки Уолша упали.

У Бетси подогнулись колени. Она повалилась на пол.

Флетч попытался поймать ее. Уолш отшатнулся, оттолкнув его. Бетси уже лежала на полу, брошенная в угол тряпичная кукла.

Уолш попятился к стене. Наклонил голову. Попытался поднять руки.

— Спокойнее, Уолш. Стой и не дергайся.

Уолш повернулся. Волоча ноги, пошел вдоль стены.

Флетч схватил его за плечо. Развернул к себе. Ударил дважды. Изо всей силы. В челюсть и живот.

Уолш упал. Плащия. Широко раскрыл рот, ловя воздух. Медленно поднял руку к окровавленному лицу.

— Лежи тихо, Уолш.

Бетси лишилась чувств. Из сломанного носа текла кровь. Левая скула превратилась в синяк. Кровь текла и из рваной раны на затылке.

Флетч осторожно вытащил ее из угла. Уложил на бок у стены. Подсунул под голову свернутый пиджак.

Уолш уже лежал на спине.

Флетч шагнул к нему.

— Все кончено, Уолш.

Уолш тяжело дышал.

— ...Кэстон Уилер, 1600, Пенсильвания-авеню...

— Ты можешь идти, Уолш? Бетси очень плохо. Мы должны вызвать «скорую помощь».

Уолш смотрел в потолок.

А подвал наполнял голос Дорис Уилер: «...Белый дом... Белый дом... Белый дом...»

— Чего мать так орет? — пробормотал Уолш.

ГЛАВА 35

— Открыто, — ответил на стук губернатор Кэстон Уилер. — Заходите.

Подходя к двери, Флетч не знал, чего ждать. Он предполагал, что губернатор не спит. С другой стороны, в черном саквояже доктора Тома хранились всякие чудеса. Да и вообще губернатор мог уехать из Мелвилла.

— Доброе утро, — пробормотал Флетч.

В номере горели все лампы. За окном набирал силу рассвет. Дорис и Кэстон Уилер сидели на диване, взявшись за руки. В той же одежде, что на вечернем митинге. Двое немолодых людей, известных всему миру, а теперь потрясенных случившейся трагедией.

— Как Уолш? — спросил Кэстон.

— Сломанная ключица. Ссадины на лице, — ответил Флетч. — Ему сделали укол. Сейчас спит.

— А женщина? Мисс Гинзберг?

— Сильное сотрясение мозга. Рваная рана на затылке. Сломанный нос. Небольшая потеря крови. Шок.

— Я тоже в шоке, — Дорис Уилер смотрела в пол. — Вы думаете, что Уолш убил всех этих женщин?

— Да, — кивнул Флетч. — У меня нет ни малейших сомнений.

Флетчу пришлось сесть. От усталости ноги не держали его.

— Скажите мне, ради Бога, что же мы делали не так? Как он мог стать убийцей?

Флетч молчал, ожидая, что ответит губернатор. Но Кэстон

лишь печально смотрел на жену. Эти вопросы они задавали себе ночь напролет.

— Мы все думали, что Уолш семижилый, — прервал затянувшееся молчание Флетч. — Гнется, но не ломается. А оказалось, что человеку такое просто не под силу. Слишком много навалилось на него. Ему приходилось изображать мистера Хладнокровие, мистера Всезнайку, принимать все удары, закрывать собой все бреши, понимать и прощать всех, кроме себя. Напряжение росло и росло, а способа стравить пар у него не было. Только он не мог ни на кого кричать, — Флетч посмотрел на Дорис Уилер, потом перевел взгляд на губернатора. — И выспаться времени у него не было. Потому что со всеми вопросами шли к нему. Так что он не мог не сорваться. В подобной ситуации это неизбежно, рано или поздно, так или иначе.

— Как вы узнали, что их убивал Уолш? — спросил губернатор. — А узнали вы много, раз смогли отыскать его в подвале, остановить.

— Если у меня и возникли подозрения, то лишь вчера вечером. Он дал мне газетные вырезки, чтобы я ознакомился с материалами репортеров Висконтина. Из стопки выпало пять заметок, скрепленных вместе, об убийствах пяти женщин.

— Пяти... — эхом отозвалась Дорис Уилер.

— Пяти, — подтвердил Флетч. — Кроме известных нам, он еще убил женщин в Кливленде и Уичито.

— Боже мой, — простонал губернатор.

— Ранее Уолш делал вид, что ничего не знает об убийствах, трех, о которых его спрашивали. Ничего не знает и не хочет знать. Когда же я нашел подборку вырезок, я понял, что ему кое-что известно, возможно, даже больше, чем нам. Что эти убийства его очень тревожат.

— Он знал, что убийца — он? — спросил губернатор.

— Не уверен. Если и знал, то лишь подсознательно. Возможно, ему казалось, что это кошмарный сон. Наверное, он не отдавал отчета в своих действиях. Но утром какое-то шестое чувство заставляло его вырезать эти заметки из газет.

Губернатор наклонился вперед, уперся локтями в колени, закрыл лицо руками.

— Боже мой.

— Когда я увидел подборку, то сразу же вспомнил, что весь день он проходил без галстука. Сказал мне, что оставил его где-то в машине. А женщину, Мэри Кантор, прошлой ночью задушили мягким шнуром, возможно, и галстуком. Когда я подумал, что женщин может убивать Уолш, меня чуть не вывернуло наизнанку, — к горлу Флетча вновь подкатила тошнота. Несколько секунд он не мог произнести ни слова. — Да еще в армии был случай, когда он угрожал старшему по званию офицеру. Женщине.

— Ударил ее, — губернатор не поднимал головы.

— Что?

Губернатор медленно поднялся, прошел к окну.

— Ударил ее. Несколько раз.

— Понятно, — выдохнул Флетч.

— У меня были друзья в Пентагоне. И я воспользовался своими связями. Быстренько перевел его в Вашингтон, в статистическое бюро. Позаботился о том, чтобы в его личном деле не упоминалось об этом инциденте. Пожалуй, не следовало этого делать.

— Так много стояло на кону, Кэкстон, — повернулась к мужу Дорис Уилер.

— Да, — кивнул губернатор. — Ставки были высоки.

— Вы подозревали Уолша? — осторожно спросил Флетч. — Вы защищали его, отказываясь начать расследование?

Губернатор ответил не сразу.

— Я не мог заставить себя даже подумать об этом. Гнал от себя эти мысли. Такое казалось невообразимым.

— Но вы чувствовали, что такое возможно?

Вновь долгая пауза и едва слышный ответ.

— Да, — он отвернулся от окна. На его щеках блеснули слезы. — Он обезумел, когда начал избивать майора. Так, во всяком случае, утверждали свидетели.

— И тогда напряжение было очень велико. Он не выдержал и сломался.

— Не понимаю я этого, — вмешалась Дорис Уилер. — Человек может выдержать все.

Флетч словно и не слышал ее. Обратился к губернатору.

— Я думал, что вы защищаете Шустрика.

— Шустрика? — губернатор пожал плечами. — По правде говоря, даже не думал о нем. Знаете, я видел, как он собирал орешки для белок и бурундуков. — Он улыбнулся, вытер слезы.

— Во всем виновата система первичных выборов, — поставил диагноз Флетч. — Слишком большая нагрузка выпадает на всех. И в течение длительного времени. Шести, восьми месяцев. Это чистое безумие. Даже одного из репортеров, Билла Дикманна, отправили ночью в больницу с нервным расстройством. А что доказывают эти выборы?

— В этом все дело, — ответил губернатор. — Доказывают, что можно выдержать и такие нагрузки. Как ни странно, утром я говорил о преимуществах нашей избирательной системы. Если кандидат, его семья, команда не в силах поддерживать столь бешеный темп, пусть это проявится сейчас, в избирательной кампании, а не в Белом доме. — Он прошел к комоду, взял какие-то бумаги, бросил их в корзинку для мусора. — И все-таки кое-какие результаты налицо. Пусть я не победил, но поставил очень важные и интересные вопросы.

Сидящая на диване Дорис Уилер промокнула платком глаза.

— Кэкстон, а мы не можем продолжить? Нет ли возможности...

— Я уйду в отставку с поста губернатора. И буду рядом с Уолшем. Позабочусь о том, чтобы он получил необходимое лечение, в больнице ли, в тюрьме, — губернатор говорил тихо,

но твердо. — И, конечно, сделаю все возможное, чтобы хоть как-то компенсировать семьям погибших утрату близкого человека...

Дорис вскрикнула.

Из груди губернатора вырвалось рычание.

— Сейчас вы ничем не поможете Уолшу, — заметил Флетч. — Судья, который сидел рядом с вами на вечернем митинге, провел судебное заседание в три часа ночи. Как он сказал, чтобы избежать лишней суеты. Он отправил Уолша на психиатрическую экспертизу. На тридцать дней. Его уже увезли.

— Психиатрическую экспертизу, — повторил губернатор. — Уолш... — на его щеках вновь заблестели слезы.

В дверь постучали.

В маленькую прихожую вошел Шустрик. В одной руке он держал чемодан и черное пальто. В другой — желтые бланки телеграмм.

— До сих пор не могу понять, что я тут делаю. — Флетч покачал головой. — То ли Уолш позвал меня, чтобы я защитил его... Его напугало появление криминального репортера, Фредерики Эрбатнот. То ли, глубоко в душе, он надеялся, что я вновь спасу его.

Дорис встала.

— Но вы не справились ни с тем, ни с другим, не так ли?

— Машина у подъезда, — обратился к губернатору Шустрик. — Я взял ее напрокат на свое имя. Полагаю, сегодня нам не стоит появляться в аэропорту.

— Это точно, Шустрик.

Шустрик протянул телеграммы.

— От президента, других кандидатов...

Губернатор указал на корзинку для мусора.

— Положи их туда, Шустрик.

Телеграммы упали в корзинку.

Кэкстон взял жену под руку.

— Пойдем, мама. Нам пора домой.

ГЛАВА 36

— Нам по пути? — спросил Флетч блондинку с карими глазами, стоявшую в здании аэропорта рядом с синим чемоданом.

— Нет. У меня своя дорога.

— Рад вас видеть, — Флетч опустил на пол чемодан...

После того как черный «седан» с Шустриком за рулем и Кэкстоном и Дорис Уилер на заднем сиденье отъехал со скоростью катафалка, Флетч поднялся в свой номер и заснул. Спал он беспокойно: его мучили кошмары.

Проснувшись, заказал на завтрак бифштекс, яичницу, апельсиновый сок и кофе, по телефону забронировал билеты, рас-

платился за номер, оставив его за собой еще на несколько часов...

— Я снова без работы, — добавил Флетч.

— Это у вас хорошо получается.

— Похоже, единственное, что я умею.

— Флетч, мне жаль вашего друга. Мне жаль Уолша.

— А мне — женщин. И Кэкстона Уилера.

У тоннеля для прибывающих пассажиров собралась толпа. Со значками «АПТОНА — В ПРЕЗИДЕНТЫ» на пальто. Тут же стояли Тони Райс, Стелла Кирчнер, Рой Филби. Эндрю Эсти держался от них подальше, выражение его лица более приличествовало судье, а не репортеру. Борис Салов, в застегнутой на все пуговицы шубе, с закрытыми глазами, облокотился на стойку пункта проката автомобилей.

— Вы отправили статью? — спросил Флетч.

— Да. Спасибо, что сказали мне о ночном заседании суда. Есть статьи, которые я бы не писала. — Она улыбнулась. — Но, раз их надо писать, я готова потрясти мир.

— Надеюсь, что вы писали честно и непредвзято.

— Бедный Майкл Джи Хэнреган, — Фредди не удалось сдержать смех. — Он-то ничего не написал, так?

— Майкл Джи Хэнреган в тюрьме, — пояснил Флетч. — За избиение пожарника. За сопротивление должностным лицам, находящимся при исполнении. За появление в пьяном виде и нарушение порядка в общественном месте.

— Бедный Майкл Джи Хэнреган, — хихикнув повторила Фредди.

— Я ему очень благодарен. Пытался внести за него залог, пока был в полицейском участке, но местные копы полагают, что ему требуется небольшой отдых. Он кричал из камеры: «Неужели здесь никто не читает «Ньюс билл»?». В таком состоянии они не решились выпустить его на улицу.

— Мистер Плохие Новости проскочил мимо сенсации.

— По крайней мере Мэри Райс сообщит читателям «Ньюс билл» об этой трагедии.

Толпа у тоннеля зашевелилась. Вспыхнули «юпитеры» телевизионщиков. Флетч и Фредди Эрбатнот молча наблюдали за прибытием в Мелвилл сенатора Симона Аптона, за день до проводящихся в штате первичных выборов.

Высокий, загорелый, седеющий мужчина вышел под свет «юпитеров». Держа руки за спиной, сказал несколько слов в протянутые к нему микрофоны. Фредди и Флетч не слышали, что он говорил, но легко догадались, о чем речь: «...огромная, личная трагедия, постигшая Кэкстона Уилера, его жену, семью, помощников, друзей. Безмерное человеческое горе...»

Затем кандидат начал пожимать руки встречающих. Улыбаясь, двинулся к выходу, сопровождаемый своей командой и местными сторонниками. Замыкали процессию освещавшие предвыборную кампанию Аптона журналисты. Свои пожитки они тащили сами, а потому вид у них был неважнецкий.

На стоянке, под большими окнами аэровокзала, кандидата поджидали автобус его команды, автобус прессы, пара микро-автобусов телевизионщиков, легковушки добровольцев.

— Мне придется вернуться, — прервала молчание Фредди. — Буду писать о судебном процессе.

— Разумеется.

— И вам придется приехать на суд, Флетч. Я только сейчас подумала об этом.

— Придется.

— Судьба то и дело сводит нас вместе.

— Получается, что так.

— Я лечу в Чикаго, — добавила она после короткой паузы. — И свободных мест нет.

— Понятно.

— А потом в Спрингфилд. Взять интервью у женщины, которую должны освободить после сорокалетнего заключения.

— И я, я тоже лечу в Спрингфилд.

— Не может быть!

— Так уж и не может?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Вы думаете, что лечу в Спрингфилд, штат Иллинойс, так?

— Допустим.

— А я лечу в Спрингфилд, штат Массачусетс. Самолет в Чикаго полон, а на пересадку в тамошнем аэропорту у меня пятнадцать минут. — Она рассмеялась. — Ну что, Флетч? На этот раз я утерла вам нос? Вы знаете, куда я еду, но взять билеты для себя уже не успеете.

— Так уж получилось, что я лечу в Спрингфилд, штат Массачусетс, — ответил Флетч. — В это время года там очень хорошо.

Смех застрял у Фредди в горле. Она взглядела в лицо Флетча, пытаясь понять, шутит ли тот или говорит серьезно.

— Вы летите в Чикаго одним рейсом со мной?

Флетч достал билеты из внутреннего кармана пиджака и протянул Фредди.

— Мелвилл — Чикаго — Бостон — Спрингфилд. Штат Массачусетс.

Фредди не отрывала глаз от билетов.

— Это же мои рейсы.

— Вернее, мои. Или вы хотите сказать, что нам по пути?

Фредди подняла на него глаза.

— Как вы это сделали?

— Что?

— Узнали, куда я лечу, и заказали билеты на те же рейсы.

В этот самый момент автобус с командой сенатора Симона Аптона тронулся с места.

— Послушайте, Фредди, — Флетч взял у нее билеты и сунул в карман. — Ну почему вам везде чудятся тайны?

Перевел с английского Вик. Вебер

РОДЕРИК ДЖЕФФРИЗ

Повесть

Наперекор времени

ПОДВИГ

Классика
мирового
детектива

От автора

Это повествование увидело свет только благодаря содействию со стороны Нового Скотленд-Ярда, начальника полиции графства Кент и его подчиненных, а также суперинтенданта и сотрудников районного отделения полиции, которые безропотно (так, по крайней мере, мне показалось) и терпеливо ответили на все мои вопросы.

За это я им искренне благодарен.

Все персонажи этой повести вымышлены и не имеют никакого отношения к подлинным лицам. Всякое совпадение случайно. Однако события, изображенные в этой книге, в той или иной степени происходили в действительности.

В реальной жизни расследование осуществляется целой группой людей, включающей и патрульных, и следователей и экспертов и даже простых смертных, таких, как мы с вами. Каждый является как бы небольшой составляющей общего расследования. Как это ни печально, но в наши дни нет места Шерлоку Холмсу, хотя работа всей этой огромной полицейской машины представляет не меньший интерес, чем рассказы о гениальной деятельности великого детектива.

Родерик ДЖЕФФРИЗ

События в повести происходят с 7.30 утра вторника 16 мая до 12.33 дня 17 мая.

ГЛАВА 1

С 7.30 до 9.20 утра

Едва проснувшись, Питер Дани бросил взгляд на часы.

«Семь тридцать!» — со вздохом подумал он. Очень скоро его будут поднимать, а это ужасно несправедливо, потому что раньше его должен был бы вставать отец, инспектор полиции. Кроме того, Питер завтракал вместе с отцом, теряя, таким образом, десять драгоценных минут, которые спокойно мог бы еще понежиться в постели.

Питер отбросил размышления о несправедливостях мира сего и сосредоточился на событиях важного для него предстоящего дня — соревнованиях по теннису, в которых он собирался принять участие.

— Питер, пора вставать.

Вот и раздались они — ожидаемые, но неприятные слова. С этого момента он испытывал особое удовольствие от каждой лишней доли секунды, которую удавалось провести в постели, думая при этом: что же произойдет, если не шевелиться? Каждая дополнительная секунда казалась такой сладкой и приятной!

— Питер, у тебя осталось ровно семь минут.

Это было время Х. Больше валяться он не мог, по крайней мере, если хотел, чтобы родители не ругались. Мальчик сел в кровати и откинул в сторону одеяло. «Когда я буду очень богатым, — подумал он, — и все утро буду проводить в постели».

Питер оделся, прошел в ванную комнату, почистил зубы и тщательно вымыл лицо. Затем он спустился вниз.

Отец мальчика, уже сидевший за завтраком, оторвался от газеты, которую читал.

— Слушай, ты когда-нибудь заснешь, как Спящая Красавица!

— А это кто еще такая? — рассеянно бросил Питер, всецело поглощенный мыслями о предстоящих соревнованиях.

— Если б ты был более внимательным, ты бы это знал, тем более что я рассказывал тебе о ней уже не раз.

Питер вздохнул, взял вареное яйцо и принялся за еду.

Завтрак обычно проходил в молчании. Родители, как правило, читали газеты и не любили, когда им мешали. Сегодня утром, однако, Питер никак не мог сдержаться и, срезав верхушку яйца, произнес:

— Папа, теперь я точно знаю, что мне нужно.

Отец мальчика опустил газету.

— Ну и что ты хочешь, — с легкой улыбкой на лице сказал инспектор. — Опять придумал что-нибудь несуразное.

— Ну, па, я серьезно. Мне очень нужен Таплин Твин.

Инспектор, не промолвив ни слова, спрятался за газетой.

— О чем это вы там говорите? — поинтересовалась мама.

— О моторе для моей новой авиамодели. Он с водяным охлаждением, с передним пропеллером и развивает огромную скорость.

Питер замолчал в ожидании, наблюдая за тем, какой эффект произведут его слова.

— Это самый бесшумный двигатель, какой я когда-нибудь видел, — добавил мальчик. — Именно о нем я всегда мечтал.

— Но если ты наконец уже решил, что тебе нужно, — сказала мама, — почему бы его не купить за деньги, которые оставил тебе дядя Джордж?

Отец Питера положил газету на стол.

— Если на деньги дяди Джорджа купить все то, что Питер задумал, это будут самые растяжимые пять фунтов!

— Я уже решил, па. Мне нужен только Таплин.

— Ну, раз все решено, надеюсь, мы к этому больше возвращаться не будем?

— Единственная трудность в том...

— В чем?

— Ну... Он стоит больше пяти фунтов. Знаешь что? Почему-то я думал, что пять фунтов гораздо больше, чем это оказалось на самом деле, — с искренним удивлением задумчиво произнес Питер.

Когда неделю тому назад их посетил дядя Джордж и в конце своего визита подарил Питеру тщательно сложенную пятифунтовую банкноту, у мальчика было чувство, что он неожиданно стал обладателем всех сокровищ Крёза, господина, чье имя с отвратительной настойчивостью стало появляться в ненавистой ему латинской прозе. В конце концов, одним махом он стал обладателем суммы, которая выделялась ему на карманные расходы в течение целых двенадцати недель. И все-таки непонятно, как, при таких больших деньгах, ему понадобилось еще больше.

Роджер Дани передал жене свою чашку с блюдцем и попросил еще чаю.

— Если ты будешь без конца менять свои решения, мой дорогой, — сказал он, бросив взгляд на сына, — я конфискую эти пять фунтов, чтобы показать тебе, что лучше иметь что-то, чем вообще ничего.

— Пап, если бы дядя Джордж узнал, насколько мне нужен этот мотор, а данных им денег не хватает на его покупку, как ты думаешь, он бы мне добавил?

— Питер, — вмешалась Элис Дани, — я никогда еще не слышала более наглого предположения!

— Я только подумал... — Питер пятерней провел по волосам, которые выглядели так, будто их никогда не касалась расческа (впрочем, почти так оно и было). В общем-то, мальчик не был

удивлен реакцией на свои слова. Похоже, у родителей совсем нет никакой логики. Однако у Питера было в запасе еще одно предложение.

— Я вот что подумал, а нельзя ли мне сейчас получить от вас свои подарки ко дню рождения?

— Ты прекрасно знаешь, что уже их получил — в октябре, на прошлый день рождения, — ответила мама «довольно неприятным тоном», как про себя называл его Питер.

— Я имею в виду подарки к моему следующему дню рождения, ну как бы заранее.

— Конечно, нет. А сколько стоит этот мотор, о котором ты говоришь?

— Всего одиннадцать фунтов и несколько шиллингов.

— Ничего себе — всего! Послушай, Питер, а тебе уже не раз говорила, что надо соизмерять свои желания со своими возможностями. Почему это ты вдруг решил, что можешь позволить себе такой мотор?

— Так я и пытаюсь объяснить, почему.

— Хватит торговаться, — вмешался папа. — Ответ — нет, и закончим на этом.

Питер состроил гримасу «ненависти», осторожно наблюдая, чтобы папа не заметил выражения его лица. Нет сомнения, что папа отклонил его вполне разумное предложение по одной простой причине — когда вчера вечером он вернулся домой, в доме всюду гремела поп-музыка. Питер заявил, что такая музыка, чем громче она играет, тем лучше, но его аргументы в расчет не приняли и радио выключили.

Завтрак продолжался. Питер подумал о том, сколько еще несправедливостей ему придется испытать, но вспомнил о предстоящих соревнованиях по теннису.

— А сегодня утром у нас отборные соревнования.

— Это куда еще? — спросил папа.

— В теннисную команду, конечно. Я же тебе говорил, па, что старый Снукс подыскивает ребят в детскую команду.

— Значит, сегодня утром вместо того, чтобы трудиться, ты будешь играть в теннис? Провалиться мне на месте, если я знаю, до чего еще могут докатиться эти школы! В наше время мы все дни корпели над учебниками, чтобы быть образованными, а не играли в игры.

— Сегодня день основания школы, поэтому занятия у нас будут только до середины дня, а днем, кстати, будет по телевизору программа, посвященная военно-воздушным силам. Мама говорила, что я смогу ее посмотреть.

— О, дорогой, я совершенно об этом забыла! — воскликнула мама. — Так ты вернешься домой к ленчу?

Питер заметил, что на тарелке остался только один тост. Решив, что папа может ненароком взять его, он быстренько схватил его для себя. Он гадал, попадет в теннисную команду или нет, и мысленно молился небесам, чтобы они ниспослали ему удачу. В мечтах он видел, как играет с неистовством, ха-

рактным для его уимблдонских¹ героев, и как его соперник пропускает мячи.

Роджер Дани поднялся из-за стола.

— Я должен идти. В этом месяце столько работы, что я буду занят, наверное, даже по воскресеньям. Одному богу известно, зачем полиции нужна вся эта писанина! Успеха тебе, Питер. Защищай честь семьи!

— Мне предстоит встреча только с одним парнем, но он очень опытный игрок. Если я одержу победу, ты мне что-нибудь пода-ришь?

— А что ты хочешь?

— Ну хотя бы шиллинг.

— Какой безжалостный грабитель! — Роджер Дани с улыбкой посмотрел на жену. — Трудно устоять перед маленьким чудовищем, которое думает, что главное в жизни — деньги.

Затем он повернулся к Питеру.

— Получишь полкроны, если одержишь победу в двух геймах, и пять шиллингов, если в четырех.

Питер вновь представил себя на теннисном корте. Движения его были так быстры, а подачи так сильны, что противник вылетал с площадки.

— А что я получу, если одержу чистую победу в шести геймах?

— Новое издание полного собрания «Записок о Галльской войне» Цезаря.

Питер решил, что это совершенно не смешно.

8.30 утра

Проньера Эванс указал на карту.

— У тебя карта есть?

Это был маленький человечек с хорькообразным лицом и холодными голубыми глазами, напоминающими поверхность озера. Прозвище было связано не с выражением его лица, а шло еще со времен его пребывания в тюрьме, когда он умудрялся незаконно получать табак или, говоря на жаргоне, «пронырничать», а затем продавать его втридорога другим заключенным.

— Да, есть, — отозвался Джек Уэстон, бывший полной противоположностью Эвансу. Уэстон был высоким, Эванс — маленьким. У Уэстона был громкий глубокий голос, а у Эванса — высокий и по-бабски визгливый. Уэстон был простоват, а Эванс, напротив, себе на уме. Только в одном оба они сходились — в презрении к понятию честного и нечестного.

— Представь себе, что уже середина дня, — продолжал Эванс. — Ребята появятся, как только у них закончатся соревнования.

¹ Уимблдонский турнир — ежегодный международный турнир по теннису, который с 1877 года проводится в Уимблде, Великобритания.

Он взял карандаш и нанес на карту кружок.

— Машину мы поставим вот здесь. Откуда бы он ни появился, все равно мимо нас не пройдет.

— Только нам нельзя там слишком долго околачиваться, Проныра. На нас могут обратить внимание фараоны.

— Не сходи с ума. — Эванс отмахнулся даже от самой мысли о появлении патрульных полицейских. — Если же мы все-таки привлечем внимание копов¹, разговаривать буду я, а если они будут следовать за нами, ты будешь жать на всю железку, как будто похитил королевские бриллианты.

— Ты думаешь, они поверят тебе?

— Конечно, поверят. Теперь относительно машин. Нашу не трогать. Возьмешь ту, которую увел вчера вечером в Лондоне, понял?

— Да.

— Номера сменил?

— Нет еще, Проныра.

— Что это значит, еще нет? — резко спросил Эванс. — Я же сказал тебе сделать это, как только вернешься назад. Ты меня подводишь, понял? — его голос звучал угрожающе.

Уэстон кивнул головой. Накануне вечером он слишком устал и не успел сменить номера на украденном автомобиле. Впрочем, какое это имеет значение? Наверняка машины не хватятся до самого полудня, а к тому времени, когда полиции станет известно о происшедшем и по радио передадут о пропавшей машине, они с Пронырой успеют совершить задуманное. Но Проныра требовал, чтобы все делалось по плану и именно так, как он сказал, поэтому не стоит спорить, тем более что он похож на крысу, маленькую и настойчивую, со злобным и ядовитым укусом.

— В одиннадцать тридцать, — продолжал Эванс более спокойным тоном, — мы оставим нашу машину в лесу, отправимся к школе на «остине», который ты позаимствовал, припаркуемся там и будем ждать. Когда схватим мальчишку, вернемся в лес, сменим машины и смоемся.

Несколько минут спустя они вышли из комнаты и по коридору прошли к черному ходу. Во дворе стояли две автомашины. Не говоря лишних слов, Уэстон сменил номера на ворованном «остине».

Эванс вынул регистрационную карточку из кармашка на ветровом стекле и отнес ее в дом. С помощью растворителя и ручки он написал на ней цифры, соответствующие новым номерам машины. Конечно, этого можно было бы и не делать, потому что вероятность того, что полицейские обратят внимание на несоответствие автомобильного номера с номером, указанным в регистрационной карточке, была ничтожно мала, но Эванс привык относиться к преступлению как к бизнесу.

¹ Полицейских (жарг.).

Стенхёрст был торговым городком, в котором до недавних еще пор чувствовался приятный запах старины и спокойствия. Затем по городу прокатилась волна современного прогресса, которая снесла или погребла под развалинами остатки старины.

Только полицейское управление, давно нуждавшееся в косметическом ремонте, осталось нетронутым, возможно, потому, что располагалось в стороне от главных улиц. Это было уродливое, бесформенное здание, рядом с которым возвышалось нечто, похожее на пригородную железнодорожную станцию.

Кабинет полицейского инспектора Данна находился во втором этаже в глубине коридора. Комната была большой. Несмотря на то, что в ней были письменный стол с конторкой, несколько жестких неудобных стульев, картотека, две полки с делами, складывалось такое ощущение, что в ней чего-то не хватает. Летом в кабинете было слишком жарко, зимой — слишком холодно. Роджер Данн часто говорил, что, где бы он ни служил, все участки одинаковы, как будто архитекторов попросили построить такие здания, чтобы полицейские никогда не чувствовали себя удовлетворенными.

Данн подумал о дивизионе «Z», одном из двенадцати отрядов, на которые была разделена полиция графства Кент. Суперинтендант Филипп Эллисон управлял железной рукой дивизионом «Z», но смягченной глубоким чувством человеколюбия. Эллисон никогда не прощал расхлябанности; допускал, но не прощал слабости; допускал и прощал провал, когда было очевидно, что его работник сделал все, что от него зависело. Вот почему сотрудники дивизиона «Z» уважали, даже, возможно, несколько побаивались его, а те, кто хорошо его знал, просто любили.

Эллисон требовал, чтобы сотрудники делали все от них зависящее. Того же добивался и Данн, умный, опытный и неутомимый человек. Такими же старались быть и его люди. Роджер Данн возглавлял отдел уголовных расследований дивизиона «Z». Ему подчинялись все оперативные работники — детективы дивизиона. Он отвечал за район площадью более 177 тысяч акров. Вот почему, казалось, ему всегда не хватает времени для осуществления задуманного.

Данн вздохнул, просмотрел несколько писем, отобрал три постановления, которые необходимо было визировать, спустился вниз и прошел в кабинет суперинтенданта. Его голова была целиком занята последними делами: двумя небольшими кражами со взломом, которые произошли еще пять дней назад и до сих пор оставались нераскрытыми; целой серией угонов автомобилей в северо-западной части Стенхёрста; визитом одного из полисменов по адресу, указанному свидетелем, где оказалось, что такой человек не проживает; и своим собственным предстоящим в ближайшие дни выступлением в суде в качестве одного из основных свидетелей обвинения по делу о банковском грабителе и убийце Чарльзе Маппеме.

Имена Эванса и Уэстона ему даже не приходили в голову.

11.00—12.07 утра

Держа в левой руке два теннисных мяча, Питер бросил быстрый взгляд на старого Снукса¹, мистера Чарльза Адамса, очень важного человека, который, как судья, отвечал за подбор игроков в детскую команду по теннису.

Стенхёрстская грамматическая школа была основана Генрихом VIII для детей «духовенства и подлого звания, кто немного разумеет в латыни». Ее научная репутация была высокой, а спортивная еще выше. Стенхёрстские команды по крикету, футболу, регби и теннису считались лучшими среди школьных команд, и для мальчиков не существовало большей чести, чем быть зачисленными в них.

Питер ударил мячом о землю и поймал его. Все его любимые телегерои всегда так делали, хотя, по правде говоря, он не мог понять почему. Он уставился на Рэга, считавшего себя лучшим игроком среди школьников и обладавшего, как бы для подтверждения этого, парой увесистых кулаков.

Питер подбросил первый мяч в воздух и со всей силой произвел подачу. Мяч задел сетку и опустился на границе поля, очерченного мелом.

— Сетка! — в восторге заорал Рэг.

— Хочешь, чтобы тебя услышали на другом конце города? — недовольно проворчал Снукс. — Здесь глухих нет.

Снукс всегда выражался в таком духе.

— Но ведь он задел сетку, да, сэр? — спросил Рэг уже более спокойным тоном.

— Если меня не обманывает зрение — да, но, я думаю, я сам бы смог прийти к этому заключению и без твоих воплей.

Снукс слегка наклонил голову и уставился на Рэга поверх своих массивных очков.

Рэг нерешительно сделал шаг влево и застыл в ожидании.

Питер продолжал подачи с меньшей силой, но с большим самообладанием. С огромным удовлетворением он заметил, что Рэг пропустил мяч, который пролетел всего в двух футах от его ракетки. Пятнадцать — ноль. Еще три очка и еще четыре гейма, и он получит обещанные пять шиллингов.

11.23 утра

— Пошли; — сказал Проныра Эванс. Он прошелся взглядом по комнате, дабы быть уверенным, что ничего не забыто.

Уэстон закурил сигарету. С самого утра он много, почти без остановки, курил. Никогда, насколько он себя помнил, он так не

¹ «Носатый» (разг.).

нервничал перед делом. Возможно, это было потому, что впервые ему предстояла такая крупная операция.

Оба мужчины были в перчатках, чтобы не оставлять отпечатков пальцев. Только дураки забывают об этом.

Напарники вышли из комнаты в коридор, а затем через черный ход — во двор. Эванс посмотрел на обе машины.

— Через три минуты отправляемся! Только не гони! — оскандился он, показав кривые зубы.

— Средство не забыл? — требовательно спросил Уэстон.

Эванс похлопал по правому карману своего пиджака.

— Обо мне не беспокойся. Занимайся своим делом.

Уэстон влез в украденный «остин» и с помощью отмычки включил зажигание. Опытному угонщику автомобилей необходимо всего лишь несколько отмычек для работы.

Эванс наблюдал за тем, как «остин» исчезает из виду. Затем он посмотрел на часы. Все шло по плану — минута в минуту. Он подумал о мальчике и о деньгах. Мальчишка был для него только ключом к деньгам и не более. Ключом, которым открывают замок, а затем выбрасывают за ненадобностью.

Он открыл дверцу второго автомобиля, сел за руль и включил зажигание. План начал претворяться в жизнь. Отступать некогда, думать по новой тоже. Все решено.

Эванс вывел автомобиль со двора. Десять минут спустя он свернул с лондонского шоссе на узкую, извилистую дорожку. Ярдах в двухстах пятидесяти начинался лес, а еще в сотне ярдов подальше располагалась небольшая полянка, со всех сторон окруженная деревьями. «Остин» уже находился там. Он припарковался сразу же за ним, запер изнутри все три двери своей машины, вылез из нее и закрыл ключом переднюю дверцу. Затем он прошел к «остину», сел на место пассажира и закрыл дверцу.

Уэстон затушил в пепельнице сигарету, которую курил.

— Видел полицейскую машину?

— На главной дороге?

— Да.

— Не дрейфь. Это обычная патрульная машина. Поехали.

Уэстон развернулся, выехал на дорогу и двинулся прямо по шоссе. Когда они доехали до кольцевой развязки, Уэстон свернул на дорожку влево, и преступники вскоре оказались в мрачных пригородах Стенхёрста, где размещались унылые бунгало и грязные домики, которые, казалось, давным-давно забыли красить.

— А ты уверен, что план сработает? — неожиданно спросил Уэстон.

— Конечно... Чего это ты вдруг заговорил об этом, дубина?

— Но если он узнает, что мальчишка к нему не вернется?..

— Ничего подобного он не узнает. Он будет считать, что мальчик вернется домой сразу же после процесса. Только нам известно, что он никогда больше его не увидит.

Питер ожидал подачу Рэга. Иногда тому удавалось отбить мяч, иногда — нет. Но если Рэг пропускал подачу, у него чуть ли не опускались руки.

Мяч к Питеру пришел слева, и, хотя мальчик был абсолютно уверен, что он его пропустит, он молниеносно взмахнул ракеткой. К его величайшему удивлению, это был великолепный удар — мяч опустился сразу же за сеткой, у самых ног Рэга.

— Игра закончена, — объявил Снукс.

Питер покинул площадку и по дороге к месту, где сидели его близкие друзья, прошел мимо Снукса.

— Довольно неплохо, — прокомментировал последний. — Правда, было несколько неудачных подач, когда ты ударял по мячу с большей силой, чем нужно. Или ты считаешь, что я несколько преувеличиваю?

Питер поступил разумно — он ничего не ответил и, когда старый Снукс замолчал, пошел дальше. Он знал, что сейчас Снукс что-то записывает в свою тетрадку и что от этой записи зависит, будет ли он, Питер, включен в команду или нет. Это была главная проблема. Вторая же заключалась в том, что он выиграл в шести геймах из восьми, а папа обещал пять шиллингов, если он одержит победу не меньше, чем в четырех партиях. Выполнит ли он свое обещание? Или будет иначе интерпретировать эти результаты?

Мальчик сел рядом со своими друзьями, которые предложили ему уже подтаявшую шоколадку, и стал наблюдать за тем, как Джеймс проигрывает первый гейм следующего матча. А какое было потрясающее начало! Нет сомнения в том, что на оставшееся место в команде претендуют и он и Джеймс, и если Джеймс проиграет этот матч...

Полдень

— Ну что, его еще нет? — спросил Уэстон глухим голосом, дрожащим от волнения.

Проныра Эванс вынул из кармана пачку сигарет и, открыв ее, увидел, что осталась только одна. Он закурил ее, а пустую пачку бросил в бардачок.

— Я говорил тебе, мальчишка играет в теннис. А игру просто так не остановишь. Будем ждать.

Уэстон бросил взгляд на фотографию Питера Данна.

— Мы уже давно сидим.

— Если у тебя так затекли ноги, прогуляйся.

Уэстон внимательно осмотрел свои перчатки — нет ли на них каких-нибудь дырочек? Сколько людей работали в перчатках и посмеивались над полицией, а позднее в ближайшем полицейском участке, куда их доставляли уже арестованными, они с ужасом узнавали, что их задержали потому, что на месте преступления найден отпечаток какого-нибудь их пальца. Оказывается, в их перчатках где-то была дырочка!

Эванс взглянул на часы, делая вид, что абсолютно спокоен, но нервное постукивание пальцев выдавало его. Он все распланировал, значит, все должно закончиться хорошо. И все же во время этого долгого ожидания в голову лезли тысячи абсурдных мыслей.

— Какие-то парнишки идут, — сдавленным голосом произнес Уэстон.

Эванс смотрел, как мальчики вышли из тени ближайшего дерева. Никто из них не был похож на пацана, изображенного на фотографии. Никто из них не был Питером Данном.

Эванс загасил сигарету.

— Давай закурим, — чуть позже сказал он, поворачиваясь к своему напарнику.

Уэстон вынул из кармана пачку и протянул ее ему.

Они закурили. Так они и сидели — надвинув на глаза шляпы. Внешне спокойные, но с туго натянутыми нервами.

12.07 дня

— Питер Дани, — позвал Снукс.

— Да, сэр, — отозвался мальчик и отошел от Билла и Алана, с которыми разговаривал.

— Поскольку мне нужны ребята с наилучшими способностями, я был просто вынужден включить тебя в команду. Как ни жаль, но я должен признаться в этом публично.

Питер расплылся в улыбке. Так его приняли! Он — член школьной команды!

— Благодарю вас, сэр.

Снукс снял свои очки и стал протирать платком их стекла. Когда вновь раздался его голос, было ясно, что он говорит вполне серьезно:

— Первое, Дани, чему ты должен научиться и научиться как можно быстрее, если желаешь удержаться в команде, так это понять, что одной скоростью матч не выигрывают. Гораздо важнее техника. Ты должен подавать так, чтобы твой противник не мог перехватить мяч.

Снукс повернулся и пошел к главному зданию школы.

— Вот так! Меня приняли! — воскликнул Питер, обращаясь к Биллу и Алану. — Включили в состав команды!

Билл посмотрел на небо.

— Ну что за погода в этом Стенхёрсте? Как только начинается теннисный турнир, она сразу же портится.

— Клянусь, что я выиграю все свои геймы! — хвастливо воскликнул Питер.

— А сколько именно? — спросил Билл, немедленно проявив деловой подход.

Питер сразу же почувствовал, что несколько зарвался и что необходимо разумно отнестись к своим возможностям.

— Каждый раз я буду выигрывать больше геймов, чем ты.

— Но это совсем не то, что ты сказал. Ты поклялся, что

выиграешь все свои геймы, и ты просто обязан держать свое слово.

— Хорошо. Спорим на один пенс.

— Видимо, ты считаешь себя непревзойденным игроком. Наверняка это — так, — с едким сарказмом произнес Билл.

Споря друг с другом, прекрасно сознавая, что все это чепуха, три товарища — Питер, Билл и Алан — прошли мимо нового здания школы, обогнули его с южной стороны и двинулись в сторону старых построек. Там они вновь остановились, разговаривая. Директор школы — почти легендарная личность, властитель грома и молнии — терпеть не мог никакого шума. Он считал, что в шуме нет надобности, и, когда какой-нибудь ученик навлекал на себя его неудовольствие, он обязан был в качестве наказания написать эссе объемом не менее четырех страниц на тему о блаженстве тишины.

Школьники прошли под деревом, вышли на тротуар, где зона тишины заканчивалась.

— Пойдешь пешком или поедешь на автобусе? — спросил Билл.

Питер задумался. До дома было полторы мили, а времени у него в запасе — сорок минут. Вполне достаточно, чтобы дойти и сэкономить, таким образом, плату за проезд, а каждый пенс дорог, когда у человека такое хобби, как авиамоделирование.

— Пойду пешком, — ответил он.

— Ну, тогда до завтра, — бросил ему Алан.

Питер дождался, пока они перейдут улицу и остановятся на автобусной остановке напротив, затем повернулся и медленно двинулся в сторону центра города. Незабываемый день — наконец-то он в команде!

Рядом с ним остановился автомобиль. Окошко его опустилось.

— Ты — Питер Данн, да? — спросил человек, сидевший в машине.

Питер взглянул на говорившего и едва сдержался, чтобы не рассмеяться, — до чего смешно выглядел этот человек.

— Да, это я, — ответил мальчик.

— Твой папа попросил нас найти тебя и отвезти к нему. Ему нужна твоя помощь.

Питера охватила теплая волна благодарности. Он всегда мечтал оказать помощь в каком-нибудь деле, но на все его предложения следовал отказ, свидетельствовавший о том, что его отец не рассматривал его серьезно в качестве помощника детектива. Но сегодня, похоже, надобность в нем возникла. Правда, мальчик не мог не задать вопроса:

— Но ведь вы же не из полиции. Я прав, да?

— Как это ты, Питер, так быстро догадался! Ну и молодец! — ответил Проньера Эванс, с трудом выжимая из себя улыбку. — Да, мы не из полиции, но твой папа, расследующий одно дело, вдруг сказал, что ему нужен ты, а поскольку все его сотрудники были заняты, он обратился к нам за помощью. Все ясно, да?

Эванс перегнулся назад и открыл заднюю дверцу.

Это решило все дело. Не задавая больше вопросов, Питер сел в машину и захлопнул дверцу.

— А зачем я ему нужен?

Автомобиль резко рванул с места. Мальчика отбросило на спинку сиденья. Ясно, какова бы ни была проблема, она не терпела отлагательств!

— Дело в том, — сказал Эванс, — что произошло крупное ограбление. В пострадавшей семье есть двое мальчиков, которые видели, как все происходило, но они молчат. Твой папа считает, что ты сможешь их разговорить.

Питер задумался над сказанным и решил, что во всем этом есть что-то странное. Его отец всегда сразу же располагал к себе молодых людей, и происходило это без каких-либо сложностей. И все же... могло же и ему хоть раз не повезти?

Питер уставился на голову шофера, напоминавшую по форме тыкву, которую он как-то срезал накануне дня «всех святых»¹.

Автомобиль свернул с лондонского шоссе. Водитель наклонился и стал шарить под сиденьем.

— Твой папа, видимо, очень тебя любит, — сказал Эванс, полуобернувшись к мальчику.

Питер почувствовал странный запах. В то же самое время ему стало ясно, что над ним смеются. Но почему? По непонятной причине все его мускулы напряглись, а когда машина остановилась в лесу, его охватила необъяснимый ужас.

Эванс выскочил из автомобиля и рванул заднюю дверцу. В руке у него был носовой платок.

Питер посмотрел Эвансу прямо в глаза. Ошибки быть не могло. Злоба, триумф, хитрость. Теперь понятно, почему ему стало страшно. Питер почувствовал, что нужно спастись. Он попытался схватиться за ручку дверцы, но в этот момент Эванс прижал платок к лицу мальчика. Питер дрался ногами, правой ногой попал во что-то мягкое, затем его пронзила боль от удара. Он старался сорвать платок с лица, но едкие пары попали уже в легкие, затуманили мозг, замедлили движения. Губы стало щипать. Голова закружилась. Казалось, он погружается в бездонную глубину. Затем наступила полная чернота.

ГЛАВА 3

12.49—2.34 дня

Его глаза все еще застилало туманом, неопределенной формы фигуры виднелись вокруг. Тело как бы парило в бездонной пропасти, откуда дули влажные ветры. На груди была тяжесть.

С трудом мальчик попытался вернуться к действительности и сразу же осознал два физических факта — его тошнит и его глаза режет от боли. Он попытался вытереть слезы, но, оказалось, руки отказываются ему повиноваться. Что случилось? Может быть, его руки не действуют, потому что его внезапно раз-

¹ Первое ноября.

бил паралич? Несколько секунд Питер был в панике, пока не понял, что его руки связаны за спиной.

Мальчику стало очень страшно. Он вспомнил выражение глаз человечка с лицом злобного зверька. Как бы мало Питер ни знал об окружающем его мире, он понял, что это насквозь порочное существо и иным оно быть не может.

Что они собираются с ним сделать? Куда они его везут? Почему?

Будучи довольно смелым парнишкой, Питер заставил себя забыть о тошноте, о рези в глазах, боли в суставах и постарался представить, что бы подумал его отец, если бы находился в подобном положении. По какой-то причине его похитили. Почему? Может быть, его с кем-нибудь спутали? Нет, не спутали. Питер вспомнил, что говорил этот человек, когда автомобиль остановился на дороге у школы. Упоминал его отца. Может быть, его похитили из-за дела, которым занимался или занимается его отец?

Все тело мальчика гудело, его трясло. Машина была в движении. Интересно, что это за автомобиль? Не тот ли второй, который он видел на полянке в лесу?

Резь в глазах стала меньше, слезы остановились, тошнота несколько отпустила. Ясно, ему остается только один выход — как-то попытаться освободиться. Мальчик пошевелил пальцами. Кончиками правой руки ему удалось дотронуться до узлов, которыми были связаны запястья. Сердце его вдруг радостно забилось. Они связали его тонким шнуром! Были бы эти двое поумнее, подумал Питер, они бы воспользовались толстой веревкой. Вдохновленный своим открытием, Питер стал растягивать шнур, одновременно пытаясь вытащить руки. Он был абсолютно уверен, что много времени это не займет. Откуда ему было знать, что узлы из шнура, правильно сделанные, прочнее всех.

1.10 дня

Элис Дани поставила на стол фарфоровое блюдо с картофелем.

— Тебе бы следовало с ним поговорить.

Роджер Дани бросил взгляд на свои наручные часы.

— Опаздывает уже на десять минут. С этого момента за каждую лишнюю минуту опоздания мы урежем его карманные расходы на один пенс. Я его предупреждал, что сделаю это, если он будет опаздывать.

Миссис Дани указала на жаркое, стоящее на резном деревянном обеденном столе.

— Лучше ешь, а то опоздаешь.

Взяв большой нож и наточив его, Дани стал срезать мясо с ноги барашка. Он сделал порцию для жены и для себя. Каждый положил себе также картофель и горошек.

— Мясо жесткое, — произнес Дани, едва начав есть.

— Опять придется говорить с мясником, — со вздохом ответила его жена. — Каждый раз, когда я ругаюсь с ним, он дает

вполне приличное мясо, а затем опять подсовывает одни жилы. Она вновь нетерпеливо бросила взгляд на часы — который уже раз за последние несколько минут.

— Роджер, уже почти двадцать минут.

— Не паникуй, Элис. Мальчишка наверняка заигрался в крикет у кого-нибудь из своих друзей во дворе.

— Он никогда так не опаздывал.

— Если бы дети всегда вели себя как обычно, взрослые никогда бы не мучились вопросом, что с ними делать, — с усмешкой бросил он.

Миссис Данн замолчала, несколько минут занималась едой, вновь взглянула на часы и положила на стол нож с вилкой.

— Он никогда так раньше не опаздывал, Роджер, и потом, ты знаешь, что в это время по телевизору идет программа, которую он не пропустит ни за что на свете. Тебе не кажется...

Она в нерешительности замолчала.

— Ты считаешь, — закончил он за нее, — что я должен немедленно разыскать его, чтобы быть уверенным, что его не похитили марсиане? Только не раньше, чем я закончу обедать.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— И если мне действительно придется искать его, будь уверена, я постараюсь, чтобы он запомнил, что днем и чертовски занят и беспокойства у меня и без него хватает.

Миссис Данн взяла нож с вилкой и вновь приступила к еде. Движения ее были чисто механическими. Она едва сознавала, что делает. Хотя она гордилась тем, что не суетится по пустякам из-за Питера, в глубине души она сознавала, что всегда чувствует тревогу, если его нет рядом с ней. Когда мотоциклы и автомобили заполонили все улицы и шоссе, количество несчастных случаев стало увеличиваться с ужасающей быстротой. И никто не знал лучше полицейских и членов их семей, сколько страданий приносят людям происшествия на дорогах.

— Сколько сейчас времени? — спросил Роджер Данн. — Мои часы остановились.

— Половина. Он опаздывает уже на тридцать минут.

Данн встал.

— Я переверну все вокруг, Элис.

Не говоря ни слова, она поняла, что на сей раз ее муж встревожился. Питер часто опаздывал и находил десятки причин, почему он никак не мог прийти вовремя, но он никогда не опаздывал на тридцать минут.

Данн вышел из комнаты, взял со стула в холле свой плащ, крикнул жене, чтобы не беспокоилась, и выбежал из дома. Его «моррис», купленный четыре года назад, стоял у самой калитки.

Данн сел в машину и тронулся с места. После пяти минут быстрой езды он оказался у средней школы. Он свернул на дорожку, объехал школу и остановился у главного входа в старое здание. В этот момент он увидел человека, идущего в его сторону. Это был старый Снукс... Господи, нет, мистер Чарльз Адамс, быстро напомнил инспектор себе.

Данн вылез из автомобиля.

— Добрый день, мистер Адамс, — обратился он к пожилому человеку.

Чарльз Адамс повернулся, и в стеклах его очков отразилось солнце.

— Добрый день, мистер Данн. Прошу прощения, инспектор Данн.

Полицейский быстро улыбнулся.

— Вот разыскиваю Питера.

— Значит, насколько я понимаю, его еще нет дома?

— Мы думали, что он будет дома самое позднее в час дня, а его до сих пор нет. Интересно, где он может быть?

Адамс снял очки и стал платком протирать стекла.

— У нас сегодня были отборочные соревнования. Несколько игроков довольно неплохо играли и были отобраны в команду. Но вся эта процедура закончилась около двенадцати.

— И мальчики разошлись по домам?

— Насколько мне известно, да. Мне еще не приходилось сталкиваться с учениками, которые хотели бы задержаться в школе, и, должен признаться, я был бы крайне удивлен, если бы таковые нашлись. Места ученья редко сохраняют тепло.

Данн взглянул на большие настенные часы с позолоченными стрелками, расположенные над главным входом. Без тринадцати два. Он должен быть на работе в два, но сейчас это уже не важно.

— А вы не заметили, с кем из ребят был Питер сегодня утром?

Адамс сцепил руки за спиной и уставился на нижние ветки ближайшего дерева.

— Я видел его с Биллом Уэром и еще одним мальчиком, чье имя я постоянно забываю, но который, будьте уверены, всегда попадает в какую-нибудь историю. Видел я их после окончания соревнований по теннису.

— Благодарю, — сказал Данн и, кивнув головой, собрался было уходить.

— Надеюсь, — осторожно заметил Адамс, — что ничего не случилось. Мы очень рассчитываем на Питера и уверены, что в ближайшем полугодии он принесет команде немало очков.

— Думаю, он где-то просто заигрался и позабыл о времени.

Когда Адамс поспешил к своему автомобилю, Данн подумал: действительно ли Питер мог забыть о времени?

Билл Уэр жил в северной части Стенхёрста, в десяти минутах езды от школы.

Подъехав к его дому, Данн постучал в дверь. Вскоре ее открыл сам Билл.

— Ты видел Питера после того, как ушел из школы? — спросил полицейский.

Билл не знал что отвечать. Стоит ли защищать Питера от вполне возможного наказания или же сказать правду?

Из кухни вышла мама Билла. Увидев, кто стоит у двери, она

сделала выговор сыну за то, что он не пригласил Данна в дом. Она провела инспектора в гостиную, где все сияло чистотой — этой комнатой явно почти не пользовались.

Данн объяснил, в чем дело.

— Питера все еще нет дома, и мы начинаем беспокоиться. Я только что был в школе, и мистер Адамс сказал, что Питер и Билл сегодня утром были вместе. Вот я и подумал, а вдруг Билл может помочь.

Билл устоялся в пол, затем посмотрел на свою мать и по выражению ее лица понял, что ему остается только один выход — говорить правду. Если это плохо отзовется на Питере, он заявит, что был подвергнут допросу третьей степени.

— Питер и я вышли...

— Мы с Питером, — машинально поправила его мама.

— Вышли после игры вместе. Он сказал, что пойдет домой пешком, поэтому я и Алан... я и Алан... пошли на автобусную остановку на другой стороне улицы. Мы видели, как он тронулся в путь, а затем рядом с ним остановился автомобиль.

— Что за автомобиль? — резко спросил Данн.

Билл пожал плечами.

— Не знаю.

— Можешь сказать, какой марки он был?

— «Остин» или «моррис».

— А потом?

— Питер сел в автомобиль, и тот умчался как стрела.

— В какую сторону он поехал?

— В сторону Стерлингси. Я помню, что сказал Алану, что странно это, потому что мы знали, что Питер идет прямо домой, чтобы поесть и посмотреть телек, а у нас телевизора нет, — добавил мальчик без всякой причины и с особым ударением на эти слова.

Данн мысленно перебрал все факты. Питер, буквально за несколько секунд до этого заявлявший, что идет домой, садится в неизвестный автомобиль, который движется в сторону Стерлингси. Кто из его друзей мог проезжать мимо школы и взять Питера к себе в машину?

— Билл, а ты не помнишь, какого типа был этот «остин» или «моррис»?

— Не знаю. У него такой угловатый кузов и квадратный перед.

— А какого он цвета?

Билл задумался и почесал щеку.

— Черного. Или темного, по крайней мере. Это я помню точно, а потом на кузове у него были две антенны.

— Ты помнишь, кто сидел в автомобиле?

— Двое мужчин. Они сидели спереди.

— Ты бы смог узнать кого-нибудь из них?

— Они были довольно далеко, и я их как следует не разглядел. А то, что я видел, — от этого толку мало.

Данн попытался припомнить, есть ли у него друзья, которые

могли бы подхватить Питера незадолго до обеда и увезти его в другой конец города. Нет, таких друзей не было. В глубине души полицейского инспектора все больше росла уверенность, что факты тревожные. Шестое чувство подсказывало ему, что совершено преступление. Конечно, он мог и ошибаться, но чувствовал, что прав.

Главная же тревога заключалась в том, что лично он замешан. Он — полицейский! Ему следует как можно быстрее во всем разобраться.

— У вас есть телефон, миссис Уэр?

— Нет, но напротив дома стоит телефонная будка.

Данн поблагодарил ее и Билла за помощь и выскочил на улицу.

2.04 дня

Роджер Данн набрал свой домашний номер. Не успел раздаться звонок, как его жена схватила трубку.

— Ну как ты там, Элис? Он появился?

— Нет. И мне ничего не известно. Неужели ты его еще не нашел? Но ты узнал что-нибудь, Роджер?

— Пока еще нет, но ты не волнуйся.

Даже произнося эти слова, инспектор понимал, насколько глупо и несерьезно звучат они. Конечно, она будет волноваться. Все больше и больше. Так же, как и он.

2.34 дня

Полицейский сержант Холби нажал на тормоза и слез с мотоцикла. Сняв шлем, он протер лоб платком. Было жарко. Во рту у него все пересохло.

Через десять минут должна состояться встреча с фермером, который пожаловался в участок, что у него воруют цыплят. Фермер был уверен, что виноваты цыгане, но Холби было хорошо известно, что они тут ни при чем. Действительно, накануне через деревню проходило три табора, но ни один из них не останавливался поблизости от нее.

Холби бросил взгляд в обе стороны от шоссе и решил, что неплохо бы покурить и прогуляться в лесу, располагавшемся слева от дороги. Сержант из Уэринга имел привычку появляться в нужном месте, но всегда не вовремя.

Полицейский пошел по тропинке, ведущей в лес, вынул из пачки сигарету и закурил. Он углублялся все дальше и дальше, наслаждаясь прекрасной погодой. Над ним кружили и кричали грачи. Откуда-то справа доносилось пение малиновки, а слева торопливый шум, как будто заяц удирает из зарослей ежевики.

Сержант бросил взгляд на часы. Он еще может несколько минут спокойно отдохнуть. Вопреки всеобщему мнению сельскому полицейскому приходится за частую носиться взад-вперед, работать не покладая рук, и несколько минут покоя в такие дни ценятся просто на вес золота.

Холби вышел на полянку и увидел, что на ней стоит машина. Он подошел. Великолепно! Когда-нибудь он тоже купит автомобиль.

Как профессионал, он сразу же подумал, а где же владелец? Наверняка бродит по лесу, тоже наслаждаясь.

Холби улыбнулся. Он посмотрел на номерной знак, мысленно сравнив его с номерами из списка угнанных автомашин. Это совсем не означает, что он сразу же решил, что перед ним — один из пропавших автомобилей. Нет. Просто как полицейский он привык все замечать и запоминать.

Он обошел автомобиль спереди, чтобы внимательно посмотреть на регистрационную карточку в пластиковой обложке на переднем стекле. Просто так, на всякий случай. Но на сей раз было что взять на заметку. На карточке виднелись едва заметные пятна вокруг цифр, написанных рукой. Холби сразу же вспомнил дело, когда один мужчина подделал регистрационный номер, чтобы не платить ежегодный налог в пятнадцать фунтов. Человек потратил несколько часов на эту карточку, совершенно забыв, что они ежегодно меняются по цвету. Кстати, в том случае тоже были едва заметные пятна вокруг цифр.

Холби вынул из кармана своего мундира записную книжку и скопировал номера. Он позвонит в Уэринг из дома фермера и сообщит об увиденном.

ГЛАВА 4

2.38—3.29 дня

Раздался телефонный звонок. Снимая трубку, Элис Дани была уверена, что это снова Роджер.

— Ну что? Ты что-нибудь узнал?

— Д-да, — протянул пронзительно-визгливый, невероятно наглый голос.

— Кто это? — в замешательстве спросила Элис Дани.

— Санта-Клаус, мамаша, ведь у тебя, кажется, есть сыночек?

— Да. А что вам известно о Питере?

— О, много чего известно, мамаша. Ну, во-первых, с ним все в порядке. Может быть, немного головка болит, только и всего. Ну а в остальном, если ты будешь делать так, как я тебе скажу, с ним вообще больше ничего плохого не случится. Усекла? И не пытайся вмешивать в это дело полицию, иначе больше сыночка не увидишь.

Элис содрогнулась, услышав эти слова и мысленно представив маленькое безжизненное тело своего сына.

— Мамаша, ты еще слушаешь?

— Вы хотите сказать, что...

— Послушай, мамаша, — прервал он ее, — мы теряем время. Значит, передашь своему муженьку следующее. Ваш сын у нас. С ним ничего не случится, но его дальнейшая судьба

зависит от того, что произойдет с Меппамом. Если Меппама осудят, не ждите своего мальчишку домой.

— А кто такой Меппам? — в ужасе прокричала Элис Данн.

— Спроси у своего муженька. В общем, освободят Меппама, увидишь своего сына, не тронем даже волоса на его голове.

— Я никак не могу понять...

— Пора уже понять, мамаша, если желаешь еще увидеть своего мальчишку...

Разговор прервался.

Элис Данн в изнеможении оперлась на стоящий рядом стол. Тревога ее росла, хотя смысл произнесенной угрозы еще не доходил до ее сознания.

Входная дверь открылась, и по звуку шагов она узнала своего мужа. Она выбежала из гостиной.

— Элис, — начал Роджер Данн, — ты не помнишь, у кого-нибудь из наших знакомых есть черный или темного цвета «остин» или «моррис»?

— Только что звонил какой-то мужчина, — с трудом выговаривая слова, прервала она его. — Он заявил, что Питер у него и что дальнейшая его судьба зависит от Меппама. Я ничего не поняла, Роджер. Кто такой Меппам?

Данн побледнел.

— Меппам? — переспросил он дрогнувшим голосом.

— Да. Кто это такой?

— Ты не раз слышала его имя. Его завтра будут судить за убийство.

Элис Данн в ужасе прикрыла рот рукой.

— Так это... так это убийца, ограбивший банк?

— Что он конкретно сказал, Элис? Повтори слово в слово, — попросил Данн, едва сдерживаясь, чтобы не взорваться от гнева и ярости по отношению к неведомому преступнику.

Видя, что ее муж спокоен, Элис заставила себя еще раз логично взглянуть на происшедшее. Она передала Роджеру весь свой разговор с неизвестным мужчиной.

— Значит, они похитили Питера, — констатировал Данн, как только она закончила говорить.

Он развернулся, подошел к телефону и снял трубку.

— Что ты собираешься делать? — в ужасе закричала миссис Данн.

— Выяснить, откуда звонили.

— Но я же сказала тебе, что он обещал привести свою угрозу в исполнение, если ты обратишься за помощью. Роджер, тебе придется подчиняться его приказам, иначе Питера убьют.

— В том, что он угрожал, нет ничего удивительного. Он просто пытался нас запугать.

Миссис Данн задрожала, как будто ее стал колотить озноб. Неужели он не понимает всю сложность положения? Как заставить человека, слепо преданного своим обязанностям, понять, что бывают ситуации, когда эти обязанности просто должны отойти на второй план? Конечно, теоретически он должен сооб-

щить о происшедшем, но если такой рапорт приведет к смерти их сына?..

Данн позвонил телефонистке.

— Всего несколько минут назад, — сказал он, обращаясь к ней, — звонили в Стенхёрст. Номер 383. Выясните, откуда был этот звонок. Говорит инспектор полиции Данн. Благодарю вас.

Он повесил трубку и провел рукой по лбу.

— Элис, ты точно вспомнила каждое его слово? Ничего не забыла?

— Пожалуйста, не делай этого! Подумай о Питере! — взмолилась его жена. — Подожди! Не торопись! Неужели Меппам для тебя важнее Питера?

Инспектор с горечью посмотрел на нее. Как можно делать такие сравнения? Чарльз Меппам 14 марта ограбил банк в Таптаме. Забрал двадцать две тысячи фунтов. В налете участвовал только он один, и все шло прекрасно, пока кассир — то ли из храбрости, то ли по глупости — не попытался помешать ему покинуть банк вместе с похищенными деньгами. Меппам, недолго думая, выхватил пистолет и уложил его наповал. Затем преступник выскочил из банка, завернул за угол, сел в автомобиль, ожидавший его там, и был таков.

Полиции пришлось вести длительные и тщательные поиски.

Наконец появилась надежда. Один стукач в обмен на пять фунтов выдал кое-какую информацию. Был объявлен всеобщий розыск Меппама. Более пятидесяти человек сообщили о том, что видели его. Сообщения поступали из самых разнообразных мест — от крайнего севера до крайнего юга, от Уика в Шотландии до Лимингтона более чем в четырехстах милях от него.

В конце концов Данн накрыл Меппама за кружкой пива в Стенхёрсте, в забегаловке под названием «Возчик». Меппам был так ошарашен неожиданностью ареста, что сразу же признался в ограблении банка. Но постепенно он успокоился и к тому времени, когда Данн добрался с ним до полицейского участка, сообразил, что не стоит признаваться, и напроць отказался от своих первых показаний.

В полиции считали, что с делом покончено, но вскоре у них такой уверенности уже не было. Накануне предварительного слушания дела главный свидетель, другой кассир, который мог опознать Меппама как грабителя и убийцу, был насмерть сбит машиной. В итоге, учитывая, что прямых улик фактически нет, обвинению, чтобы доказать виновность Меппама, пришлось опираться на признания, сделанные им во время задержания инспектором Данном.

Осуждение убийцы зависело только от одного человека, сына которого похитили, чтобы заставить его лжесвидетельствовать!

Элис Данн нарушила долгое молчание.

— Ты должен думать только о Питере. Ты это понимаешь?

— Да, — выдавил он из себя.

— Ты не должен обращаться за помощью, если беспокоишься за жизнь своего сына.

— Есть только один путь спасти Питера — обратиться в полицию.

— Но я же говорила тебе! Он обещал отпустить нашего мальчика, как только Меппам выйдет на свободу.

— Обещал? — резко спросил Дани.

Неужели его жена не понимает, что обещания преступников ничего не стоят?

Раздался телефонный звонок. Дани поднял трубку, какое-то время молча слушал, затем поблагодарил говорившего и положил трубку на рычаг.

— Преступник звонил тебе из Гершама.

— Это, кажется, по пути в Лондон? — беспокойно спросила миссис Дани.

— Возможно.

Дани набрал девятку и несколько секунд спустя разговаривал с полицейским участком. Он попросил соединить его с суперинтендантом, которому чуть позднее изложил все факты.

«Неужели, — подумала Элис Дани, — он подписал смертный приговор нашему сыну?»

2.52 дня

Кабинет суперинтенданта Эллисона располагался на первом этаже полицейского участка. Окно в кабинете было очень маленьким, поэтому электрический свет горел почти все время, за исключением только очень солнечных дней.

Суперинтендант был высоким плотным мужчиной весом не менее двухсот фунтов. У него было круглое лицо, которое нередко расплывалось в улыбке. В своем мундире и в остроколенном шлеме, слегка сдвинутом набок, он казался таким добродушным и беспечным, что его внешность как-то не вязалась с представлениями об опытных полицейских. Такое впечатление было ему очень на руку. Люди зачастую недооценивали его и осознавали свои ошибки слишком поздно.

Дани постучал в дверь и вошел в кабинет, задержавшись на пороге.

Эллисон поднял голову. Бросив взгляд на выражение лица Дани, он понял, что тот очень взволнован. Кивком он пригласил полицейского и указал ему на стул.

— Расскажите мне подробно, что произошло.

Дани изложил все факты.

— И больше ничего?

— Нет, сэр.

Суперинтендант поднял телефонную трубку.

— Соедините меня с главным управлением, — произнес он. Соединили его почти моментально.

— Соедините меня, пожалуйста, с начальником полиции Крауном, — сказал Эллисон. А несколько секунд спустя произнес: — Вас беспокоит Эллисон, сэр. Я поговорил с Данном. Ничего нового, только надо сообщить всем участникам поисков,

чтобы они держали язык за зубами. Похитители обещали разделиться с мальчиком, если им станет известно, что против них предпринимаются какие-то действия. ...Да, сэр. ...Все верно, сэр. Эллисон положил трубку.

— Начальник полиции заявил, что это дело объявлено приоритетным.

«Интересно, — подумал Дани, — какое это имеет значение? Разве у Питера есть шанс остаться в живых?»

Дани заставил себя не думать об этом и, набравшись храбрости, изложил свою просьбу.

Эллисон встал, обошел стол, сел на его край, вытащил из кармана трубку и стал ее набивать.

— Лондон просил выяснить все связи Меппама, всех его друзей и знакомых. Дороги на Лондон блокированы. С этим все ясно. Ребята знают свое дело. Официально объявлено, что разыскиваются два заключенных, бежавших из тюрьмы «Таптам». Вряд ли кто догадается, что происходит на самом деле. Кроме того, сюда направляется суперинтендант Перри.

— Я бы хотел, чтобы это дело поручили мне, сэр, — быстро вставил Дани.

— Но это неразумно!

— Вы считаете, что я могу совершить глупость, сэр?

— Такой обеспокоенный и встревоженный человек, как вы, теряет осторожность. На него нельзя положиться на все сто процентов.

— Послушайте, сэр... Я не собираюсь валять дурака. Если я это сделаю... Я же прекрасно понимаю, что от моих действий зависит жизнь Питера. Я буду работать до последнего, и если есть хоть один шанс спасти...

Он замолчал.

Эллисон встал и вновь сел в свое кресло.

— Я сделаю все, что в моих силах, Дани, но вы прекрасно знаете, что окончательное решение принимает заместитель начальника полиции графства. Может быть, он сразу же решит отстранить вас от этого дела.

— Вряд ли, сэр, если вы обратитесь к нему и порекомендуете меня.

В другое время Дани никогда бы не осмелился на подобное. Суперинтендант сам знал, как руководить дивизионом, и терпеть не мог чужих мнений, но в этот раз ситуация отличалась от привычной.

Эллисон безуспешно пытался зажечь трубку. Тогда в нетерпении он отложил ее и похлопал себя по карманам в поисках сигарет.

— Я подумаю.

Вскоре Дани вышел из кабинета.

Эллисон вздохнул. «Бедняга!» — сказал он про себя. Если полиция не разыщет похитителей до суда над Меппамом, Питер Дани будет мертв. Они не будут оставлять никаких следов. Мальчика могут убить даже раньше — если им вдруг станет

известно, что полиция идет по пятам. Все карты в руках у похитителей, а играют они быстро и ловко.

Какие сведения есть у полиции?

Телефонный звонок был из Гершама. А кроме этого?

2.57 дня

На верхнем этаже огромного современного здания в Таптаме, в котором находилось управление полиции графства, располагалась радиостанция.

К северу от этого здания, напоминая огромную паутину, возвышалась высокая радиоантенна. Именно эта радиостанция передала первые приказы, направленные на поиски Питера. Расположенные на различных возвышениях автоматические передатчики перехватили эти послания и передали их в самые отдаленные уголки Кента.

Получив приказ, патрульные машины на всей скорости устремились к дорогам, ведущим в Лондон, блокировали их и стали проверять автомобили, одновременно опрашивая местных жителей.

Движение застопорилось, образовались длинные очереди машин. Водители проклинали полицейских, оплакивая свои потерянные часы.

В самом же управлении полиции, в кабинете по соседству с радиостанцией, человек в форме констебля изучал огромную карту Кента. На этой карте постоянно вспыхивали огоньки, отмечая места, с которых поступили последние сообщения. Постепенно эти огоньки стали неумолимо сходиться в определенных стратегических точках.

3.15 дня

В Государственном уголовном архиве в Новом Скотленд-Ярде в Лондоне, где работали не только полицейские, но и гражданские лица, всегда было оживленно. В этом не было ничего удивительного, так как ежегодно в него вносилось более пятидесяти тысяч новых дел. За все это хозяйство отвечал вечно озабоченный человек, который был совершенно уверен в том, что серьезно болен. Удрученным тоном он обратился к сержанту в форме и попросил его отыскать данные на Меппама.

Сержант просмотрел алфавитный указатель, а затем прошел вдоль целой вереницы стеллажей, пока нашел нужный. Он выдвинул третий ящик, взял папку и отнес ее главному архивисту.

— Чарльз Генри Меппам, сэр? Да?

— Да, да. Ну что там?

— Сейчас посмотрим.

Сержант открыл досье и быстро просмотрел опись документов.

— Здесь столько всего, сэр, что хватит для осуждения целой армии. Начинает он свою эпопею с мелочей еще в раннем

возрасте, в семнадцать лет. В двадцать пять был приговорен к пятилетнему сроку за вооруженное ограбление, но после трех лет и четырех месяцев примерного поведения — удивительно, почему все преступники становятся такими примерными после осуждения? — он был полностью освобожден от наказания. В тридцать два вновь осужден за вооруженное ограбление. На сей раз он вышел через шесть лет и восемь месяцев. Затем в Таптаме он совершил кражу, был арестован и обвинен в убийстве. А вот здесь список его друзей. Начинается он с...

— Это меня не интересует. Перепечатайте его и поскорей.

— Хорошо, сэр. Может быть, просмотреть систематический указатель?

— А вы этого не сделали?

— Еще нет, сэр.

— Я же сказал вам, дело срочное. Неужели никто из вас не может сделать так, как полагается. Быстро сверьтесь с данными в систематическом указателе.

Сержант с флегматичным спокойствием отнесся к недовольству своего начальника, ибо трехлетний опыт работы с главным архивистом подсказывал, что возражать бесполезно. Он прошел мимо другой вереницы стеллажей, где стояли дела с описанием преступлений — подробное описание почерков преступников, — и нашел папку на Меппам. Он просмотрел описание документов. Из описи сразу же становилось ясно, что Меппам — один из тех, кто склонен к насилию. Сержант взял дело и отнес его главному архивисту.

3.20 дня

Два детектива из дивизиона «Z» подъехали к телефонной будке в Гершаме. Внутри ее находилась женщина. Она разговаривала по телефону. Один из детективов открыл дверь будки.

— Прошу прощения, мадам.

— Молодой человек, я уже опустила четыре пенса и хочу поговорить со своей сестрой, и я сделаю это, и никакие Томы, Дики или Гарри не будут мне мешать. Уходите, или же я позову полицию.

Один из полицейских показал ей свое удостоверение — квадратную карточку, на которой были написаны его имя и звание.

— Пожалуйста, мадам, заканчивайте свой разговор.

Женщина повесила трубку и вышла из будки.

— О боже, — вдруг сказала она, — я же забыла попрощаться. — И она сделала движение, как бы собираясь вновь войти в будку.

— Я очень сожалею, мадам, но продолжить разговор вам придется из другой будки.

Ничего не ответив, женщина прошла к своему автомобилю.

Детективы обследовали будку, из которой похитители звонили миссис Данн. Оставили ли они какие-нибудь следы?

Полицейские работали быстро, со знанием дела.

Уэринг позвонил в Стенхёрст и сообщил об автомобиле, обнаруженном сержантом Холби. Черный «седан», «остин», номер ТКО 146. В числе угнанных автомобилей не числится, но, похоже, что регистрационный номер подделан.

Поскольку суперинтендант Эллисон руководил деятельностью дивизиона «Z» в целом, обращая при этом особое внимание на Стенхёрст, в чем был определенный смысл, это сообщение немедленно дошло до него. Среди его людей поощрялась инициатива, и в случае необходимости отбрасывались все формальности. Дежурный сержант, получив эти факты, сразу же собрал, что автомобиль наверняка краденый и с поддельной регистрационной карточкой. Он припомнил дела, находившиеся в расследовании, и понял, что автомобиль ТКО 146 мог иметь отношение к делу о похищении Питера Данна. Сержант проинформировал дежурного инспектора, а тот незамедлительно связался с суперинтендантом.

— Кроме возможной подделки номера на регистрационной карточке, больше ничего не было замечено? — спросил суперинтендант, выслушав сообщение.

— Нет, сэр, — ответил инспектор. — На данный момент нам больше ничего не известно.

— Пришлите ко мне Данна.

— Хорошо, сэр.

Инспектор вышел из кабинета.

Суперинтендант откинулся в кресле. Эта машина может не иметь никакого отношения к делу. Может оказаться, что в регистрационной карточке нет никаких подчисток или что они были сделаны служащим во время регистрации автомобиля. Но, с другой стороны, этот автомобиль мог иметь огромное значение. Следует поручить Данну разобраться с этим. Каков бы ни был результат, работа отвлечет его, а в настоящее время это было самым главным.

3.29 дня

Питер лежал на кровати. Он вспомнил, как однажды болел гриппом. Точно так же было и сейчас. Он был подавлен, чувствовал тошноту. Ему ужасно хотелось спать, но заснуть он никак не мог.

Гонка на автомобиле, казалось, никогда не кончится. Его связанные руки затекли и от неподвижности болели все больше и больше. Кроме того, возобновилась головная боль, которая переместилась с затылка и сосредоточилась в области лба. В горле у мальчика ужасно пересохло, а брошенный на него плед сполз к нему на лицо и, казалось, стремится задушить. Когда он потерял почти все силы к сопротивлению, машина остановилась. У мальчика появилась надежда, что ему дадут размяться, однако после короткой остановки машина вновь

двинулась в путь. Ему ничего не оставалось, как крепиться до последней возможности, используя всю силу воли.

В конце концов автомобиль добрался до конечного пункта своего назначения. Грубые, жестокие руки выволокли мальчика за ноги, но плед оставался все еще сверху — вокруг его головы. Пинками Питера заставили встать, затем он сделал несколько шагов, а потом, спотыкаясь, поднялся по крутой лестнице. За ним захлопнулась дверь, и только тогда с его головы был снят плед. Питер смог вздохнуть полной грудью.

Затем мысли мальчика спустились на землю. Комната была маленькой. По центру потолка проходила большая перекладина, которую пересекали несколько балок. Когда-то потолок был побелен, а сейчас стал желтовато-грязного цвета. В дальнем конце комнатки находилось одно-единственное окно, плотно закрытое одеялом. Мальчика толкнули на примитивную, почти беспружинную, железную кровать с волосяным тюфяком, в котором было больше шишек, чем ровных мест. В комнате стоял один-единственный деревянный стул, покрашенный в небесно-голубой цвет. И больше ничего. Ни ковра, ни шкафа, ни зеркала. Это была настоящая тюремная камера.

Уэстон сел, точнее, развалился на стуле. Он снял рубашку. Его широченная грудь блестела от пота. На правой руке было три татуировки: пароход, витой кинжал и сердечко со словом «Мария» в нем. Курил он безостановочно. Воздух в комнате был густой и тяжелый.

Питер был напуган. Конечно, не настолько, чтобы совершенно потерять способность соображать, но, столкнувшись с жесткостью, он понял, какая опасность ему угрожает. И в таком состоянии он начал планировать.

Его выкрали по причине, ему неизвестной. А сейчас ему надо как-то спастись.

Его отец часто ему говорил, что мошенники, насколько бы умны они ни были, на самом деле всегда переоценивают свои способности. Человек может быть специалистом по взламыванию сейфов, но попросите его украсть шестипенсовик у слепого, и он завалит дело. Вот почему Питер решил, что ему следует попытаться расстроить планы своих похитителей, и тогда, возможно, появятся шансы для побега.

Где он находится? Это ему было неизвестно. Поездка на автомобиле была долгой, но, сколько она длилась, мальчик сказать не мог. Голова его еще была в тумане. Поскольку окно в комнате, в которой он сейчас находился, было закрыто одеялом, он не мог сказать, что было за ним — находился ли дом в городе или в сельской местности.

Снаружи послышался шум. Похоже на грузовик.

Питер задумался.

Может быть, рядом находится фабрика? Затем мальчик понял, что это за шум. Это был самолет.

Как спастись? Головная боль усиливалась. Она не давала возможности ясно мыслить. Мальчик хотел бы забыть все, оку-

нуться в переживания, но, помня, что его отец никогда бы так не сделал, Питер заставил себя думать, интересоваться, тревожиться.

Как спастись?

ГЛАВА 5

3.35—4.05 дня

Сержант Холби открыл дверцу автомобиля, на котором прибыл полицейский инспектор Данн. Холби было известно, что произошло с его сыном. Он хотел выразить Данну сочувствие, но, посмотрев на его напряженное, непроницаемое лицо, воздержался.

— Где автомобиль? — требовательно спросил Данн.

— Там дальше, сэр.

— Вы уверены, что он не принадлежит местному фермеру?

— Я навел справки, сэр. Фермер утверждает, что у него никакой машины нет.

Данн бросил взгляд на участкового полицейского. Молодец, подумал он. Проявил инициативу и даже не стал запрашивать разрешения.

Они пошли по тропинке, которая привела их на полянку. Данн остановился, огляделся, а затем повернулся к автомобилю, на крыше которого были две антенны.

— Вы прикасались к автомобилю?

— Нет, сэр.

Данн медленно обошел вокруг автомобиля, осматривая поверхность земли в поисках следов. Дождя уже несколько дней не было. Земля была твердой, каменистой, без каких-либо следов. Даже слон не оставил бы на ней ни следа.

Инспектор через стекло заглянул в салон автомобиля, затем подошел к ветровому стеклу и посмотрел на регистрационную карточку. Он мог поспорить на что угодно, что она подделана. Лабораторная экспертиза покажет это. Следовательно, он уже имел возможность разрабатывать версию о краденом автомобиле. Не на нем ли увезли Питера от школы? Очень похож на ту машину, о которой говорил его одноклассник, — «остин» последней модели, обтекаемых линий, черный, с двумя антеннами на крыше. Да, этот автомобиль действительно очень похож.

Данн осторожно — с помощью носового платка, чтобы не оставить отпечатков, — открыл дверцу автомобиля. На сиденье лежал рваный носовой платок. В открытом бардачке он нашел пустую пачку сигарет, а в пепельнице — несколько окурков. Затем инспектор осмотрел заднее сиденье. На полу около него он увидел два кусочка глины. Данн поднял их и внимательно осмотрел. Это была глина с вкраплениями кирпича и даже осколками стекла.

— Оставайтесь здесь, — приказал инспектор участковому полицейскому.

— Хорошо, сэр, — ответил тот.

— Пойду вызову оперативную группу. До ее приезда никто не должен подходить к автомобилю.

Данн осторожно завернул кусочки глины в свой платок и положил его в карман. Используя другой платок, он поднял капот и осмотрел двигатель. Из внутреннего кармана мундира Данн вынул небольшой электрический фонарик и с его помощью отыскал номер двигателя, который записал в свой блокнот.

— Я поехал, — выпрямляясь, произнес он.

— Сэр, передайте, пожалуйста, в Уэринг, что оставили меня здесь, — попросил участковый полицейский Данна, когда тот собрался уходить.

— Попытаюсь. Если же времени у меня не будет, доложите сами позднее.

Холби решил, что это нечестно. Его начальник всегда недоверчиво относился к любым сообщениям, и Холби мысленно представил себе, что может произойти, если инспектор не договорится с ним.

3.50 дня

Не доезжая до главного здания Стенхёрстской средней школы, Данн затормозил и вылез из автомобиля. Сделав несколько шагов назад в сторону новых корпусов школы, он наклонился и стал внимательно изучать грунт. Желтая дорожка была скользкой и прилипала, потому что рабочие утрамбовали ее, добавив при этом глину, в которой виднелись кусочки и частички кирпича, шифера и стекла.

Именно это Данн заметил еще двумя часами раньше. Его ум, привыкший запоминать необычное, бессознательно обратил внимание на эту часть дорожки. Так появился второй вопрос в загадке, которую предстояло разрешить Данну.

Инспектор вытащил из кармана носовой платок, развернул его и взял небольшой кусочек глины из найденных в автомобиле. Затем, нагнувшись, он поднял с земли небольшой комочек глины и сравнил его с первым образцом. Глина, насколько это можно было судить визуально, была одного и того же цвета, с одинаковыми кирпичными вкраплениями — ярко- и темно-красного цвета.

Данн встал, вполне удовлетворенный результатами. Почти нет сомнений в том, что глина, найденная в автомобиле, с этого места. Наверняка она осыпалась с ботинок Питера.

У инспектора появился первый проблеск надежды. Когда человек сражается в полнейшей мгле, его борьба кажется совершенно безнадежной. Когда же появляется хоть небольшой просвет, человек может оценивать своего противника и готов помериться с ним силой.

Данн вернулся к своей машине и от школы двинулся к центру города. Он завернул во двор полицейского участка, выскочил из автомобиля, вбежал в здание и поспешил к себе в кабинет. Он вызвал сержанта Квентона, который не замедлил явиться.

— Квентон, это именно та машина, которую мы ищем. Я уверен в этом.

Квентон ничего не сказал.

— Глина у заднего сиденья автомобиля по своему составу, видимо, совпадает с глиной у школы. Кирпичные вкрапления там и там одинаковы.

— Прекрасно, сэр.

— Позвоните Олтену и передайте ему, что мне нужна собака. У них пока что не всех ищеек заменили на овчарок, а их доберман просто великолепно берет след.

В свое время руководство полиции решило, что овчарки более удобны для разгона демонстраций, и поэтому дало указание постепенно заменить ими всех других собак.

— А кто займется отпечатками пальцев, сэр?

— Кто первый под руку попадется. Лучше, конечно, поручить это дело Бренлингу. У него хорошая память на снимки. — Дани зашагал по кабинету. — Сверьте этот номер двигателя с данными по украденным автомобилям. Затем представьте мне настоящий регистрационный номер и фамилию владельца.

— Хорошо, сэр.

— Затем пошлите и автомобилю Энтони. Пусть возьмет трос и притащит эту машину сюда.

Дани остановился у стола. Он потер рукой лоб и на какое-то мгновение показался таким встревоженным и усталым, что могло создаться впечатление о том, что он болен. Затем он убрал руку, и взгляд его вновь стал осмысленным и решительным.

— Я вот сейчас подумал, может, прихватить Билла Уэра для опознания этого автомобиля, но, пожалуй, не стоит этого делать. Еще разболтает, а если об этом станет известно... — Он замолчал. Ему вдруг представилось, что произойдет с Питером, если вдруг пойдут слухи.

— Вы все поняли, Квентон?

— Да. И постараюсь сделать как можно быстрее, сэр.

Квентон повернулся и вышел из комнаты. Он так же, как и большинство работников дивизиона «Z», любил и уважал Дана и хотел, чтобы сделано было все возможное для спасения его сына.

4.05 дня

Питер слышал, как над домом пролетел еще один самолет. Самолеты пролетали регулярно, как по часам. Это обрадовало мальчика. Значит, есть какая-то связь, пускай и относительная, с внешним миром.

Он все размышлял, как бы сбежать. Он понимал, что находится во втором этаже, но не очень высоко, судя по количеству ступенек, которые он преодолел, поднимаясь, так что, если он прыгнет с окна, он вряд ли разобьется. Конечно, если вниз земля, а вот если асфальт...

— Как называется столица Южной Африки? — неожиданно спросил его Уэстон. Он оторвался от газеты. Изменившиеся чер-

ты его лица свидетельствовали о том, что он напряженно думает.

— Претория, — ответил Питер.

Едва он произнес ответ, как удивился, с какой легкостью он вспомнил. Географию он всегда считал ничтожным, правда, менее скучным, чем история, предметом, и однажды он, к негодованию Снукса, поместил Рио-де-Жанейро на восточное побережье Индии.

Уэстон погрыз головку карандаша, который держал в руке.

— Как она пишется?

Он записал ответ и удовлетворенно промычал, когда это слово подошло к одному из тех, которые уже были записаны в клеточки кроссворда.

— Осталось три неразгаданных слова, приятель.

В комнате было очень душно и жарко. Тяжелый сигаретный дым, не находя выхода, клубился вокруг электрической лампы. Благодаря яркому солнечному свету сквозь одеяло просвечивали контуры окна.

Питер задумался над известными ему фактами. До окна — десять футов. Оказавшись у него, он должен сорвать одеяло, открыть окно и выпрыгнуть или же, если в его распоряжении будут считанные доли секунды, он должен выбить стекло, а затем уж выпрыгнуть наружу.

— Такого животного из шести букв нет, — пробормотал про себя Уэстон. — Точно нет! Чтобы начиналось на буквы Д—И—К. Все это обман. Повсюду обман! А еще карты победителям обещали! Обманщики!

Он в раздражении бросил газету на пол и начал яростно топтать ее тяжелым башмаком правой ноги.

— ДИК, ДИК, — повторил Питер.

— Да нет такого животного.

— Нет, есть. Я видел по телевизору на прошлой неделе.

Уэстон почесал шею.

Питер, подавляя спазмы желудка, приготовился бороться за свою свободу.

— Я очень хочу пить.

— А кто не хочет, хотел бы я знать? — Уэстон стер носовым платком пот со лба и груди.

— Может, вы дадите немного воды? Ну, пожалуйста?

— Могу себе представить, какой развалиной ты себя чувствуешь! — ощерился Уэстон.

— Так вы мне дадите?

— Я?

Уэстон задумался и решил, что может удовлетворить просьбу своего пленника. Он встал. Казалось, громадина его тела заполнила все уголки небольшой комнатки.

— Я посмотрю, что у нас есть.

Мысль о стакане пива овладела его воображением.

— Только запомни следующее, малец. Если встанешь с кровати, я разорву тебя на части. Понял?

— Мне слишком плохо, чтобы вставать, — простонал Питер, надеясь, что это выглядит естественно.

Уэстон неуклюже проковылял до двери, вынул из кармана ключ, открыл дверь, вышел и запер дверь за собою.

Питер моментально свесил ноги с кровати и встал. Какие-то доли секунды ему казалось, что он вот-вот упадет — голова кружилась, а ноги не держали, но стоило ему взяться за спинку кровати и немного постоять, как силы вернулись к нему.

Необходимо было пересечь расстояние всего лишь в десять футов. Мальчик начал движение. Ему очень хотелось бежать, как можно быстрее добраться до окна, но он сдержался, заставил себя идти медленно, чтобы не шуметь. Он подошел к стулу. До спасения оставалось всего несколько секунд. Когда же он спрыгнет вниз, он рванет бежать с такой скоростью, что любой спринтер останется от него далеко позади.

Питер стал снимать одеяло. В этот момент за его спиной раздался шум, и он повернулся. Уэстон стоял в дверях, его лицо искривилось от гнева.

— Ну что, поймал тебя, так? — рявкнул он.

Питер готов был рыдать от отчаяния. Он замер, захваченный врасплох именно в ту секунду, когда успех, казалось, был уже так близок.

Уэстон прошел в комнату, хлопнув дверью.

— Не зря я сказал себе: «Посмотри! Обязательно посмотри!» Говоришь, тебе плохо? Вот сейчас тебе действительно будет плохо!

И он рванул вперед с такой скоростью, что это казалось невероятным, учитывая его габариты; подскочил к Питеру и толстой правой рукой нанес сокрушающий удар, который пришелся мальчику прямо в грудь.

Питер отлетел в сторону кровати и свалился на пол. Все его тело разрывала боль. Его голова поплыла, в глазах появились черные круги. Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

Немного придя в себя и с трудом забравшись на кровать, он начал думать. С горечью он понял, что недооценивал Уэстона, что считал его жирным дураком. В свою очередь, он переоценил свои собственные возможности, посчитал себя намного умнее. В результате его план был раскрыт, а его действия ясно показали, что он хочет сбежать.

Питер подумал: «Что же произойдет, если не удастся сбежать?»

ГЛАВА 6

4.09—5.29 дня

Суперинтендант Эллисон предложил детективу Перри сигарету, но тот отказался и закурил свою трубку.

— Постарайтесь задействовать Данна в этом деле как можно

больше, — попросил Эллисон, обращаясь к своему собеседнику.

— Хорошо, — согласился Перри, кивнув головой. — Я же думал об этом. Бедняга! Как ему не повезло!

— Он отправился взглянуть на автомобиль, который обнаружил участковый полицейский. Готов поспорить, они не найдут ни единого отпечатка, ни единого следа.

— Я сам готов на это поспорить, — мрачно заметил Перри, высокий тощий мужчина, у которого постоянно был такой вид, будто недавно у него умер богатый дядюшка, но не оставил ему ни пенса.

Зазвонил телефон. Эллисон снял трубку, молча выслушал, сделал несколько записей и положил трубку на место.

— Машина принадлежит человеку, — сказал он, — живущему в Бексли. Ее угнали вчера вечером, а в полицию сообщили о происшедшем только сегодня утром. Ее владелец, некто Моррисон, как говорят, очень уважаемый в округе человек. Номерной знак на машине снят с автомобиля, который попал в аварию и останки которого были проданы старьевщику. Как видите, масса информации, но толку от нее никакого.

— Хотя все на это надеются, — добавил Перри, подавшись вперед. — Так, значит. Автомобиль угнали из Бексли, а звонок был из Гершама. А может быть, похитители действуют из Лондона? Невольно напрашивается такой вывод, вы согласны со мной? — Совершенно машинально, постукивая пальцами по трубке, он стал вытряхивать из нее пепел. — Или, может быть, они настолько умны, что специально подкинули нам эту ниточку?

— На это можно ответить только одно — нам ничего не известно и в данный момент судить об этом мы не можем.

— Вот именно. Поэтому-то нам приходится заниматься абсолютно всем.

Он вздохнул.

Эллисон поправил бумаги, лежавшие на столе. Затем поднял голову.

— Боже, что же будет? — произнес он глухим голосом.

— Если мальчик не найдется, учитывая, что завтра над Меп-памом должен состояться суд, а он обязательно состоится, то... Просто не знаю. Впрочем, не нам решать, верно?

— Да, вы правы. Решение придется принимать Данну самому. Показания-то будет давать он.

— Д-да, — протянул Перри. — Ему не позавидуешь. Никто бы не захотел оказаться на его месте.

4.35 дня

На полянке в лесу было много народа. Складывалось такое впечатление, что они попросту бродят, хотя в действительности каждый из них был занят своим собственным делом. И поскольку все полицейские хорошо знали обязанности, царил образцовый порядок.

Сержант из Бренлинга, бывший одновременно и экспертом по отпечаткам пальцев, и фотографом, занимался автомобилем. В правой руке у него была небольшая волосяная кисточка, а в левой — баночка с белым порошком. С помощью кисточки он наносил порошок на стекла автомобиля. На заднем стекле проявились какие-то отпечатки.

Он протянул кисточку и баночку своему помощнику, вынул из кармана пиджака небольшое увеличительное стекло, но и без него, даже невооруженным глазом, было видно, что отпечатки смазаны и никуда не годятся.

Закончив со стеклами, он взял у своего помощника банку черного порошка и перешел к обработке поверхностей совершенно другого цвета. Осторожно и ровно он нанес этот порошок на хромированные поверхности дверных ручек.

В правой части поляны виднелся полисмен из Олтена с черным доберманом на поводке. Собака тщательно обнюхивала землю. Время от времени она отвлекалась от своего дела, оглядывалась назад, как бы спрашивая, нет ли других приказаний.

На противоположном конце поляны два полицейских в форме, констебль Энтони и сержант Квентон, внимательно осматривали поверхность земли. Терпеливо и настойчиво проверяли они метр за метром. Они готовы были, как говорится в пословице, искать иголку в стоге сена.

Данн облокотился на ствол молодого каштана. Осматривая местность, он пытался отыскать хоть что-нибудь, подсказывающее, что же произошло.

Подошел проводник с собакой.

— Простите, сэр, но искать здесь бесполезно. Следов почти никаких нет, только в самом центре. Уцепиться не за что.

Полицейский спустил собаку с поводка.

Данн вынул из кармана носовой платок и вытер лоб. Для середины мая было необычайно жарко. Именно такую погоду с нетерпением ожидают англичане летом, в июле и августе, но зачастую их надежды напрасны.

— И что же вы думаете?

— Мне кажется, они здесь пересели в другой автомобиль, сэр.

— Видимо, так и было, но на всякий случай осмотрите еще раз.

— Хорошо, сэр.

Данн смотрел вслед полисмену, который вернулся к своей собаке. Она в положении «сидя» терпеливо ожидала его. Н-да, этому человеку повезло: он может отнестись к происшедшему как к привычному делу — лично его оно не касается. Данну хотелось заплакать от жалости к себе. Если бы он тоже мог относиться к этому как к рядовому делу, он давно бы передал его в руки другого следователя. Детектив может работать эффективно только в том случае, если он совершенно спокойно, без всяких эмоций, относится к фактам.

Из машины выбрался сержант. В одной руке он все еще держал кисточку, а в другой — баночку с порошком.

— На поверхности ручек, сэр, никаких отпечатков нет. И в салоне тоже. Все отпечатки стерты.

— Ничего удивительного, — пробормотал Дани.

В наши дни профессиональные преступники всегда начисто протирают поверхности, на которых могут остаться отчетливые отпечатки пальцев. Единственный способ выйти на их след — это найти отпечатки пальцев, которые они просто упустили из виду — например, на внутренней крышке бардачка, на дверях, антенне, под сиденьями. Все эти места тщательно проверяют, когда автомобиль доставят в полицейский участок.

— Ну что ж, перегоним машину, — сказал Дани и позвал: — Квентон!

Сержант Квентон поднялся с земли, отряхнул колени и побегал на его зов. Это был человек с жестким выражением лица, как у борца-победителя.

— Да, сэр?

— Заблокируйте сиденья и рулевое колесо. Я сяду за руль этой машины, а вы — моей.

— Хорошо, сэр.

Квентон подошел к зарослям ежевики, где предварительно оставил два предмета, и отнес их к машине. Одним из этих предметов была чистая простыня, упакованная в полиэтиленовый пакет. Квентон открыл пакет, развернул простыню и осторожно накинул ее на переднее сиденье автомобиля. Пыль тоже может дать ключ к разгадке преступления, вот почему полицейский водитель должен как можно меньше соприкасаться с сиденьем, так как пыль с его одежды может попасть на сиденье и сбить с толку экспертов.

Вторым предметом было «ложное колесо», которое сцепляется с рулевым, чтобы водитель мог управлять машиной, не стирая возможных отпечатков на руле.

Белым порошком были посыпаны механизмы управления и ручной тормоз. Никаких отпечатков пальцев на них не оказалось.

Дани сел в автомобиль, включил зажигание и по тропинке двинулся в сторону шоссе. В душе он молил, чтобы машина дала нить или даже нити, над которыми можно бы было работать. Поможет ли им то, что они нашли в машине, — несколько сигаретных окурков, пустая пачка из-под сигарет и рваный носовой платок?

5.15 дня

Дани все убрал со стола — папки с бумагами, письменный прибор, карандаши, ручки и телефон. На чистой поверхности он разложил несколько предметов — пустую пачку из-под сигарет «Синье Сервис», восемь сигаретных окурков, носовой платок с оторванным краем, и в задумчивости уставился на них.

«Мусор — таков итог общества потребления!» — подумал он.

В кабинет вошел инспектор Майлз, человек среднего роста, необычайно гордившийся своими холеными усиками.

— Я позвонил Моррисону, владельцу угнанного автомобиля. Он заявил, что не курит. Более того, он сказал, что в его машине не могло быть окурков и пустой пачки сигарет, потому что, если бы он вез курящего пассажира, он бы обязательно вытряхнул пепельницу в конце путешествия, так как терпеть не может запаха окурков.

— Ну а платок? — поинтересовался Дани.

— Все его платки помечены буквой М.

— Да, но на найденном платке метки нет, потому что край оторван.

— Все равно это не может быть платок Моррисона, потому что я звонил ему и попросил сообщить размеры его платков. Так вот, они на три дюйма больше.

Дани взял платок.

— Если действительно они оторвали эту часть платка, значит, на нем была какая-то метка, беспокоившая их. Благодарю вас, Билл.

— Вы собираетесь отправить все эти предметы на экспертизу?

— Да, и как можно быстрее.

— Тогда я подожду к вам Трэффика. Он отвезет их на машине.

— Прекрасно.

После того как его сотрудник вышел из кабинета, Дани вновь занялся предметами, разложенными на столе. Какую информацию могли дать сигаретные окурки? На платке отсутствовала та часть, которая, возможно, могла бы о чем-нибудь рассказать. Ну а сигаретная пачка была просто пачкой, вот и все.

Он взял и вытряхнул оставшиеся табачные крошки. Внутри он увидел фабричные отметки. Может, это что-то даст?

А может, платок? Необычайно чистый, высокого качества. После экспертизы полицейские приступят к бесконечным расспросам, чтобы отыскать магазин, в котором он был продан, и поискам его покупателя. ...А суд над Меппамом должен состояться завтра...

Сигаретные окурки? Он беспомощно пожал плечами, затем осторожно положил их в полиэтиленовый мешочек и запечатал его.

Он снял телефонную трубку, набрал номер и переговорил с Эллисоном, попросил его выделить ему дополнительно еще несколько человек, чтобы уцепиться хоть за какой-то след через номера на сигаретной пачке. Суперинтендант дал согласие и попросил Дани непременно связываться с ним, если возникнут какие-либо сложности.

Едва Дани положил трубку на место, как раздался стук в дверь и вошел молодой полицейский, который поступил на службу совсем недавно. Он был несколько встревожен.

— Мне сказали, сэр, что надо куда-то съездить. Да, сэр?

— Машина уже готова?

— Да, сэр. Сержант Крим за рулем, сэр.

Данн положил пачку из-под сигарет в один полиэтиленовый мешочек, платок — в другой и вместе с пакетом, в котором лежали сигаретные окурки, передал все это полицейскому. Если за рулем Крим, значит, все эти предметы окажутся в Новом Скотленд-Ярде за считанные минуты. Крим был опытным водителем.

Полицейский, взяв пакетики, осторожно, как будто нес бомбы, вышел из кабинета. Данн подумал: «Надо еще раз съездить в лес, где нашли автомобиль, и поговорить с ребятами, может, они обнаружили еще что-нибудь». Не успел он сделать и шага по направлению к двери, как раздался телефонный звонок. Данн взял трубку.

— Полицейский инспектор Данн слушает...

— Роджер... почему ты не звонишь мне? Что случилось?

Услышав голос жены, он от неожиданности вздрогнул и устоялся в пол. Боже, ведь с самого начала следствия он совершенно забыл о ней!

5.29 дня

Питер задумчиво смотрел на поднос, на котором были тарелка с бобами и сосисками, стакан воды, два куска хлеба с маслом, нож и вилка. Консервированные бобы с сосисками он терпеть не мог.

Все его тело ныло. Голова разламывалась. Он испытывал и моральные и физические страдания. Видимо, поэтому ему есть не хотелось. Мальчик отодвинул поднос на край кровати.

— Ты что, не голоден? — спросил Пронира Эванс. На его мерзком лице расплылась улыбка. — А мне казалось, что все мальчишки вечно хотят жрать и сразу же набрасываются на еду.

— Я ничего не хочу.

— Что, Уэсти так тебя шарахнул, что выбил весь аппетит? — Эванс затушил сигарету. — Послушай, сопляк. Тебе просто повезло. Если бы на его месте оказался я, я бы тебе не то показал.

Питер знал, что это не пустая похвальба. Он давно уже понял, что Эванс — более опасный из этих двоих.

Пронира Эванс закурил другую сигарету.

— Мы собираемся преподнести подарок твоему папаше, — сказал он. — Мы разрешим тебе переговорить с ним. — Увидев, как в глазах мальчика вспыхнула надежда, он захихикал. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как страдания других. — Конечно, мы сперва придумаем, что ты скажешь. Нам совсем не нужно, чтобы ты ляпнул что-нибудь лишнее.

Питер молчал.

— Жри, я тебе сказал, а то мы не разрешим тебе говорить с твоим предком. Будь пайнкой.

Не говоря ни слова, Питер пододвинул к себе поднос, взял хлеб с маслом и принялся за бобы с сосисками.

— Так уж и быть, дадим тебе возможность поговорить малость со своим папашей, — продолжал Эванс.

Питер медленно жевал хлеб. Как только ему разрешат поговорить по телефону с отцом, несмотря на риск, он обязательно ему все расскажет. А что он расскажет? Где он находится? Это ему неизвестно. Как выглядит местность вокруг? Тоже неизвестно. Описать своих похитителей? Один — высокий, другой — низкий... Мальчик с трудом глотал пищу.

— Ты скажешь ему, что с тобой все в порядке, и, если твой папаша не тупица, он сделает так, как мы ему велим, и тогда с тобой действительно все будет нормально, но если он не послушается, тогда... О, тогда я тебе не завидую!

В голове Питера пронеслись лихорадочные мысли. Полиции наверняка удастся выяснить, откуда будет телефонный разговор. Может быть, ему стоит затянуть разговор? Это даст его отцу возможность что-нибудь сделать. Он задумался и вспомнил, что однажды показывали фильм, когда похищенный или, кажется, люди, с которых требовали выкуп, всячески затягивали разговор, и это дало возможность определить, откуда звонят.

— Кстати, сперва мы запишем твою речь на магнитофон. — Проньера Эванс отвратительно захихикал, как будто ему удалось прочитать мысли мальчика и понять, что тот задумал. — Я никому и ничему не верю. Ты можешь случайно сказать что-нибудь лишнее... Ешь, сопляк, чтобы потом твои придурки не говорили, что мы тебя не кормили.

Мысль о том, что его мучителю все известно, ошеломила Питера. У него было такое ощущение, будто его ударили со всей силы. Он все время пытался уверить себя, что все закончится благополучно, хотя разум подсказывал ему, что это не так.

Он молча смотрел, как Эванс включил портативный радиоприемник и настроил его на программу джаза. Предположим... просто предположим, что он вдруг неожиданно бросится на него, начнет бить ногами и... Питер чуть ли не стонал от воображаемой картины. Бесплезно. Эванс не такой громила, как Уэстон, но достаточно большой, чтобы справиться со школьником.

Может, ему во время записи вставить какую-нибудь зашифрованную фразу? О чем? Хоть бы что-нибудь придумать!

Ему ничего не удалось узнать о месторасположении дома. Единственное, что он понял, поскольку самолеты летали довольно часто и с сильным шумом, что, видимо, где-то поблизости расположен аэродром. В разговоре с отцом можно каким-нибудь образом намекнуть об этом, но вряд ли с этого будет толк. Сколько в стране аэродромов?

Больше есть он не мог. Он положил нож с вилкой справа от тарелки, обратив особое внимание на то, чтобы они лежали как

надо. Плохие привычки умирают с трудом, но, получив как-то раз взбучку за то, что он положил нож поперек тарелки, сейчас он сделал как полагается, хотя в этом не было необходимости. Он уже имел возможность, хотя бы отчасти, убедиться в том, что человек всегда стремится к нормальному существованию, даже несмотря на самые ненормальные условия.

ГЛАВА 7

6.48—7.02 вечера

Паркес, из-за бороды похожий на древнего священного козла, взял пачку из-под сигарет и внимательно ее осмотрел. Он был не единственным из экспертов Нового Скотленд-Ярда, работавших допоздна. После похищения сына Данна ни о какой регулярной работе не могло быть и речи.

Он покрутил пачку в руке.

— Кроме номеров, ничего нет, — сказал он, обращаясь к своему рыжеволосому помощнику. — Ну что ж, воспользуемся лупой.

Какое-то время он изучал эту пачку под увеличительным стеклом.

— Так, — пробормотал он, — теперь воспользуемся ярким светом.

Помощник его включил лампу, а Паркес настроил ее с помощью гибкого штатива.

— Иногда это дает кое-какой результат, — пояснил он. — Освещение под различным углом порой высвечивает места, которые первоначально ускользают от вашего внимания. — Он разделил пачку на две части и внимательно исследовал каждую из них. — Ничего. — Он взглянул на помощника. — Ножа у вас нет?

— Он лежит у вас под рукой.

— Вот так-так! Не зря моя жена говорит, что я когда-нибудь так заработаюсь, что буду спрашивать о том, что случилось, у своих собственных ног!

Паркес расправил части пачки, внимательно исследовал их, но невнятное бормотание свидетельствовало о том, что обнаружить ему ничего не удалось.

6.49 вечера

Лендер, высокий тощий мужчина с вечно недовольным выражением лица, быстро понял, что внешний осмотр окурков ничего не даст.

К его рабочему столу подошел молодой человек со взъерошенными волосами.

— Старик настойчиво требует результатов.

— Пускай требует, — быстро бросил Лендер.

— Он требует, чтобы результаты были немедленно.

— Может быть, он сам желает это сделать?

Лендер стал налаживать свое оборудование, включая несколько приборов для анализов.

— Что вы собираетесь делать? — спросил юноша.

— Работать, но меня все отвлекают по пустякам.

— Я знаю, что я не слишком умен, как заявила вчера моя подружка после того, как я отказался пойти с ней на танцы, но мне все-таки интересно, что могут дать окурки?

— Молодой человек, — произнес Лендер, выпрямляясь, — вы когда-нибудь слышали о различных группах крови?

— Да, нам что-то говорили об этом на занятиях, но я помню смутно.

— Ну тогда, хотя бы и приблизительно, вы должны знать, что существуют четыре группы крови — А, В, АВ и О. Это можно установить путем исследования плазмы крови и, кстати, слюны тоже. Процентом семьдесят курящих обмусоливают мундштуки сигарет.

— И что тип, куривший эти сигареты, тоже один из них?

— Даже если вы не слишком умны, вы должны были бы понять, что ответить на этот вопрос невозможно, пока не сделаны соответствующие анализы.

Лендер открыл одну из пробирок.

— Ну и предположим, вам удалось обнаружить, что у курившего группа крови О... — молодой человек не закончил свой вопрос.

— Тогда нам станет известно, что он входит в группу, составляющую сорок пять процентов населения.

— Ну и?

Лендер оставил в сторону предметное стеклышко.

— Предположение, что он не принадлежит к остальным пятидесяти пяти процентам, становится почти уверенностью.

— Хорошо, профессор. Но мне это пока что ни о чем не говорит.

— Анализы крови, мой дорогой юноша, никогда не бывают положительными. Их ценность в том, что они дают отрицательный ответ. Так что, если анализы показывают, что у курившего эти сигареты была группа О, а у подозреваемого группа А, значит, эти сигареты курил не он. Это-то вы понимаете?

— Вполне.

— Тогда будьте любезны, оставьте меня одного. Мне нужно работать.

Ухмыльнувшись во весь рот, молодой человек вышел из кабинета. Лендер приступил к сложной работе по определению группы крови по остаткам на сигаретных окурках.

Позднее, изнемогая от усталости, он пришел к выводу, что четыре окурка оставлены человеком с группой крови АВ, самой маленькой группой, составляющей всего пять процентов населения. На остальных окурках остатков слюны не было, и выяснить ничего не удалось.

6.50 вечера

В самой большой из лабораторий был отгорожен небольшой уголок. Там находилась ультрафиолетовая кварцевая лампа.

— Ну что, закончил с платком? — обращаясь к Тейлору, спросил щедрый по натуре шотландец Смит, явная пародия на скучных единоплеменников.

— Только что. Я сделал набросок переплетения нитей и формы кромки, а также точный рисунок уголка платка, который был отрезан ножницами с изогнутыми лезвиями. Точно ими, и в этом уверен.

Смит зашел за перегородку и включил лампу, которая разбрасывала брызги яркого света. В ее свете белый воротничок стал мертвенно-голубым.

— Вы его принесли?

Тейлор зашел за перегородку и протянул платок Смигу, который положил его под лампу. Сразу же стали видны несколько пятен — под влиянием ультрафиолетового света материя платка стала испускать более длинные волны — и на одном из углов появились буквы ЮС и номер 123.

Смит сфотографировал платок.

— Наверняка эти отметки были сделаны в прачечной.

— А пятна? — поинтересовался Тейлор.

Смит выключил лампу.

— Это мне что-то напоминает! Да, что-то ужасно знакомое, — шотландский акцент его стал еще более очевидным. — Пару лет тому назад было одно дело, и тоже был платок, как и сейчас... — Он помолчал, а затем добавил: — Это был платок, пропитанный эфиром. Преступник с его помощью усыплял женщин, а затем обчищал их сумки. Платок тоже был весь в пятнах, как бы усыпанный горохом. Да, сейчас то же самое.

6.53 вечера

Сержант Браунинг, эксперт по отпечаткам пальцев, нанес алюминиевый порошок на зеркало заднего вида «остина». В правом нижнем углу сразу же появились какие-то очертания. Осторожно действуя кисточкой, он добился, что отпечаток стал более четким. К сожалению, больше следов не было. И даже если этот принадлежал одному из похитителей, сведения о котором имеются в картотеке, все равно ничего не узнаешь, пока не станет ясно, каким пальцем сделан отпечаток. Браунинг вздохнул. А может быть, этот след оставил владелец автомобиля? Эксперт сфотографировал отпечаток.

6.58 вечера

Англичанин всегда испытывает недовольство, если проработал на секунду дольше, чем установлено конституцией. И работает всегда меньше, чем хотел бы его работодатель. Тот же, в свою

очередь, даже если вот-вот наступит конец света, обязательно закончит работу только тогда, когда это положено предпринимателю, то есть буквально за несколько минут до окончания работы своих служащих.

Не стоит только вам обратиться к этим людям за помощью, объяснить, что от их немедленного содействия зависит жизнь человека, как сразу же исчезает грань между работниками и их начальниками. Они моментально превращаются в людей, готовых, несмотря на усталость и темные круги под глазами, работать не покладая рук.

Полицейские обратились за помощью к владельцу сигаретной фабрики, которого обнаружили в клубе за выпивкой. Он позвонил своей жене и сказал, что не придет обедать и когда вернется не знает. Затем вместе с полицейскими он отправился на фабрику. Там, в своем кабинете, воспользовавшись внутренней связью, он вызвал к себе мастера ночной смены, оторвав того от его первого чаепития. Мастер, ненавидевший всякое начальство, был настолько ошеломлен, что сразу не нашелся что ответить. Его оторвали от чая! Предупредив товарищей, что, возможно, будет объявлена забастовка, он прошел к кабинету директора и, войдя, собирался выразить свое негодование, как вдруг заметил полицейских. Владелец фабрики объяснил ему, что произошло. Мастер его прервал и заявил, что они просто теряют время, вместо того чтобы заниматься делом и пытаться что-то найти.

Инспектор объяснил им, что коробка из-под сигарет может оказаться важной уликой, поэтому полиции хотелось бы знать, когда выпущены эти сигареты и где они могут быть приобретены.

Фабрикант посоветовался с мастером, а тот связался со своими работниками. Из дома вызвали ответственного за сбыт, оторвав его от любимой им телевизионной программы, которую ему так и не удалось досмотреть.

Они все проверили, нашли машину, на которой делались коробки этой же серии, установили день, когда была произведена указанная пачка, и даже двух оптовых торговцев, получивших всю партию и отвечавших за распределение сигарет между небольшими магазинчиками.

Один из торговцев проживал в Кентонли, второй — в Брайтоне, оба — на южном побережье.

6.59 вечера

Проныра Эванс поставил на стул магнитофон. Питер смотрел на него со страхом и ненавистью. Он будет говорить с отцом механическим голосом, ничего не сможет спросить, ничего не сможет сказать.

— Тебе все понятно? — усмехнулся Эванс.

— Он не дурак, — сказал Уэстон. — Все понимает. Помогал мне с кроссвордом.

Уэстон стоял у двери, загораживая, как Гибралтар, выход во внешний мир.

— Я передам отцу все, что вы мне сказали.

Питеру стоило больших усилий, чтобы не впасть в отчаяние. Двое преступников вне всякого сомнения разработали план, учитывающий все возможные варианты. Как может полиция выйти на них, если они все продумали с дьявольской тщательностью?

Проныра Эванс наклонил вперед свою маленькую уродливую морду.

— Скажешь ему, что он должен все делать так, как мы ему говорим. Если он послушается, все закончится нормально, мы тебя отпустим, и с твоей головы даже волоса не упадет. Но если он поступит по-другому или решит нас одурачить, то... Мы уже определили размеры твоего гробика.

Питер посмотрел по сторонам. Комната была ему уже настолько хорошо знакома, что он мог сказать, сколько балок на потолке или паркетин в полу. Он знал, сколько пружин в кровати, знал, что в правом углу одеяла на окне есть дырка, а на дальней стене комнаты — трещина, по своим очертаниям напоминающая Африку. Ему все это было прекрасно известно, но, кроме этого, он больше ничего не знал. Где находится этот дом? В городе или деревне? На севере, юге, востоке или западе?

Проныра Эванс снял крышку с магнитофона. Сейчас он заставит мальчишку кое-что наговорить на пленку, которую он позднее перешлет Данну; скорее всего на следующее утро — примерно за час до суда. Тогда тому придется шевелиться.

Эванс закурил сигарету и выпустил клуб дыма.

— Ну что, сопляк, готов?

Питер облизал губы. Конечно, глупое сравнение, но он чувствовал себя как перед экзаменом. Горло перехватило.

— Ну давай живее, сопляк. Поплачь! И посильнее!

Эванс громко заржал, затем закашлялся и включил магнитофон. Бобины закрутились.

Питер пытался заговорить, но голос, казалось, покинул его.

Проныра Эванс резким недовольным жестом выключил магнитофон.

— Я сказал, сопляк, говори, или же ты хочешь получить взбучку и узнать, откуда растет язык?

Питер покачал головой.

Бобины вновь закрутились.

— Пап, — сдавленным голосом произнес Питер, — со мной все в порядке, почти в порядке. Они обещали, что со мной ничего не случится, если ты сделаешь так, как они скажут. Пожалуйста, сделай так, как они говорят, чтобы мы могли на следующей неделе вместе отметить мой день рождения и ты подарил бы мне модель самолета, которую обещал.

Роджер Дани устался на телефонный аппарат, стоявший на письменном столе у него в кабинете. Только что вновь звонила Элис. Что происходит? Что он делает? Может, Питер нашелся?

Инспектор провел рукой по лбу. Он сделал все, что в его силах. Никто не мог бы сделать большего — правда, иногда бывают случаи, когда человеческие возможности до смехотворного малы. Исследовали все возможные пути. И что это дало? Можно сказать, ничего. Что же тогда?

Завтра будет суд над Мепшамом, а Дани — главный свидетель обвинения. Если Питера не найдут, что он скажет на суде? Правду? И тем самым убьет своего сына? Или же ложь и тогда навсегда перестанет уважать себя? Он понимал, что, если пожелает, может солгать и заявить, что заставил Мепшаму признаться при аресте. Он знал, что суперинтендант Эллисон не будет его винить, как, впрочем, не будут его винить ни начальник полиции графства, ни его заместитель. Если в конце концов перед ним встанет вопрос, о чем говорить при даче свидетельских показаний в суде, решать они предоставят ему самому, и, что бы он ни сказал, они никогда не поставят ему это в упрек. Но если он пожертвует правдой ради спасения Питера, чего от него в конечном счете добиваются преступники, это будет означать конец его карьеры как полицейского, потому что он больше не сможет глядеть в глаза самому непреклонному из судей — самому себе.

Но до принятия окончательного решения еще оставалось более пятнадцати часов. Еще есть время, чтобы отыскать Питера. Действительно есть? Есть ли на самом деле хоть какая-нибудь надежда найти его? Полиция обнаружила в автомобиле несколько предметов, которые могут дать ключ к разгадке. Но когда это произойдет? И приведет ли это к преступникам?

В кабинет вошел суперинтендант Эллисон.

— Пошли, Роджер, выпьем кофе. Тебе надо подкрепиться.

— Я... я, пожалуй, останусь здесь, сэр.

Эллисон зачастую обращался к своим сотрудникам, даже во время службы, по имени.

— Чепуха, старина. Выйдем на улицу, прогуляемся до кафе. Если будут какие-нибудь новости, нас сразу же найдут. — Эллисон зевнул. — Ты обедал?

— Нет, сэр.

— Тогда надо съесть хотя бы пару сандвичей. Я не позволю, чтобы ты умер от голода!

Суперинтендант накинул плащ, застегнулся до самого подбородка, и его полицейской формы совершенно не стало видно. В кафе «эту вещь» лучше не показывать.

ГЛАВА 8

7.15—9.03 вечера

Сержант Парри, долгие годы проработавший в уголовном архиве Нового Скотленд-Ярда, отвечал за картотеку, которая позволяла по имеющимся отметкам прачечных определить их местонахождение. Он давно разработал свою собственную систему индексации этих отметок и так гордился этим, что не раз хвастался, что может отыскать нужную прачечную за считанные минуты.

В вытянутую узкую комнату вошел полисмен в форме и пошел к столу, за которым сидел сержант.

— У нас есть для вас работа. По имеющемуся шифру прачечной надо как можно быстрее установить ее адрес.

— Тогда не теряйте времени и дайте мне этот шифр, а я посмотрю, что можно сделать.

Сержант встал.

— Так. ЮС 123.

Сержант Парри подошел к первой же картотеке и вытащил нижний ящик. Быстро просмотрев карточки, он прошел к другой картотеке и там нашел то, что искал. На кусочке бумаги он написал название и адрес прачечной, а затем бросил взгляд на часы.

— Ровно две минуты тридцать пять секунд. Самый эффективный отдел в данном учреждении.

Полисмен что-то невнятно пробормотал. К счастью для его собеседника, тот ничего не слышал.

7.30 вечера

Дело стало приоритетным. Как только в Кентонлийский полицейский участок позвонили из Лондона и сообщили результаты проверки по метке прачечной, инспектор Анчер вызвал к себе полицейских Блюма и Крейна.

— Это касается дела Данна, — коротко бросил Анчер. — На платке, найденном в автомобиле, обнаружили надписи, сделанные в прачечной. Удалось установить, что это прачечная компании «Уэст Уолд Лондри». Отыщите ее владельца и выясните, кто пользуется номером ЮС 123. Ведите ему держать рот на замке, что бы ни случилось, и моментально сообщите мне о результатах. Если меня на месте не будет, позвоните суперинтенданту.

Полицейские отыскиали номер домашнего телефона владельца прачечной, связались с ним и договорились встретиться в самой прачечной.

На улице у здания они увидели не слишком новый «ягуар», в котором сидел человек.

— Добрый вечер, — сказал мужчина.

— Добрый вечер, сэр, — ответил один из полицейских. —

Очень любезно с вашей стороны откликнуться на нашу просьбу.

— Буду рад помочь. — Владелец прачечной почесал подбородок. — Можете ли вы мне объяснить, чем вызвана вся эта суета?

— Просто расследуется одно дело, сэр, и необходимо кое-что быстро выяснить.

— Похоже, вы хотите сказать, чтобы я не задавал лишних вопросов. — Мужчина рассмеялся. — Ну что ж, давайте войдем в контору и посмотрим. — Он вынул из кармана ключ, отпер дверь и пригласил всех войти. Затем они прошли в небольшой дворик и повернули направо, к двухэтажному кирпичному зданию, расположенному прямо напротив рабочих построек прачечной.

В одном из кабинетов располагалась большая картотека. Хозяин прачечной просмотрел нумерацию ящиков, вытащил один из них и быстро просмотрел его содержимое. Затем вытащил одну из карточек.

— ЮС 123. Мистер Дж. Дж. Эндрюс. Адрес — Питерс Принт, Брент-стрит. Я знаю точно — этот человек никак не может иметь отношения к серьезному преступлению.

— Почему вы так считаете, сэр? — спросил полисмен Блюм.

— Как-то мы потеряли две его рубашки, и он пришел к нам жаловаться. И так он старался, чтобы не было никакой сцены, что под конец чуть ли не благодарил меня за то, что случилось. Говорят, он ужасно известный археолог.

— Он давно живет в Кентонли?

Хозяин пожал плечами.

— Во всяком случае, не меньше меня, а я проживаю в городе вот уже пять лет, но я почти уверен, что он здесь не менее сорока лет. Он из тех, кто составляет местное общество.

Детективы поблагодарили владельца прачечной за помощь, хотя он еще раз пытался разузнать, в чем же дело. Единственный ответ их заключался в том, что он должен молчать и никому не сообщать об их визите.

Блюм и Крейн, вернувшись к своей машине, выехали на боковую улицу, которая вела к центру города. Затем они проехали под старой аркой, немного по главной улице и свернули налево. Брент-стрит находилась к востоку от церкви. Машину затрясло на булыжной мостовой, составлявшей последние двести ярдов дороги — поверхность, характерная для улиц Кентонли, придававшая им живописность, и убийственная для автомобильных тормозов и рессор. Они вышли из автомобиля и отправились к дому Дж. Эндрюса пешком.

Дом был георгианского стиля с садом, окруженным стеной. Это говорило о значительных средствах, если не о богатстве.

— Ну ладно, — произнес Блюм после того, как закончил внешний осмотр здания. — Позвони инспектору и сообщи о результатах. Скажи, что я остался здесь.

Крейн отправился выполнять поручение, а Блюм прошел дальше до крепостного вала — развалины которого напоминали

об античных временах, — обратил свой взор в сторону Кентонли Марш — Кентонлийской Пустоши — плоского до необычайности пространства земли, которое он так обожал.

В небо с криками взмывали молодые грачи, видимо, еще совсем недавно вылетевшие из гнезда. В невидимых воздушных потоках купались морские чайки. Вскоре вернулся Крейн.

Анчер приехал в своей машине. Он вышел из нее, переговорил с Блюмом и посмотрел на дом, окна которого были закрыты белыми ставнями.

— Мистера Эндрюса мы хорошо знаем. Это живая история, — сказал Анчер.

— Неужели? — быстро спросил Блюм. — Неужели он так известен, как сказал владелец прачечной?

— Два месяца назад, десятого марта, Дж. Дж. Эндрюс пришел в полицейский участок и сообщил о пропаже своего плаща. Он был украден, пока Эндрюс сидел в своей любимой чайной, где съел три кусочка хлеба с малиновым вареньем, два сладких пирожка и выпил две чашки чая, — произнес инспектор тоскливо-насмешливым тоном. — Эндрюс так давно стал уважаемым человеком, что если вы обвините его в чем-то незаконном, то не сможете ничего доказать.

Ясно было, что Анчер считает, что найденный в автомобиле носовой платок ни к чему не привел.

В сопровождении двух своих коллег Анчер пересек булыжную мостовую и подошел к железной калитке. Открывая ее, он подумал, как бы хорошо удалиться на покой в такой же домик, где честная жизнь даже кирпичам придает атмосферу мира и спокойствия. Он вздохнул, потому что прекрасно понимал, что никогда не сможет позволить себе такую роскошь.

Он постучал в дверь.

8.38 вечера

Моррисон, владелец угнанного «остина», высокий мужчина с худым холодным лицом, выражение которого не менялось, даже когда он улыбался, в гостиной своего дома разговаривал с сержантом полиции.

— Я именно тот человек, который вам нужен? Вы в этом уверены? Вы меня немедленно арестуете и отправите в тюрьму?

— Ну что вы, сэр, — ответил сержант. — Просто мне необходимо снять отпечатки ваших пальцев. Мы нашли один отпечаток в вашей машине, и нам необходимо провести сравнение. После этого, сэр, мы, естественно, ваши отпечатки уничтожим.

— Значит, они точно не попадут в коллекцию жуликов? Когда же мы будем проделывать эту мерзкую процедуру?

Сержант улыбнулся. Ему инстинктивно нравился Моррисон, хотя он терпеть не мог людей, которые вели себя с наигранным легкомыслием, когда имели дело с полицией.

— Мы это можем проделать в любом месте, сэр. Главное, чтобы у нас была ровная поверхность стола. В таком случае я просто достану все необходимое.

— Ну что ж. Тогда я готов, — сказал Моррисон, снимая пиджак.

Детектив открыл свой небольшой кожаный чемоданчик, взял оттуда два листочка белой, покрытой специальным составом бумаги, отполированную металлическую пластинку, резиновый ролик и тюбик печатной краски. Все это он разложил на столе. Он выдавил немного краски на пластинку и разровнял ее с помощью ролика.

— Расслабьтесь, сэр. Не напрягайте пальцев и не шевелите ими. Я сам все сделаю. Сперва большой палец правой руки, а затем все пальцы по порядку.

Моррисон протянул правую руку, и сержант большим указательным пальцем своей руки взял его большой палец, прижал его к металлической пластинке и несколько раз пошевелил его. Затем он прижал этот палец к листу и получил четкий отпечаток.

Точно такая же операция была осуществлена со всеми остальными пальцами правой руки, а затем сержант перешел к левой. Моррисон печально смотрел на свои пальцы.

— Вода с мылом смоем всю краску, сэр.

Сержант написал полное имя Моррисона на каждом из листов, затем осторожно сложил все свое оборудование, особенно обратив внимание на то, чтобы покрытая краской пластинка была хорошо упакована в пластиковый пакетик.

Три минуты спустя сержант покинул дом и направился к ожидавшей его патрульной машине. Он сел в машину и протянул водителю два листка бумаги с отпечатками пальцев.

— Доставьте это в Скотленд-Ярд как можно скорее.

— Они будут там раньше нас, сэр, — шутя ответил полисмен, сидевший за рулем.

— По дороге забросите меня домой. Это как раз по пути.

Водитель включил зажигание, и машина тронулась с места. После того как шофер высадил сержанта у его дома, он вынужден был особенно сосредоточиться, потому что ему предстояло за кратчайший срок покрыть расстояние примерно в двадцать миль, пробираясь через лабиринт улиц, ведущих к Новому Скотленд-Ярду.

Как только отпечатки были доставлены в Ярд, их отправили в дактилоскопический отдел. Сперва их сверили с отпечатками пальцев осужденных преступников, чтобы убедиться, что Моррисон действительно уважаемый человек и у него нет преступного прошлого. Затем два кусочка бумаги были разложены на столе под сильным прямым освещением, а между ними была положена увеличенная фотография одного-единственного отпечатка, найденного в «остине».

После тщательной проверки сержант полиции пришел к заключению, что отпечаток, найденный в автомобиле, и отпечаток

указательного пальца правой руки Моррисона идентичны, но, чтобы снять все сомнения, он сверил их под микроскопом. Сомнений не было: оба отпечатка принадлежали одному и тому же лицу — владельцу автомобиля.

9.00 вечера

Роджер Дани в нетерпении вышагивал по кабинету. Поступавшие со всех концов рапорты давали один и тот же ответ — отрицательный. Носовой платок, как оказалось, принадлежит человеку, которого местная полиция даже заподозрить не может в похищении детей. Отпечаток пальца был оставлен настоящим владельцем автомобиля. Сигаретные окурки свидетельствовали о том, что один из похитителей имел редкую группу крови — АБ. Ну и что из этого? Таких ведь в стране два с половиной миллиона.

До суда оставалось тринадцать с половиной часов.

9.03 вечера

В массовых поисках, начавшихся после 7.30 вечера и охвативших Кент, Сассекс, Суррей и Южный Лондон, район, площадью 2 444 315 акров, полиция приступила к чрезвычайно трудной работе по выявлению аптеки, где недавно продавали эфир. Некоторые из аптек все еще работали. В одной из них полиция, казалось, повезло. Это произошло на Хай-стрит в Хертоне. На вопросы заглянувшего к нему полицейского владелец аптеки Макканди, человек в очках с толстыми линзами, сказал:

— Да, я продал немного эфира.

— Когда?

Макканди почесал подбородок.

— Наверное, дня четыре назад. Зашел какой-то человек и попросил четыре унции эфира. Я всегда настороженно отношусь к таким вещам, поэтому и поинтересовался, для какой цели ему это нужно. Он ответил, что забрызгал жиром весь свой костюм, а химчисткам он не доверяет. Ну я и продал ему эфир.

Полисмен вытащил записную книжку.

— Имя его вам известно?

— Нет. В этом не было необходимости.

— Могли бы вы описать его?

— Невысокого роста. Дюйма на два ниже меня.

— Чисто выбрит?

— Послушайте, об этом бесполезно говорить. Вы должны понять, что я бы оказал вам помощь, если бы мог, но у меня здесь довольно неплохо идет торговля, и в аптеке всегда есть несколько покупателей. Когда этот человек купил эфир, уже стояла небольшая очередь за своими лекарствами, так что у меня просто физически не было времени рассматривать этого мужчину.

— Может быть, у него были какие-нибудь физические особенности? Не помните?

— Нет.

— А цвет волос?

— Черные, скорее даже темно-каштановые. Неужели вы не понимаете? Я очень занятой человек и не могу помнить каждого входящего через эти двери. Люди всегда себя плохо чувствуют, пока не купят массу разноцветных пилюль.

— Значит, вы считаете, что ничем не можете мне помочь?

— Я его помню очень смутно. Если бы я встретил его на улице, я, может быть, узнал бы его, а может быть, и нет.

— Последний вопрос. Во что вы налили эфир?

— В бутылочку. Во что же еще?

— А что это за бутылочка?

— Обыкновенная, с притертой пробкой.

— Какой диаметр у горлышка?

Макканди в удивлении открыл рот.

— Диаметр горлышка? Неужели это может иметь какое-то значение?

— Может, у вас есть аналогичные бутылочки?

— Да, есть. Они у меня наверху.

— Покажите мне, пожалуйста, одну из них.

Макканди вышел из комнаты и через пару минут вернулся. В руке у него была бутылочка с широким горлышком. Полисмен измерил внешний и внутренний диаметр горлышка, записал эти цифры и вышел из аптеки. Затем позвонил в свой полицейский участок, а оттуда эти данные поступили в Скотленд-Ярд.

Судя по пятнам на платке, они соответствовали горлышку такой бутылки. Полученные данные были посланы в Стенхёрст, а также в Хёртон с просьбой опросить еще раз Макканди и попросить его приехать в Лондон для опознания человека, которому он продал эфир, по фотографиям преступников. Когда к Макканди обратились с подобной просьбой, он сперва ответил категорическим отказом, но настойчивые просьбы со стороны полиции в конце концов убедили его, и он сел в патрульную машину, которая на всей скорости понеслась в Лондон.

Зевая от усталости, напичканный кофе и сэндвичами, он провел всю ночь, просматривая десятки, сотни, тысячи фотографий, но человека, которому он продал эфир, на них не оказалось.

ГЛАВА 9

9.05—11.54 вечера

Опросили оптовых покупателей сигарет. Один из них — из Брайтона — показал полицейским свою партию товара, которая все еще находилась на складе. Другой же — из Кентона — продал уже половину своей партии и представил список

из шести магазинов, которые он обслуживал. Два магазина находились в Кентонли, остальные — в Джолси, Нетертоне, Эйлингсе и Прескомби.

Опросили и торговцев сигаретами. На них след и обрывался. По вполне понятным причинам они даже понятия не имели, кому продали именно эту конкретную пачку сигарет «Синье Сервис».

9.34 вечера

Уэстон бросил взгляд на часы. Они смотрелись невероятно крошечными, чуть ли не игрушечными, на его огромной руке.

Вечером резко похолодало. На Уэстоне был шерстяной свитер неопределенного грязного цвета, будто он только что закончил мыть очень грязную машину. На полу рядом с его шатким деревянным стулом стояли четыре пивных бутылки, три из которых он уже осушил. Уэстон потянулся за бутылкой, открыл ее и, не успев сбегать пена, приложился к горлышку.

Затем он закурил сигарету и сказал:

— Как ты себя чувствуешь, малец?

— Хорошо.

— Проныра сказал мне: «Смотри, чтобы с мальчишкой все было в порядке». В конце концов нам не нужно, чтобы после возвращения к своим предкам ты говорил, что с тобой плохо обращались.

Он заржал.

— Так я вернусь домой? — недоверчиво спросил Питер.

Уэстон снова приложился к бутылке. Столкнувшись с необходимостью дать прямой ответ, он уже был не рад, что затеял весь этот разговор. Он терпеть не мог прямых вопросов. Ему с Пронырой обещали за работу семь тысяч фунтов. Что же касается лично его, он ни за что не притронется к этим деньгам, каковы бы они ни были. Похитить ребенка, а затем убить его — это не по нему! Конечно, его могут повесить за какое-нибудь убийство — при мысли о казни он ужаснулся, — но за такое! Проныра правит бал, он ничего не боится. А потом, уж если на то пошло, Проныра знает, как обходить закон. Что бы ни произошло с мальчишкой, Проныра найдет возможность выкрутиться. Не закону с ним тягаться! Тем более что полиция даже понятия не имеет, где они находятся. А папаша, чтобы спасти своего сосунка, будет молчать. Полиция никогда не узнает, что произошло похищение ребенка.

Уэстон еще раз приложился к бутылке. Раз уж Проныра за все отвечает, пускай и берет на себя ответственность за убийство мальчишки.

Питер понимал, почему нет ответа на его вопрос. Он еще раз внимательно осмотрел комнату. Она превратилась для него в комнату кошмаров; она издевалась над ним, стала олицетворением ужаса; она смеялась над ним, знала, что намного сильнее его. Однажды он читал рассказ Эдгара Аллана По, в котором

рассказывалось о комнате, стены которой постепенно сходились. Нечто подобное происходило с ним сейчас.

Но он был храбрым мальчиком, борцом по натуре, и нашел в себе силы преодолеть атмосферу комнаты и свой собственный страх. Где-то в отношениях между ним и Уэстоном должно быть слабое звено. Что бы сделали его любимые телевизионные супергерои, окажись они на его месте? Отвлекли бы внимание Уэстона буквально на какие-то доли секунды, а затем сбили бы его с ног?

Он должен найти выход. Должен!

9.35 вечера

Роджер Дани вернулся в полицейское управление Стенхёрста, прошел через общую комнату. Он был так погружен в свои мучительные мысли, что не сразу сообразил, что к нему обращаются, и машинально сделал еще несколько шагов. Затем он обернулся.

— Вам дважды звонили, сэр, — сказал дежурный сержант.

— Звонили?

— Да. Один звонок был междугородный. Звонили издалека. Звонивший не просил ничего передавать, сказал, что перезвонит позднее. А второй звонок был от вашей жены, миссис Дани, сэр.

— Благодарю вас.

Дани устало открыл дверь, вышел на лестницу и поднялся на второй этаж, пройдя к своему кабинету. Надо позвонить Элис. А что он ей скажет? Что дивизион «Z», как и десятки других дивизионов, работники управления и эксперты не в состоянии ничего сделать? Что сказать матери, у которой похитили ребенка?

Где Питер? Что с ним сделали? Кто его похитители? На них не смогли выйти даже через Меппама. Видимо, он оказался достаточно умен и постарался, чтобы эти негодяи не имели с ним абсолютно никакой связи.

Зазвонил телефон. Если это снова Элис, черт побери, что он ей скажет? Он поднял трубку.

— Где был?

Дани был уверен, что звонит Элис, и поэтому, когда услышал незнакомый пронзительный голос, от неожиданности просто опешил.

— Что? Кто говорит?

— Это Дани? Инспектор Дани?

Роджер сразу же понял, что говорит с одним из преступников. Он облокотился о стол и нажал кнопку. В общей комнате участка раздался сигнал.

— Кто это говорит? — продолжал Дани. Любым путем ему необходимо было затянуть этот разговор.

— А ты что, не знаешь? Такой умный коп и не знаешь?

— Мне ваш голос не знаком.

— Естественно, не знаком. Мы с тобой никогда раньше не разговаривали. Твой малец у меня.

— Вы... Где Питер?

— Наконец-то до тебя начинает доходить. Мальчишка? С ним все в порядке. Я тебе звонил, Дани, но тебя на месте не было.

— Я работал.

— И что же ты делал, к примеру?

Данну так и хотелось взорваться и сказать, что делал все, что в человеческих силах, чтобы отыскать преступников, но он прекрасно понимал, что делать этого нельзя, если кочет, чтобы Питер прожил еще хоть одну минуту. Ни о какой полиции не должно быть и слова.

— Расследовал кражу со взломом.

— Очень рад, что ты не теряешь духа и продолжаешь заниматься своим делом, несмотря на всю эту нервотрепку.

Дани почувствовал проблеск надежды. Говоривший по телефону прямо наслаждался своей властью над детективом. Если бы только ребята могли...

Открылась дверь, и в кабинет вошел сержант Энтони. Дани сделал ему знак рукой.

— Ну и поймали вы их?

— Кого? — ответил Дани, одновременно написав несколько слов на календаре.

— Ну, конечно, негодяев, совершивших кражу. Так поймали вы их?

Энтони прочитал записку и выскочил из комнаты.

— Да, мы их накрыли, — ответил Дани.

— Небось считаешь себя ужасно ловким. Но тебе это все равно не поможет. Меня ты не поймаешь. А если ты доберешься до меня или окажешься поблизости, с твоим сопляком что-нибудь обязательно произойдет. Надеюсь, понимаешь?

— Да.

— С твоим мальчишкой очень много возни, но я иду на это.

— Как он?

— Я знал, что ты задашь мне этот вопрос, поэтому решил — буду с тобой по-хорошему, несмотря на то, что ты — коп. Дам возможность мальчишке сказать своему папаше несколько слов, чтобы тот не беспокоился.

— Так Питер с тобой?

В общей комнате участка Энтони говорил по телефону:

— Сделайте все возможное, чтобы узнать, откуда звонят, мы постараемся затянуть разговор.

Энтони положил трубку. Сообщать о разговоре инспектору не было необходимости; тот прекрасно знал, что надо делать.

— Питер, ты меня слышишь? — продолжал разговор Дани в своем кабинете. — Слышишь? Питер, ты меня слышишь?

Затем в трубке раздался щелчок, и Дани услышал родной, такой знакомый, голос.

— Пап, со мной все в порядке, почти в порядке. Они обещали, что со мной ничего не случится, если ты сделаешь так,

как они скажут. Пожалуйста, сделай так, как они говорят, чтобы мы могли на следующей неделе вместе отметить мой день рождения и ты подарил бы мне модель самолета, которую обещал.

— Питер, — закричал Дани, — где... — Но тут вмешался в разговор пронзительный насмешливый голос.

— Время кончилось, мистер. Мальчику ведь пора спать, ты со мной согласен?

— Я...

— Ты не забыл, что тебе завтра выступать в суде?

— Не забыл. Я сделаю все возможное.

Дани пытался припомнить интонации голоса своего сына.

— Прекрасно, просто прекрасно. Раз коп говорит, что делает все, что в его силах, он действительно сделает. Как-то теплее и веселее становится на душе от таких слов. — После короткой паузы преступник добавил: — Не забывай, мы расправимся с твоим мальчишкой, если сделаешь все иначе. Не забудешь?

— Но я не могу...

Дани замолчал, потому что услышал в трубке короткие гудки. Он медленно положил трубку на рычаг. Голос Питера звучал не так, как обычно по телефону. Он изменился. Ясно, это была запись. Вновь похитители показали, что рисковать не собираются.

Дани устало поднялся на ноги. Он вышел из кабинета и по коридору прошел в общую комнату. Как раз в этот момент Энтони закончил разговор по телефону.

— Ну что? — спросил Дани, чуть ли не затаив дыхание.

Энтони отвел глаза в сторону.

— К западу от Лондона, сэр. Где-то в районе Илинга.

— А уточнить они не могли?

— Как только я связался с телефонистом, он проверил номер телефона, который указал говоривший, заказывая разговор. Оказалось, что номер — ложный. Это номер аппарата в телефонной будке, которая не работает. Выяснить настоящий номер звонившего они не успели — им не хватило времени.

— И здесь эти типы нас провели, — пробормотал Дани упавшим голосом.

11.54 вечера

Суперинтендант Эллисон, очень уставший душевно и физически, работал не покладая рук с девяти часов утра, однако по его внешности догадаться об этом было невозможно — он, как всегда, был подтянут и энергичен. Он взял лежавший перед ним лист бумаги, прочитал все, что было на нем написано, положил его обратно на место и немигающим взглядом уставился в поверхность стола.

— Ну и что же мы имеем?

Данн моментально почувствовал, как его охватывает полнейшее отчаяние. Ему ужасно хотелось вырваться из всего этого кошмара. Но он взял себя в руки, расправил плечи. Что бы ни случилось, он будет продолжать свою борьбу до конца.

— Похоже, мы получили все сообщения, сэр.

— Блокирование дорог. Результат отрицательный. Связи Меппама — тоже отрицательный. Отпечатки пальцев. Отрицательный. Что же касается остального...

Эллисон замолчал.

Данн наклонился вперед, чуть не раеплескав кофе.

— Остальное, сэр, наводит на кое-какие выводы.

— Какие именно?

— Плащ выкрали в Кентонли, эфир был куплен в Хёртоне, сигареты — в Кентонли, Джолси, Эйлингсе, Нетертоне или Прескомби. Все в одном районе, сэр. В районе с центром где-то между Хёртоном и Кентонли.

— Ну и?

— Это означает, что похитители Питера живут где-то в этом районе.

— Вполне разумно.

— И если они проживали там раньше, наверняка они живут там и сейчас.

— Вы забываете о двух телефонных звонках — из Гершама и к западу от Лондона.

— Эти преступники — не любители. Понимая, что можно выяснить, откуда звонок, они предприняли элементарные меры предосторожности и звонили из другого района, чтобы полиция не могла выйти на местонахождение Питера.

— Автомобиль был украден в Бексли.

— Та же самая причина, сэр.

Эллисон встал и смахнул пепел со своего пиджака.

— Я буду с вами откровенен, Данн. Вполне возможно, что преступники до похищения вашего сына действительно проживали в районе между Хёртоном и Кентонли, на что указывают и эфир, и сигаретные окурки, но там могла быть их временная база...

— Надо не забывать самый важный из всех фактов, сэр, — прервал его Данн. — Плащ украли в Кентонли десятого марта, за четыре дня до того, как Меппам ограбил банк и убил кассира. Преступники наверняка проживали в этом районе раньше, совершенно не подозревая, что им придется совершить похищение ребенка.

— Они могли выкрасть носовой платок после четырнадцатого марта у человека, укравшего плащ десятого.

— Нет, сэр. Ну кто же покусится на платок?

Эллисон вернулся на свое место, заглянул в чашку и увидел, что она пуста.

Он согласился с Данном. Все свидетельствовало о том, что преступники проживали в районе Хёртон — Кентонли, причем

задолго до ограбления банка. Хорошо, подумал он, предположим, что так и было. Предположим, что они все еще скрываются там вместе с мальчиком? Как отыскать, всего за несколько часов до суда, этот дом? Район огромный, тысячи акров земли, сотни домов. Как определить точные границы поиска?

— У меня с собой карта, сэр, — сказал Дани. Вынув ее из кармана, он разложил ее на столе перед суперинтендантом. — Вот район, где они, по моему мнению, проживают. Я высчитал, что расстояние между Хертонем и Кентонли вдвое меньше расстояния до ближайших городов, где они наверняка отовариваются.

Эллисон поднял голову.

Роджер Дани не сводил глаз с карты.

— Я знаю, сэр, — продолжал он с горечью, без всякого вдохновения, — что, даже если я прав на все сто процентов, мы не сможем обыскать все дома в этом районе за те несколько часов, что у нас остались.

Суперинтендант ничего не ответил.

— Глядя на эту карту, мы почти уверенно можем утверждать, что Питер находится где-то между этой параллелью и побережьем, но сделать мы практически ничего не можем.

— Ничего, если перед началом поисков нам ужасно не повезет. Может быть, раздобудем какую-нибудь новую информацию.

— Откуда? Мы воспользовались всеми возможными каналами, рассмотрели все возможные нити, а в конце концов осталась только эта карта и несколько отметок на ней.

Дани в отчаянии уставился на карту, как бы пытаясь понять секреты, которые она скрывала.

— Может, вы что-нибудь упустили? — с трудом выдавил из себя Эллисон.

— Ничего я не упустил, сэр.

«Да, — подумал суперинтендант, — ты ничего не упустил, но ключ к разгадке навсегда останется тайной».

ГЛАВА 10

3.33—3.47 утра

Все погрузилось в сон. Только временами — то тут, то там — вспыхивали огоньки, как бы напоминая о том, что жизнь продолжается. Зловеще кричали совы, лаяли и визжали лисы, коровы и овцы терпеливо ожидали рассвета. В Стенхёрсте улицы были пустынные, но освещенные фонарями мостовые и тротуары подавали надежду, как бы напоминая о том, что скоро они все заполнятся машинами, автобусами, грузовиками, велосипедистами и пешеходами.

Роджер Дани вышагивал по своей спальне. Элис глядела на него, возможно молчаливо укоряя за бездействие. Ему это не было известно. Вернувшись к себе в кабинет после разговора с Эллисом, он почувствовал, что силы покидают его, что голова просто раскалывается, и решил, что необходимо урвать хотя бы парочку часов сна, чтобы прийти в норму. Но в жизни не всегда все происходит так, как надо. Едва он лег в постель, как сна как не бывало. В голову лезли разные мысли, от которых она кружилась.

Он встал, подошел к окну и, чуть отодвинув портьеру, взглянул на улицу. В ночном Стенхёрсте было какое-то очарование, которое совершенно исчезало при свете дня. Беспорядочно разбросанные здания, формы которых расплывались, казалось, образуют таинственные, загадочные линии.

— Он где-то там, — неожиданно сказал Дани, обратив свой взгляд на юго-запад.

— Ты этого не можешь знать.

— Он наверняка там. Я уверен. Все следы ведут туда.

— Во сколько начинается суд?

— В десять или десять тридцать. Я точно не помню.

— И когда тебя вызовут для свидетельских показаний?

— Сразу же после речи прокурора. Наверное, около двенадцати.

— Что ты собираешься говорить, Роджер?

Что он собирается говорить? Что признание Меппама было получено путем угроз с его стороны? Пойдет ли он на это в надежде, что похитители освободят Питера?

Его разум бунтовал, отказываясь сосредоточиться на этой мысли. Дани смутно чувствовал, как собака чувствует кость, что что-то не так. Он пытался заставить себя думать, но разум отказывался повиноваться ему.

Он слышал голос Питера по телефону. Почему он все время мысленно возвращается к этому разговору? «Пап, со мной все в порядке, почти в порядке». Видимо, они били его, но сказать этого он не мог. «Они обещали, что со мной ничего не случится, если ты сделаешь...» Они обещали! Пустые слова. «Пожалуйста, сделай так, как они говорят, чтобы мы могли на следующей неделе вместе отметить мой день рождения и ты подарил бы мне модель самолета, которую обещал». На следующей неделе?

Дани быстро повернулся к жене.

— Когда день рождения Питера?

— Двадцать первого октября.

— Он знает об этом?

— Конечно, знает. Роджер, ты что, с ума сошел?

— Нет, я не сумасшедший, но когда я услышал его слова, я не сразу обратил внимание на некоторые из них. Питер сказал, что его день рождения на следующей неделе.

— Он, наверное, так испугался...

Данн покачал головой.

— Даже из страха он не сказал бы этого. Я абсолютно уверен, что он пытался мне что-то передать. Он прекрасно знает, что мы помним о том, что его день рождения не на следующей неделе, но похитителям это ведь неизвестно? — Его голос зазвенел от возбуждения. — Нам надо подумать, Элис. Почему он нам намекает на свой день рождения? Чего он этим добивался?

Миссис Данн задумалась, почувствовав благодарное облегчение. Наконец-то, после стольких часов ожидания и неспособности оказать своему сыну помощь, у нее появился шанс хоть чем-то быть полезной.

— Может быть, это как-то связано с датами?

— «Следующая неделя» мне ни о чем не говорит.

— И мне тоже, — медленно призналась его жена.

— И все же Питер говорил о следующей неделе.

— Может, здесь какой-то косвенный намек?

— Но какой?

— Помнишь, о его дне рождения мы говорили вчера утром.

— Вчера утром? — Данн потер лоб. Неужели уже прошло почти двадцать четыре часа?

— Питер рассказывал о том, как собирается истратить пять фунтов, которые дал ему дядя Джордж, и говорил, что мечтает купить мотор для самолета.

— А в своем послании он говорит о модели самолета, которую мы якобы обещали ему, хотя на самом деле мы ему этого не обещали! Значит, есть какой-то смысл в моделях самолета или просто в самолетах. Не могу понять, как...

Данн сел на край кровати и задумался, пытаясь осмыслить факты. Затем он вновь заговорил, на сей раз торопливо.

— Но самолеты могут иметь значение только в том случае, если он постоянно их видит или слышит, то есть находится рядом с аэродромом. А может быть, его действительно прячут где-то поблизости от аэродрома? Но в стране десятки аэродромов. Но нам известно, что он наверняка находится в районе между Кентонли и Хертонем, а там есть только один аэродром, близ Хертоня. «Клауд Топ Эруэйз». Самолеты с него летают на Континент¹. Во время сезона рейсы следуют один за другим. И что самое главное, Элис, он должен находиться где-то по соседству с аэродромом, так как самолеты вряд ли летают в глубь страны. Они совершают только перелеты через море. Еще не все потеряно, Элис! Может быть, мы найдем его!

3.39 утра

Питер наблюдал за Уэстоном — подбородок последнего медленно уткнулся в грудь. Огромный рот полуоткрылся, раздались булькающие звуки, угрожающие перерасти в храп.

¹ Так англичане называют материковую Европу.

Питер слегка откинул одеяло, которым был укрыт. Он поднялся, но тут кровать предательски заскрипела. Мальчик застыл, затаив дыхание. Уэстон что-то пробормотал во сне и захрапел вовсю.

Питер повернулся и спустил ноги на пол. Очень медленно поднялся. Вновь кровать скрипнула. Мальчику показалось, что раздались удары грома. Он был весь напряжен, чувствовал, как сильно бьется сердце. Он сделал шаг вперед. Огромный мужчина продолжал храпеть. Еще шаг вперед. Заскрипел пол. Никогда Питер не слышал столько шума. Казалось, в мире ничего не осталось, кроме шума.

Дверь комнаты была заперта, а ключ находился в правом кармане пиджака этого громилы. Питер понимал, что надо как-то вытащить ключ.

Мальчик боялся того, что может произойти. Он понимал, что огромный мужчина способен на жестокость. Он уже отчасти испытал ее, тело его до сих пор болело. Он мысленно представлял себе, что с ним произойдет, если этот громила взбесится. И все же, дрожа от страха, он заставлял себя делать то, что он задумал. Совершенно не сознавая этого, он проявлял удивительную храбрость.

Он был от Уэстона на расстоянии вытянутой руки. Огромная туша спящего мужчины вызывала благоговейный трепет, подобный тому, что бывает на оклоне ужасного вулкана, извержение которого может начаться в любую минуту.

Мальчик протянул руку и осторожно коснулся правого кармана пиджака, чувствуя очертания ключа. Страх его был так велик, что он чуть было не окаменел.

Ключ у него стал ассоциироваться с самой жизнью. Не дыша, он осторожно запустил руку в карман, все дальше и дальше опуская ее вниз. Он должен достать этот ключ, просто обязан!

В этот момент неожиданно раздался удар в дверь. Мальчик вздрогнул и отпрянул назад, как будто его ударили. Вытаскивая руку из кармана, он случайно задел Уэстона, который ментально проснулся.

Глаза Уэстона сузились, когда он увидел, как Питер быстро отдергивает руку. Похититель сразу сообразил, в чем дело. Мальчишка пытался сбежать. Уэстон так взбесился, что у него было лишь одно желание — выбить из сопляка всю дурь. Он сжал огромные кулаки.

Питер отступил на два шага назад. Он потерпел поражение и должен заплатить за это ужасную цену.

В дверь раздались еще два сильных удара.

— Открой! — крикнул Эванс.

Питер отступил к кровати и уселся на нее. Уэстон вскочил на ноги, бросил взгляд на мальчика, с трудом сообразил, в чем дело, вынул из кармана ключ и открыл дверь.

Проныра Эванс ворвался в комнату и недовольно уставился на Уэстона.

— Ты спал, — рявкнул он, захлопнув за собою дверь.

Уэстон, бросив взгляд на Питера, облизал губы.

— Я... я не делал ничего подобного, Проньера.

— Ты так храпел, что я сперва подумал, что по дороге идет целая гвардия копов.

— Честно говорю тебе, я не спал. Спроси хоть у мальчишки, если мне не веришь.

Питер медленно покачал головой. Он сразу же понял, что по странному стечению обстоятельств он стал вдруг партнером Уэстона и что взбучка, которую он ожидал, по всей видимости, откладывается.

Проньера Эванс с подозрением посмотрел на Питера, хотел, казалось, что-то сказать, затем повернулся к Уэстону и про-
изнес:

— Иди-ка вниз, поспи. Я за тебя подежурю.

Уэстон не заставил себя ждать. Он торопливо вышел из комнаты, прикрыв за собою дверь. Эванс запер дверь на ключ, который положил в карман своих брюк, затем сел на стул, вытащил из кармана пиджака перочинный ножик и стал чистить свои ногти.

Питер лежал на кровати, голова его была как в тумане. Он был всего в шаге от спасения, но и здесь судьба сыграла с ним шутку. Больше надежды не было. Этот маленький человек слишком опытен и спать не будет.

Питер совершил свою последнюю попытку и потерпел поражение.

Только сейчас мальчик стал чувствовать полнейшее отчаяние.

3.47 утра

Впервые суперинтендант Эллисон не был таким безупречным. На нем были старые фланелевые брюки и свитер с воротником. Подбородок его покрылся небольшой щетиной. Глаза красные, лоб испещрен морщинами.

— Вы говорите, что Питер находится где-то у аэродрома?

— Да, сэр. Если я правильно понял его послание, сэр, он должен быть там, — уверенно ответил Дани. — Нам следует начинать поиски.

Раздался стук в дверь, и в кабинет суперинтенданта вошел полицейский с двумя чашками чая в левой руке. Он поставил их на стол.

— Благодарю вас, — сказал Эллисон. Полицейский вышел.

Эллисон и Дани выпили чай, который, казалось, влил новые жизненные силы в их уставшие тела.

Эллисон пересек комнату и уставился на висевшую на стене карту.

— Это должна быть комбинированная операция.

Указательным пальцем он обозначил границу вокруг аэродрома, концы которой упирались в побережье.

— Допустим, что ваши выводы верны, Дани. Перед нами все равно встают проблемы, ведь так? Район достаточно большой, самолеты могут идти на посадку не по прямой, а полукругом. Следовательно, шум от них будет расходиться на значительное расстояние.

— Вы правы, сэр, — согласился Дани, хотя по голосу чувствовалось, что это ему не нравится.

— Сможем ли мы задействовать достаточное количество людей, чтобы осуществить поиски в оставшееся у нас время?

— Мы должны попытаться.

— Есть и еще проблема, вы это понимаете? Если мы начнем поиски в таком огромном районе, в центре которого вдобавок ко всему расположен город, слухи о них опередят нас. И, предположим, произойдет самое страшное, об этом станет известно похитителям. Что, если они?..

— Разделаются с Питером, чтобы он не мог свидетельствовать против них? — закончил за него Дани.

— Это вполне возможно. Они могут решить, что без ребенка им удастся пробраться через оцепление.

— Я так не думаю, сэр. Если мы действительно начнем теснить их, единственное, о чем они будут беспокоиться, — это как бы спасти свои шкуры.

— Надеюсь, что вы правы, Дани.

— У нас есть еще одна нить, сэр.

— Вы имеете в виду группу крови, о которой мы узнали после экспертизы сигаретных окурков?

— Вот именно, сэр. Раньше это не имело значения, потому что, если один из преступников имеет группу AB, то необходимо было проверить пять процентов населения, в то время, как для проверки даже незначительного числа требуется дни и недели, а не считанные часы, имеющиеся в нашем распоряжении. Но сейчас у нас определенный, ограниченный район, и пять процентов населения в нем составят незначительное число.

— И вы надеетесь...

— Вопреки всем сомнениям я почему-то уверен, что этот преступник совсем недавно обращался либо в больницу, либо к врачу, и при этом ему делали анализ крови.

— Ну что ж, может быть, — пробормотал суперинтендант. — Может быть...

ГЛАВА 11

4.18 утра — 12.33 дня

Были срочно вызваны детективы. Вместе с патрульными полицейскими они получили свои задания. Полицейским машинам было приказано в полном составе на полной скорости двинуться на юг. В управлении полиции графства, в кабинете по руководству операциями, прошло совещание под руководством супер-

интенданта Нерри, где была рассмотрена сложившаяся ситуация и разработан план связи с отрядом, расположенным в районе поисков.

Большинство из жителей еще спали и видели сны, не имея даже понятия о том, что происходит вокруг, когда были мобилизованы полицейские силы двух графств.

Одновременно проводился опрос персонала больницы. Была запрошена информация о людях с группой крови АБ. Работники медицинских учреждений были не слишком-то довольны этим, заявляя, что такую работу невозможно проделать за какой-то час, но, узнав, в чем дело, они безропотно приступали к просмотру многочисленных историй болезни. Разбудили частнопрактикующих врачей, которых попросили просмотреть списки своих пациентов. И даже если у такого доктора было не более трех с половиной тысяч больных, задача его была воистину геркулесовой.

6.12 утра

Лицо молодого нигерийского врача было испещрено ритуальными шрамами. Однако, несмотря на то, что он родился в тропиках, он был талантливым и знающим специалистом. Если бы он пожелал остаться в Англии, он мог бы сделать хорошую карьеру, но он уже давно решил вернуться в свои родные края, чтобы принести облегчение всем, кто нуждается в его помощи.

Он отвечал на вопросы полицейского с легким акцентом.

— Два месяца назад, если не ошибаюсь, во время моего ночного дежурства, как раз перед полночью, сюда привезли одного мужчину.

— Ну и? — нетерпеливо подсказал полицейский, который ужасно торопился. Ему предстояло опросить еще много людей.

Доктор спокойно улыбался. Вечно эти англичане спешат!

— Это был очень большой мужчина, весом более двухсот фунтов. Да, точно, более двухсот.

— Ну и почему вы его запомнили?

— Вне всякого сомнения, он участвовал в поножовщине и получил два ранения ножом, потеряв при этом много крови. Зрелище было не из приятных. Он явно был встревожен, чего-то боялся. Я это сразу же заметил, хотя он, конечно же, утверждал, что порезался сам, совершенно случайно. Полиция не смогла доказать обратного. Я помню, один полицейский еще сказал, что, поскольку он и ударивший его одного с ним полягоды, то стоит ли беспокоиться?

— Брали ли у него анализ крови?

— Да, поскольку ему необходимо было сделать переливание. Выяснилось, что группа крови у него — АБ. Я все это запомнил, потому что для меня было как-то непривычно в этой части света видеть ножевые раны и брать по этому поводу анализы крови.

Детектив даже не пытался скрыть своей заинтересованности.

— Где бы мне разыскать имя и адрес этого человека?

— Думаю, в истории болезни, которая наверняка имеется в больнице. Кстати, и у вас должны быть сведения на него, ведь этим делом занималась полиция.

— Все понял, постараюсь выяснить. Огромное вам спасибо. Ради бога, простите, что побеспокоили вас так рано, доктор.

— Ну что вы, что вы, все в порядке. Уверяю вас, сэр.

6.28 утра

Входя в общую комнату участка в Стенхёрсте, полицейский зевнул, подумав при этом: «Ну какого черта понесло меня в эту полицию! Никогда выспаться не дадут!»

— Где инспектор?

— У шефа. Четыре чашки чая за последний час. Каждый из них! Удивительно, куда у них все это влезает!

Полицейский прошел к кабинету суперинтенданта, постучал и вошел в комнату.

— Да? — рявкнул Эллисон.

— Только что звонили из Хертонa, сэр. Они выявили человека, который два месяца назад поступил в Хертонский госпиталь с ножевыми ранениями. Группа крови у него АВ. Какое-то время им занималась полиция, но ей не удалось опровергнуть его заявление, что он случайно поранился кухонным ножом.

Данн, сидевший в одном из кресел, подался вперед.

— Как его зовут?

— Он пытался утверждать, что его фамилия — Смит, но в полиции установили, что он — Уэстон.

— Где он живет?

— Хермидадж-Коттедж, Литтл-Стьюксли, близ Хертонa, сэр.

Эллисон и Данн быстро вскочили на ноги и склонились над крупномасштабной картой, лежавшей на столе. Несколько секунд спустя суперинтендант ткнул пальцем.

— Вот Литтл-Стьюксли, всего в полумиле от аэродрома!

Роджер Данн уставился на карту. Сердце у него екнуло, Эллисон поднял трубку телефона.

Дежурный полицейский в радиоконате, расположенной в штабе поисков, быстро убедившись, что работают все передатчики, взял микрофон.

— Вызываются все машины в радиусе ПДЗ. Им предписывается немедленно следовать в район «Т». Машина Роджера Уилко блокирует дорогу. Как слышите?

— Говорит суперинтендант Краун. Вышлите немедленно десять человек в район «Т».

— Говорит помощник начальника управления полиции. Сколько людей вы направляете в район операции? Постарайтесь выслать побольше, суперинтендант. Как можно больше.

— Все машины, на связи! Вы заняли исходные позиции? Роджер Уилко, блокируйте дорогу!

7.17 утра

День вновь занимался прекрасный. Солнце согревало местность, медленно освобождающуюся от ночных теней. На огромных зеленых пастбищах появились отары овец. Цапли высокомерно окидывали взглядом окрестности, стоя на одной ноге. Черные вороны в поисках птичьих гнезд устремились вниз, к зарослям тростников.

Солнечные лучи упали на Хермидадж-Коттедж, немилосердно подчеркивая выбоины и трещины в покрытых штукатуркой стенах, нехватку шифера на южной стороне крыши, две поломанные рамы в окне на первом этаже в правой части дома. Этот дом никогда не отличался особой красотой, но сейчас он превратился чуть ли не в развалину.

В четырехстах ярдах от дома располагался сарай, наполовину заполненный сеном. Наверху сена лежал Дани с мощным биноклем в руках. Он изучал окна Хермидадж-Коттеджа. Вдали за его спиной раздался шум моторов. Самолеты готовились подняться в небо.

Осматривая в бинокль дом, Дани не обнаружил ничего интересного, за исключением того, что одно из окон на втором этаже было тщательно закрыто.

Инспектор сдвинулся немного в сторону, наклонился вниз и позвал полицейского, стоявшего внизу у машины.

— Свяжитесь со всеми остальными.

— Слушаюсь, сэр.

Полицейский сел в машину, включил передатчик и взял микрофон. Минуты три спустя он вылез из машины и обратился к Дани.

— Есть только одно сообщение, сэр. Наши дозорные с восточной стороны видели в одном из окон мужчину. Очень трудно было разглядеть его, но одно не вызывает сомнения — это человек необычайно большой комплекции.

— Благодарю вас, — сказал Дани.

Он вновь забрался на вершину стога и уставился на дом, прожигая его взглядом и жалея, что не обладает способностями рентгена.

Время шло. По всей стране люди садились завтракать. Они гадали, что им ждать от предстоящего дня, и мысленно желали вновь оказаться в постели. Меппам вышагивал по камере, в душе надеясь на успех своего плана, однако время от времени ему почему-то становилось страшно.

Дани посмотрел на часы. До суда оставалось меньше двух часов. Инспектор подошел к лестнице и спустился вниз. Он про-

сигналил рукой полицейской машине, вышел на покрытую щебнем тропинку и прошел к шоссе. В машине сидел Эллисон.

— Пора переходить к делу, сэр, — сдержанно произнес Дани.
— Хорошо.

Дани махнул рукой, и к нему подошел сержант Квентон.

— Начинаем, — сказал Дани.

Квентон повернулся и, не говоря ни слова, пошел к припаркованной невдалеке еще довоенной спортивной модели «сингера».

Квентон поднял капот и открыл кран радиатора. Вода полилась на землю. Дав вытечь части воды, он закрыл кран, опустил капот и сел за руль. Он включил зажигание, послушал двигатель, выключил его и вновь включил.

На малой скорости он двинулся по шоссе. Вскоре над капотом заструился пар, а оставшаяся в радиаторе вода закипела, издавая булькающие звуки.

Квентон доехал до дорожки, сворачивающей к Хермидадж-Коттедж, остановился, выключил двигатель и вылез из машины. Он открыл капот, посмотрел радиатор, снял его крышку и почесал голову. Затем он бросил взгляд на дом и, пройдя по тропинке ярдов сто, постучал в его дверь.

Квентон служил в полиции уже много лет, но в данный момент он с трудом сохранял спокойствие, чувствуя как возбуждение, так и страх. Дело ведь предстояло иметь с убийцами. Одна ошибка с его стороны, и сын инспектора может погибнуть, прежде чем они успеют вмешаться.

Открылась входная дверь. Маленький, с крысиной мордочкой человечек уставился на него с явной враждебностью. Холодные, мрачные глаза внимательно взирали на спортивного типа куртку Квентона, на его яркий галстук, пеструю рубашку и темно-серые фланелевые брюки.

— Да? — последовал нелюбезный вопрос.

— Моя старая кляча напоминает выкипевший чайник. У вас хоть капля водички найдется? — с кривой усмешкой бросил Квентон. — Я, конечно, поступил как последний идиот — выехал из дома и не посмотрел, сколько воды в радиаторе. Совершенно забыл, что без воды она работать не будет.

Холодные голубые глазки бросили быстрый взгляд вправо, вверх по тропинке. Вверху стояла машина с поднятым капотом, откуда струился пар.

— Надо бы, чтобы вода была теплой, — легко продолжал разглагольствовать Квентон. — Если я сейчас налью в радиатор холодной воды, он просто развалится. А вы наверняка понимаете, как трудно ремонтировать такую машину, как у меня. И тут дело не в моей любви к ней. Деталей просто нет. Приходится искать даже на свалках.

Голубые глазки стрельнули по сторонам, затем уставились в сторону болота, прощупали близлежащие холмы и сосредоточились на дорогах.

— Хорошо, я дам вам воды, — сказал Эванс.

— Это очень любезно с вашей стороны. Я виноват, но у меня нет даже никакой посуды.

— Я пойду что-нибудь.

Дверь захлопнулась. Квентон в ожидании уставился на нее. Он физически чувствовал, как скрытые от взгляда коллеги следят за каждым его шагом.

Дверь открылась.

— Вот, пожалуйста.

Эванс протянул старый, с отбитыми краями, эмалированный кувшин с водой.

— Я вот говорю... Прошу еще раз прощения, но вы не можете мне помочь? Какой бы древней ни была моя старушка, но одному не справиться. В резиновом шланге есть краник, который нужно поворачивать точно в определенное время, иначе в систему попадет воздух, а если в «сингере» образуется воздушная пробка, то не дай бог! Вот почему мне нужна помощь.

Эванс был в нерешительности.

— Уверяю вас, много времени это не займет.

— Ну хорошо, — неохотно согласился Эванс.

По дорожке они прошли к машине.

— Эта машина так стара, что я нянчусь с ней как с младенцем. К несчастью, в этой старушке все старо, как мир.

Едва они заглянули под капот, как послышался шум автомобилей, набирающих скорость.

Эванс резко обернулся.

— Краник вон там, — сказал Квентон.

Совершенно машинально Эванс вновь заглянул под капот и бросил взгляд на двигатель.

Четыре машины с ревом подскочили к «сингеру».

С одного взгляда Эванс все понял, попытался рвануть назад, к дому, но его удержала сильная рука.

Эванс судорожно старался освободиться. Чтобы держать его, Квентону пришлось приложить все свои силы.

Машины с визгом затормозили. Из них выскочили мужчины как в полицейской форме, так и в гражданской одежде.

Роджер Дани подошел к Проньре Эвансу.

— У нас есть ордер на обыск этого дома. Есть основания подозревать вас в похищении Питера Дани.

— Я никогда не слышал этого имени. Никогда не...

— Если он окажется в этом доме, надеюсь, с ним ничего не случилось, — медленно произнес Дани.

Эванс вздрогнул и невольно отступил назад, насколько это позволяла хватка Квентона. Никогда еще не видел он такой холодной злобы.

Полицейские окружили дом. Дани подал сигнал.

8.58 утра

Питер молча смотрел на своего отца. В горле у него стоял ком.

— Они тебя били? — осторожно спросил Дэнн.

В углу комнаты под присмотром двух полицейских Уэстон уставился на свои башмаки, в удивлении думая, где же был прокол.

— Немного, — ответил Питер.

— Несколько секунд царила какая-то скованность. Затем Питер бросился вперед.

— Я... я боялся, — сказал он.

— Я тоже, — признался его отец. — Если б не твоё послание...

Фраза незаконченной повисла в воздухе.

Питер начал улыбаться.

— Я выиграл точно четыре гейма и за это заслужил пять шиллингов, правда?

Его отец кивнул.

— Думаю, что да, — едва слышно согласился он.

12.33 дня

Адвокат, представлявший защиту, был мужчиной среднего роста, черты его лица напоминали птицу. Клювообразный нос и глаза-бусинки насквозь сверлили жертву, свидетеля обвинения. Он поправил мантию на своих плечах.

— Вы добились этого признания угрозами, так? — спросил он резко.

Мешкам обеими руками ухватился за край перегородки. Вот и наступил момент, когда он покажет, что выше закона.

— Нет, сэр, — твердо заявил Роджер Дэнн, покачав головой.

Адвокат продолжал настаивать.

— Вы сказали обвиняемому, что, если он не сделает так, как вы желаете, вы действительно причините ему неприятности, так?

— Нет, сэр.

— Вы сказали ему, что, если он сделает так, как вы хотите, вы добьётесь для него смягчения наказания, так?

— Нет, сэр.

— Вы говорите правду?

— Да, сэр.

— Я утверждаю, что вы угрожали обвиняемому и обещаниями смягчения наказания незаконно добились так называемого признания с его стороны.

— Заключение, сэр, сделал это признание по своей собственной воле.

В зале суда повисла тишина. Судья перестал писать в своей записной книжке и посмотрел на свидетеля, переведя затем взгляд на обвиняемого. Жюри и публика почувствовали, что в деле наступил переломный момент. Адвокат защиты молчал, мысленно обдумывая ситуацию.

— Вы уверены в этом? — нерешительно спросил он.

— Да.

— Очень хорошо. У меня больше вопросов нет.

Тем самым адвокат признал, что он больше не подвергает сомнению утверждения Роджера Данна.

На Меппама было страшно смотреть. Его план провалился, и он понял, что его обвинят в убийстве кассира банка. Весь его мир с треском и грохотом рухнул. Меппам так никогда и не узнал, что это произошло потому, что его наемные убийцы оказались настолько беспечными, что после совершения преступления оставили мусор — сигаретные окурки, пачку из-под сигарет и носовой платок с оторванным краем.

Перевел с английского С. ШПАК

ЭДГАР УОЛЛЕС

Роман

Мститель

ПОДВИЖИ

Классика
мирового
детектива

1. НАХОДКА

У КАПИТАНА МАЙКЛА БРИКСАНА ПОРОЮ ВОЗНИКАЛИ СТРАННЫЕ ОЩУЩЕНИЯ, ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧЕГО-ТО НЕОБЫЧНОГО. К примеру, если ему по дороге попадалась зеленая корова, он был абсолютно уверен, что увидит нечто подобное еще до окончания дня. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, купив в киоске на станции Эла-Шапель журнал с очерком «Я была экстра-девочкой»¹, Майкл подумал, что обязательно вновь столкнется с этим странным словом «экстра» и наверняка при весьма загадочных обстоятельствах.

Сам журнальный очерк его совсем не заинтересовал. Он лишь бегло просмотрел его, отметив про себя подробности, с которыми некий автор описывал сенсационный взрыв популярности никому не известной прежде статистики.

Но Майкл впервые столкнулся с новым значением слова «экстра» и с нетерпением ждал неизбежной встречи с ним.

Утверждения, что его будто бы не интересовали преступления, сообщения о взломщиках и убийцах, могли бы вызвать недоумение у тех, кто знал его как самого способного работника из отдела разведки Министерства иностранных дел.

Его официальная жизнь прошла на континенте² в роли «пловца», когда он, встречаясь в тускло освещенных ресторанах с разного рода странными европейцами, пытался уловить подводные течения, раскачивавшие лодку дипломатии. Такие задания были в его вкусе.

Поэтому он был, естественно, удивлен, когда его вызвали из Берлина в тот самый момент, когда, казалось бы, вот-вот раскроется тайна одного важного договора, черновой проект которого, за определенную сумму, конечно, ему удалось раздобыть.

— Если бы у меня было еще двадцать четыре часа, — заявил он укоризненно на следующее утро своему шефу, майору Джорджу Стейнзу, когда отчитывался в Уайт-холле о проделанной работе, — то мне удалось бы достать фотокопию подлинного документа.

¹ Здесь «вторая героиня», «статистка».

² Так англичане называют материковую Европу (прим. пер.).

— Очень сожалею, — сказал непреклонный начальник, — но у нас с противоположной стороны состоялся душевный разговор, и она обещала предоставить нам текст договора. В конце концов, это чисто коммерческая сделка. Майкл, вы знакомы с Элмером?

— Вы что же, вызвали меня из Берлина только ради этого? — с горечью бросил Бриксан, усевшись на край стола. — Чтобы поговорить об Элмере? Он, кажется, какой-то служащий?

Майор Стейнз кивнул головой.

— Да, он действительно работал в Министерстве финансов. Три недели назад он исчез. Проверка показала, что Элмер систематически запускал руку в фонды, бывшие в его распоряжении.

— Не слишком-то приятно это слышать, — сказал Майкл Бриксан. — А ведь он казался таким порядочным и совсем безобидным. Но надеюсь, вы не собираетесь отправлять меня на его поиски. Это сфера деятельности Скотленд-Ярда.

— Вам не придется его искать, — медленно сказал Стейнз, — потому что... В общем, его уже нашли.

Эти слова были произнесены очень серьезным, даже зловещим тоном, и прежде чем Стейнз продолжил, взяв со стола лист бумаги, Майкл Бриксан уже понял, что за этим последует.

— Неужели Охотник за головами? — выдохнул он. Даже Майкл знал об этом убийце.

Стейнз кивнул.

Он протянул своему подчиненному машинописный текст, и Майкл прочитал:

«В Эмере, у ограды железнодорожного моста, вы найдете ящик.

Охотник за головами».

— Охотник за головами! — механически повторил Майкл и присвистнул.

— Мы отыскиали этот ящик, — сказал Стейнз. — В нем оказалась голова несчастного Элмера, аккуратно отделенная от туловища. Это двенадцатая голова за последние семь лет, — продолжал он. — И каждый раз жертва была не в ладах с законом. Майкл, я все равно вызвал бы вас, даже если бы ситуация с договором не разъяснилась.

— Но это же работа для полицейских.

— С профессиональной точки зрения, — прервал Майкла шеф, — вы — полицейский. Более того, министр иностранных дел желает, чтобы вы занялись за это дело. Его решение получило полное одобрение министра внутренних дел, контролирующего, как вам известно, деятельность Скотленд-Ярда. Вот почему о смерти Френсиса Элмера и о том, как были обнаружены его останки, ничего не сообщалось прессе. В последнее время было столько газетного шума, что полиция не решилась преда-

вать гласности эти сведения. Единственное, что я точно знаю, — неделю тому назад Элмера видела в Чичестере его племянница. Ее зовут Адель Лэмингтон, и она работает в кинокорпорации Небворта, студии которой расположены в Чичестере. Старый Небворт — американец и довольно неплохой человек. Девушка же — одна из его статисток, своего рода экстра-модель, я бы так сказал...

— Экстра? — изумленно воскликнул Майкл. — Я так и знал, что это дурацкое слово рано или поздно всплывет! Продолжайте, сэр. Что я должен делать?

— Встретиться с ней, — сказал шеф. — Вот адрес.

— А покойник был женат? — спросил Майкл, положив листик с адресом в карман.

Майор Стейнз кивнул.

— Да, но его жена ничего не может сказать про это убийство. Кстати, она — единственный человек, знающий, что он мертв. Она не видела своего мужа почти месяц, а фактически они разошлись еще несколько лет назад. Она, кстати, очень выигрывает от его смерти, потому что он был застрахован на крупную сумму.

Майкл вновь прочитал записку Охотника за головами.

— И какова же ваша версия? — с интересом спросил он.

— В целом, я думаю, мы имеем дело с сумасшедшим, считающим своим долгом играть роль этакой карающей десницы.

Стейнз в задумчивости откинулся на спинку стула.

— Все письма, — сказал он, — были отпечатаны на одной и той же машинке. В каждом случае сходное построение фраз, полустертые «ю» и слабые «т». Все эксперты в один голос заявляют, что письма отпечатаны на очень старом «Ремингтоне». Найдите человека, который пользуется такой старой машинкой, и вы наверняка найдете убийцу. Но вряд ли вам удастся сделать это, так как полиция опубликовала фотографии, показывающие особенности этих писем. Думаю, что мистер Охотник пользуется своей машинкой только в исключительных случаях — чтобы сообщать о смерти жертв.

Майкл Бриксан вернулся к себе домой, несколько смущенный и обеспокоенный необычным поручением.

«Наверняка на этом деле я сломаю себе шею, — тоскливо подумал он про себя. — Но что бы ни случилось, я обязательно встречу с этой «экстра»!»

2. ВИЗИТ МИСТЕРА СЭМПСОНА ЛОНГВЕЙЛА

Дождавшись, пока студия опустеет, Адель Лэмингтон подошла к сторбившемуся в шезлонге седовласому человеку с мрачным выражением лица.

Это был неподходящий момент для разговора, и она это прекрасно понимала.

— Мистер Небворт, можно мне поговорить с вами?

Мужчина неохотно посмотрел на нее. При других обстоятельствах он наверняка бы поднялся, ибо этот американец средних лет был воплощением воспитанности, но в данный момент его уважение к женщинам было на самом низком уровне. Он посмотрел на нее отсутствующим взглядом, хотя ему, как специалисту, кинорежиссеру, определенно должна была понравиться эта девушка с приятными, правильными чертами лица, копной темно-каштановых волос, в которых еще отражались блики детства, с твердым, изящных очертаний ртом, и со стройной, практически совершенной фигурой.

За свою жизнь Джек видел немало красивых статисток, прошел через различные стадии — от бешеного восторга до глубокого разочарования, когда знакомился с воплощенными ими на экране. Марионетки без души и чувств, со скованными неловкими движениями. Полная безнадежность. Может, годны для массовок, но не более того.

— Ну? — не слишком-то вежливо произнес он.

— Не найдется ли какой-нибудь роли для меня, мистер Небворт? — робко спросила девушка.

— А разве у вас нет роли, мисс... не помню, как ваше имя... Лэмингтон? Так, кажется?

— Я, конечно, участвую в съемках — как одна из второрядных фигур. — Адель улыбнулась. — И не претендую на крупную роль, но я абсолютно убеждена, что способна на большее.

— Единственное, что могу сказать с уверенностью, — проворчал Джек, — что вы не хуже других. Нет, дорогая, у меня нет роли для вас.

Адель побрела назад, но он вдруг ее окликнул.

— Наверное, оставили приличный дом? — спросил Джек. — Думали, что в кино будете получать миллион долларов в год и каждую неделю покупать новую машину?

— Я пришла в кино, — со смущенной улыбкой произнесла девушка, — не потому, что сходила с ума по сцене, если вы это имеете в виду, мистер Небворт. Я пошла на это, прекрасно зная, какая здесь тяжелая жизнь. Тем более что я росла без родителей.

Небворт с интересом посмотрел на нее.

— Так как же вы живете? — спросил он. — Ведь на массовках денег не сделаешь.

— У меня небольшой доход, оставшийся после смерти матери, и, кроме того, я пишу...

Девушка не закончила фразу, так как увидела, что мистер Небворт смотрит куда-то в сторону. Повернув голову, она увидела стоящую в дверях странную фигуру, которую сперва приняла за актера, пришедшего на кинопробу.

Вошедший оказался стариком, но на расстоянии его высокий рост и гордая осанка производили совершенно иное впечатле-

ние. Великолепно скроенный фрак, длинные брюки, жесткий воротничок, черный атласный галстук, белая рубашка с плотными манжетами; двубортный жилет из серого бархата был застегнут на золотые пуговицы. Человек, казалось, сошел с портрета середины девятнадцатого века. В одной руке у него был котелок с загнутыми краями, в другой — трость с золотым набалдашником. Огромная плешь сияла. Морщинистое лицо излучало благожелательность и доброту.

Джек Небворт мгновенно вскочил и двинулся навстречу гостю.

— Мистер Лонгвейл, рад вас видеть. Вы получили мое письмо? Вы даже не представляете, как я вам благодарен за разрешение снимать в вашем доме.

Сэмпсон Лонгвейл из Доуэр-хаус! Теперь она его вспомнила. Он был известен в Чичестере как «старомодный джентльмен» не только потому, что так экстравагантно одевался, но и из-за того, что отказался провести электричество в своем жилище. Адель видела эту большую несуразную постройку с заросшим садом и облупившимися стенами во время съемок на натуре.

— Я подумал, что мне стоит навестить вас, — произнес высокий мужчина сочным, хорошо поставленным голосом.

Девушка никогда не слышала такого приятного голоса. Ей стало еще более интересно.

— Я могу только надеяться, что дом и площадки подходят для съемок, хотя, к сожалению, все это очень запущено.

— Именно то, что нужно, мистер Лонгвейл. Я опасался, что вы обидитесь, когда попросил вас.

Старый джентльмен улыбнулся в ответ.

— Нет, нет, я не обиделся. Я, наоборот, получил удовольствие. Вам необходим был дом с привидениями. Я попытался оказать вам посильную помощь, хотя и не обещал, что наш семейный призрак обязательно появится. В Доуэр-хаусе привидения обитают уже сотни лет. Один из бывших владельцев в приступе убил там свою дочь. Поговаривают, что несчастная леди бродит по ночам. Сам я ее никогда не видел, хотя много лет назад с ней встретился кто-то из моих слуг. К счастью, теперь я уже давно не держу в доме слуг. Впрочем, — с улыбкой добавил он, — если кто-то пожелает остаться у меня ночевать, я мог бы приютить человека пять-шесть из вашей труппы.

Небворт с облегчением вздохнул. Когда он наводил справки, выяснилось, что в округе практически невозможно найти пристанище. Ему очень хотелось провести ночные съемки, а для одной из сцен требовалось освещение первых послерассветных часов.

— Боюсь, мы доставим вам немало хлопот, мистер Лонгвейл, — сказал он. — А потому, я думаю, мы должны обсудить еще один деликатный вопрос...

Старик остановил его движением руки.

— Если вы собираетесь говорить о деньгах, пожалуйста, не надо, — твердо заявил он. — Я интересуюсь кинематографией. — Он испытующе посмотрел на режиссера. — Когда-нибудь вы меня снимете в роли, в которой, я думаю, мне нет равных — в роли моего славного предка.

Джек застыл в изумлении. Немало людей желает увидеть себя на экране, но подобного тщеславия со стороны Сэмпсона Лонгвейла он не ожидал.

— Буду рад, — тактично ответил Джек. — Ваши предки, видимо, тут хорошо известны?

Мистер Лонгвейл вздохнул.

— Жаль, что я не прямой потомок Чарльза Генри, самой знаменитой личности в нашем роду. Он был моим прапрадедьюшкой. Я происхожу от бордоской ветви Лонгвейлов, именно она творила историю, сэр.

— Вы — француз, мистер Лонгвейл? — спросил Джек.

— Да, мы все родом из Франции. Мой прапрадед женился на англичанке, с которой познакомился при весьма загадочных обстоятельствах.

Тут мистер Лонгвейл, казалось, впервые обнаружил присутствие Адель.

— Я должен идти, — сказал он, поклонившись ей.

Девушка смотрела мужчинам вслед, «старомодный джентльмен» уехал в самом старом автомобиле, который ей когда-либо приходилось видеть.

Через несколько минут в зал вернулся Джек Небворт.

— Жажда увидеть себя на экране всех сводит с ума — старых и молодых! — воскликнул он. — Доброй ночи, мисс... забыл ваше имя... Лэмингтон, так, кажется? Доброй ночи.

Она дошла почти до дома, когда поняла, что разговор, который она осмелилась затеять, закончился для нее неудачно, и она по-прежнему далека от получения даже небольшой роли.

3. ПЛЕМЯННИЦА

Адель Лэмингтон снимала комнату в небольшом доме. Временами ей хотелось, чтобы эта комната была еще меньше. Это позволило бы ей потребовать у хозяйки, непреклонной миссис Уотсон, снижения квартплаты. Статистики у Джека Небворта оплачивались неплохо, но были мало заняты в съемках.

Адель одевалась, когда миссис Уотсон принесла ей чай.

— С самого утра, как я поднялась, вокруг нашего дома ходит какой-то молодой человек, — сказала хозяйка. — Я его заметила, еще когда ходила за почтой. Он вежливо обратился ко мне, но я сказала, что вы еще спите.

— Он хотел видеть меня? — с удивлением спросила девушка.

— Так он сказал, — усмехаясь, ответила миссис Уотсон. — Если вы хотите поговорить с ним, можете принять его в гостиной, хотя мне не нравится, когда к девушкам приходят молодые люди. Мой дом всегда пользовался уважением, и я дорожу своей репутацией.

— Вряд ли можно представить что-нибудь более приличное, чем утренний визит, миссис Уотсон, — ответила девушка.

Она спустилась вниз и открыла дверь. Молодой человек стоял на тротуаре спиной к ней, но при звуке открываемой двери повернулся. Это был симпатичный, хорошо одетый юноша с располагающей улыбкой.

— Надеюсь, ваша хозяйка не разбудила вас? Я мог и подождать. Вы ведь мисс Адель Лэмингтон?

Девушка кивнула.

— Входите, пожалуйста, — произнесла она, впуская его в небольшую, забитую различным хламом прихожую. Она закрыла дверь за собой и застыла.

— Я — журналист, — сказал молодой человек. — Меня зовут Майкл Бриксан.

Лицо ее вытянулось.

— Вы по поводу Френсиса? Что-нибудь действительно случилось? Ко мне приходил следователь еще неделю назад. Дядя нашелся?

— Пока еще нет, — осторожно ответил Майкл Бриксан. — Вы его, конечно, хорошо знали, мисс Лэмингтон?

— Нет. За всю свою жизнь я видела его всего два раза.

Она услышала, как молодой человек с облегчением вздохнул, хотя не поняла причины этого.

— Вы его хоть видели в Чичестере? — спросил юноша.

— Да. Я ехала в автобусе в Гудвуд-парк и заметила его на тротуаре, когда он выходил из канцелярского магазина. Под мышкой у него была газета, в руке — конверт. Он выглядел очень встревоженным.

— Где расположен этот магазин? — быстро спросил Майкл.

Адель назвала адрес.

— И больше вы дядю не видели?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Неужели случилось что-то серьезное? — спросила она. — Я часто слышала от мамы, что дядя Френсис порой расточителен и неразборчив в средствах. У него что, неприятности?

— Да, — подтвердил Майкл, — у него были неприятности, но не стоит беспокоиться. Вы, кажется, кинозвезда, да?

Несмотря на волнение, девушка рассмеялась.

— Я могу стать кинозвездой, если вы так назовете меня в своей газете.

— Моей что? — спросил Майкл, моментально сбившись. — да, в моей газете, конечно!

— Хотя я не звезда и, боюсь, никогда ею не стану, я надеюсь сыграть какую-нибудь хорошую роль. Пока случай мне не подвернулся. Возможно, мистер Небворт считает меня плохой актрисой.

Майкл Бриксан почувствовал, как крепнет его интерес к этому делу, интерес, который — честно признавал он — неразрывно связан с племянницей Френсиса Элмера. Никогда еще ему не приходилось встречаться с такой приятной, милой и естественной в общении девушкой.

Наведение справок заняло немного времени. Майклу удалось найти канцелярский магазин, владелец которого, к счастью, помнил посещение мистера Френсиса Элмера.

— Он пришел за письмом, хотя оно было не на имя Элмера, — сказал владелец магазина. — Многие адресуют письма на наш магазин. За это мы взимаем небольшую плату.

— Он купил газету?

— Нет, сэр. Газеты он не покупал, но под мышкой у него была «Морнинг телеграмм». Я запомнил это, потому что видел, как он обводил синим карандашом какие-то объявления на первой странице. Меня это заинтересовало, и я раздобыл тот же самый номер. Я его еще до сих пор не выбросил.

Он вышел в небольшую подсобку в глубине магазина и вскоре вернулся, положив на прилавок потрепанный номер газеты.

— Здесь шесть сообщений, но которое из них привлекло его — не знаю.

Майкл просмотрел объявления. Одно — безумное послание от матери к сыну. Она умоляла его вернуться, обещая «все забыть». Второе — какое-то зашифрованное сообщение, но у Майкла не было времени для его дешифровки. Третье — явное назначение условий встречи. Четвертое — посвящено какому-то новому препарату для ращения волос. На пятом сообщении Майкл остановился. В нем говорилось:

«Встревожен. Последние распоряжения по данному Вам адресу. Мужайтесь. Благодетель».

— Странно, какой-то «Благодетель», — сказал Майкл Бриксан и тут же спросил: — А этот мужчина, заходивший в магазин, как он выглядел? Он был взволнован?

— Да, сэр. Он выглядел очень расстроенным, похоже, этот человек совершенно потерял голову.

— Видимо, так и было, — произнес Майкл.

4. ВЕДУЩАЯ АКТРИСА

Вот уже битый час в небольшой студии труппа Небворта с нетерпением ожидала выезда на натурные съемки.

Джек Небворт, как обычно, скорчился в шезлонге, поддержи-

вая рукой подбородок, и время от времени бросал взгляд на настенные часы.

Только около одиннадцати в сопровождении маленькой, несчастного вида собачонки в студию энергично вошла Стелла Мендоса.

— Вы работаете по летнему времени? — спросил Небворт. — Или, может быть, вы думали, что сбор назначен в полдень? Вы заставили ждать пятьдесят человек, Стелла.

— У меня нет времени думать о них, — бросила она, пожав плечами. — Вы сказали, что съемки будут на натуре. Естественно, я ожидала, что спешки не будет. Я должна была собраться.

— Я просил быть вас в десять. Эти молодые люди накладываются здесь уже почти целый час.

— Что вы хотите снимать? — нетерпеливо спросила Стелла.

— Главным образом, вас, — медленно произнес Джек. — Оденьтесь для 9-й сцены. Не забудьте снять свои жемчужные серьги. По сценарию вы — полуголодная актриса. Съемки будут в Грифф-тауэрсе. Я обещал его владельцу, что мы закончим к трем часам.

Старый Джек Небворт встал с шезлонга и раздраженно стал надевать куртку. Покрасневшая от злости Стелла наблюдала за ним. В ее темных глазах отражались задетая гордость и ущемленное тщеславие.

Когда-то Стелла Мендоса была просто Мэгги Стаббс, дочерью мидленского зеленщика, и старый Джек разговаривал с ней так, будто она оставалась все той же Мэгги Стаббс, а не сделалась известной кинозвездой, идиолом кинофанов всего мира, как утверждала пресса.

— Вы, кажется, хотите скандала, Небворт? Ну что ж! Я ухажу. Прямо сейчас! Я знаю, чего я стою. Эту роль следует переписать. Она не для моего темперамента. Разве можно требовать, чтобы я играла как чурбан?!

— Чурбан — это ваша голова, Стелла, — проворчал режиссер и продолжал, не замечая ее ярости. — Темперамент! Вспомним о нем, когда фильм будет снят хотя бы наполовину. А мы пока, слава Богу, не сняли и восьмой части. Уходите! Вы мерзкое испорченное существо. Убирайтесь куда хотите!

Едва сдерживаясь от ярости, с дрожащими губами Стелла повернулась и выбежала из студии.

Седовласый Джек Небворт оглядел присутствующих.

— Вот так происходят чудеса, — саркастически заметил он. — Перед вами случай, когда любая статистка, покинувшая дом и оставившая там больную мать, может в течение суток стать знаменитостью!

Все заулыбались: кто весело, кто натянуто, но никто не промолвил ни слова. Адель застыла, не в состоянии что-либо сказать.

— Скромность не свойственна нашей профессии, — добродушно фыркнул Джек. — Вы считаете, что только Стелла может исполнить роль Розеллы? Даже статистка, поверьте мне, способна на это! Кто-то меня вчера просил о роли. Вы!

Его палец указал на Адель, и она с бьющимся сердцем подошла к Небворт.

— Да, мистер Небворт.

— Вы будете играть, — произнес он неохотно. — Осмотрите костюмы, предназначавшиеся для мисс Мендосы. Гарри, дайте мисс... как ее... сценарий. А теперь уединитесь где-нибудь и просмотрите текст. Хорошо? Гарри, подготовьте гардероб. Через полчаса жду всех на съемочной площадке.

Как в тумане Адель вышла в тенистый сад, позади студии, и села на скамейку, пытаясь сосредоточиться. Но едва она начала вчитываться в текст, как вдруг услышала шаги и подняла глаза. По тропинке шел уже известный ей Майкл Бриксан.

— О, пожалуйста, не мешайте мне сейчас, — умоляюще попросила она. — Я получила роль, большую роль. Мне надо быстро ее прочитать.

— Виноват... — начал было Майкл, намереваясь удалиться.

В этот момент Адель уронила несколько страниц и, когда они оба наклонились, чтобы поднять их, головы молодых людей столкнулись.

— Извините. Ситуация как в старой комедии, не правда ли? — сказал Майкл.

Он вдруг замолчал, бросив взгляд на поднятую страницу, которую держал в руке.

«Большая тюремная камера. Освещена качающейся лампой. В центре — стальная решетка, за которой ходит конвоир. Взад-вперед, взад-вперед...»

— О, Боже! — воскликнул Майкл.

Буква «ю» в тексте была размыта, а «т» — неотчетлива. Страница явно была отпечатана на машинке, которой пользовался Охотник за головами, составляя свои ужасные сообщения об очередной жертве.

5. МИСТЕР ЛОУЛИ ФОСС

— Что случилось? — спросила Адель.

— Откуда это?

И молодой человек показал на страницу сценария.

— Не знаю. Она была среди других страниц, хотя, конечно, это не из «Розеллы».

— Так называется фильм? — быстро спросил Майкл, и затем добавил: — А кто знает?

— Мистер Небворт.

— Где мне его найти?

— Войдите вон через ту дверь, — сказала она, — он скорей всего в студии.

Ничего не говоря, Майкл быстро направился к зданию. В студии он интуитивно узнал нужного ему человека. При виде незнакомца Джек Небворт нахмурился, ибо всегда настаивал, чтобы во время работы ему не мешали. Но прежде чем он успел потребовать объяснений, Майкл взял его в оборот.

— Вы — мистер Небворт?

Джек кивнул.

— Безусловно, — ответил он.

— Могу ли я поговорить с вами пару минут?

— Об этом не может быть и речи. У меня и минуты нет свободной, — замахал руками Джек. — И вообще, кто вы такой и как сюда попали?

— Я — следователь из службы безопасности, — тихо произнес Майкл.

Поведение Джека сразу изменилось.

— Что-нибудь не в порядке? — спросил он после того, как закрылся с Майклом в кабинете.

Молодой человек положил на стол машинописную страницу.

— Кто это печатал?

Джек Небворт взглянул на текст и покачал головой.

— Понятия не имею. А какое это имеет значение?

— Вы никогда не видели этого текста?

— Нет, клянусь. Но мой литконсультант должен знать. Я пошлю за ним.

Он взял телефонную трубку.

— Попросите мистера Лоули Фосса зайти ко мне, и поскорее, — произнес он.

— Понимаете, я специально держу человека, который читает книги, сценарии, материалы, связанные с постановкой фильмов, — пояснил Небворт. — Сам я ничего не касаюсь до тех пор, пока литконсультант не скажет мне, что текст интересен. Но и тогда, конечно, фильм не сразу снимается. Мне надо найти решение темы... Да и в мнении литконсультанта я не всегда уверен. Более того, убежден, что упустил несколько хороших сценариев, потому что Фосс... — Джек на секунду задумался. — Ну, как бы это сказать... У нас с ним разный подход. А теперь, мистер Бриксан, объясните мне, в чем дело?

В нескольких словах Майкл рассказал, о чем свидетельствует эта машинописная страница.

— Охотник за головами! — Джек присвистнул.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Лоули Фосс. Это был очень худой человек с темным, мрачным лицом и бегающими глазами. Его лицо было испещрено глубокими морщинами, как будто он страдал какой-то хронической болезнью. Но настоящим недугом, жертвой которого стал Лоули Фосс, было, похоже, ожесточение его ко всему на свете.

Войдя, он подозрительно уставился на Майкла.

— Я хотел видеть вас, Фосс, чтобы узнать, как в сценарий «Розеллы» попала эта страница, — сказал Джек Небворт.

И, повернувшись к Майклу, спросил:

— Могу я изложить мистеру Фоссу то, что вы мне рассказали?

Майкл колебался всего секунду. Внутренний голос подсказывал ему, что не стоит упоминать об «Охотнике за головами». Однако вопреки здравому смыслу он кивнул.

Лоули Фосс с бесстрастным выражением выслушал объяснения старого режиссера. Затем он взял страницу и внимательно прочитал ее. Ни лицо, ни глаза не выдали его мыслей.

— Я не могу сразу назвать пьесу, — наконец произнес он, — если вы позволите мне взять эту страницу, я просмотрю свои материалы.

— Что вы думаете об этом человеке? — спросил Джек Небворт, когда за Фоссом закрылась дверь.

— Он мне не понравился, — прямо признался Майкл. — По крайней мере, мое первое впечатление явно неблагоприятное. Хотя я, возможно, несправедлив к нему.

Джек Небворт вздохнул. Фосс причинял ему массу неприятностей, еще больше, чем темпераментная Мендоса.

— Он действительно странный человек, — произнес Джек, — хотя чертовски умен. Я еще не знал человека, который мог бы так закрутить сюжет, как это делает Фосс. Но он... тяжелый человек.

— Могу представить, — сухо бросил Майкл.

Они вновь вернулись в студию, и Майкл отправился на поиски Адель Лэмингтон. Когда они наконец-то встретились, он увидел в ее глазах слезы досады.

— Прошу прощения, — кающимся голосом произнес Майкл. — Мне, наверное, не стоило приходить?

— Пожалуй, что да, — согласилась девушка, улыбувшись, несмотря на свою обиду. — А что было не так с этой страницей? Вы — сыщик, да?

— Должен признаться, — беззаботно бросил Майкл.

— Вы говорили правду, когда сказали, что мой дядя...

Она остановилась, будучи не в состоянии подыскать подходящие слова.

— Нет, неправду, — быстро ответил Майкл. — Ваш дядя мертв, мисс Лэмингтон.

— Мертв? — с ужасом переспросила она.

Он кивнул.

— Он был убит при странных обстоятельствах.

Девушка неожиданно побледнела.

— Это его голову нашли в Эмере?

— Откуда вы знаете? — резко спросил Майкл.

— Я читала сообщение в утренней газете, — сказала она.

Майкл мысленно выругал газетчика, напавшего на след этой последней трагедии. Она рано или поздно все равно бы узнала, сказал он себе и успокоился.

Появление Фосса освободило его от дальнейших объяснений. Литконсультант несколько минут пошептался с Джеком Небвортом. Затем кинорежиссер поманил Майкла рукой.

— Фосс не смог найти рукопись, — сказал он, возвращая страницу. — Возможно, от текста остался всего лишь вот этот клочок. И, похоже, он достался нам по наследству от предшественников. Я ведь получил от обанкротившейся компании не только студию, но и массу рукописей.

Джек нетерпеливо взглянул на часы.

— А теперь, мистер Бриксан, если возможно, простите меня. В десяти милях отсюда мне нужно снять несколько сцен. В качестве ведущей героини в них выступает малышка, у которой от страха, наверное, не осталось никаких мыслей.

Майкл действовал под влиянием момента.

— Вы не будете возражать, если я поеду с вами? Обещаю, что не буду путаться под ногами.

Старый Джек раздраженно кивнул. Десять минут спустя Майкл Бриксан сидел рядом с Аделью в автомобиле, спешащем на съемочную площадку.

6. ХОЗЯИН ГРИФФ-ТАУЭРСА

По пути Адель демонстративно не разговаривала с Майклом. Нервозность, перерастающая в панику по мере приближения к цели, сделала диалог невозможным.

— Я вижу, мистер Лоули Фосс тоже здесь? — спросил Майкл, чтобы хоть как-то начать беседу.

— Он всегда ездит с нами на натуре, — отрезала она. — Во время съемок иногда приходится подправлять сценарий.

— А куда мы направляемся? — спросил Майкл.

— Сперва к Грифф-тауэрс, — ответила нехотя девушка. — Это огромный дом, принадлежащий сэру Грегори Пенну.

— А мне казалось, что мы едем к Доуэр-хаусу.

Она сумрачно подняла на него глаза.

— Зачем же вы спрашиваете, если сами знаете ответ?

— Просто мне приятно слушать вас, — спокойно ответил молодой человек. — Сэр Грегори Пенн? Кажется, мне знакомо это имя.

Девушка молчала.

— Он много лет прожил на Борнео. Так ведь?

— Он просто мерзок, — выпалила Адель. — Я его ненавижу!

Майкл счел разумным промолчать. Но через несколько минут Адель сама пояснила свои слова.

— Я была у него дважды. Рядом с домом прекрасный сад, где мистер Небворт не раз проводил съемки. Конечно, я была только статисткой. Так, на заднем плане. Но это не важно. Так вот, у Грегори Пенна странные представления о женщинах и в особенности об актрисах. Я, конечно, пока еще не перво-

классная актриса, — быстро добавила Адель, — я имею в виду тех, для кого кино съемки — единственное средство к существованию. Слава Богу, в Грифф-тауэрсе будет сниматься только один эпизод. Возможно, хозяина не будет, хотя это маловероятно. Во время съемок он всегда дома.

— Странно, почему на сцене и в кино баронеты всегда оказываются негодяями, — заметил Майкл. — Но еще более странно, что большая часть их — невероятные моралисты. Я, наверное, мешаю вам? — спросил он более серьезно.

Адель повернулась к нему.

— Немножко есть, — откровенно призналась она. — Видите ли, мистер Бриксан, для меня это уникальный шанс. В жизни подобное редко случается, поэтому я до смерти боюсь. А тут еще эта история с дядей и ваши вопросы... Я нервничаю и потому, что первый эпизод будет сниматься в Грифф-тауэрсе. Я ненавижу его! Ненавижу! — страстно воскликнула она. — Этот огромный мрачный дом с отвратительными чучелами тигров и ужасным оружием...

— Оружием? — быстро спросил Майкл. — Что вы имеете в виду?

— Восточное оружие, которым у сэра Грегори увешаны все стены. В последний раз он заявил мистеру Небварту, что оружие у него в отличном состоянии, как новенькое, как будто только что вышло из рук мастера, хотя некоторым вещам почти триста лет. А вот и сам дом, — и она показала рукой на мрачное здание, из тех, которые любили воздвигать архитекторы ранневикторианской эпохи. Единственная серая башня резко нарушала пропорциональность постройки, что придавало Грифф-тауэрсу своеобразную привлекательность. Гладкие, лишенные зелени стены дома возвышались в центре обширного пространства, засыпанного желтым гравием.

— Самые настоящие казармы, — заметил Майкл, — с плацем перед ними.

Они проехали мимо домика привратника и остановились где-то на середине подъездной дорожки, ведущей к дому. Сад, очевидно, находился в глубине участка, а впереди не было ничего привлекающего внимание.

Майкл вышел из машины и увидел, что Джек Небворт уже руководит разгрузкой оборудования. Следом за ними прибыл огромный грузовик с тремя юпитерами и прочим оборудованием для кино съемок.

— А, так вы уже здесь? — проворчал недовольно Джек. — Я буду вам премного благодарен, если вы не станете попадаться мне на глаза.

В труппе выделялся высокий молодой человек с зачесанными назад волосами. Они были так прилизаны, что казались приклеенными. Всю поездку он сидел слева от Адели, не промолвив ни слова. Но тут он подошел к встревоженному Небварту и капризно произнес:

— Эта девчонка Лэмингтон испортит всю картину.

— Вот как? — рявкнул Небворт. — Между прочим, мистер Коннолли, вы так плохо играли в последнее время, что на вашем месте я бы попридержал язык. Если картине суждено быть испорченной, то неизвестно, кто это сделает.

— Черт побери, никогда не играл в паре с начинающей!

— Вы многое потеряли, — проворчал Джек, продолжая распаковывать вещи.

— А Мендоса — актриса... — начал было ведущий киногерой.

Джек Небворт выпрямился.

— Ничего, переживете, если хотите сниматься! — рявкнул он. — Если понадобится совет, я обращусь к вам, а пока... Понятно?

Театрально пожав тощими плечами, конфетный Корби Коннолли медленно удалился.

Стоя в дверях Грифф-тауэrsa, сэр Грегори Пенн молча наблюдал за подготовкой к съемкам. Это был коренастый мужчина. Солнце Борнео и хороший аппетит придали его коже странный шоколадно-фиолетовый цвет. Лицо его было покрыто морщинами. На мир он смотрел сквозь две узкие щелочки.

— Доброе утро, Небворт, — произнес сэр Грегори.

Голос его звучал резко и неприятно, как у человека, никогда не улыбавшегося.

— Доброе утро, сэр Грегори. Извините. Мы чуть задержались.

— Не стоит извиняться, — прервал его собеседник. — Мне просто показалось, что вы собирались сегодня начать пораньше. Вы привезли мою девочку, да?

— Вашу девочку? — Джек посмотрел на него в замешательстве. — Вы имеете в виду Мендосу? Нет, ее сегодня не будет.

— Я говорю не о Мендосе, а о темноволосой красавице. Впрочем, это не имеет значения. Я просто пошутил.

«Какую, к черту, девушку он имеет в виду?» — подумал Джек. Загадка, однако, вскоре объяснилась. Баронет медленно направился к Адели Лэмингтон.

— Доброе утро, маленькая леди, — слегка приподняв кепи, сказал он.

— Доброе утро, сэр Грегори, — холодно отозвалась Адель.

— Вы не сдержали своего обещания.

Он шутливо покачал головой.

— Я не помню, чтобы что-то обещала, — спокойно возразила девушка. — Вы приглашали меня к себе отобедать, но я сразу же отказалась.

— Я собирался послать за вами автомобиль. Только не говорите, что вы слишком далеко живете. Это не имеет никакого значения.

И, к негодованию Майкла, он отечески взял девушку за руку. Но та не смогла скрыть своего отвращения.

Она высвободила руку и чуть ли не бегом бросилась к Джеку Небварту с какой-то бессвязной просьбой объяснить смысл первого попавшегося предложения в тексте.

Старый Джек был не дурак. Прищуренным взглядом он наблюдал за происходящим.

«В Грифф-тауэрсе мы снимаем в последний раз», — подумал он про себя.

7. ОРУЖИЕ И БЭГ

Все ушли, оставив Майкла наедине с баронетом. Какое-то время Грегори Пенн пристально следил за девушкой. Затем, почувствовав присутствие молодого человека, он обратил на него холодный немигающий взгляд.

— Кто вы такой? — спросил он после долгого молчания.

— Друг мистера Небворта, — ответил Майкл.

— Вы знакомы с той малышкой? Кажется, ее зовут Лэмингтон?

— Да, хорошо знаком, — соврал Майкл.

— Ах, вот как? — на удивление любезно произнес владелец Грифф-тауэрса. — Она прелестна. Вы не могли бы с нею как-нибудь навестить меня? Кстати, хотите взглянуть на мою коллекцию оружия?

Майкл догадался, что по какой-то причине он интересует Грегори Пенна, и тот решил установить с ним хорошие отношения. Вряд ли другое приглашение доставило бы Майклу большее удовлетворение. Особенно любопытно ему было взглянуть на эту странную коллекцию оружия.

Взглянув на каменные стены большого дома, куда он был приглашен, Майкл сразу увидел знаменитое оружие. Здесь были кинжалы, кривые сабли, древние японские мечи, клинки с чашеобразными эфесами, двуручные мечи крестоносцев.

— Ну, что вы скажете? — спросил сэр Грегори Пенн с важностью коллекционера-энтузиаста. — Все представленные образцы — единственные в своем роде, дубликатов нет.

Он повел посетителя по широкому коридору, освещенному большими квадратными окнами. Распахнув дверь, сэр Грегори Пенн ввел гостя в большую комнату, явно бывшую когда-то библиотекой.

Над камином висели два меча. Ничего подобного Майклу видеть не приходилось.

— А что вы скажете об этом?

Пенн снял с серебряного крючка меч и вынул его из ножен.

— Только не касайтесь лезвия, порежетесь. Этим мечом можно разрубить человека, причем он даже не успеет заметить, как распадется на две половины.

Вдруг его поведение изменилось, он чуть ли не силой вырвал меч из рук Майкла, вложил его в ножны и повесил на место.

— Это, кажется, суматранский меч?

— С острова Борнео, — кратко пояснил баронет. — Родины охотников за головами. — Сэр Грегори оглянулся, нахмурив брови. — Я имел в виду голландское Борнео. Садитесь, как вас там... — сказал он, показывая на низенький диванчик. — Давайте выпьем.

Он позвонил, и, к удивлению Майкла, появился низкорослый полуобнаженный меднокожий мужчина, который, выслушав приказ на языке, неизвестном Майклу — «судя по звукам, малайский», подумал тот, — бросил быстрое «салам», исчез и чуть ли не мгновенно появился вновь с подносом, на котором возвышались большой графин и два тонкостенных бокала.

— У меня нет белых слуг. Терпеть их не могу, — произнес Пенн и залпом выпил содержимое своего бокала. — Я предпочитаю слуг, которые не крадут и не болтают. Этот парень появился у меня в прошлом году. Он — с Суматры. И, кстати, лучший из всех...

— Вы бываете на Борнео ежегодно? — спросил Майкл.

— Почти, — последовал ответ. — У меня есть яхта. Она сейчас находится в Саутгемптоне. Если мне не удастся выбрать-ся из этой проклятой страны хотя бы раз в год, я начинаю сходить с ума. Здесь ничего нет, ничего! Вы когда-нибудь встречались с этим старым дураком Лонгвейлом? Неборт сказал мне, что вы им интересуетесь. Это же напыщенный старый осел, одевающийся как паяц и рекламирующий виски. Хотите еще?

— Спасибо. Мой бокал почти полон, — с улыбкой ответил Майкл, переводя глаза на меч, висящий над камином. — Сколько ему лет? Выглядит как новый!

— Новый! — передразнил его сэр Грегори. — Да ему не менее трехсот лет! Хотя у меня этот меч появился только год назад. — Он вновь резко сменил тему. — Вы мне нравитесь, как вас там... У меня отношение к людям складывается с первого взгляда. Вы из тех, кто мог бы хорошо устроиться на Востоке. Лично я там сделал два миллиона. Восток полон чудес, невероятных вещей. — Он повернул голову и с довольным видом посмотрел на Майкла. — И полон идеальных слуг, — медленно добавил он. — Хотите взглянуть на такого слугу?

Что-то странное прозвучало в его голосе, и Майкл кивнул.

— Хотите увидеть раба, который никогда не задает вопросов и всегда предан, никого не любит, кроме меня, — он постучал себя по груди, — и ненавидит моих врагов, моего самого преданного слугу — Бэга?

Он встал и, подойдя к столу, нажал на небольшую кнопку. Едва он сделал это, как часть дальней стены отошла в сторону,

приоткрыв проход в другое помещение. Какое-то мгновение Майкл не видел ничего, но затем на солнечный свет вышла ужасная, просто зловещая фигура. И Майклу Бриксану потребовалось все самообладание, чтобы сдержаться и не закричать.

8. БЭГ

Это был огромный орангутанг, злобными бусинами глаз уставившийся на незнакомого ему визитера. Рост обезьяны был более шести футов. Волосатая грудь была огромной, руки, почти касавшиеся пола, по толщине были не меньше человеческого бедра. А широкие плечи укрывал просторный темно-синий халат, скрепленный двумя завязками.

— Бэг, — позвал сэр Грегори удивительно мягким и нежным голосом, какого Майкл никак не мог ожидать от этого человека. — Поди сюда.

Гигантская фигура вперевалку пересекла комнату и подошла к камину.

— Это мой друг, Бэг.

Огромная человекообразная обезьяна пару секунд подержала в своей мягкой ладони руку Майкла, а затем, отпустив ее, поднесла кулак к своему носу и несколько раз громко вдохнула воздух — единственный произведенный ею звук.

— Принеси нам сигары, — приказал Пенн.

Обезьяна сразу же отправилась в кабинет, открыла бюро и принесла коробку сигар.

— Налей мне виски с содовой.

Обезьяна тут же исполнила приказание. Она не пролила ни капли, а когда хозяин сказал «достаточно», поставила графин и закрыла его пробкой.

— Спасибо, Бэг, ты свободен.

Не произнеся ни звука, обезьяна проковыляла к открытой стене и исчезла. Проход закрылся за ней.

— Совсем как человек! — охваченный благоговейным страхом, прошептал Майкл.

Сэр Грегори Пенн протестующе поднял руки.

— Более чем человек, — сказал он. — Более... Бэг — моя защита от всех врагов.

— А где он живет?

— У него есть своя небольшая комната, которую он содержит в чистоте. Питается же он с прислугой.

— О, Боже! — в ужасе произнес Майкл. Его собеседник усмехнулся, довольный произведенным впечатлением.

— Да, он питается со слугами. Они его боятся, но и боготворят, считая своего рода божеством. Знаете, что произойдет, если я скажу: «Этот человек — мой враг»? — Пенн показал своим коротким пальцем на грудь Майкла. — Он просто разорвет вас на части, и у вас, мистер как-вас-там... не будет ни

малейшей возможности спастись. И в то же время Бэг может быть нежным, очень нежным. — Он кивнул головой. — И очень хитрым! Он почти каждую ночь гуляет по округе, и я до сих пор еще не слышал никаких жалоб со стороны местных жителей. Не пропало ни одной овцы, никто не был напуган. Бэг просто бродит по лесам и никого не трогает, за исключением куропаток.

— И давно он у вас?

— Восемь или девять лет, — беззаботно ответил баронет, проглотив виски, налитое ему орангутангом. — Ну а теперь пойдёмте посмотрим на наших актёров и актрис. Прекрасная девушка, правда? Вы не забыли, что приглашены с нею отобедать у меня. Кстати, как ваше имя?

— Бриксан, — ответил Майкл. — Майкл Бриксан.

Сэр Грегори что-то пробормотал.

— Я запомню — Бриксан. Мне нужно назвать ваше имя Бэгу. Ему следует его знать.

Когда они подошли к прелестному саду позади дома, первый эпизод уже был снят, и по лицу Джека Небворта явственно читалось, что опасения Адель Лэмингтон были напрасны и все прошло хорошо.

— Девушка просто великолепна, — отбросив неприступность, произнес довольный Джек. — Прирожденная актриса. Эта сцена как будто для нее. Все так хорошо, что кажется невероятным.

Майкл оглянулся. Сэр Грегори Пенн уже стоял рядом с Адель.

— Моя крошка, я хотел бы поговорить с вами, прежде чем вы уедете, — сказал он, сильно понизив голос. — Я повторяю свое приглашение. — Кивнув головой в сторону настороженного Майкла, он добавил: — Ваш друг обещал, что будет сопровождать вас.

— Какой друг? — с удивлением спросила она. — Вы имеете в виду мистера Бриксана?

— Да, его. Хотя это, по-моему, странная дружба... Я совсем не хочу сказать, что он плохой парень. Лично мне он нравится. Так вы принимаете мое приглашение?

— Боюсь, что нет, — ответила Адель. Под влиянием своего успеха она, казалось, забыла о своем отношении к Грегори Пенну, однако сейчас почувствовала прежнее отвращение.

Адель разозлилась на Майкла. Какое он имел право принять приглашение от ее имени? Как он мог назваться ее другом?

— Приезжайте сегодня вечером. Вместе с ним, — глухо произнес Пенн. — Я хочу вас видеть, слышите? Вы остановились у старого Лонгвейла и можете незаметно оттуда удрать.

— Я не собираюсь делать ничего подобного. Мне кажется, вы даже не понимаете, о чем просите, сэр Грегори, — спокойно сказала Адель.

И, повернувшись, она пошла к машине. Майкл хотел было последовать за ней, но она, высоко подняв голову, прошла мимо, даже не взглянув на него.

Вскоре вся аппаратура была упакована и члены трупы заняли места в машинах. Майкл, заметив, что Адель села между Джеком Небвортом и ведущим киногероем, примостился в другом автомобиле.

Колонна уже была готова тронуться, когда сэр Грегори обратился прямо через открытое окно к Майклу:

— Вы обещали, что привезете ее... — начал было он.

— Если я это говорил, — прервал его Майкл, — значит, я был пьян. Для этого мне достаточно осушить всего один стаканчик виски. Мисс Лэмингтон вольна поступать как ей угодно.

Он ожидал взрыва, но, к его удивлению, приземистый мужчина только рассмеялся и, помахав на прощанье рукой, пожелал приятного пути. Когда автомобиль огибал домик привратника, Майкл вновь увидел сэра Грегори, разговаривающего с Фоссом.

А затем, переведя взгляд на окно библиотеки, где обитал Бэг, Майкл Бриксан почувствовал, что его сердце содрогается от мрачных предчувствий.

9. ПРЕДОК

Доуэр-хаус находился в стороне от главного шоссе, среди невысоких построек, позади обвалившихся оград и осыпавшихся стен. Прекрасная лужайка, где когда-то господа играли в крокет, превратилась в заросли чертополоха и куриной слепоты.

С первого взгляда Майкл понял, что используется лишь часть дома. Только в одном крыле окна были чисты, остальные же — разбиты или покрыты грязью.

С любопытством взирал Майкл на мистера Сэмпсона Лонгвейла, вышедшего их встретить, на его лысый череп, блестящий под ярким солнцем, на его полосатые желтоватого цвета брюки, на бархатный жакет и старомодный галстук — все это соответствовало описанию, данному Грегори Пенном.

— Рад вас видеть, мистер Неборт. У меня бедный дом, но я окажу вам хороший прием! В моей маленькой столовой подан чай. Не будете ли вы так любезны представить меня членам трупы?

Учтивость и чувство собственного достоинства очаровали Майкла, и он почувствовал симпатию к этому удивительному старику, который как бы привносил в современную обстановку аромат прошедшего века.

— Мне бы хотелось успеть до темноты снять хотя бы одну сцену, мистер Лонгвейл, — сказал Неборт, — так что, если вы не возражаете, мы быстро перекусим, минут за пятна-

дцать. — Он огляделся. — А где Фосс? Я хочу внести изменения в эту сцену.

— Мистер Фосс сказал, что он доберется сюда пешком, — ответил кто-то из труппы, — ему нужно было о чем-то поговорить с сэром Грегори.

Джек Небворт крепко выругался по адресу бестолкового лиг-консультанта.

— Надеюсь, он остался не для того, чтобы опять кланчить деньги, — недовольно бросил Джек. — Этот парень, чего доброго, лишит нас кредита. Вечно он проворачивает какие-то махинации, после которых становится еще более нищим. Вы хотите заночевать здесь? Не думаю, что вам удастся выпасться, — заметил он Майклу, переменив тему. — Может, лучше вам вернуться в Лондон?

— Не сегодня, — быстро ответил Майкл. — Однако мне не хочется причинять вам неудобства.

— Пойдемте, — тихо произнес Небворт, — я познакомлю вас со стариком. Он несколько странноват, но у него душа ребенка.

— Он мне понравился, — заметил Майкл.

Мистер Лонгвейл еще раз произнес приветственные слова.

— Боюсь, однако, — сказал он, — что в столовой всем места не хватит. Надеюсь, вы не откажетесь от чая?

Он проводил гостей в узкую длинную комнату, потолок которой поддерживали почерневшие балки. Стены ее были обшиты панелями — от прикосновения множества рук они стали гладкими и блестящими. Им было не менее пятисот лет. «Какое счастье, что над камином нет никакого оружия!» — удовлетворенно подумал про себя Майкл. Зато стену украшал портрет красивого старого джентльмена.

Майкл ни слова ни сказал об этой картине. Старик тоже молчал. Все быстро перекусили. Сидя у стены, Майкл молча наблюдал за съемками последней сцены.

Адель играла блестяще. Это была уже не Адель Лэмингтон. Это была Розелла, наследница имения, которое пытался отнять у нее безнравственный кузен. Сам сюжет показался Майклу знакомым — довольно грубый плагиат хорошо известного произведения. Бриксан не замедлил упомянуть об этом, как только съемка была закончена.

— Я так и думал, что коллизию уже не раз использовали, — философски заметил Джек. — Это дело Фосса, но мне жаль, что в сюжете нет ничего оригинального.

Наконец с большим опозданием появился мистер Фосс.

Вернувшись в кабинет, Майкл встал у окна, наблюдая, как гаснут последние лучи солнца, и попытался понять, почему его так сильно влечет к Адель.

Майкл Бриксан встречал немало прекрасных женщин и однажды чуть было не влюбился. Но только сейчас, холодно проанализировав свои чувства, он понял, что то было увлечение

не очень серьезное. А вот сейчас он может влюбиться по-настоящему. Причем в девушку, которую раньше никогда не видел.

— Но это же чушь, — неожиданно произнес он вслух.

— Что чушь? — спросил Небворт, незаметно вошедший в комнату.

— Мне тоже интересно, о чем вы думали, — с улыбкой произнес старый Лонгвейл, который до этого молча наблюдал за молодым человеком.

— ...Я...э... я размышлял о портрете, — сказал Майкл и показал на картину над камином. В каком-то смысле он говорил правду, ибо нить его размышлений затрагивала не только Адель. — Лицо это показалось мне знакомым, — добавил он, — но это чушь, так как портрет явно старой работы.

Мистер Лонгвейл зажег две свечи и одну из них поднес к портрету.

— Это мой прапрапрадядя, Чарльз Генри, — с гордостью произнес мистер Лонгвейл, — или, как мы любовно называем его в кругу нашей семьи, «Великий месье».

Когда старик заговорил, Майкл полуобернулся к окну... День угасал, а комната была освещена всего двумя свечами. Вдруг все поплыло перед глазами Майкла. Джек Небворт, увидев, как побледнело его лицо, схватил молодого человека за руку.

— Что случилось? — спросил он. — Что это было? Вы видели? — воскликнул Джек и бросился к окну, пытаясь разглядеть, что происходит на улице.

— Что? — сказал присоединившийся к ним старый Лонгвейл.

— Готов поклясться, что я видел какую-то голову. А вы ее заметили, Бриксан? — взволнованно говорил Джек.

— Да, что-то было, — неуверенно произнес Майкл. — Вы не будете возражать, если я выйду в сад?

— Надеюсь, вы тоже видели ее, — добавил Джек. — Похоже это была голова с мордой обезьяны.

Майкл кивнул. По вымощенному плитам коридору он вышел в сад, выхватил из-за пояса браунинг, снял его с предохранителя и сунул в карман куртки.

Вскоре молодой человек исчез во тьме. Пять минут спустя Небворт увидел, как он ходит по аллее сада, и присоединился к нему.

— Что-нибудь заметили?

— В саду — ничего. Вы, должно быть, ошиблись.

— Но вы же говорили...

— Может быть, мне только показалось, — с притворным безразличием сказал Майкл. — Когда вы собираетесь снимать ночные сцены?

— И все же вы что-то видели, Бриксан. Это было лицо?

Майкл Бриксан кивнул.

10. ОТКРЫТОЕ ОКНО

Майкл ходил по аллее сада, когда зажужжал установленный на грузовике генератор, с шипением вспыхнули юпитеры, и фасад дома неожиданно осветился ярким светом. На обочине дороги остановился мотоциклист, чтобы полюбоваться необычным зрелищем.

— Что происходит? — спросил он с любопытством.

— Снимают фильм, — ответил Майкл.

— Ах, вот в чем дело. Это, наверное, компания Небворта?

— Да... Куда вы едете? — неожиданно заинтересовался Майкл. — Простите, но, если ваш маршрут лежит через Чичестер, то не окажете ли мне услугу? Я тоже направляюсь в эту сторону.

— Садитесь, — сказал мотоциклист. — Меня ждут в Петворте, но это недалеко от Чичестера, так что могу подвезти.

Майкл слез недалеко от рыночной площади и направился к дому своего школьного учителя. Он помнил, что у того была великолепная библиотека. Отклонив настойчивое предложение хозяина пообедать, Майкл сразу же изложил цель прихода.

— Что-то не помню, — смеясь, заметил хозяин, — чтобы вы в школе были прилежным читателем. Но можете посмотреть библиотеку.

Майкл пробыл в библиотеке двадцать минут. Когда он вернулся в гостиную, его глаза сияли.

— Можно воспользоваться вашим телефоном? — спросил он и, получив утвердительный ответ, позвонил в Лондон.

В течение десяти минут он разговаривал со Скотленд-Ярдом. Затем прошел в столовую, где учитель, старый холостяк, в одиночестве поглощал обед.

— Вы можете оказать мне еще одну услугу, наставник моей молодости, — сказал Майкл. — Есть ли у вас, в этой цитадели мира, пистолет большего калибра, чем этот? — и он положил свой браунинг на стол.

Майклу было известно, что в свое время мистер Скотт был офицером территориальной армии и даже инструктором офицерского учебного корпуса, так что спрашивал он неспроста.

— Да, у меня кое-что есть. Помощнее, чем у вас. А вы что, собираетесь охотиться на слонов?

— На более опасное создание, — ответил Майкл.

— Я всегда страдал любопытством, — сказал учитель и спустя несколько секунд вернулся с револьвером большого калибра и коробкой патронов.

За пять минут они прочистили оружие, давно не использовавшееся. Опустив револьвер в карман куртки, Майкл попрощался и с легким сердцем вышел на улицу. Теперь ему яснее представлялась стоявшая перед ним задача.

В местном гараже Майкл нанял машину и, чуть не доезжая до Доуэр-хаус, отпустил ее. Джек Неборт даже не заметил его отсутствия. Но старый мистер Лонгвейл сразу же подошел к Майклу, как только тот вошел в сад.

— Могу я поговорить с вами, мистер Бриксан? — спросил он тихим голосом, и они вдвоем вошли в дом. — Помните, мистер Неборт был очень взволнован, потому что ему показалось, что в окне мелькнула обезьянья морда?

Майкл кивнул.

— Ну так вот. Конечно, это чертовски странно, — внушительно произнес старик, — но четверть часа назад я оказался в дальнем конце сада и, когда посмотрел через ограду в поле, то увидел, как там, чуть ли не прямо из-под земли, выросла гигантская фигура, которая затем двинулась в сторону тех кустов, — и он показал на группу небольших деревьев на противоположной стороне дороги. — При чем фигура эта, по-видимому, специально пригибалась к земле, чтобы никто не заметил ее.

— Вы мне покажете это место? — быстро спросил Майкл.

Следуя за стариком, он пересек дорогу и подошел к кустам, но там уже никого не было. Майкл осмотрелся, но не заметил никаких признаков Бэга. В том, что это был именно Бэг, он не сомневался. Может быть, в его появлении нет ничего необычного, ведь Пени рассказывал ему, что орангутанг имеет привычку совершать ночные прогулки. Но если предположить...

Мысль была абсурдной, фантастически абсурдной. Но все же, учитывая экстраординарную человекоподобность животного, ничто не покажется таким уж абсурдным.

Вернувшись в сад, Майкл отправился на поиски девушки. Она уже закончила свой эпизод и молча наблюдала за двумя актерами, которые исполняли роли взломщиков — они в свете юпитеров карабкались по стене.

— Извините меня, мисс Лэмингтон, но я должен задать вам странный вопрос. Вся ваша одежда на вас?

— Действительно, странный вопрос! Нет, не вся. Я еще привезла одежду на случай, если переменится погода.

— Тогда другой вопрос. Вы ничего не забыли в Грифф-тауэрсе?

— Я потеряла там шарфик, — смущенно ответила девушка. — Вы его нашли?

— Нет. А когда вы его потеряли?

— Чуть ли не сразу по приезде туда. На какую-то секунду мне показалось... — Она замолчала. — Правда, это глупо, но...

— Что вам показалось? — спросил Майкл.

— Я бы не хотела говорить... Это мое личное дело.

— Вы подумали, что сэр Григори взял его на память, как сувенир?

Даже в полутьме он заметил, что она покраснела.

— Да, пожалуй, — несколько натянуто согласилась девушка.

— Тогда детали вашего гардероба не имеют особого значения, — сказал Майкл.

— О чем вы говорите?

Адель подозрительно посмотрела на Майкла, уж не пьян ли он? Но объяснить ей сейчас смысл своих, казалось бы, несвязных вопросов он не мог.

— А теперь все — спать! — раздался голос старого Джека Небворта.

— Все! Спать! Мистер Фосс покажет вам ваши комнаты. Мне нужно, чтобы в четыре утра вы были уже на ногах, так что постарайтесь быстрее заснуть. Фосс, вы распределили комнаты?

— Да, — ответил тот. — На каждой двери табличка с именем.

Адель пожелала детективу приятного сна и отправилась в свою комнату — небольшую, просто обставленную, с каким-то затхлым запахом.

Она закрылась на ключ, погасила свечи, в темноте разделась, подошла к окну и открыла его. И тогда, впервые, в центре одной из небольших планок оконного переплета она заметила кружочек бумаги. Он был приклеен с улицы. Сперва она хотела содрать его, но затем подумала, что это может быть специальный указатель, которым Неборт решил отметить точное место съемок.

Адель не смогла сразу заснуть, она почему-то стала думать о Майкле. Он — приятный юноша, говорила она себе. Какое-то шестое женское чувство наводило ее на эту мысль. Но он, конечно, нахал! В конце концов ее настроение изменилось, и она заснула с улыбкой.

Проспала она часа два, хотя они и показались ей двумя секундами. Разбудило же ее ощущение надвигающейся опасности. Она села в кровати, сердце бешено билось. Адель оглядела комнату. При бледном лунном свете был виден почти каждый ее угол. Комната была пуста. Может быть, кто-нибудь, находящийся за дверью, разбудил ее? Она подергала дверную ручку. Дверь была заперта. Окно? Оно ведь у самой земли, вдруг вспомнила Адель. Подойдя к окну, она закрыла одну раму. Когда же она стала закрывать вторую, из темноты внизу вдруг показалась огромная волосатая лапа и схватила ее за руку, сжав как тисками.

Адель не испустила ни звука, она стояла не дыша, чувствуя, что умирает от страха. Сердце ее почти перестало биться, она чувствовала, что ее охватывает смертный холод. Что это? Собрав все свое мужество, она посмотрела вниз и увидела чудовищную морду и два круглых зеленых глаза, уставившихся на нее.

11. ЗНАК НА ОКНЕ

Это создание что-то нежно щебетало. В темноте она увидела блеск белых зубов. Ухватившись одной лапой за стебли плюща, другой чудовище крепко держало запястье Адель. Над подоконником вдруг появилась огромная волосатая нога, за ней вторая...

Хотя крик Адели был приглушен волосатой лапой, кто-то услышал его, откуда-то снизу сверкнул огонь и прозвучал выстрел. Пуля чиркнула о кирпичную стену... Огромная обезьяна отпустила жертву и мгновенно исчезла. Едва не потеряв сознание, Адель упала на подоконник. Она еще успела увидеть, как из-за кустов появился какой-то полуночный бродяга — им оказался Майкл Бриксан.

— Вы не пострадали? — спросил он тихим голосом.

Адель не могла произнести ни слова, поэтому только покачала головой.

— Я попал в него?

— Боюсь, что нет, — с трудом произнесла она хриплым голосом. — Он скрылся.

Майкл вынул из кармана фонарик и осмотрел землю.

— Никаких следов крови. В него трудно было стрелять, я боялся случайно задеть вас.

Сверху раскрылось окно, и в ночи раздался голос Джека Небворта:

— Что там еще за стрельба? Бриксан, это вы?

— Да, я. Спускайтесь вниз. Я вам должен что-то показать.

...Как ни странно, однако выстрела, видимо, никто больше не слышал, поэтому, когда Небворт вышел в сад, он увидел там одного Майкла.

В нескольких словах тот рассказал ему о происшедшем.

— Эта обезьяна принадлежит вашему другу Пенну, — заметил Майкл. — Я ее видел сегодня утром.

— Может, бродя по окрестностям, он случайно увидел открытое окно? Как вы думаете?

— Нет, — задумчиво сказал Майкл, покачав головой, — он пришел сюда с определенным намерением, с одной целью, а именно: выкрасть вашу ведущую актрису. Это, пожалуй, звучит и драматично, и невероятно, но таково мое мнение. Эта обезьяна, должен я вам сказать, почти как человек.

— Но она не может знать девушки. Она ведь никогда не видела ее.

— Она могла найти ее по запаху, — заметил Майкл. — Сегодня днем в Грифф-тауэрсе Адель потеряла свой шарф. Наверняка его прибрал к рукам благородный Грегори Пенн, чтобы затем дать понюхать эту вещьцу Бэгу.

— Не могу поверить! Невероятно! Хотя должен признать, —

задумчиво произнес Джек Небворт, — эти огромные обезьяны — удивительные существа. Кстати, а что вы делаете здесь?

— Просто веду наблюдение, — беззаботно отозвался собеседник. — Я и не собирался уходить из сада, потому что ожидал появления Бэга. А это кто?

Открылась дверь, и на улице появилась еще одна стройная фигура, облаченная в халат.

— Дорогая, вы можете простудиться, — предупредил Небворт. — Что с вами произошло?

— Не знаю. — Девушка все еще чувствовала, как болит рука. — Мне что-то послышалось, и я подошла к окну, и тут вдруг появилось это ужасное создание. Что это было, мистер Бриксан?

— Ничего особенного, просто обезьяна, — с показным равнодушием произнес Майкл. — Виноват, что так напугал вас. Мне кажется, стрельбой вы встревожены больше.

— Да нет же! И вы прекрасно это знаете. О, какой ужас! Я до сих пор не могу прийти в себя.

Адель закрыла лицо дрожащими пальцами.

— Действительно, это ужасно, — проворчал старый Джек. — Тем не менее, сударыня, вы обязаны нашему другу. Он явно ожидал этого визита и поэтому был в саду.

— Ожидал?! — с удивлением произнесла Адель.

— Мистер Небворт преувеличивает мою роль, — сказал Майкл. — Если вы думаете, что во мне говорит естественная скромность, то ошибаетесь. Я действительно ожидал этого джентльмена, но только потому, что его заметил в поле мистер Лонгвейл. Кстати, вы его и сами видели, Небворт, разве не так?

Джек кивнул.

— Мы все его видели, — продолжал Майкл. — И мне не понравилось, что будущую звезду — простите мою благую надежду — могут беспокоить разные обезьяны. Поэтому я решил посторожить в саду.

Под влиянием неожиданного порыва Адель тепло пожала ему руку.

— Благодарю вас, мистер Бриксан, — сказала она. — Я думала о вас хуже. Простите меня...

— С кем не бывает... — произнес Майкл, выразительно пожав плечами.

Адель вернулась в комнату и на сей раз закрыла окно. Еще раз, прежде чем лечь спать, она выглянула из-за занавески и увидела внизу свет зажженной сигары своего сторожа. Успокоенная Адель легла и проснулась всего на несколько минут до того, как Фосс начал делать обход, будя артистов.

Литконсультант первым спустился вниз. В восходящих лучах солнца начали тускло вырисовываться очертания сада.

Мистер Фосс хриплым голосом пожелал Майклу Бриксану доброго утра.

— И вам доброго утра, — ответил Майкл. — Кстати, мистер Фосс, вы вчера задерживались в Грифф-тауэрсе, чтобы переговорить со своим другом Пенном. Так ведь?

— Это не ваше дело, — грубо отрезал Фосс, намереваясь удалиться, но Майкл встал у него на пути.

— И все-таки есть один вопрос, который имеет ко мне прямое отношение, а именно: почему этот маленький кружок бумаги появился на окне мисс Лэмингтон?

И он указал на кружок, который днем раньше обнаружила Адель.

— Я ничего не могу сказать об этом, — с возмущением произнес Фосс, хотя в его голосе прозвучали нотки страха.

— Если вы ничего об этом не знаете, то кто знает? Я сам видел, как вы вчера вечером наклеивали этот кружок!

— Позвольте. Но это всего лишь метка для кинооператора.

Это было вполне благовидное объяснение. Майкл сам видел, как Джек Небворт делал в саду различные отметки, чтобы актеры не выпадали из кадра. При первой же возможности он спросил об этом Неворта.

— Нет, я не давал распоряжения делать эту метку. Где она?

Майкл показал.

— Даже если б у меня было такое намерение, я бы никогда не поставил ее здесь. Прямо в центре окна! Что вы думаете об этом?

— Я думаю, что эта метка была установлена Фоссом по просьбе Грегори с одной-единственной целью.

— Какой? — широко раскрыв глаза, спросил Небворт.

— Чтобы показать Бэгу, где комната Адель Лэмингтон.

12. КРИК ИЗ БАШНИ

Майкл не стал дожидаться, когда начнутся утренние съемки. Он решил перейти к действиям и, как только представилась возможность, незаметно покинул Доуэр-хаус, пересек поле и добрался до дороги, ведущей в Грифф-тауэрс.

Вскоре он дошел до высокой каменной стены, служившей южной границей владений баронета, и пошел вдоль нее, пока не оказался у двери, которой явно недавно пользовались, ибо она была слегка приоткрыта. Он осторожно продолжил свои изыскания и дошел до высокой живой изгороди из бука, отделявшей огород от прекрасного сада, недавно служившего фоном для киносъемок Джека Неворта.

Майкл все время окидывал местность блуждающим взглядом, опасаясь появления Бэга. Наконец он вышел на посыпанную

гравием площадку неподалеку от высокой квадратной башни, давшей название поместью.

Он еще раздумывал, заходить в дом или нет, как вдруг услышал звон стекла и, подняв голову, увидел, как из самой верхней комнаты башни вниз полетели осколки. Солнце не встало, земля была покрыта предрассветной тьмой, и изгородь служила великолепным укрытием.

Кто бы мог разбить окно в столь раннее время? Неужели осторожный Бэг? Майкл все еще раздумывал, как вдруг утренний воздух прорезал пронзительный крик, полный такого ужаса, что от него застыла кровь в жилах.

Не колеблясь больше ни минуты, Майкл вышел из укрытия, быстро перебежал покрытую гравием дорожку и зазвонил в колокольчик у входа в башню. Прошла минута, другая. Он уже было протянул руку, чтобы позвонить второй раз, как вдруг услышал тяжелую поступь человека, идущего в шлепанцах по коридору.

— Кто там? — раздался глухой голос.

— Майкл Бриксан.

Послышалось ворчанье, звяканье цепочек, щелканье замков, и наконец большая дверь немного приоткрылась.

Показался Грегори Пенн в серых фланелевых брюках, в рубашке с расстегнутыми манжетами. При виде детектива недовольство на его лице сменилось удивлением.

— Что вам угодно? — требовательно спросил он и еще больше приоткрыл дверь.

— Я хочу поговорить с вами, — ответил Майкл.

— Вы что, всегда избираете такое время для визитов? — недовольно спросил Грегори, закрывая дверь после того, как впустил неожиданного гостя.

Майкл ничего не ответил и молча последовал за Грегори Пенном. В библиотеке ночью явно кто-то находился. Окна были закрыты, свет включен, а перед камином на столе стояли две бутылки виски, одна из которых была уже опорожнена.

— Ваш орангутанг дома? — спросил Майкл.

— Что? Бэг? Думаю, что да. Он сам выбирает, когда ему гулять. Вы хотите его видеть?

— Не особенно, — ответил Майкл. — Я его сегодня уже видел. Ночью.

Пенн взял уголек из камина, прикурил сигару и быстро повернулся.

— Вы его уже видели? Что вы этим хотите сказать?

— Я видел его в Доуэр-хаус, когда он пытался пробраться в комнату мисс Лэмингтон, при этом едва не погиб.

Грегори бросил в камин уголек, от которого прикуривал, и встал.

— Скажите лучше, что вы хотели его убить, — сказал он.

— Да, я стрелял в него.

— Вы стреляли в него, — не повышая голоса, повторил Грегори. — Этим все объясняется. Но почему вы стреляли в него? Он же совершенно безобиден.

— Мне так не показалось, — холодно возразил Майкл. — Он пытался вытащить мисс Лэмингтон из комнаты. И это вы, видимо, послали его за девушкой. Это вы уговорили Фосса сделать метку на окне, чтобы Бэг знал, где ее спальня.

Майкл остановился, но ответа не последовало.

— Не скрою, мне кажутся пещерными методы, даже когда человека крадет человек, но, когда он посылает обезьяну, это уже переходит всякие границы.

Глаз Пенна не было видно, но его лицо посерело.

— Странно, — сказал он наконец. — А я думал, мы с вами подружимся.

— Оставьте при себе ваши иллюзии! — заметил Майкл. — И я хочу еще добавить, — он постучал пальцем по груди собеседника, — что если что-нибудь произойдет с Адель Лэмингтон и следы приведут сюда, я не удовлетворюсь только мистером Бэгом... Я убью вас. Вы это понимаете? А теперь я хотел бы узнать, что за крик раздался только что в башне.

— Какого черта? — горя от ненависти и брызгая слюной, заорал Пенн. — Вы, верно, вообразили, что я на перекрестном допросе?

Майкл вынул из кармана визитную карточку и вложил ее в руку Грегори.

— Если вы меня спрашиваете, то здесь найдете ответы на свои вопросы.

Грегори Пенн взял карточку, подошел к настольной лампе и стал читать. Эффект был потрясающий. Его мощная челюсть отвисла, рука так сильно задрожала, что карточка упала на пол.

— Детектив? — в ужасе пролепетал он. — Д... Детектив! Что вам здесь нужно?

— Я уже сказал вам, что слышал чей-то крик.

— Это, должно быть, кто-то из слуг. У меня живет папуаска, она немного не в себе, мы сегодня отправляем ее в больницу. Я сейчас схожу и узнаю.

Он посмотрел на Майкла, как бы испрашивая разрешения.

Майкл кивнул.

Полный мужчина поспешил удалиться. Щелкнул замок. Майкл мгновенно оказался у двери, пытаясь ее открыть, но она не поддавалась.

Он оглянулся по сторонам, подбежал к окну, отдернул портьеру. Окно оказалось забрано решеткой, запертой на замок.

Не успел Майкл осознать все это, как огни в комнате разом погасли, и только от камина исходил слабый багровый свет.

13. НЕУДАВШАЯСЯ ЛОВУШКА

Затем раздался слабый скрип, сопровождавшийся едва слышимым шумом шагов и тяжелым дыханием. Майкл не стал ждать. Он выхватил браунинг и дважды выстрелил в замок решетки. Звук выстрела наполнил грохотом замкнутое помещение. Это и оказало неслыханное воздействие на незваного гостя, ибо когда решетка со стуком распахнулась и под действием ветра занавеска взмыла вверх, впустив первые солнечные лучи, комната оказалась пустой. Почти сразу же открылась дверь. Если до этого баронет был в панике, то сейчас его вид был просто жалким.

— Что это, что это? — бормотал он, запинаясь. — Что это за выстрелы?

— Это я стрелял, — спокойно ответил Майкл. — Джентльмену, которого вы послали сюда, судя по всему, повезло — я стрелял только по решетке...

Майкл увидел на полу что-то белое, быстро пересек комнату и поднял шарфик из плотного шелка.

— Кто-то в спешке обронил его здесь. Уверен, что им собирались воспользоваться.

— Мой дорогой друг, уверяю вас, я ничего не знал.

— Ну а как наша больная папуаска?

Грегори Пенн пытался сдержать дрожь.

— С ней все в порядке. Это был... как я и думал, просто приступ.

Майкл печально посмотрел на Пенна.

— Мне придется взглянуть на нее, если не возражаете, — сказал он.

— Я запрещаю! — вызываяще громким голосом заорал Пенн, опять обретший уверенность. — Я запрещаю вам тут хозяйничать. Какого черта! Вы врываетесь в мой дом ни свет ни заря, портите мое имущество...

Майкл не стал возражать. Он медленно пошел к выходу. На улице рассветало.

— Я не настаиваю на обыске вашего дома, — заявил Майкл в дверях, повернувшись к Грегори Пенну, — потому что, как вы знаете, у меня нет ордера, а к тому времени, когда я его раздобуду, искать будет нечего. Но теперь берегитесь, мой дорогой! Все это вам даром не пройдет.

С этими словами он вышел из дома, сделал несколько шагов и, подняв голову, встретился взглядом с девушкой, сидящей у верхнего окна башни. Лицо ее выражало отчаяние.

Майкл вернулся в Доуэр-хаус к завтраку. Его отсутствия никто не заметил, за исключением, пожалуй, одной Адель, которая заикнулась об этом в разговоре при встрече.

Джек Неборт был в хорошем настроении. По его мнению, снятые сцены оказались просто великолепными.

— Я, конечно, не могу дать окончательного заключения, по крайней мере, до начала монтажа, но что касается молодой Лэмингтон — она чертовски хороша. Не люблю загадывать, но мне кажется, она станет выдающейся актрисой. Кинозвездами не рождаются, ими становятся после долгих лет терпения и страдания. Ваша девушка прошла все этапы и, как только выпал случай, сразу же хорошо проявила себя.

— Когда вы говорите о «моей девушке», — осторожно заметил Майкл, — будьте любезны не забывать, что у меня к ней просто случайный интерес.

— Если это не ложь, — сказал Джек Небворт, — то вы просто болван.

Когда они вернулись в Чичестер, Небворт увидел ожидающую его посетительницу. Он холодно поздоровался с ней.

— Я хочу поговорить с вами, мистер Небворт, — произнесла Стелла Мендоса, одновременно улыбнувшись ведущему актеру, сопровождавшему кинорежиссера. С видом раскаяния и смущения она достала кружевной платочек. Однако это не произвело на Джека никакого впечатления.

— Я вела себя глупейшим образом и пришла просить у вас прощения. Мне прийти завтра или я могу приступить к съемкам сегодня?

— Вы не нужны мне ни сегодня, ни завтра, Стелла, — сказал Небворт с иронической улыбкой. — Заменявшая вас девушка играет удивительно хорошо, и я не намерен что-либо менять.

Стелла бросила на него злобный взгляд, резко контрастирующий с ее недавним показным смирением.

— Но ведь у меня контракт. Надеюсь, вы знаете это, мистер Небворт? — вызывающе бросила она.

— А мне бы так хотелось играть с мисс Мендосой, — проворковал сладким голосом молодящийся Корби Коннолли. — Так трудно играть в паре с мисс... Я даже не знаю ее имени. Она так... Ей не хватает мастерства, мистер Небворт. И потом несправедливо отстранять мисс Мендосу от участия в съемках, — сказал Корби. — Нет, несправедливо. Я чувствую себя просто ужасно, сильно нервничаю, а человеку очень трудно самовыражаться, если он нервничает. В общем, — добавил он беззаботно, — я, пожалуй, не буду сниматься, пока не вернется мисс Мендоса.

Стелла обратила к нему благодарный взгляд, а затем с улыбкой обернулась к молчащему Джеку.

— Так мне приступить сегодня?

— Ни сегодня, ни завтра! — рявкнул старый режиссер. Глаза его горели бешенством. — А что касается вас, наш нежный герой, то если вы попытаетесь давить на меня, я добьюсь того, чтобы вы оказались в черном списке всех студий страны, и всякий раз при встрече я буду пинать вас под зад.

Едва сдерживаясь от ярости, Джек следом за Майклом пошел в кабинет.

— Что вы думаете об этом? — сказал Джек, когда немного успокоился. — И с такими сукиными детьми приходится работать! Он, видите ли, «пожалуй, не будет сниматься»! Уйдет с середины картины! Вы слышали, что сказал этот сюсюкающий мышонок? Скажите, Бриксан, а вы бы не хотели сыграть в паре с Адель? Вряд ли вы будете хуже Коннолли и время, свободное от поисков Охотника за головами, заполните делом.

— Нет, благодарю вас, — ответил Майкл. — Это не мое амплуа. Что же касается Охотника за головами, — он медленно закурил сигарету, — я знаю, кто он.

Джек уставился на него в изумлении.

— Бросьте шутить! — воскликнул он.

— Напротив, я говорю серьезно, — спокойно ответил Майкл. — Но знать Охотника за головами и довести дело до суда — это разные вещи.

Джек Неборт сел за письменный стол, засунул руки в карманы брюк и с лицом, полным недоверия, обернулся к детективу.

— Надеюсь, этот человек не из моей команды, — с тревогой сказал он.

Майкл рассмеялся.

— Я не имел удовольствия познакомиться со всеми участниками труппы, но в любом случае вам не стоит беспокоиться. Тем более сейчас забот у вас прибавилось. Что вы собираетесь делать с мистером Корби Коннолли?

Режиссер пожал плечами.

— Конечно, мне не стоило взрываться, — сказал он. — Такие дураки обычно сами не знают, что говорят. Что же касается Мендосы... — Джек выразительно махнул рукой, и этим было все сказано.

Мисс Стелла Мендоса, однако, не собиралась мириться со своей отставкой. Она начинала с нуля и научилась не сдавать без боя ни одной из своих позиций. А надо сказать, позиции ее были достаточно сильны. К тому же она была достаточно обеспечена и в дополнение к большим заработкам имела доход из не известного никому источника. Это позволяло Мендосе чувствовать себя довольно уверенно в мире кинобизнеса.

Выйдя из студии, она столкнулась с Лоули Фоссом и рассказала о результатах своего разговора.

— Если дело обстоит так, вы ничего не добьетесь, — сказал он. — Я бы замолвил за вас словечко, Стелла, но мне самому придется защищаться, — с горечью добавил он. — Слишком унижительно человеку с моим авторитетом кланяться этому старому янки.

— Вам следовало бы иметь свою собственную студию, Лоули, — произнесла Мендоса. Впрочем, она это говорила ему и

раньше. — Вы бы писали сценарии, а я бы воплощала их на экране. Мы бы всех обскакали, Лоули. Я уверена!

— Он сейчас у себя?

Мендоса кивнула, и Лоули Фосс, не говоря больше ни слова, в каком-то странно-тревожном состоянии постучал в дверь кабинета шефа.

— Разрешите, мистер Небворт. У меня к вам минутное дело. Я хотел бы просить у вас одолжения.

— Неужели опять деньги? — резким тоном спросил Джек, нахмутив мохнатые брови.

— Да, вообще-то деньги. Я просрочил парочку мелких счетов, а владельцы их вдруг забеспокоились. К двум часам дня я должен раздобыть 250 фунтов.

Джек выдвинул ящик стола, достал чековую книжку и написал чек на две сотни фунтов.

— Это вам за месяц вперед, — сказал он. — Вы уже получали свою зарплату. По условиям контракта вас за месяц до увольнения должны предупредить или же заплатить за этот месяц. Вот, получите.

Фосс побагровел.

— Вы хотите сказать, что я уволен? — смущенно спросил он.

Джек кивнул.

— Да, уволены. Но не только потому, что все время просите денег. И не потому, что вы один из самых тяжелых людей, с которыми мне приходилось когда-либо иметь дело; признаюсь, что я потрясен тем, что вы сделали вчера вечером.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, и здесь я целиком согласен с мистером Бриксаном, что вы специально приклеили метку на окно комнаты мисс Лэмингтон, и не отпирайтесь — это для того, чтобы помочь посланцу сэра Грегори Пенна. Орангутанг чуть было не похитил мою ведущую актрису.

— У вас в крови мелодрама, Небворт, — с деланным смешком сказал Фосс. — Похитить вашу ведущую актрису! Такое может произойти в Соединенных Штатах, но не в Англии.

— Прощу вас, не забудьте закрыть дверь, — произнес Джек.

14. ДВОЕ ИЗ СКОТЛЕНД-ЯРДА

Чичестер не знаменит ресторанами, но зал в небольшом отеле, где в тот день уселись за столик трое мужчин, способствовал приятному общению.

Когда Майкл Бриксан приехал в гостиницу, он узнал, что его ждут два джентльмена. После быстрого знакомства он пригласил их к себе.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он, когда один из гостей, полицейский инспектор, прикрыл за собою дверь. —

Дело в том, что уголовные дела мне вновь. Боюсь, многого я вам не смогу объяснить, — с улыбкой добавил он. — В настоящий момент я еще не готов высказать все свои подозрения.

Инспектор Лайл, старший из пришедших, рассмеялся.

— Нас отдали полностью в ваше распоряжение, капитан Бриксан, и мы не очень-то любопытны. Что же касается информации, которой вы интересовались, то с нею вас ознакомит сержант Уолтерс, — и он показал на высокого коллегу.

— Какую информацию? О Пенне? Он известен полиции? — заинтересованно спросил Майкл.

Сержант Уолтерс кивнул.

— Несколько лет назад он был оштрафован за истязание служанки. Избил девушку хлыстом и едва избежал тюремного заключения. Тогда-то впервые он попал в поле нашего зрения. Мы навели справки в Лондоне и в Малайе, и вот что нам сообщили. Он очень богат и, будучи дальним родственником последнего баронета, можно сказать, присвоил себе его титул. Около 20 лет он жил на Борнео, в глубине джунглей, и то, что удалось узнать о нем, говорит не в его пользу. С некоторыми фактами биографии Пенна вы можете ознакомиться на досуге, мистер Бриксан. Они изложены в его деле.

Майкл кивнул.

— Вы слышали, что у него есть дрессированный орангутанг? — спросил он.

Собеседники Майкла переглянулись. Сержант ответил:

— Бэг? Да, нам о нем известно. Пенн поймал его совсем маленьким и вырастил в неволе.

Майкл сделал несколько коротких распоряжений. В тот же вечер, когда Адель шла домой, она заметила, что за ней следует мужчина. Сперва девушка забеспокоилась. Но дома она обнаружила записку от Майкла:

«Надеюсь, вы не будете возражать, если я приставлю к вам сотрудника Скотленд-Ярда. Не думаю, что вам угрожает опасность, но я буду чувствовать себя спокойнее, если вы согласитесь потерпеть это неудобство».

Адель прочитала записку и нахмурилась. Итак, к ней приставлен телохранитель. Конечно, это странно и неудобно, но она не могла не испытать чувства благодарности к энергичному молодому человеку, беспокоящемуся о ее безопасности.

15. ШОКОЛАДНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ НИОТКУДА

Столкнувшись с совершенно новым поводом для недовольства жизнью, Лоули Фосс был крайне раздражен и раздосадован. Раз так, то он постарается отомстить обидчикам за то, что с ним так дерзко обошлись. Решившись действовать, он направился к Стелле Мендосе. В гостиной ее небольшого очаровательного домика состоялся военный совет. Третьим его участником был

Корби Коннолли. Только нужда друг в друге вызывала их взаимное расположение.

— Неборт несправедливо поступил с нами, мистер Фосс, — сказала Стелла. — В особенности с вами. Я думаю, по сравнению с вашими бедами мои заботы — ничто.

— Он с вами тоже ужасно обошелся, — возмущенно сказал Фосс. — С актрисой такого уровня!

— А сколько вы сделали для него! — продолжила Стелла. — А с Корби он вообще поступил как с собачонкой.

— Меня лично это мало беспокоит, — произнес Корби. — Я всегда могу получить контракт, а вот вы...

— Ладно, мы все можем как-то устроиться, — кисло сказала Стелла. — Если я захочу, я могу организовать собственную компанию. Двое кинорежиссеров просто сходят от меня с ума, а еще двое, я точно знаю, готовы вложить в мою компанию все, вплоть до последнего пенни. По крайней мере, внесут достаточную сумму.

— Дело в том, сможем ли мы раздобыть такие деньги сейчас, — заметил Фосс, переходя к практической стороне дела.

На сей раз Стелла не смогла предложить ничего конкретного. Фосс понимающе выждал паузу.

— Я знаю, где можно раздобыть средства, — к удивлению собеседников, продолжил Фосс. — Не буду говорить, как я это сделаю, но абсолютно уверен, что смогу достать огромную сумму. Единственно... — тут Фосс снова помолчал, — мне было бы значительно легче вести переговоры, если бы деньги предназначались для какой-то определенной цели или лица, но не для меня лично.

— А что, это менее рискованно? — ляпнул Корби Коннолли, горя желанием хоть как-то участвовать в разговоре.

Нетактичное замечание вызвало у Фосса, по обыкновению безобразно побагровевшего, резкое недовольство.

— Что значит «менее рискованно»? — прорычал он. — На что вы, черт возьми, намекаете?

Бедняга Корби ничего определенного не имел в виду. Он просто хотел внести свою лепту в добывание денег и не понимал, почему вызвал такую бурю; он замкнулся и больше не принимал участия в разговоре. Однако, промолчав добрых полчаса и выслушав соображения собеседников, Корби Коннолли решился снова подать голос, и снова это вышло неудачно.

— Все это очень хорошо, Стелла, — сказал он, — но мне кажется, со мной никто не считается.

Видя, что Фоссом на этот раз овладевает нешуточное бешенство, недовольный Корби удалился, прежде чем Стелла поняла, что, удержав она его, Неборт был бы поставлен в безвыходную ситуацию — ведь тому пришлось бы изъять из картины те части, где снимался Корби.

— Черт с ним, с Коннолли. С этой статисточкой картина точно провалится. Играет она плохо. Кстати, у меня есть друг в Лондоне, — пояснил Фосс, когда разговор снова зашел о деньгах, — который действительно окажет нам содействие. Сегодня вечером я с ним увижусь.

— А кто такой Бриксан? — поинтересовалась Стелла, когда Фосс собирался уходить.

— Детектив.

Она широко раскрыла глаза.

— Детектив? И что же он делает здесь?

Лоули Фосс презрительно улыбнулся.

— Он собирается выполнить задание, которое не под силу человеку с его умственными способностями, — презрительно улыбаясь, ответил Лоули Фосс, — найти Охотника за головами. Я единственный в мире, кто мог бы ему помочь, а вместо этого я помогаю сам себе.

Он удалился. В кармане у него лежала страница сценария, отпечатанная на машинке Охотника за головами.

Стелла Мендоса была честолюбива, а когда честолюбие становится целью достижения богатства и славы, оно не сдерживается никакими угрызениями совести. Ее личная жизнь и шкала ее ценностей были не лучше и не хуже, чем у тысяч других женщин.

После ухода Фосса она переделалась. Было еще слишком рано звонить сэрзу Грегори Пенну, не любившему, когда она появлялась днем.

Вечером Стелла отправилась в Чичестер. Ей нужно было оставить на почте несколько писем. Неподалеку от торговой площади она увидела Майкла Бриксана, с ним явно происходило что-то странное. Он стоял в центре небольшой толпы, рядом она заметила шлем полицейского. Сперва мисс Мендоса хотела подойти поближе, но потом раздумала. Когда же она возвращалась обратно, толпа уже рассеялась, и Майкл исчез. По дороге домой она долго гадала, что же там делал детектив.

А произошло вот что. Майкл был привлечен толпой, с интересом наблюдавшей за безуспешными попытками полицейского что-то объяснить шоколадного цвета туземцу в мешковатом костюме и слишком большом котелке. В одной руке у того был узелок из ярко-зеленого платка, а в другой — какой-то длинный предмет, завернутый в полотно и перевязанный многочисленными веревочками. Сперва Майкл подумал, что это один из малайских слуг Пенна, но затем сообразил, что вряд ли сэр Грегори разрешит кому-нибудь из туземных слуг свободно ходить по округе.

Пробравшись сквозь толпу, он подошел к полицейскому. Догрунувшись пальцем до шлема и скорчив гримасу, тот обратился к Майклу:

— Ни слова не разберу, сэр. Парень что-то хочет узнать. Он, видимо, только что прибыл в город.

Туземец поднял на Майкла большие черные глаза и что-то сказал, но детектив тоже не разобрался в его произношении. Легко было заметить, что в этом человеке ощущалось определенное достоинство. Статность фигуры, посадка головы, весь облик, в котором сквозило нечто величественное, сразу привлекли внимание Майкла Бриксана, и он по какому-то наитию обратился к нему по-голландски, полагая, что если он из Малайи, то должен знать этот язык. Лицо туземца просияло.

— О, какая радость, господин! Я неплохо говорю по-голландски. Я с Борнео и ищу англичанина по имени Труджи. У меня на родине он считается великим человеком. Я хочу посетить его дом, а после вернуться к себе на Борнео.

Майкл наблюдал за туземцем. Красивое лицо жителя Борнео пересекал длинный безобразный шрам от лба до самого подбородка.

«Неужели новый слуга для Грегори Пенна?» — подумал Майкл и показал туземцу дорогу. Стоя рядом с полицейским, он следил за удалявшейся фигурой, пока та совсем не исчезла из виду.

— Ну и язык, сэр! — заметил полицейский. — Для меня эго как китайская грамота.

— И для меня тоже, — задумчиво проговорил Майкл и продолжил путь в гостиницу.

16. ЛИЦО В КАДРЕ

Мистер Сэмпсон Лонгвейл, выпуская с важным видом дым из трубки, прогуливался по тропинке у дома. На нем, как обычно, был длинный серый шелковый халат, подвязанный красным кушаком, на голове — шелковый же ночной колпак. Он только что учтиво распрощался со служанкой, ежедневно приходившей к нему прибрать дом и приготовить неприхотливую пищу. По тропинке раздались чьи-то шаги. Обернувшись, мистер Лонгвейл увидел фигуру своего соседа сэра Грегори Пенна, который уже дважды обошелся с ним возмутительно грубо.

С бесстрастным выражением лица старик наблюдал за приближением незваного гостя.

— Добрый вечер, — прорычал Пенн, — могу ли я поговорить с вами наедине?

Мистер Лонгвейл учтиво наклонил голову.

— Конечно, сэр Грегори. Пожалуйста ко мне...

Он провел владельца Грифф-тауэрс в длинную гостиную и зажгел свечи. Сэр Грегори окинул комнату взглядом, его губы презрительно скривились при виде ветхости и бедности обстановки, и он помедлил, прежде чем сесть в кресло, предложенное хозяином.

— Ну, а теперь, сэр? — учтиво спросил мистер Лонгвейл. — Чем обязан вашему посещению?

— Вы ведь врач, не так ли? — вопросом на вопрос ответил сэр Грегори Пенн.

Мистер Лонгвейл был непритворно удивлен.

— Да, я практиковал когда-то, когда был моложе, — ответил он.

— Вы бедны, да? — Грегори взглядом показал на обстановку. — Клянусь, у вас за душой ни шиллинга.

— А вот здесь вы не правы, — спокойно возразил старый джентльмен. — Думаю, что я богаче вас, а то, что мой дом пребывает в таком состоянии, объясняется, как ни странно, тем, что я люблю старинные вещи. Это, возможно, нездоровая, даже патологическая склонность. А как вы узнали, что я врач?

— Слышал от одного из своих слуг.

— Нет, нет, я уже давно не практикую, — сказал мистер Лонгвейл. — Я бы хотел, очень хотел бы, — добавил он тоскливо. — Это благородное дело...

— Как бы то ни было, — прервал его Пенн, — даже если вас нельзя купить, вы, по-моему, скрытный старый черт, а это меня устраивает. В моем доме есть девушка, и она очень больна. Я бы не хотел, чтобы местные врачи совали нос в мои личные дела. Вы не могли бы осмотреть ее?

Старик задумчиво пожевал губами.

— Я был бы счастлив помочь бедняжке, но боюсь, что мои медицинские познания несколько устарели. Она служанка?

— В некотором роде, — коротко ответил Пенн. — Так вы сможете прийти?

— Готов отправиться прямо сейчас, только переоденусь, — важно заявил мистер Лонгвейл и вышел в соседнюю комнату. В то время, когда мистер Сэмпсон Лонгвейл направлялся в Грифф-тауэрс, Майкл Бриксан, вызванный посыльным, находился в кабинете у Джека Небворта.

— Надеюсь, вы не сердитесь, что я послал за вами, хотя, возможно, этого и не следовало делать, — сказал режиссер. — Надеюсь, вы помните, что мы снимали некоторые эпизоды нашего фильма в Грифф-тауэрсе?

Майкл кивнул.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели сцену на фоне башни. Там что-то есть. Мне было бы интересно знать, что вы скажете об этом.

Они прошли в проекционную.

— Оператор указал мне на это еще в негативе, — пояснил Джек, когда они сели и свет в комнате погас, — Но в позитиве это видно даже лучше...

— Что именно? — с любопытством спросил Майкл.

— А вот этого я не знаю, — ответил Джек, почесав голову. — Сами увидите.

Экран замерцал, и на нем появилось изображение Адель и Корби Коннолли. Майкл тупо, со все растущим раздражением смотрел, как они разыгрывают любовную сцену.

На заднем плане появилась стена башни, и на ее темном фоне Майкл увидел небольшое окошко. Несмотря на дневное время, оно было освещено электричеством.

— Этого окна я раньше не видел, — сказал он.

— Я как раз и хочу, чтобы вы обратили внимание на это окно, — сказал Джек Небворт, и, пока он говорил, в кадре появилось изображение лица.

Первоначально оно было неясным, размытым, но чуть позднее попало в фокус. Это было овальное лицо темноглазой девушки с растрепанными волосами. На нем читался непередаваемый ужас. Она подняла руку, как бы желая привлечь чье-то внимание, возможно, самого Джека, который руководил съемкой. Такова была, по крайней мере, точка зрения Неворта. Они едва привыкли к присутствию в кадре этой темноволосой девушки, как она исчезла, причем так неожиданно, что казалось, ее резко оттащили назад.

— Ну и что вы скажете об этом? — спросил Небворт.

— Похоже, наш друг Пенн содержит в башне какую-то узницу. Он говорил мне о темнокожей служанке, якобы сошедшей с ума. Но что меня смущает, так это окно. Изнутри нет никаких его признаков. В башне есть лестница, ведущая в холл. Стало быть, там внутри должна быть еще одна стена и отдельная лестница. А вам придется переснимать?

— Нет, мы можем заретушировать. Девушка только в 50 футах пленки. Но я думаю оставить все как есть.

В комнате снова зажегся свет, и они вернулись в кабинет режиссера.

— Я не люблю Пенна по многим причинам, — сказал Джек Небворт, — но еще сильнее с тех пор, как узнал, что он более близкий друг Мендосы, чем я думал.

— Это какая Мендоса? Отстраненная звезда?

Джек кивнул.

— Стелла Мендоса неплохая женщина, но среда оказала на нее ужасное влияние, — добавил он. — Меня всегда удивляло, почему Пенн дает разрешение на съемки в своем имении, а теперь я догадываюсь... Уверю вас, в этом доме немало секретов.

— По крайней мере один из них будет раскрыт сегодня ночью, — слегка улыбаясь, заметил Майкл. — Я намерен обследовать Грифф-тауэрс и не собираюсь испрашивать разрешения у сэра Грегори Пенна. И если я обнаружу то, что предполагаю там увидеть, Грегори Пенн к утру окажется за решеткой.

17. ПОЛУНОЧНЫЙ ВИЗИТ

Получив из Лондона тяжелый чемодан со снаряжением, Майкл Бриксан быстро просмотрел его содержимое. Вскоре появился швейцар и сообщил о прибытии заказанного мотоцикла.

С рюкзаком за плечами Майкл сел на мотоцикл и выехал из города. Покружив по дорогам Сассекса, он в конце концов добрался до Доуэр-хауса. Мотоцикл он спрятал поблизости.

В 11 часов вечера Майкл пересек поле и направился к дальней калитке, все время ожидая внезапного появления Бага. Калитка оказалась запертой — обстоятельство, которое Майкл предвидел. Развязав рюкзак, он вытащил оттуда несколько металлических стержней и соединил три из них. К одному концу прикрепил большой крюк и, положив на место остальные стержни, стал поднимать собранную конструкцию, пока крюк основательно не закрепился наверху стены. За несколько секунд Майкл взобрался по своей «лестнице» и оказался на другой стороне.

Он проследовал по тропинке, по которой ходил раньше, держась ближе к кустам и все время озираясь по сторонам. Не успел он дойти до конца изгороди, как дверь башни открылась, и оттуда вышли двое. В одном из них Майкл узнал Пенна, другого, стоящего боком, он сперва не узнал, пока тот не заговорил. Это был мистер Сэмпсон Лонгвейл!

— Думаю, с нею все будет в порядке. Правда, раны эти меня смущают, как будто кто-то исполосовал ее когтями, — сказал Лонгвейл. — Надеюсь, я был полезен, сэр Грегори, хотя, как я уже говорил вам, не практиковал почти пятьдесят лет.

Так, значит, старый Лонгвейл был врачом! Как ни странно, эта новость удивила Майкла.

— Моя машина доставит вас домой, — услышал Майкл слова Пенна.

— Нет, нет, благодарю вас. Я, пожалуй, пройдусь. Здесь недалеко. Спокойной ночи, сэр Грегори.

Баронет ворчливо пожелал в ответ спокойной ночи и вернулся в тускло освещенный зал. Когда дверь закрылась, Майкл услышал звяканье цепочек.

Нельзя было терять времени. Мистер Сэмпсон Лонгвейл еще не успел исчезнуть во тьме, как Майкл вновь открыл свой рюкзак и вытащил оттуда три новых стержня для лестницы. У каждого стержня был короткий стальной упор — это была лестница того типа, какой пользуются пожарные, — ее Майкл неоднократно применял для вторжения в запретные места, куда законным способом проникнуть было почти невозможно.

Он тщательно высчитал расстояние, и, когда поднял стержень и зацепился крюком за подоконник маленького окна, лестница повисла всего в нескольких дюймах от земли. Подергав лестницу, чтобы убедиться в прочности крепления, он осторожно поднялся и уже через несколько секунд обследовал оконный

переплет. Открыть окно было нетрудно, поскольку задвижка была очень простой. Вскоре он оказался на ступеньке темной узкой внутренней лестницы.

Он вытащил фонарик и осветил ступеньки. Внизу он увидел маленькую дверь, которая, очевидно, вела в холл. Он вспомнил, что в углу холла видел портьеру, однако тогда не придал этому значения. Майкл сбегал вниз, попытался открыть дверь, но она оказалась запертой. Отложив в сторону фонарик, он вытащил кожаный футляр с инструментами и стал манипулировать с замком. За удивительно короткое время замок открылся, и он стал вновь подниматься по ступенькам, пока не оказался на небольшой площадке. Двери здесь не было.

Преодолев четыре пролета, он дошел до самого верха башни, так по крайней мере ему показалось, и наконец увидел небольшую узкую дверцу. Затаившись, он услышал шарканье шлепанцев. Затем где-то с глухим стуком захлопнулась дверь, и Майкл попытался открыть дверцу перед собой. Она оказалась незапертой, и он слегка ее приоткрыл.

Перед ним было небольшое, с очень высоким потолком помещение, практически без мебели, если не считать низкой кровати в углу. На ней лежала женщина, к счастью, спиной к Майклу. По ее черным волосам и цвету обнаженной руки он понял, что она не из белых. Наконец она повернулась, и он сразу же узнал ту, чье лицо видел на экране. Она была молода и по-своему красива. Ее глаза были закрыты, и она молча плакала, не открывая глаз.

Майкл был уже в комнате, когда увидел, как поворачивается ручка другой двери. С быстротой молнии он вернулся в темноту лестничной площадки. В старом синем халате вошел Бэг с подносом в огромных руках. Ногой он пододвинул столик к кровати, на которой лежала девушка, и поставил поднос с едой. Открыв глаза, девушка отшатнулась. Бэг, очевидно, привыкший к такому ее поведению, поспешил удалиться.

Майкл снова открыл дверцу и пересек комнату, не замеченный девушкой. Он выглянул в коридор и увидел футок в шести сидящего на корточках Бэга. Казалось, тот притаился и смотрит ему прямо в глаза.

Майкл открыл дверь и бегом возвратился на потайную лестницу, прикрыв за собой дверцу. Не теряя ни секунды, он помчался по ступенькам вниз. Майкл даже не сделал попытки выбраться через окно, а продолжал бежать, пока не добрался до основания лестницы и не проскочил в дверь. На сей раз он смог ее запереть, так как вверх и внизу были шпингалеты. Отодвинув в сторону портьеру, он осторожно прошел в холл.

Сначала он попытался обезопасить отступление. Бесшумно снял цепочки с входной двери, отодвинул засовы и повернул ключ, затем также бесшумно прошел по коридору к комнате сэра Грегори.

Конечно, существовала опасность, что его увидит кто-нибудь из слуг, но Майкл решил рискнуть. Во время прежних посещений он заметил, что рядом с библиотекой есть дверь, ведущая в маленькую гостиную. И тут дверь оказалась незапертой. Открыв ее, он очутился в полнейшей темноте. Осторожно нащупал выключатели и повернул один из них. Сразу же зажглись два бра, и Майкл смог осмотреть комнату, в которую явно никто давно не входил. Мебель в ней была в полотняных чехлах, а в камине не было угля. Похоже, через дверь около окна можно было пройти в библиотеку. Майкл включил свет, заперся изнутри и осмотрел решетки. В отличие от библиотеки они не были закрыты на замок. Он раздвинул гардины, открыл решетки и поднял окно. Так был подготовлен второй возможный путь отступления.

«А теперь можно перейти к делу», — решил Майкл.

Он повернулся к двери в библиотеку, присел и посмотрел в замочную скважину. Библиотека была ярко освещена, кто-то в ней разговаривал. Женщина! Повернув ручку, Майкл немного приоткрыл дверь и посмотрел в образовавшуюся щелку.

Грегори Пенн в своей любимой позе стоял спиной к огню, рядом был накрытый стол, на небольшом диванчике у камина сидела Стелла Мендоса. Она набросила на плечи мех, ибо ночь была прохладной, на шее у нее сверкали драгоценности. Разговор явно был напряженным. Сэр Грегори, видимо, сердился, да и Стелла не казалась спокойной.

— Я оставил вас, потому что должен был уйти по делу, — недовольно проворчал Грегори, отвечая на ее нарекания. — Одна из моих служанок больна, и я ездил за доктором. Даже если бы я остался, результат был бы тот же самый. Бесполезно, моя девочка! Нельзя убивать курицу, несущую золотые яйца; как бы то ни было, но такой курицы больше нет. Вы совершили ошибку, порвав с Небвортом.

Мендоса что-то ответила, но Майкл ее слов не разобрал.

— Сомневаюсь, что из вашей компании что-либо получится, — саркастически заметил Пенн. — Я буду оплачивать счета, а вы тратить деньги? Нет, Стелла, это не пойдет. Я и так был слишком щедр к вам, и вы не вправе требовать моего разорения ради удовлетворения своих прихотей.

— Это не прихоть, — страстно воскликнула Мендоса, — это необходимость! Вы же не захотите, чтобы я ходила по студиям в поисках работы, — взмолилась она.

— Я вообще не хочу, чтобы вы работали, и не понимаю, зачем вам это нужно. У вас вполне достаточно средств на жизнь, и, как бы то ни было, у вас ничего нет против Небворта. Если б не он, вы бы не встретились со мной, а если б не я, вы были бы беднее тысяч других. Подумайте об этом!

Повисла тишина. Стелла сидела, наклонив голову, и Майкл не мог разглядеть ее лица, но, когда она заговорила, в голосе чувствовалась нескрываемая злость.

— Возможно, вам тоже следует кое о чем подумать. Например, о том, что я тут немало видела и слышала такого, что обязательно привлечет внимание журналистов. Учтите это, Грегори Пенн! Я совсем не дура и знаю, сколько будет дважды два. Вы считаете, мне следует подумать, так? Я это сделаю. Но отныне я не желаю терпеть среди своих друзей убийцы...

Подскочив к ней, Грегори зажал ей рот.

— Молчите! — прошипел он.

В этот момент, видимо, кто-то постучал, ибо Грегори повернулся к двери и ответил что-то на языке туземцев.

Ответа Майкл не расслышал.

— Послушайте, — Грегори обратился к Стелле более спокойным тоном. — Меня ожидает Фосс, но я обещаю вам, что мы вернемся к нашей дискуссии чуть позже.

Он отпустил ее и, подойдя к письменному столу, нажал на кнопку механизма потайной двери, ведущей в логово Бэга.

— Пройдите туда и ждите, — сказал он, — я вернусь минут через пять.

Она с подозрением посмотрела на дверь, неожиданно появившуюся в стене.

— Нет, — заявила Стелла, — уж лучше я пойду домой. Продолжим завтра. Я сожалею, что вышла из себя, Грегори, но вы иногда меня просто бесите.

— Идите туда! — потребовал Грегори.

— Нет! — Стелла побледнела. — Вы чудовище! Вы думаете, я не знаю? Это убежище Бэга. О, вы просто чудовище!

На лицо Грегори Пенна невозможно было смотреть: вся порочность его души отражалась в демонической гримасе. Почти не дыша, в ужасе Стелла уставилась на него, пятясь назад. Наконец Грегори взял себя в руки.

— Тогда посидите в маленькой гостиной, — произнес он глухо.

Едва Майкл успел погасить свет и прижаться к стене, как дверь распахнулась, и вошла Стелла.

— Здесь темно, — протянула она.

— Включите свет сами, найдите выключатель!

Дверь захлопнулась.

Майкл Бриксан оказался в сложном положении. Он чувствовал, как Стелла ощупью пробирается вдоль стены. Пытаясь избежать столкновения, он стал осторожно отступать назад и нечаянно задел стул.

— Кто здесь? — завопила Стелла. — Грегори! Не пускай его сюда, Грегори! — и опять последовал пронзительный вопль.

Майкл выскочил в открытое окно и понесся вдоль изгороди. Пронзительные вопли Стеллы продолжали звучать у него в ушах. В то же время он слышал, что кто-то, бегущий за ним, уже почти рядом. Это была огромная фигура, что-то верещащая на бегу, опускавшаяся порой на четвереньки. Майкл не мог

понять, из какого укрытия появился Бэг. Сунув руку в карман, он обнаружил, что пистолет исчез — видимо, он выронил его, прыгая из окна.

Майкл слышал приближающийся топот и побежал через огород прямо по капустным грядкам, увязая в рыхлой земле. Чувствовалось, что с каждой секундой огромный зверь все ближе и ближе. Калитка была впереди, но она была заперта, однако, даже если бы она была открыта, стена не могла служить преградой для обезьяны. В изнеможении он повернулся лицом к преследователю и увидел зеленые глаза, горевшие в темноте, как две ужасные звезды.

18. НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Майкл Бриксан готов был уже к тяжелой, бесплодной борьбе, но тут, как ни удивительно, орангутанг остановился, и клетку его приобрел новые, басовитые нотки. Выпрямившись во весь рост, Бэг стал бить себя в грудь, и этот барабанный бой был просто невыносим. Но даже сквозь этот шум Майкл услышал странный свист, похожий на звук выпускаемого пара. На верху стены он увидел сидящего на корточках человека. Майкл сразу же его узнал — это был шоколадный незнакомец из Чичестера. Шум ударов Бэга и свист становились все громче и громче, Майкл увидел в руке у человека яркий изогнутый предмет — точную копию меча, висевшего над камином сэра Грегори.

Он все еще не мог понять, что происходит, но тут шоколадный человек легко спрыгнул на землю, а Бэг, повернувшись, с почти человеческим воплем кинулся прочь.

— Мой друг, — сказал Майкл по-голландски, — вы появились в нужный момент.

Он повернулся, но человек исчез, как будто земля поглотила его. Защитив ладонью глаза от лунного света, Майкл наконец различил темную фигуру, быстро передвигающуюся в тени стены. Какое-то мгновение он собирался догнать незнакомца, но в конце концов поступил иначе: с трудом перелез через стену, отряхнулся и пошел длинным обходным путем в Грифф-тауэрс, нахвистывая как ни в чем не бывало.

Подойдя к парадному входу, Майкл перво-наперво попытался отыскать упавший пистолет.

Прежде чем уйти, он решил убедиться в безопасности мисс Мендосы. У дороги стояла ее машина. Майкл уже собирался позвонить, как услышал шаги и голоса, раздававшиеся в холле. Внимательно прислушавшись, он понял, что один голос принадлежит Стелле Мендосе. Майкл быстро скользнул в тень.

Стелла вышла в сопровождении сэра Грегори. По интонациям, с которыми они прощались, любой человек, незнакомый с обстоятельствами встречи, наверняка подумал бы, что это был обычный визит.

А где же Фосс? — мелькнула мысль у Майкла. Он, видимо, ушел раньше, если вообще здесь был.

Майкл дождался, когда все успокоится, и затем, неслышно перейдя гравийную площадку, последовал за Стеллой. Поискал глазами того шоколадного человека, но так и не заметил его. Вспомнив, что оставил лестницу висящей из окна башни, он вернулся, разобрал ее и сложил в рюкзак. Пять минут спустя он выкатил из укрытия мотоцикл и отправился домой.

Ложась спать после ночной работы, Майкл чувствовал себя усталым и разочарованным. В башне не нашлось никаких ужасных секретов. Разве что девушка была явно пленницей этого дома. Ее, видимо, похитили для развлечения сэра Грегори. Такое время от времени происходит, подобное дело слушалось в суде всего несколько месяцев назад.

Майкл Бриксан принял горячую ванну, приготовил себе скромный ужин и, прежде чем лечь, решил подвести итог дня. Он чувствовал себя менее уверенным в том, что его первоначальная версия тайны Охотника за головами соответствует истине. Чем больше он думал, тем менее был удовлетворен, пока наконец не выключил свет и не уснул.

Спал он хорошо, и, когда следующим утром появился посетитель, он встал и протер глаза.

— Я либо сплю, либо это Стейнз, — сказал он.

— Вы проснулись, и с вами все в порядке, — весело заметил майор Стейнз.

— Что-нибудь случилось? — спросил Майкл, вскакивая с постели.

— Ничего особенного, если не считать вечерние танцы и поездку на поезде сегодня утром. Я решил загладить свое легкомыслие визитом к вам и поинтересоваться, как продвигается дело Элмера.

— Дело Элмера? — Майкл нахмурился. — О Боже! Я почти забыл о бедном Элмере!

— А вот это вам, чтоб не забывали, — и Стейнз вынул из кармана газетную заметку и передал ее Майклу.

«Вас беспокоит душа и тело? — прочитал тот. — Вы боитесь прыгнуть в бездну. Вас покинуло мужество? Обратитесь к благодетелю. Адрес...»

— Что это? — спросил удивленный Майкл.

— Эта вырезка из газеты была обнаружена в кармане жилета, который носил Элмер за несколько дней до того, как исчез. Заметку нашла его жена и чуть не выбросила, но потом передала нам. Это объявление было опубликовано в «Морнинг телеграмм» четырнадцатого числа, то есть за три-четыре дня до исчезновения Элмера. Есть сведения, что до «благодетеля» дошли четыре письма, которые затем, как нам удалось выяснить, были переправлены в небольшой магазинчик на Стиббингтон-стрит в Лондоне. Там их получила неизвестная бедно одетая женщина. Кроме этого, ничего больше установить не уда-

лось. Подобные объявления были обнаружены и в других газетах, но письма посылались на адрес в южном Лондоне, где их собирала та же женщина. Ее никто толком не знает. Лавочники заявили в Скотленд-Ярде, что она немного помешанная, имеет привычку разговаривать сама с собой или бормотать под нос. Ее имя — Стивенс. По крайней мере, так она себя называет. Записки, которые она приносит, подписанные, как правило, «Марком», заканчиваются просьбой к лавочникам передать все письма ей. Она проживает в Лондоне. В этом нет сомнений, но полиции пока не удалось установить ее точный адрес.

— Предположим, полиция сможет это сделать? — спросил Майкл. — Вы связываете объявления с убийством?

— И да и нет, — последовал ответ. — Я просто подчеркиваю, что это объявление довольно странное и во всех отношениях достаточно подозрительное. Ну а теперь, какую версию вы хотели сообщить мне?

Майкл говорил в течение часа, лишь иногда прерываемый вопросами Стейнза.

— Это странная, почти невероятная мысль, — мрачно сказал Стейнз, — но если вы чувствуете, что у вас в руках хоть какая-нибудь ниточка, действуйте. Говоря по правде, — в порыве откровения признался Стейнз, — у меня было ужасное чувство, что вы терпите поражение, а поскольку я не хочу, чтобы наш департамент служил объектом насмешек Скотленд-Ярда, я решил приехать и поделиться с вами результатами собственного расследования. Я согласен с вами, — заметил он позднее, когда они сели завтракать, — что действовать надо очень, очень осторожно. Это тонкое дело. Надеюсь, вы не рассказывали сотрудникам Скотленд-Ярда о своих подозрениях.

Майкл покачал головой.

— И не надо, — с чувством добавил собеседник. — Они наверняка арестуют человека, которого вы подозреваете, могут уничтожить улики, которые позволяют отдать его под суд. Вы сказали, что проводили в доме обыск?

— Не обыск, а поверхностный осмотр.

— Подвалы там есть?

— Думаю, что да, — сказал Майкл. — В домах такого типа они обычно есть.

Майкл проводил шефа до железнодорожной станции. Тот, уезжая, признался, что отбывает в более бодром настроении, чем был по приезде.

— Но я должен предостеречь вас, Майкл, — сказал Стейнз, когда поезд должен был вот-вот тронуться. — Берегите себя! Вы имеете дело с бессердечным и опытным убийцей. Было бы ошибкой недооценивать его. Мне бы не хотелось однажды утром проснуться с мыслью о том, что вас нет в живых.

19. ПОДЧИСТКА

На обратном пути Майкл зашел к Адель Лэмингтон и с огорчением узнал: она ушла еще в семь утра. Небворт был на съемках в Саут-Даунсе, и, когда Майкл приехал к нему на студию, там тоже никого не было, за исключением секретаря режиссера и нового литконсультанта.

— Я не знаю, где точно находится съемочная площадка, мистер Бриксан, — сказал Диккер, секретарь Небворта. — Это где-то в районе Арандела. Этим уже интересовалась утром мисс Мендоса. Она хотела предложить мисс Лэмингтон вместе пообедать.

— Вот как? — мягко спросил Майкл. — Если она еще раз появится, передайте ей, что у мисс Лэмингтон уже назначена встреча.

Секретарь понимающе кивнул.

— Надеюсь, она не заставит вас ждать, — сказал он. — Когда Джек на площадке, ничего не знаешь...

— Я не сказал, что у нее встреча со мной, — заметил Майкл.

— Кстати, это мне кое-что напомнило, мистер Бриксан, — произнес секретарь. — Помните, вы подняли шум... Ну, короче говоря, интересовались сценарием, страница из которого случайно попала в текст мисс Лэмингтон?

Майкл кивнул.

— Сценарий нашелся? — спросил он.

— Нет, но наш новый литконсультант сказал мне, что, когда просматривал книгу, в которой Фосс делал записи всех поступивших сценариев, он обнаружил, что одна из них старательно вымарана.

— А можно взглянуть на эту книгу? — спросил Майкл, и ему ее принесли.

Это был большого формата регистрационный журнал, где в различных графах отмечались название поступившей рукописи, фамилия автора, его адрес, дата получения сценария и дата его возврата. Майкл сел за стол в кабинете Небворта и тщательно просмотрел фамилии авторов.

— Если неизвестный прислал один сценарий, — сказал Майкл, — он мог прислать и другие. Подчисток нет?

Секретарь покачал головой.

— Вы увидите в списке фамилии многих местных жителей. С того времени как мы здесь снимаем, чуть ли не каждый лавочник считает своим долгом написать для нас сценарий или, по крайней мере, подкинуть какую-нибудь идею.

Палец Майкла медленно двигался по колонке имен. Страница за страницей. И вдруг его палец застыл на одной фамилии.

— «Власть Страха» сэра Грегори Пенна, — прочитал детектив и повернулся к секретарю.

— Мистер Диккер, а разве сэр Грегори тоже писал сценарии?

— Да, — кивнул секретарь. — Один или два. Вы с его фамилией встретитесь и дальше. Он обычно писал сценарии, которые, по его мнению, соответствуют амплуа мисс Мендосы. Так вы ищите его?

— Нет, — уверенно ответил Майкл. — А у вас остались его рукописи?

— Нет, их уже отослали, — с сожалением сказал Диккер.

Майкл закрыл журнал и вернул его секретарю.

— Странно, что запись уничтожена, — сказал Майкл и направился в маленькую гостиницу, где остановился Фосс. Там он узнал, что его нет на месте.

— Я не уверен, что он приходил вчера вечером домой, — сказал хозяин гостиницы. — Во всяком случае, он не спал, так как постель не тронута. Он, кажется, собирался в Лондон.

Стал накрапывать дождь, и Майкл вернулся в студию, прекрасно понимая, что при такой погоде трупна скоро вернется со съемок. Его предположение оказалось правильным, ибо, не успев он оглядеться, как появился автомобиль с Адель Лэмингтон. Девушка прошла мимо, покачав головой, когда он попытался заговорить с ней.

— Спасибо за приглашение, мистер Бриксан, но мы пообедали на съемочной площадке, а мне еще до завтра надо прочитать две большие сцены.

Ее отказ казался непреклонным, но Майкл был не из тех, кто безоговорочно принимает ответ «нет».

— А как насчет чая? Ведь чай-то можно пить без отрыва от текста!

Адель рассмеялась.

— Ну, хорошо. Если моя хозяйка предоставит мне гостиную, так и быть — вы можете прийти на чай в половине пятого. И если у вас назначена встреча на пять, то вы к этому времени успеете освободиться.

Джек Небворт ожидал Майкла, когда тот вошел в его кабинет.

— Слышали об эпизоде с записью в журнале поступления сценариев? — спросил он. — По лицу вижу, что слышали. Что вы думаете об этом? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Для меня все ясно. Фосс — отъявленный лгун. Безобразное дело!

— А как девушка? — спросил Майкл.

— Вы говорите об Адель? Она просто великолепна, Бриксан! Я молю судьбу, чтобы ничего не случилось. У меня какое-то дурное предчувствие. Так хорошо никогда не бывает — только в газетах. С нею что-то не так.

— Не так? — удивленно спросил Майкл.

Небворт кивнул.

— Что-то в ее душе тщательно скрыто. Какой-то бесенок. У меня такое ощущение, что она обязательно что-нибудь эда-

кое да выкинет! Либо исчезнет незадолго до завершения работы над картиной, либо попадет в полицию за езду на автомобиле в состоянии сильного опьянения!

— Думаю, ничего подобного с ней случиться не может, — смеясь, заметил Майкл.

— Слышали, что Мендоса основала новую кинокомпанию? — спросил старый Джек, набивая трубку.

— Нет, не слышал.

Майкл пододвинул стул.

— Старая история! Стоит мне уволить какую-нибудь кинозвезду, и она обязательно тут же основывает свою кинокомпанию. Входите, мистер Лонгвейл.

Майкл обернулся. Добрый старик стоял у двери со шляпой в руках.

— Боюсь, я сильно надоед, — сказал он приятным голосом, — но, переговорив со своим адвокатом, я не мог отказать себе в удовольствии поинтересоваться, как идут дела.

— Хорошо идут, мистер Лонгвейл, спасибо, — ответил Джек. — Вы знаете мистера Бриксана?

Старик кивнул и улыбнулся.

— Да. Я зашел к своему адвокату по довольно странному вопросу. Много лет тому назад я изучал медицину и сдал все необходимые экзамены, так что с этой точки зрения я — врач, хотя фактически я не практиковал. Вряд ли кто знает, что у меня диплом врача, поэтому я был удивлен, когда вчера вечером ко мне зашел... э... сосед и попросил осмотреть его служанку. А теперь я думаю, нарушил ли я закон или нет, поскольку оказывал медицинскую помощь без регистрации...

— Я могу рассеять все ваши сомнения, мистер Лонгвейл, — сказал Майкл. — Поскольку когда-то вы получили удостоверение врача, то есть были зарегистрированы должным образом, значит, вы остаетесь зарегистрированным навсегда и имели право оказывать медицинскую помощь в пределах вашей компетенции.

— Так сказал и адвокат, — сумрачно улыбнулся Лонгвейл.

— Был тяжелый случай? — спросил Майкл, догадываясь, кто был пациентом.

— Да нет, не тяжелый. Я было подумал, что это заражение крови, но, похоже, ошибался. Должен признаться, это было довольно хлопотное дело. И у меня не было ни минуты покоя ни вечером, ни ночью. Да еще кто-то, по непонятной причине, спрятал у меня в саду мотоцикл.

Майкл про себя улыбнулся.

— Зачем и кто это сделал, не могу понять. Мотоцикл исчез сегодня утром. А когда я увидел нашего друга Фосса, он казался чем-то весьма обеспокоенным.

— Где вы его видели? — мимоходом спросил Майкл.

— Он проследовал куда-то прямо от моего дома. Я стоял у

калитки и курил трубку. Я пожелал ему доброй ночи, еще не зная, что это он. Когда он обернулся, я увидел, что это мистер Фосс. Он сказал мне, что наносил визит и что еще один у него через час.

— А когда же это было? — спросил Майкл.

— Думаю, часов в одиннадцать, — колеблясь, ответил старик, — но я не уверен. Это было как раз перед тем, как я лег спать.

Майкл легко мог понять поведение Фосса. Сэр Грегори, видимо, быстро его выпроводил и велел прийти позже, когда Мендоса уйдет.

— Место, где я живу, всегда отличалось удивительным спокойствием, — сказал мистер Лонгвейл и покачал головой. — Я надеюсь, — обратился он к Небварту, — вы позволите мне посмотреть картину, когда закончите съемки?

— Ну что за вопрос! Конечно, мистер Лонгвейл.

— Я даже не знаю, почему я проявляю к ней такой интерес, — с улыбкой сказал старик. — Но должен признаться, что еще несколько недель назад и не имел представления о том, как снимаются фильмы. Для меня это даже сейчас тайна за семью печатями.

В дверях показалась голова Диккера.

— Вы можете принять мисс Мендосу? — спросил он Небворта.

Лицо Джека выразило беспредельную тоску.

— Нет, — отрезал он.

— Она утверждает... — начал было Диккер.

Только присутствие почтенного мистера Лонгвейла удержало Джека от комментария к тому, что конкретно утверждает Стелла Мендоса.

— Прошлой ночью я видел также и ее, — добавил мистер Лонгвейл. — Сперва я подумал, что вы, должно быть, где-то поблизости снимаете фильм — так, кажется, у вас говорят, — но мистер Фосс сказал, что я ошибаюсь. Она — просто очаровательна. Вы со мной согласны?

— Отчасти, — сухо согласился Джек.

— И у нее очень милый характер, — продолжал Лонгвейл, совершенно не чувствуя наступившей перемены в атмосфере разговора.

— Милый характер! Вот как... — чуть ли не рыча, сказал Джек Небворт, когда старик с достоинством распрощался. — Вы тоже с этим согласны, Бриксан? А что? Если у этой женщины — милый характер, тогда дьявол сделан из шоколада!

20. ГОЛОВА

Выйдя из студии, Майкл увидел у входа Стеллу Мендосу и вспомнил, что именно она была приглашена на обед в Грифф-тауэрс. К его удивлению, Мендоса направилась к нему.

— Я искала вас, мистер Бриксан, — сказала она. — Вы ведь детектив, не так ли?

— Да, — ответил Майкл, гадая, что же последует дальше.

— Моя машина рядом. Как вы смотрите на то, чтобы навестить меня?

Майкл был в затруднении, не зная, что делать. Ему очень хотелось увидеться с Адель, хотя ничего особенного сказать он ей не мог, кроме того, в чем сам не был еще уверен.

— С удовольствием, — ответил, однако, он Стелле.

Мендоса прекрасно водила автомобиль. Она настолько отдавалась езде, что за всю дорогу не произнесла ни слова. Из небольшой, но приятной гостиной ее дома открывался прелестный вид на Саут-Даунс. Майкл в ожидании молчал.

— Мистер Бриксан, я собираюсь сказать вам то, что вы, как мне кажется, должны знать. Не знаю, что вы подумаете обо мне, когда я вам все расскажу, но я иду на риск. Я не могу больше молчать.

В холле раздался резкий звонок.

— Это телефон. Простите, я ненадолго.

Она торопливо вышла из комнаты, неплотно прикрыв дверь. Майкл слышал, как она быстро и сердито отвечала кому-то на другом конце провода. Затем последовало долгое молчание. Она явно что-то внимательно выслушивала. Минут через десять она вернулась. Глаза ее горели, щеки пылали.

— Вы не будете возражать, если мы побеседуем немного позже? — спросила она.

Это звонил сэр Григори. В этом Майкл не сомневался, хотя во время разговора она ни разу не упомянула его имя.

— Зачем же откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? — подбадривая ее, произнес Майкл. Мендоса облизала сухие губы.

— Да, я знаю, но есть несколько причин, по которым я не могу сейчас сказать вам то, что хотела. Давайте встретимся завтра.

— Конечно, — ответил Майкл, втайне редуясь освобождению.

— Отвезти вас назад?

— Нет, благодарю. Я лучше пройдуся.

— Разрешите все-таки мне подбросить вас хоть до городской окраины, — взмолилась она, — я поеду в том направлении.

Конечно, именно в том, подумал Майкл. Она собирается в Грифф-тауэрс. Детектив был так доволен, что даже не стал задавать никаких вопросов. Высадив его у гостиницы, Мендоса сразу же укатила.

— Вам телеграмма, сэр, — сказал портье, прошел в конторку и вернулся с коричневым конвертом, который Майкл сразу же вскрыл. — Вас ожидает автомобиль, — добавил портье.

Сперва он не мог понять рокового смысла полученной телеграммы. Затем медленно прочитал про себя:

«Сегодня рано утром на Чобхэм-Коммоне обнаружена голова. Немедленно приезжайте в полицейское управление Литерхеда.

Стейнз».

Час спустя на скоростном автомобиле Майкл добрался до полицейского управления. На ступеньках, видимо, ожидая Майкла, сидел Стейнз.

— Обнаружили на рассвете, — сказал он. — Что за человек, пока неизвестно.

Он провел Майкла во флигель, где на столе в центре комнаты стоял ящик, и открыл крышку.

— Боже! — воскликнул Майкл, едва бросив взгляд на восковое лицо.

Это была голова Лоули Фосса.

21. КЛЮЧИ ОТ БАШНИ

Застыв от ужаса, Майкл смотрел на мертвую голову.

Затем закрыл ящик и вышел на мощный двор.

— Вы знали его? — спросил Стейнз.

Майкл кивнул.

— Да, это Лоули Фосс, последний литконсультант кинокорпорации Небворта. Еще вчера в одиннадцать часов вечера он был жив. Я сам слышал его, хотя и не видел, примерно в это время. Он был в Грифф-тауэрсе, имении сэра Грегори Пенна в Сассексе... А записка? Есть ли традиционная записка? — спросил Майкл.

— Да, но на этот раз не совсем обычная.

В своем кабинете, расположенном в полицейском управлении, Стейнз показал Бриксану листок, на котором хорошо знакомым шрифтом была отпечатана всего одна строка:

«Это голова предателя».

И больше ни слова.

— Объявление в газете появилось? — спросил Майкл.

Стейнз покачал головой.

— Нет, хотя это первое, о чем мы подумали. Газеты были внимательно изучены. Все английские издатели обещали нам сразу сообщить о таком объявлении.

— Убийство наверняка произошло между одиннадцатью вечера и тремя часами утра, — сказал Майкл. — Скорее всего ближе к одиннадцати, так как если убийца находился в Сассексе, ему необходимо было привезти голову в Чобхэм ночью и успеть вернуться обратно до рассвета.

На том же полицейском автомобиле Майкл отправился обратно в Чичестер, сразу же за городом машина свернула с главного шоссе на дорогу, ведущую в Грифф-тауэрс. Приехал он туда поздно. Грифф-тауэрс казался безжизненным, как обычно. Майкл позвонил, но ответа не последовало. Тогда он позвонил

вновь. Из одного из верхних окон раздался голос сэра Грегори.

— Кто там? — крикнул он.

— Майкл Бриксан. Я прошу вас немедленно спуститься сюда. У меня ордер на обыск вашего дома.

У Майкла не было такого ордера, да он его и не спрашивал.

Голова мужчины быстро исчезла, окно с грохотом закрылось. Затем последовала долгая пауза, и Майкл подумал, что баронет решил не открывать. Однако он ошибся. Дверь неожиданно открылась, и на фоне света, льющегося из холла, появилась фигура сэра Грегори Пенна.

Выглядел он крайне необычно. Был в полном одеянии, на поясе — два тяжелых револьвера, наличие которых Майкл сразу же отметил. Голова его была вся в бинтах, открытым оставался только один глаз. Левая рука в гипсе. При ходьбе сэр Грегори сильно хромал.

— Произошел несчастный случай, — хрипло сказал он, не дожидаясь вопроса Майкла.

— И, видимо, очень серьезный, — заметил Майкл, сощурив глаза.

— Я не хочу здесь разговаривать. Пройдемте ко мне, — бросил сэр Грегори.

Библиотека сэра Грегори выглядела как после побоища. Длинное зеркало на одной стене было разбито вдребезги. Бросив взгляд на оружие, висевшее над камином, Майкл увидел, что один из мечей отсутствует.

— У вас, кажется, что-то пропало, — сказал он. — Это что же — во время «несчастливого случая»?

Сэр Грегори кивнул.

Положение второго меча привлекло внимание Майкла. Не спрашивая разрешения, он снял его с крючка и вынул из ножен. Лезвие меча было бурым от крови.

— А это что значит? — жестко спросил он.

— Кто-то ворвался ко мне в дом вчера ночью, — с трудом медленно произнес сэр Грегори. — Малаец. Он рассказывал всякие небылицы. Будто бы я похитил его жену. Он набросился на меня, и, естественно, я вынужден был защищаться.

— А вы действительно похитили его жену? — спросил Майкл.

Баронет пожал плечами.

— Эта идея просто абсурдна! Большинство туземцев на Борнео безумны, и они в ярости набрасываются на всякого по малейшему поводу. Я сделал что было возможно, чтобы успокоить его...

Майкл посмотрел на окровавленный меч.

— То-то я и вижу, — сказал он сухо. — Ну и как? Удалось его успокоить?

— Я защищался, если вы это имеете в виду. Вы что же, хотите, чтобы я позволил убивать себя в своем собственном доме? Так? Я могу пользоваться мечом не хуже любого другого.

— Видно, что вы им пользовались, — сказал Майкл. — А что с Фоссом?

Ни один мускул не дрогнул на лице Пенна.

— О ком вы говорите?

— О Лоули Фоссе, который посетил ваш дом вчера вечером.

— Вы говорите о человеке, который работает у Небворта? Я его уже давно не видел.

— А вы лжец, — медленно сказал Майкл. — Он был здесь вчера вечером. Я знаю это точно, так как был в соседней комнате.

— О, так это были вы, слава Богу! — сказал баронет с явным облегчением. — Но Фосс... Он приходил просить денег. Я дал ему пятьдесят фунтов, и он ушел. Больше я его не видел.

Майкл снова посмотрел на меч.

— А какие бы чувства всколыхнули вашу душу, если бы вы узнали, что голова Фосса найдена в Чобхэм-Коммоне? — спросил Майкл.

Сэр Грегори смотрел на следователя спокойным испытывающим взором.

— Я был бы очень удивлен, — холодно ответил он. — Если необходимо, я могу представить свидетеля, который подтвердит, что Фосс ушел, хотя мне нелегко называть его имя. Это женщина. Здесь была мисс Стелла Мендоса. Она ужинала со мной. Вы, вероятно, знаете и это, если действительно находились в соседней комнате! Он ушел раньше ее.

— Но вернулся, — возразил Майкл.

— Я его больше не видел, уверяю вас, — яростно заявил баронет. — Если вы найдете хоть кого-то, кто подтвердит, что видел, как Фосс приходил ко мне вторично, вы можете арестовать меня. Неужели вы думаете, что это и убил его?

Майкл промолчал.

— Здесь наверху в башне есть женщина. Что с ней стало?

Облизав губы, Грегори Пенн сказал:

— В башне была только одна женщина — служанка. Она больна, и сейчас ее здесь нет.

— Я бы хотел в этом убедиться, — настойчиво сказал Майкл.

Грегори бросил взгляд в сторону логова Бэга.

— Хорошо, — сказал он. — Следуйте за мной.

Грегори вышел в коридор и повернул не к холлу, а в противоположную сторону. Сделав десять шагов, он остановился и открыл дверь, которая была так хитро скрыта в стене коридора, что трудно было заподозрить ее существование. Он протянул

руку, включил свет, и Майкл увидел длинный лестничный пролет.

Проследовав за баронетом, он понял, что «башня» — это своего рода иллюзия. Это была башня только с улицы, а на самом деле — два узких этажа, воздвигнутых над левым крылом здания.

Они прошли через дверь, поднялись по винтовой лестнице и попали в коридор, где накануне вечером Майкл видел орангутанга.

— Вот эта комната, — сказал Пенн, открывая дверь.

22. СЛЕДЫ ЗВЕРЯ

— Напротив, это не та комната, — спокойно возразил Майкл. — Нужная нам комната расположена в конце коридора.

Чувствовалось, что сэр Григори Пенн в затруднении.

— Вы мне не верите? — произнес он почти любезным тоном. — Какой вы недоверчивый. Успокойтесь, Бриксан! Я отнюдь не враг вам. Давайте спустимся вниз и выпьем. Я чувствую себя просто ужасно.

— И все-таки я хочу видеть ту комнату, — опять стал настаивать Майкл.

— У меня нет ключа.

— Так найдите его, — резко бросил Майкл.

В конце концов ключ отыскался в кармане баронета, и он с явной неохотой открыл дверь.

— Она уехала второпях, — пояснил он. — Она так сильно заболела, что я вынужден был отослать ее.

Одного взгляда на комнату было вполне достаточно, чтобы прийти к заключению, что версия о поспешном отъезде нуждается в пересмотре. Постель была в беспорядке, на подушке — кровь, на стене — бурое пятно. Стул был сломан, ковер покрыт странными пятнами, одно из которых походило на отпечаток голый ступни. На простыне был след руки, явно не принадлежавший человеческому существу.

— Это след зверя! — указал Майкл. — Это же Бэг!

Баронет вновь облизал губы.

— Здесь произошел небольшой инцидент. Появился какой-то мужчина и стал утверждать, что моя служанка — его жена...

— Вы это уже говорили. Что с ним случилось?

Ответа не последовало.

— Что с ним случилось? — повторил Майкл, явно теряя терпение.

— Я позволил ему уйти и увести с собой женщину. Было легче...

Неожиданно воскликнув, Майкл наклонился и взял с кровати

какой-то блестящий стальной предмет. Это был обломок клинка, переломленного точно посередине, и совершенно чистого, без каких-либо пятен. Майкл внимательно осмотрел клинок и в конце концов обнаружил небольшую зазубрину. Взяв сломанный стул, он осмотрел его и нашел две глубокие зарубки на одной из ножек.

— Я могу представить себе, как все было. Вы с вашим Бэгом схватили мужчину, пробравшегося в эту комнату. Во время борьбы был сломан стул, возможно Бэгом, который пользовался им как оружием. Мужчина вырвался из комнаты, сбежал вниз, в библиотеку, схватил со стены меч, вернулся назад и набросился на вас. Вот здесь-то и началось настоящее побоище. Думаю, среди этих пятен есть и ваша кровь.

— Еще бы, — проворчал Пенн, — да здесь вся кровь — моя, черт побери!

Последовало долгое молчание.

— Женщина вышла из этой комнаты живой?

— Хотелось бы на это надеяться, — угрюмо произнес Пенн.

— Ее муж покинул вашу библиотеку живым?

— Вам лучше самому это выяснить. Как я понимаю, около получаса я был без сознания. Видите ли, Бэг умеет обращаться с мечом...

Майкл оставался в доме Грегори до тех пор, пока тщательно не осмотрел его от чердака до подвала. Он собрал всех слуг и допросил их. Все они, за исключением одного, говорили по-голландски, но так плохо, что Майкл практически не узнал ничего нового.

Возвратившись в библиотеку, Майкл включил свет.

— А теперь, — сказал он, — я взгляну на Бэга.

— Я же говорил вам, — сказал Пенн, — его нет в доме. Если вы мне не верите...

Пенн подошел к столу и нажал на кнопку. Дверь в потайную комнату открылась, но оттуда никто не вышел.

После секундного колебания Майкл вошел в логово Бэга, держа в одной руке фонарик, а в другой — пистолет.

Теперь стало ясно, как Бэг покидал дом. В семи футах от земли в стене было проделано небольшое квадратное отверстие, не закрытое ни стеклом, ни занавеской. И со стороны комнаты, и со стороны сада в стену были вделаны выступающие стальные стержни, служившие Бэгу своеобразной лестницей.

Не было и никаких следов, указывающих на то, что Бэг принимал участие в недавнем жутком сражении.

Майкл произвел тщательный обыск. Не найдя ничего, он прошел в маленькую гостиную, где скрывался прошлой ночью. Там на подоконнике он обнаружил немало следов... Отпечаток босой ноги, а также какой-то след, который наводил на мысль, что через окно протаскивали тяжелое тело.

К этому времени шофер, доставивший Бриксана в Грифф-таурс, успел съездить в Чичестер и вернуться с двумя полицейскими, которые оказали Майклу помощь в дальнейших поисках. Следы беглеца было нетрудно обнаружить. На гравии были видны пятна крови, на круглой клумбе сломаны цветы, на мягкой почве отчетливо отпечатались ступни голых ног. След терялся в огороде.

— Вопрос заключается в том, кто кого нес? — сказал инспектор Лайл после того, как Майкл в нескольких словах изложил ему суть дела. — Похоже, что эту парочку убили в доме, а их тела вынес Бэг. В его комнате нет крови; по всей вероятности, Бэга там не было со времени убийства. Если мы найдем обезьяну, мы решим эту проблему. Пенн, конечно, и есть Охотник за головами, — продолжал инспектор. — Он явно ненормальный.

— Не уверен в этом, — сказал Майкл. — Более того: если сэр Грегори Пенн — действительно убийца, я буду крайне удивлен. Должен признаться, меня смущает отсутствие следов в логове Бэга, но, возможно, ваша версия верна. Как бы то ни было, дом следует держать под наблюдением, пока я не свяжусь с начальством.

В этот момент в комнату вошел второй полицейский и сообщил, что у задней калитки, оказавшейся открытой, он напал на след. Близ задней двери была большая куча листьев. На ней виднелся отпечаток тела — видимо, беглец остановился здесь передохнуть и положил свою тяжелую ношу. В поле за калиткой, однако, след окончательно потерялся.

23. ЧЕЛОВЕК В АВТОМОБИЛЕ

Жизнь главным образом состоит из мелких случайностей, а целеустремленность не всегда характерна для молодежи. Со стороны Адель Лэмингтон потребовались огромные усилия, чтобы пригласить мужчину к чаю, но, сделав это, она с явным любопытством ожидала результатов.

В то время, когда Майкл мчался в Лондон, она устроила Джеку Небварту настоящий допрос в его святая святых.

— Конечно, днем вы можете отдохнуть. А что вы думаете по поводу съемок? Вы себя уверенно чувствуете? — спросил у нее Джек.

— Нет, мистер Неборт, не совсем, даже наоборот. Каждый раз, когда вы говорите «Начали!», я сразу впадаю в панику и становлюсь такой неловкой... Говорю себе: «Ты странно держишь руки, ты резко повернула голову».

— Но ведь это быстро проходит?

— О, да. Как только камера начинает работать! Тут уж на рефлексии нет времени. Приходится просто играть сцену, самовыражаться...

— Значит, все в порядке! — произнес Неборт и после секундной паузы добавил: — Вас никто не тревожит? Мендоса или Фосс?

— Я не встречала мисс Мендосу уже несколько дней. А мистера Фосса я видела вчера вечером, но не говорила с ним подробно, просто перекинулась парой слов...

Она не стала объяснять Джеку Небарту обстоятельства, при которых произошла их встреча с Фоссом. И он ничего не узнал о таинственном разговоре Лоули Фосса с человеком в закрытом автомобиле, остановившемся на углу Арандел-роуд. Не узнал он и о белоснежной женственной руке, сделавшей прощальный жест Лоули Фоссу, ни об огромном бриллианте, сверкнувшем на мигнущем таинственного автомобилиста.

По дороге домой Адель зашла в кондитерскую и в цветочный магазин, купила пирожных, а также цветы.

К половине пятого Адель была вся в ожидании. Без четверти пять она подошла к входной двери и выглянула на улицу. В пять часов, испытывая сильную досаду, она села пить чай в одиночестве. Неужели Майкл забыл?!

Она без конца находила ему оправдания, каждый раз опровергая их и придумывая новые. Чувствовала себя обиженной. Поднявшись в свою комнату, она взяла сценарий и попыталась углубиться в чтение, но никак не могла сосредоточиться. Она постоянно вспоминала Майкла, Лоули Фосса, закрытый автомобиль, прощальный жест белой руки. Как ни странно, ее мысли постоянно возвращались к автомобилю, новому, блестящему, движущемуся совершенно бесшумно.

В конце концов Адель отложила в сторону текст и решила пройтись по улице — было еще не поздно, девять часов. Она спустилась вниз и заглянула на кухню.

— Я погуляю минут пятнадцать, — сказала Адель хозяйке, которая одобрительно кивнула.

Дом находился на улице, застроенной небольшими особняками. Место это было слабо освещено; там, куда не доходил свет от уличных фонарей, было темно. На одном таком неосвещенном участке мостовой стояла машина. «Интересно, знает ли хозяин, что у него не горит один из задних огней?» — подумала она, заметив машину. Подойдя поближе, она увидела, что именно с водителем этого автомобиля Лоули Фосс разговаривал прошлым вечером. Она попыталась разглядеть, есть ли кто-нибудь внутри, но окна автомобиля были зашторены, и она подумала, что машина пуста, как вдруг кто-то шепотом произнес:

— Прелестная девушка... Составьте мне компанию.

В полуоткрытом окне появилась белая рука, на пальце блеснул драгоценный камень, и Адель в каком-то необъяснимом ужасе рванулась вперед.

Она услышала, как завелся мотор. Почувствовав, что машина двинулась следом, Адель побежала. На углу она увидела человека в полицейском шлеме и бросилась к нему.

— В чем дело, мисс?

Едва полицейский произнес эти слова, мимо промчался автомобиль, завернул за угол и мгновенно исчез.

— Водитель той машины обратился ко мне со странным предложением, — едва дыша, произнесла она.

Солидный констебль бросил рассеянный взгляд на место, где раньше стоял автомобиль.

— Мне показалось, что в нем никого нет, — произнес он тупо. — Следовало, однако, записать номер. К вам приставали, мисс?

Она отрицательно покачала головой, ей было уже стыдно за суматоху, которую она подняла.

— Нет, — ответила она с улыбкой, — но, пожалуй, мне не стоит больше гулять.

Она вернулась обратно и поспешила в свою комнату. Все-таки ей было не по себе...

После полуночи Майкл позвонил Джеку Небварту и сообщил последние новости.

— Фосс! — воскликнул тот в ужасе. — О, Боже! Этого не может быть, Бриксан! Мне приехать к вам?

— Нет, я сам к вам приеду, — ответил Майкл. — Я хочу кое-что узнать об этом человеке.

Джек Небворт снимал дом на Арандел-роуд. Когда Майкл прибыл, тот ожидал гостя у калитки.

Майкл рассказал Небварту о том, как нашли голову Фосса, и, почувствовав доверие к режиссеру, полностью описал ему визит к сэру Грегори Пенну.

— Это совершенно необъяснимо, — задумчиво протянул Небворт. — Бедняга Фосс! Вы считаете, это сделал Пенн? Но почему? Вы же не будете убивать человека только за то, что он решил занять у вас денег?

— Я уже немало думал об этом, — заметил Майкл, — помните тот лист из вашего сценария, который, как я вам говорил, наверняка был отпечатан самим Охотником за головами?

Джек кивнул.

— Теперь я абсолютно уверен, — продолжал Майкл, — что Фосс знал, кем отпечатана та страница, и предпринял отчаянную попытку шантажа. Если дело обстояло именно так и если сэр Грегори Пенн именно тот человек — хотя я отнюдь не уверен в этом, — тогда понятно, почему Фосса немедленно убрали прочь с дороги. Только один человек может помочь нам, и это...

— Мендоса, — закончил за него Джек.

Взгляды обоих мужчин встретились.

24. РУКА

Джек взглянул на часы.

— Она наверняка уже в постели, но стоит попытаться. Вы хотите ее видеть?

Майкл стоял в нерешительности. Стелла Мендоса была другом Пенна, а ему теперь не хотелось верить, что Пенн — убийца.

— Да, — наконец произнес он. — Думаю, нам стоит с ней переговорить. В конце концов Пенн знает, что он под подозрением.

Джек Небворт минут десять упорно звонил, пока в коттедже Стеллы сняли трубку.

— Мисс Мендоса, — сказал он, — это говорит Небворт, Прошу извинить, но нельзя ли с вами немедленно встретиться? Майкл Бриксан тоже хочет задать вам несколько вопросов.

— В такой час? — недоуменно произнесла Стелла сонным голосом. — Я уже спала... Не может ли это подождать до утра?

— Нет, дело крайне срочное. Мы приедем сейчас же, если вы не возражаете.

— А что случилось? — быстро спросила она. — Что-нибудь с Грегори?

Джек шепотом передал этот вопрос Майклу. Тот кивнул.

— Да, с Грегори, — ответил Небворт.

— Приезжайте, но не так быстро, я должна одеться.

Ко времени их появления она уже оделась и была так встревожена, что даже не стала укорять их за поздний визит.

— Что случилось? — снова спросила она.

— Лоули Фосс мертв.

— Мертв? — Она удивленно раскрыла глаза. — То есть как мертв? Я ведь только вчера видела его. Отчего он скончался?

— Он был убит, — спокойно произнес Майкл. — Его голову обнаружили на Чобхэм-Коммон.

Она бы грохнулась на пол, если бы Майкл не поддержал ее. Прошло несколько минут, прежде чем она смогла связно отвечать на вопросы.

— Нет, я больше не видела Фосса после Грифф-тауэрса. И там-то я видела его всего несколько секунд.

— Он говорил, что собирается вернуться?

Она отрицательно покачала головой.

— А сэр Грегори не упоминал, что Фосс вернется?

— Нет. — Она вновь покачала головой. — Он сказал, что не хотел бы больше видеть его совсем и что Фосс взял у него взаймы 50 фунтов. Грегори такой человек, он никогда не умеет сохранять чужие секреты. Он слишком гордится своим богатством и своей, как он называет, благотворительностью.

— Вы были приглашены к нему на обед? — спросил Майкл, внимательно следя за нею.

Она закусил губу.

— Вы, должно быть, слышали, как я разговаривала с ним. Нет, никакого обеда не было. Был просто камуфляж, рассчитанный на любопытных. Мы знали, что в тот вечер в доме кто-то побывал. Это были вы?

Майкл кивнул.

— О, какое облегчение! — произнесла она с глубоким вздохом. — Те несколько минут, которые я провела в темной комнате, были просто ужасны. Я подумала, что это... — Она замолчала в нерешительности.

— Бэг? — подсказал Майкл, и она кивнула.

— Да. Вы подозреваете Грегори в убийстве Фосса?

— Я обязан подозревать всех в целом, но не могу пока остановиться ни на ком в отдельности, — ответил Майкл. — Вы видели Бэга?

Она передернула плечами.

— Да, но не тогда. А так, конечно, я его видела. Он приводит меня в содрогание. Он так похож на человека. Иногда, немного выпив, Грегори заставлял Бэга делать всякие трюки. Знаете ли вы, что Бэг совершенно спокойно владеет мечом и выполняет им различные малайские упражнения! Для Бэга сэр Грегори сделал специальный деревянный меч, и вы бы только видели, как он ловко с ним управлялся. Вообще все это просто ужасно!

Майкл насторожился.

— Неужели Бэг может обращаться с мечом? Пенн говорил мне об этом, но я подумал, что он лжет.

— О да, он может с ним обращаться. Грегори научил его...

— А кто Пенн для вас? — прямо спросил Майкл.

— Друг, — смущенно ответила Мендоса. — Очень хороший друг — он помогает мне деньгами, именно это я имею в виду. Очень давно он обратил на меня внимание, и мы были... были очень хорошими друзьями.

Майкл понимающе кивнул.

— А сейчас?

— Нет, — коротко ответила она. — С Грегори в том смысле, о котором вы подумали, покончено. Завтра я уезжаю из Чичестера. Дом уже передан в ведение агента по недвижимости. Бедный Лоули Фосс! — воскликнула она со слезами на глазах. — Бедняжка! Грегори не мог этого сделать, мистер Бриксан, уверяю вас! В Грегори много напускного. На самом деле он трус, и, хотя он выделял немало ужасных вещей, всю грязную работу за него всегда выполняли другие.

— Ужасных вещей? Каких именно?

Мендоса явно не хотела отвечать, но Майкл настаивал.

— Ну, например, он рассказывал мне, что организовывал экспедиции в глубь джунглей и устраивал налеты на селения, похищая девушек. Там есть одно племя, в котором женщины очень красивые. Возможно, он и лгал, но мне почему-то казалось, что он говорит правду. Он рассказывал, как всего год

назад на Борнео он «позаимствовал» девушку из селения, куда не смели показываться европейцы. Он всегда говорил «позаимствовал».

— И вам совершенно безразлична судьба этой девушки? — жестко спросил Майкл.

Мендоса пожала плечами.

— При чем здесь я? Вы же спрашиваете о Грегори.

Мужчины вернулись в дом Небворта.

— Рассказ Пенна, похоже, полностью совпадает с тем, что говорит Мендоса. Женщина из башни была, как видно, «позаимствована», и маленький мулат — ее муж. Если им удалось бежать, мы их найдем без труда. Я дам сообщение на все станции в радиусе 25 миль, и утром наверняка получим какие-нибудь известия.

С рассветом Майкл снова был в Грифф-тауэрсе. При свете дня он продолжил поиски, но они не принесли ощутимых результатов. Положение, как любили говорить в Скотленд-Ярде, было пиковым. Сэр Грегори Пенн — из достаточно известной семьи, богат, мировой судья, хотя его эксцентричные выходки носили порой криминальный характер, «нельзя вешать людей за эксцентричность», как заявил комиссар полиции Майклу по телефону.

Подозрительно, что вместе с исчезновением малайца и его жены исчез и Бэг.

— Он отсутствовал всю ночь, — сказал сэр Грегори. — Правда, это уже не в первый раз. У него есть свои укрытия, о них никто не знает, возможно, даже где-нибудь под землей. Но он появится.

Майкл проезжал по Чичестеру. Увидев Адель, он остановился и вышел из машины.

— Я вас не видел целую вечность, — воскликнул он с таким чувством, что в любое другое время это вызвало бы улыбку у Адель.

— Мне некогда. Я спешу в студию, — холодно произнесла она. — Я обещала мистеру Небворту прийти сегодня пораньше, так как вчера днем специально отпросилась ради одной встречи...

— Надеюсь, она прошла удачно? — все в том же тоне спросил Майкл.

— Я пригласила кое-кого к себе на чай...

Челюсть у Майкла отвисла.

— О Боже! — выпалил он. — Какой я подлец!

Адель было двинулась дальше, но он остановил ее.

— Я не хотел обидеть вас, Адель, — произнес он мягко, — но произошла новая трагедия... Мне пришлось срочно заняться ею.

Девушка задержала шаг и посмотрела на него.

— Новая трагедия, вы сказали?

Майкл кивнул.

— Убит мистер Фосс, — пояснил он.

Адель сильно побледнела.

— Когда? — спросила она спокойным, почти бесстрастным голосом.

— Позавчера вечером.

— Вероятно, после девяти часов... — сказала она.

Его брови удивленно поползли вверх.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, мистер Бриксан, — медленно произнесла девушка, — что в девять часов я скорей всего видела руку человека, убившего его! Позавчера вечером я была в городе и разговаривала с мистером Фоссом. Он показался мне очень расстроенным, и я поинтересовалась, что с ним произошло. Он покачал головой, но добавил, что у него предчувствие чего-то ужасного. Он также поинтересовался, давно ли я живу в Чичестере и известно ли мне что-нибудь о пещерах.

— О пещерах? — быстро переспросил Майкл.

Адель кивнула.

— Я была удивлена, так как никогда не слышала ни о каких пещерах, Фосс сказал мне, что нашел упоминание о них в какой-то древней хронике. Он просмотрел современный путеводитель, но там об этом не было ни слова. Фосс утверждал, что в древние времена здесь были пещеры, вход в которые закрылся в результате геологического сдвига. Но он говорил так невнятно и несвязно, что я подумала, что он выпил, и поспешила от него отделаться. Затем в девять часов, когда улицы опустели, я вновь увидела его. Он стоял на углу Арандел-роуд и явно кого-то ждал. Мне не хотелось с ним общаться, поэтому я остановилась. Не успела я завернуть за угол, как на улице появился автомобиль и остановился рядом с Фоссом.

— Что за автомобиль? — спросил Майкл.

— Большой седан. Едва он появился из-за угла, огни в нем погасли, и это показалось мне странным. Мистер Фосс подошел к нему со стороны водителя, наклонился к окошку и заговорил с человеком, сидевшим внутри. Я не знаю, что заставило меня сделать это, но почему-то мне захотелось увидеть, кто это сидит в автомобиле. Не успела я пройти и шести ярдов, как мистер Фосс отошел в сторону и седан тронулся с места. Из окошка показалась рука, как будто водитель решил на прощанье помахать Фоссу.

— Вы не заметили в этой руке ничего странного?

— Ничего, за исключением того, что она была небольшой и белой, а на мизинце было кольцо с большим бриллиантом. Игра камня была столь необычной, что я удивилась, почему мужчина носит такое кольцо. Вы посчитаете меня глупой, но вид этой руки вызвал во мне чувство страха. Когда я вновь оглянулась, мистер Фосс быстро шагал в противоположном направлении. Я не стала его догонять.

— Вы не заметили номер автомобиля?

— Нет, — девушка покачала головой. — Я не так наблюдательна.

— А вы не видели мужчину, сидевшего в нем?

— Нет, я ничего не видела, кроме руки и кольца.

— А каких размеров был бриллиант, как вы думаете?

Размышляя, Адель поджала губы.

— Думаю, он был величиной с кончик моего пальца. Естественно, мне больше не удалось ничего разглядеть, но сам автомобиль я видела вчера вечером.

И затем она рассказала ему о вечерней прогулке. Майкл внимательно выслушал.

— Не напомнил вам что-нибудь голос человека, затеявшего этот разговор?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Нет, он говорил шепотом. Я не видела его лица, хотя почему-то подумала, что он в шляпе.

На минуту Майкл задумался, а затем сказал:

— Я провожу вас до студии, если не возражаете.

Он довел ее до гримерной, там узнал, что съемки отложены на день, и отправился на поиски Джека.

Поприветствовав его, Майкл спросил:

— Вы знаете всех богатых людей по соседству. Известен ли вам кто-нибудь, кто водит большой седан и носит кольцо с огромным бриллиантом?

— Единственный известный мне человек, имеющий такую слабость, — это Мендоса.

— Я как-то и не подумал о Мендосе, а ведь Адель говорила, что рука маленькая и похожа на женскую.

— Рука у Мендосы не такая уж и маленькая, но маловата для мужчины. Кстати, я дал указание сообщить членам трупы, что мы сегодня проводим съемки. Если людей не занимать делом, это вызывает излишнее беспокойство.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Майкл с улыбкой, — хотя я не осмелился бы утверждать это категорически.

В тот день Майкл был срочно вызван в Лондон на совещание «большой пятерки» Скотленд-Ярда. После двухчасового обсуждения решили оставить сэра Грегори Пенна на свободе, но под наблюдением.

— Мы проверили историю относительно похищения девушки на Борнео: все факты подтвердились, — спокойно произнес шеф Бриксана. — У меня нет никакого сомнения в том, что Пенн — преступник, но действовать нам придется очень осторожно.

Когда Майкл возвращался в Сассекс, день был в самом разгаре. Детектив мчался на большой скорости и был уже милях в четырех севернее Чичестера, как вдруг увидел впереди стоящего посередине дороги человека с расставленными руками. Подъехав поближе и затормозив, он, к своему удивлению, уз-

нал Сэмпсона Лонгвейла. Мистер Лонгвейл проворно подскочил к автомобилю.

— Я жду вас уже два часа, мистер Бриксан. Вы не будете возражать, если я поеду с вами?

— Ничуть. Садитесь, — сердечно произнес Майкл.

— Я знаю, что вы едете в Чичестер. А как вы смотрите на то, чтобы вместо этого поехать в Доуэр-хаус? Мне нужно рассказать вам кое-что важное.

От того места, где Лонгвейл остановил машину, начиналась дорога, ведущая к Доуэр-хаусу и поместью сэра Грегори. Старик сказал Майклу, что он пришел из Чичестера и ожидал, когда появится его машина.

— Я только что узнал, мистер Бриксан, что вы — представитель закона. Думаю, мне не стоит объяснять вам, как сильно я уважаю тех, кто служит делу справедливости.

— Полагаю, это вам сказал мистер Небворт? — спросил Майкл с улыбкой.

— Да, это он, — важно ответил собеседник. — Но я действительно искал вас, интуитивно чувствуя, что вы занимаете более важное положение в жизни, чем я сперва предполагал. Я нахожусь в некотором затруднении, мне нужен совет, но боюсь, мой адвокат в данном случае мне помочь не сможет.

«А ведь это довольно интересно, — подумал Майкл. — Старик, имеющий привычку совершать поздние прогулки, наверняка что-то видел».

Они доехали до Доуэр-хауса, старик вышел, открыл калитку и придержал ее, пока Майкл не вошел. Вместо того чтобы прямо пройти в гостиную, мистер Лонгвейл стал подниматься по лестнице, знаком пригласив Майкла последовать за ним, и остановился перед дверью комнаты, которую занимала Адель в ночь неудавшегося похищения.

— Я хочу, чтобы вы взглянули на этих людей, — серьезно произнес мистер Лонгвейл, — и сказали мне, не преступил ли я черту закона.

Он открыл дверь, и Майкл увидел в комнате две кровати. На одной из них лежал шоколадный мужчина, весь покрытый бинтами. Он был без сознания. На другой же кровати спала женщина, которую Майкл видел в башне. Она также была сильно изранена и помята — рука ее была забинтована.

Майкл глубоко вздохнул.

— По крайней мере, одна загадка решена, — произнес он. — Где вы их нашли?

Услышав голос, женщина открыла глаза и со страхом посмотрела на вошедших. Затем она перевела взгляд на лежащего мужчину.

— Вы ранены? — спросил Майкл по-голландски, но она его явно не поняла. Женщина так неловко чувствовала себя при

них, что Майкл был рад, когда они вышли из комнаты. По дороге в кабинет мистер Лонгвейл рассказал следующее:

— Я увидел их вчера вечером в половине двенадцатого. Они шатаясь шли по дороге, и сперва я подумал, что они пьяные, но, к счастью, женщина заговорила, и по ее голосу, даже не понимая слов, я узнал свою пациентку. Я обнаружил, что ее спутник находился в плачевном состоянии. Она же, признав меня, возбужденно заговорила, но вы же сами слышали — этот язык нам неизвестен. Впрочем, все было понятно без слов. Мужчина чуть не падал, с помощью женщины мне удалось довести его до дома. К счастью, у меня были перевязочные материалы, и я смог обработать их раны.

— Каково его состояние сейчас? — спросил Майкл.

— Он потерял много крови, и, хотя артерии не затронуты и кости не сломаны, сами раны ужасны. Мне пришлось в голову, — продолжал далее мистер Лонгвейл, — что этот малаец — правонарушитель. Ведь я ничего не знаю о том, где и при каких обстоятельствах его ранили. Я подумал, что надо бы сообщить в полицию об этих людях, но сперва я зашел к своему другу мистеру Небворт и все рассказал ему. Он адресовал меня к вам, и я решил дожидаться вашего возвращения, прежде чем предпринять дальнейшие шаги.

— Вы решили загадку, которая ставила меня в тупик, и случайно подтвердили версию, к которой я относился довольно скептически, — сказал Майкл. — Вы правы, полицию следует поставить в известность. Я немедленно сообщу о происшедшем в полицейское управление и вызову «скорую помощь», чтобы отправить этих несчастных в больницу. Мужчина в состоянии передвигаться?

— Думаю, что да, — удовлетворенно кивнул старый джентльмен. — Он сейчас в забытии, это напоминает состояние комы, но дело не в том. Они могли бы остаться и здесь, хотя у меня мало удобств и трудно обеспечить надлежащий уход. К счастью, женщина в состоянии ухаживать за ним.

— Когда вы их встретили, у мужчины не было в руках никакого предмета?

Мистер Лонгвейл нетерпеливо прищелкнул языком.

— Как я мог забыть об этом! Да, в руках у него был меч! Именно поэтому я и забеспокоился. Он здесь.

Старик подошел к бюро черного дерева и вынул меч, точную копию которого Майкл видел над камином в Грифф-тауэрс. На лезвии не просматривалось ни пятнышка, и мистер Лонгвейл сказал, что оружие таким и было — совершенно чистым. Возможно, малаец первым делом тщательно вытер его, подумал Майкл.

Выйдя из кабинета, Майкл неожиданно попросил:

— Извините за беспокойство, мистер Лонгвейл, не могли бы вы дать мне стакан воды?

— Одну минуту, — сказал старик и удалился.

На вешалке висело длинное пальто хозяина Доуэр-хауса, рядом с ним шляпа и обыкновенный котелок.

Когда старый джентльмен вернулся, он увидел, что Майкл осматривает котелок.

— Откуда это? — спросил детектив.

— Эта шляпа была на мужчине, — ответил мистер Лонгвейл.

— Если вы ничего не имеете против, я ее возьму с собой, — сказал Майкл после долгой паузы.

— Ради Бога. Нашему другу шляпа вообще не скоро понадобится, — ответил старик сочувственно.

Майкл прошел к автомобилю, осторожно положил шляпу на сиденье и отправился в Чичестер. Всю дорогу он не мог прийти в себя от изумления, ибо на подкладке шляпы обнаружил метку «Л. Ф.».

Как шляпа Лоули Фосса могла оказаться у человека с Борнео?

25. ПЕЩЕРЫ

Вечером пациенты мистера Лонгвейла были отправлены в больницу. Чуть позднее Майкл нанес визит своему школьному учителю.

— Все ищете? — спросил тот добродушно.

— Как ни странно, сэр, вы попали в точку, — сказал Майкл, — хотя сомневаюсь, чтобы вы угадали цель моего визита так же легко. Не знаю, сможете ли вы мне помочь... Меня интересует древняя история Чичестера.

— Забавно... — сказал учитель. — Что ж, вон стоит на полке книга, опубликованная в тысяча шестисотом году. За последние две недели вы второй человек, проявивший интерес к истории города.

— А кто был первый? — с видимым безразличием спросил Майкл.

— Какой-то джентльмен по фамилии Фосс... — начал было Скотт, и Майкл кивнул, давая понять, что знает, о ком идет речь. — Он интересовался пещерами, а я никогда не слышал, чтобы здесь было что-нибудь подобное. Вот если б речь шла о Чеддере, я бы дал вам исчерпывающую информацию...

Учитель провел Майкла в библиотеку и, взяв с полки старинный том, положил его на стол.

— После того как Фосс ушел, я взглянул, что же его заинтересовало. Оказывается, страница 385. Там дается описание исчезновения отряда конников под началом сэра Джона Дадли, графа Ньюпорта — это случилось еще во времена короля Стефана. Вот этот отрывок. — И он показал соответствующее место в книге.

Староанглийский текст гласил следующее: «Благородный граф, решив дожидаться его прибытия, к вечеру отвел два кон-

ных отряда в тайные пещеры. По особой милости Божьей, в чьих руках мы находимся, в восемь часов вечера с гор сошел великий оползень, который захоронил всех этих рыцарей и сквайров и сэра Джона Дадли, графа Ньюпорта, и никто их больше никогда не видел. Происшествие это случилось в девяти милях от города, который римляне называли Регнумом, а саксы — Сиффансеастром*.

— А кому-нибудь удалось обнаружить эти пещеры?

Мистер Скотт отрицательно покачал головой.

— Среди местных жителей ходят слухи, что примерно полтора века о них хорошо знали контрабандисты-бутлегеры. Но подобные разговоры ведутся в любом другом графстве.

Майкл вытащил из кармана карту Чичестера с окрестностями, отмерил девять миль и циркулем провел окружность вокруг города. Он заметил, что линия прошла недалеко от поместья сэра Грегори Пенна.

— Здесь отмечены две точки под названием Грифф-тауэрс, — вдруг произнес Майкл, указывая на карту.

— Да. Кроме башни в имении Пенна, есть еще одна, которую местное население называет настоящей Грифф-тауэр¹. У меня такое подозрение, что она или на землях сэра Грегори Пенна, или где-то рядом. Это круглая башня высотой примерно в 20 футов. Она очень старая, и мне кажется, ей может быть до двух тысяч лет. Я, как вы знаете, интересуюсь древностями и очень тщательно исследовал ее. Нижняя часть стен, несомненно, римской работы. У римлян здесь был большой лагерь, и фактически Регнум, о котором упомянуто в книге, был его центром. Есть разные объяснения целей постройки этой башни. Возможно, она использовалась для хранения провизии или как оборонительный пункт, но лично я считаю, что первоначально башня была невысокой, всего в несколько футов, и отнюдь не могла играть существенной роли для обороны; впоследствии ее надстроили, но почему, неизвестно.

— Ну что ж, если я не ошибаюсь, — усмехнулся Майкл, — мы услышим об этом римском замке еще до наступления утра.

Прощавшись, он ушел.

Джека Небворта Майкл застал за довольно странным занятием. Тот хлопотал возле накрытого стола.

— Ожидаем гостей? — спросил Майкл, наблюдая, как Джек Неборт вносил последние штрихи — тот, подобно многим закоренелым холостякам, аккуратно поправлял приборы, добиваясь математической точности в их расположении.

— Угу. Вашу знакомую.

— Мою?

— Да, — кивнул Джек, — я пригласил юную Лэмингтон. И надо сказать, когда я вижу человека вашего возраста, краснеющего при упоминании имени девушки, мне его жаль. Она

¹ Тауэр — башня (англ.).

придет, чтобы поговорить в нормальной домашней обстановке — отчасти по делу, отчасти ради того, чтобы интересно провести время. У нее сегодня не очень удачно шла работа, но я полагаю, мы все теперь немного не в своей тарелке.

Вскоре появилась Адель, и сердце Майкла растаяло.

— По дороге сюда, — сказала она, когда Джек помог ей снять пальто, — я подумала, как в жизни все устроено... Я никогда и мечтать не могла, что вы пригласите меня на обед, мистер Небворт.

Он взял ее под руку и проводил в комнату. Увидев Майкла, она вздрогнула, но, быстро взяв себя в руки, сказала:

— А я-то думала, что мы не будем говорить ни о чем, кроме кино.

— И прекрасно! — сказал Майкл. — Я буду самым прилежным слушателем. Первый же, кто заговорит о каких-нибудь убийствах, будет выкинут из окна.

— Ну что ж, я готова к экзекуции, — сказала она добродушно, — потому что немного позже я собираюсь поговорить именно об этом.

Они прекрасно пообедали и поговорили.

— Сегодня днем я выступала в роли детектива, — сказала она после того, как был подан кофе. — И сделала потрясающее открытие. Началось все с того, что я попыталась проследить путь машины, которая, видимо, попала на мою улицу через задний переулок. Там я обнаружила следы только одного автомобиля, и представьте себе — именно того, за рулем которого сидел тот человек с женственными руками. Дело в том, что я обратила внимание на своеобразный ромбовидный рисунок задних колес, и было очень легко идти по таким отпечаткам. Проходя по переулку, в одном месте я увидела лужицу масла — похоже, здесь машина стояла какое-то время. И вот что я нашла!

Она открыла сумочку и вынула небольшой темно-зеленый пузырек. Он был закупорен. И на нем не было этикетки. Майкл взял его, внимательно осмотрел и понюхал. Запах резкий, но приятный...

— Вам этот запах знаком? — спросила она.

Майкл покачал головой.

— Давайте я попробую. — Джек Небворт взял у Майкла пузырек и понюхал. — Амилнитрат, — быстро сказал он. — Иногда это снадобье называют «сногшибательными каплями».

Майкл вновь взял бутылочку.

— К сожалению, нет никакой наклейки.

— И никакой связи с таинственным автомобилем, — добавила девушка. — Правда, у меня есть некоторые предположения, если рассматривать все по порядку. Вот, например, пузырек...

— Где вы его нашли?

— В глубокой канаве у самой воды. Это моя первая находка. А вот вторая. — Она вынула из сумочки еще одну вещь.

— Вы знаете, что это такое? — спросила она.

— Понятия не имею, — ответил Джек и протянул предмет Майклу.

— У меня есть подозрение на этот счет, но лучше бы квалифицированный ответ дали вы, мистер Бриксан.

Майкл кивнул.

— Это центральная часть наручников, та, где находится соединительное звено.

— Правильно! Я тоже так подумала. Таковы две находки. А вот выводов я вам не предлагаю, потому что их у меня нет.

— Необязательно, чтобы находки эти были связаны с автомобилем, — задумчиво сказал Майкл. — Хотя вполне возможно, что преступник решил избавиться от компрометирующих предметов. Если не возражаете, я возьму их с собой. — И разговор постепенно снова перешел к киносьемкам.

— Завтра мы снимаем в Грифф-тауэр, настоящей башне, — заявил Джек Небворт. — Это одна из местных достопримечательностей. А что в этом смешного? — спросил он, увидев улыбку Майкла.

— Ничего особенного. Просто уже несколько часов меня томит предчувствие. Я так и знал, что снова услышу об этой башне!

26. БАШНЯ

Майкл был встревожен. В отличие от девушки он более серьезно отнесся и к закрытому автомобилю, и к тому, что Адель позвали сесть в него. После событий последних дней было необходимо снять детектива, следившего за домом Адель. Майкл все-таки решил использовать для этой цели местного полицейского. Отвезя Адель домой, он сделал необходимые распоряжения в полицейском участке.

Вновь вернувшись в дом Небворта, он внимательно осмотрел предметы, найденные девушкой. Амилнитрат представлял собой очень сильный наркотик. «На все должны быть свои причины, — подумал Майкл, — зачем-то он нужен Охотнику за головами?»

Он осмотрел наручники. Для того чтобы разорвать их, требовалась огромная сила, и в этом была загадка.

Поздно вечером ему позвонил инспектор Лайл, ведущий наблюдение за Грифф-тауэром. Нового ничего не было, Бэг до сих пор отсутствовал.

— Вам придется оставаться там всю ночь, — сказал Майкл. — Завтра мы снимаем наблюдение. Скотленд-Ярд считает, что сэр Грегори не имеет прямого отношения к смерти Фосса.

Ворчание с другого конца провода выражало несогласие инспектора с такой точкой зрения.

— Так или иначе, он в этом замешан, — сказал он. — Кстати, в поле, близ поместья, я обнаружил окровавленный котелок, на подкладке которого есть метка — «Г. П.».

Вот это действительно была новость!

— Покажите мне завтра утром.

На следующее утро вскоре после завтрака привезли котелок. Неборт, который узнал от Майкла большую часть происшедшего, с любопытством осматривал новое вещественное доказательство.

— Если, встретившись с Лонгвейлом, малаец был в котелке Лоули, где же тогда, черт возьми, произошел обмен? Должно быть, между поместьем и домом старика, если не...

— Ну, ну... — подбодрил его Майкл. Он с огромным уважением относился к проницательным суждениям Неборта.

— Если обмен не произошел в самом доме Грегори. Хотя он весь в крови, повреждений на нем нет, что очень странно.

— Очень странно, — согласился с ним Майкл. — И все же, если моя первая версия верна, и этому есть объяснение.

Больше, однако, они ничего не сказали.

Доставив Неборта в студию, Майкл наблюдал за отъездом. «Какое удовольствие было бы отправиться на съемки вместе со всеми», — подумал он.

Он позвонил в Лондон — никаких новостей не было. «А почему бы не поехать», — подумал беззаботно Майкл и, приняв это решение, направил машину вслед за остальными.

Еще издали Майкл увидел башню — это было приземистое старое сооружение, похожее на обыкновенную овчарню. Подъехав к месту съемок, он стал следить за последними приготовлениями. Джек Неборт и оператор определяли места, где должны находиться осветители и участники съемки. Кто-то прилаживал лестницу, по которой должна спускаться Розелла.

Снималась сцена, в которой возлюбленный Розеллы освобождал ее из каменного мешка башни.

Основные кадры, связанные с башней, были сделаны в Аранделе. Старая Грифф-тауэр служила для съемок крупным планом, когда девушка в объятиях своего возлюбленного по связанным простыням спускалась из своей темницы. Майкл, улыбаясь, наблюдал за суетой «героя-любownika».

— Здесь все это делать ужасно неудобно, — сказал, обращаясь к Майклу, несчастный Корби. — Мисс Лэмингтон для меня чертовски тяжела. Попробовал бы ты сам, старина, а я бы посмотрел, как тебе это понравится!

Вряд ли что-нибудь доставило бы Майклу большее удовольствие.

— Это совсем просто, — сказал, проходя мимо, Неборт. — Мисс Лэмингтон будет держаться за простыни, что снимет зна-

чительную часть веса. Единственное, что от вас требуется, — выглядеть храбрым и привлекательным.

— Привлекательным... — проворчал Корби, — но меня ангажировали не для того, чтобы лазить по веревкам. Всем нам что-то нравится, а что-то не нравится. Так вот это мне не нравится.

— Вам все должно понравиться, — лаконично сказал Джек.

Веревку закрепили за скобу на верху башни. Сам спуск, выполненный дублерами, снимался в Аранделе; Джеку нужна была сейчас только съемка крупным планом.

Каковы бы ни были недостатки Коннолли, он все же, без сомнения, был хорошим актером. Совершая непривычные усилия, он все же успевал мило улыбаться девушке. Камера, установленная на движущейся платформе, шаг за шагом снимала сцену спасения влюбленных. Вот они коснулись земли, и, устремив на девушку томный взгляд, Коннолли блестяще закончил последние три секунды эпизода.

— Достаточно, — сказал Джек.

Корби тяжело опустился на землю.

— О, Боже! — взвыл он. — У меня отваливаются руки! Я никогда больше этого не сделаю, нет, не сделаю! С меня достаточно, мистер Небворт! Это было ужасно! Я думал, что умру!

— Это вы только так думали, но ошиблись, — добродушно сказал Джек. — Ну а теперь отдыхаем, мальчики-девочки, а затем будем снимать сцену спасения.

Камера отъехала ярдов на тридцать, и, пока Корби Коннолли корчился в агонии на площадке, Адель подошла к Майклу.

— Я рада, что все удалось снять, — сказала она с облегчением. — Бедный Корби! А что вы думаете обо мне? Как я выглядела? У меня такое ощущение, что я была набита соломой.

— Вы были просто изумительны, — пылко произнес Майкл. Она бросила на него быстрый взгляд и опустила глаза.

— Вы преувеличиваете, — сдержанно сказала она.

— Поверьте мне, — ответил Майкл. — Я восхищен. Это то, что у меня внутри, — и он показал на грудь.

— Внутри этой башни? Да ничего там нет, одни только камни и дикие деревья! Хотя мне, в общем, это нравится.

Майкл рассмеялся.

— Вы только что сказали, что рады, что все удалось снять. Она кивнула.

— Да-да, конечно! Не совсем все... Мистер Небворт собирался еще все это повторить при ночной съемке. Бедный Коннолли! Он пока ничего не знает...

В этот момент послышался голос Джека Неворта.

— Не надо брать лестницу, Коллинз! — крикнул он. —

Лучше положи ее на траву за башней. Возможно, придется еще вернуться сюда вечером!

— Боюсь, он так и сделает, — вздохнула Адель. — Я в общем-то не против, это даже интересно, но Корби так нервничает, что я начинаю волноваться тоже. Лучше бы эту роль сыграл кто-нибудь другой. Вот вы, например.

— О Боже, я бы тоже этого хотел! — откровенно признался Майкл, и Адель зарделась.

К ним подошел Джек Неборт.

— Мы ничего там не оставили, Адель? — спросил он, указывая на башню.

— Нет, мистер Неборт, — ответила она удивленно.

— Ну а это что?

Он указал на какой-то круглый предмет, покачивающийся на верхнем краю башни.

— Объясните мне, что это там движется! — воскликнул он.

Пока он произносил эти слова, над зубцами башни медленно появилась чья-то голова. За ней показались массивные волосатые плечи и рука, перекинутая через край стены.

Это был Бэг!

От пыли его рыжевато-коричневая шерсть стала серой. Обезьяна, чтобы сохранить равновесие, подняла руку, и Майкл увидел, что на запястье каждой ее руки болтаются браслеты от разорванных наручников!

27. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЭГА

Адель вскрикнула и схватила Майкла за руку.

— Это чудовище недавно пыталось меня похитить! — Она была потрясена.

Майкл осторожно отодвинул ее в сторону и побежал к башне. Не успел он этого сделать, как Бэг спрыгнул на землю. Какое-то мгновение он стоял на четвереньках, злобно глядя на приближающегося человека, а затем принюхался, что-то прошептал своим гортанным голосом, двинулся легкой походкой к холмам и исчез.

— Это орангутанг, принадлежащий сэру Грегори. Он совершенно безобиден. Исчез из дома два или три дня назад.

— Должно быть, прятался в башне, — сказал Неборт, и Майкл кивнул, соглашаясь с ним. — Но я чертовски рад, что он не появился во время съемок, — сказал режиссер, потирая лоб. — А ты не видела его, Адель?

Майкл заметил, что девушка сильно побледнела, а рука, поднятая к губам, слегка задрожала.

— Обезьяну я там не видела, а вот тайну наручников, кажется, поняла...

— Так вы заметили их? — спросил Майкл. — Да, этим объяс-

няется разорванное звено. Теперь следует понять назначение амилнитрата.

Во время разговора он держал девушку за руку, и она почувствовала, что его горячее сильное пожатие выражает нечто большее, чем простую симпатию.

— Вы испугались?

— Ужасно, — произнесла она. — Так вы говорите, это был Бэг?

— Да, Бэг, — произнес Майкл, кивнув головой. — Думаю, что он скрывался в этой башне. А вы ничего не заметили, когда были наверху?

— Нет, ничего, иначе я бы свалилась. Кстати, внутри башни все заросло кустами, он там мог скрываться.

Майкл решил убедиться сам. Ему установили лестницу, он поднялся на верхнюю широкую площадку башни и посмотрел вниз. Он увидел, что земля у основания кирпичной кладки идет под уклон, напоминая странным образом воронки, которые он видел во время войны во Франции. Само же основание башни рассмотреть было невозможно, потому что там разрослись пышные кусты боярышника. Единственное, что он различил в полумраке, это части стены и ветви старого дерева.

Видимо, Бэг скрывался здесь, отсыпаясь после своих ранений. А ранения были, Майкл заметил, что поранена кожа и наполовину разрублено ухо. Кроме него, никто на это внимания не обратил.

Майкл спустился по лестнице назад и присоединился к Неб-вурту.

— Думаю, на этом все же нам сегодня придется закончить, — с колебанием произнес Джек, — я чувствую, что сейчас у наших актеров начнется истерика. Пусть все немного успокоится и приготовятся к ночным съемкам.

Когда они возвращались домой, Майкл, ведя автомобиль, еще долго размышлял над странным появлением обезьяны. Кто же надел наручники на Бэга? Ясно, что он разорвал их, чтобы освободиться, но почему не вернулся к хозяину в Грифф-тауэр?

Подбросив режиссера к студии, Майкл отправился прямо к Грегори и увидел, что баронет играет в гольф на лужайке рядом с домом. Выглядел он значительно лучше, хотя часть бинтов еще осталась на нем.

— Да, Бэг вернулся. Всего полчаса назад. Где он был, Бог его знает! Если бы он умел говорить, то наверняка многое ему бы пришлось объяснять нам. Кто-то надел на него наручники, а их только что снял.

— Могу я их взять с собой?

— Думаю, что вы уже видели их, не так ли?

— Да, я их видел, когда он появился из той старой башни на холме, — и Майкл указал в сторону Грифф-тауэр.

— Вот как? И что же, черт побери, он там делал?

Сэр Грегори задумчиво почесал подбородок.

— Вы нашли тело Лоули Фосса? — спросил он, возобновив игру в гольф.

— Пока нет, — ответил Майкл, — но надеюсь найти.

— Надеетесь?

— У меня есть на этот счет несколько предположений.

Сэр Грегори стоял с клюшкой в руках и задумчиво смотрел на площадку.

— Ну что за странные законы в нашей стране! Предположим, хозяин случайно убил слугу, который на него напал...

— Он неминуемо предстанет перед судом, — продолжил Майкл эту «нехитрую» мысль, поскольку сэр Грегори надолго замолчал, — а суд вынесет вердикт «убийство при оправдывающих обстоятельствах», и он будет освобожден.

— Но предположим, что хозяин решил все это дело скрыть? Предположим, он... э... решил избавиться от тела, захоронил его... и дал событиям идти своим чередом.

— Тем самым он поставит себя в чрезвычайно опасное положение, — сказал Майкл. — В особенности, — и он пристально посмотрел на Грегори, — если у хозяина есть подруга... Не просто подруга, а человек, бывший свидетелем происшедшего.

Лицо Грегори Пенна начало приобретать багровый оттенок.

— Ну а предположим, только предположим, что она стала шантажировать хозяина, вымогать у него деньги, угрожая сообщить о происшедшем в полицию?

— В таком случае, — нетерпеливо заметил Майкл, — она сама отправится в тюрьму за шантаж, а также, возможно, как прямой или косвенный соучастник преступления.

— Вот как? — нетерпеливо спросил сэр Грегори. — Она будет соучастницей, если видела... как он разрубил этого человека? Поймите, все произошло много лет назад, а ведь существуют сроки давности, не так ли?

— Существуют. Но не за убийство.

— Убийство? Вы называете это убийством? — воскликнул Пенн в тревоге. — При самообороне? Чепуха.

Майкл давно все понял. Так вот почему Стелла Мендоза назвала сэра Грегори убийцей. Перед мысленным взором Майкла возникла сцена: слуга, цветной, скорее всего кто-то из малайских рабов, пришел в бешенство, и Пенн его убил. Возможно, обороняясь. А затем испугался... Майкл вспомнил слова Стеллы: «Грегори — трус».

— И где же вы захоронили свою жертву? — небрежно спросил Майкл.

— Захоронил? Что вы имеете в виду? — мгновенно отреагировал сэр Грегори. — Я лично никого не убивал и никого не хоронил. Просто мне пришло в голову такое предположение.

— Думаю, это более чем предположение, — заметил Майкл. — Но не настаиваю на ответе.

— Как странно, — произнес Пенн, выйдя из задумчивости. — Такого человека, как я, вдруг заинтересовал абстрактный вопрос... Так что, она становится соучастницей? Значит, это грозит тюрьмой? — Он опять выжидающе посмотрел на Майкла.

— Лучше скажите, Бэг сильно пострадал? — спросил Майкл.

— Да не очень, всего пара порезов, — спокойно ответил Грегори. — Он пришел ко мне на помощь, бедный Брут. Этот парень схватился с ним не на жизнь, а на смерть!

— А что за шляпа была у этого парня-малайца?

— У Кеджи?

— Не знаю, как его зовут.

— Шляпа у него, кажется, действительно была, но я не заметил какая. А что?

— Да я просто спрашиваю, — небрежно бросил Майкл. — Не в пещерах ли он ее потерял?

Произнося эти слова, он внимательно следил за лицом собеседника.

— Что вы имеете в виду? Какие пещеры? Никогда не слышал ни о каких пещерах. Разве поблизости есть что-нибудь подобное? — Пещеры сэра Грегори явно не интересовали. — Я плохо ориентируюсь в топографии этого графства, Бриксан. Знаете, живу здесь уже более двадцати лет, а каждый раз, направляясь в Чичестер, сбиваюсь с дороги.

28. ОБЪЯВЛЕНИЕ

Между тем пещеры заинтриговали Майкла не на шутку. Он вспомнил о Лонгвейле, хорошо знавшем окрестности. Однако того дома не оказалось. Но он должен был вот-вот приехать на собственной старой машине из Чичестера.

Майкл решил дождаться старика на повороте дороги. И наконец-то услышал грохотанье древнего автомобиля.

— Я езжу действительно с большим шумом, — сказал Лонгвейл, вытирая свою плешь цветным платком. — Только сейчас начинаю понимать, что произошло в автомобильном хозяйстве за последние годы. Но сам не думаю, что совершенно бесшумный автомобиль доставил бы мне большее удовольствие.

Майкл поинтересовался относительно пещер. К его удивлению, старик тут же откликнулся.

— Да, я не раз слышал о них. Еще мальчиком. Отец говорил мне, что пещер в округе немало и что, если кому-то повезет раскрыть их, то скорей всего он найдет там огромные склады виски. Насколько я знаю, никто их так и не нашел. Когда-то

вход был там... — и он указал в направлении Грифф-тауэр, — но много лет назад...

И он пересказал историю об оползне.

— Народная легенда гласит, что подземная река стала вдруг впадать в Селеи-Билл — конечно, под землей. Но как вы знаете, простые люди этими легендами и живут.

Инспектор Лайл ожидал появления Бриксана, чтобы сообщить последние новости.

— В утреннем выпуске «Дейли Стар», — сказал он, — опубликовано очередное объявление...

Майкл взял газету со знакомым объявлением.

«У вас болит душа? Ломит тело? Вы стоите на краю бездны? И у вас не хватает мужества? Напишите благодетелю. По адресу...»

— Ответ появится не раньше завтрашнего утра. Письма будут переадресовываться в один из магазинов на Ламберт-роуд. Шеф считает, что вам следует ухватиться за эту нить.

Здесь действительно крылись хорошие возможности. На следующий день, в четыре часа, хромоногая старушка проковыляла в магазин на Ламберт-роуд и спросила там письма, адресованные на имя мистера Уола. Получив три письма и положив их в старую пыльную сумку, она заплатила за их хранение и, ковыляя, вышла из магазина. Пройдя немного по Ламберт-роуд, она села в автобус, следовавший в Клэпхэм, вышла в Коммоне, районе проживания средних служащих, пересекла его и оказалась среди многоквартирных домов и старых приземистых зданий.

Каждый поворот уводил ее все дальше и дальше, прямо в районы, где ютилась беднота, пока наконец она не очутилась в глухом, давно не мощенном переулке. Фактически это был тупик. Дома шли сплошной стеной. У предпоследнего из них старушка остановилась, вынула ключ из кармана и открыла дверь. Уже собираясь закрыть ее за собой, она увидела стоящего у входа высокого, симпатичного джентльмена, который, видимо, всю дорогу следовал за нею по пятам.

— Добрый день, мать, — сказал он. — Я хотел бы потолковать с вами.

— Входите, — резко сказала она. — Кто вы? Полиция?

Майкл кивнул.

— Мне нужны вот эти письма.

К удивлению детектива, женщина сразу успокоилась.

— О, только и всего? — спросила она. — Эту услугу я оказываю одному джентльмену уже несколько лет. И никогда никто не жаловался.

— Вы знаете, как его зовут?

— Нет, не знаю. Только фамилию на конвертах, в которых я пересылаю ему письма.

Из кучи хлама она вытащила три конверта с напечатанными адресами. Майкл сразу же узнал шрифт машинки. Все письма были адресованы на одну из улиц Гилфорда.

Майкл вынул письма из сумки. С содержанием двух из них он был уже знаком; третье представляло фальшивку, написанную им самим. Дальнейший разговор со старухой, однако, ничего не дал. Женщина выполняла свою работу, получала за нее фунт стерлингов и инструкции, где забрать очередную партию писем.

— Она слегка помешанная, — докладывал потом Майкл, вернувшись в управление, Стэйнзу. — О самих же письмах известно вот что: там же, в Гилфорде, их забирает другой агент, затем он пересылает письма в Лондон. Но по дороге, поскольку адрес на конвертах указан произвольный, письма перехватываются. Кто их забирает, неизвестно, полиция Гилфорда как раз расследует сейчас это дело.

Стэйнз был сильно встревожен.

— Мне не следовало привлекать вас к этой работе, — сказал он. — Скотленд-Ярд считает, что ваши действия мешают поиску Охотника за головами. Конечно, это обычные трения между нашими ведомствами, но приходится считаться с ними. Думаю, нет нужды уверять вас в том, что я получаю больше шипек, чем заслуживаю.

Майкл понимающе выслушал шефа. Потом сказал:

— Я сижу у Охотника за головами на хвосте, но больше, чем когда-либо, я уверен, что если не выясним ничего относительно этих пещер, то не сможем признать его виновным.

— При чем здесь пещеры? — хмуро ответил Стэйнз. — Я не очень-то вас понимаю, Майкл.

— В районе Чичестера есть обширные пещеры. О них знал Фосс... Почему-то они его сильно интересовали. Дайте мне четыре дня, майор, и если я не добьюсь удачи, — он запнулся, — если проиграю... тогда в следующий раз вы пожелаете доброго утра моей голове, красующейся в одном из ящиков, которые так любит Охотник за головами!

29. ДЖОН ПЕРСИВАЛЬ ЛИГГИТТ

Майкл второй день находился в Лондоне, и Адель, уж неизвестно по какой причине, чувствовала себя не в ладах с миром. И все же работа на студии шла хорошо, и Джек Небворт, обычно скупой на похвалы, с восторгом отзывался о сцене, в которой снимался Коннолли.

Адель спросила у Джека, приехал ли Майкл.

Тот покачал головой.

— Нет, у меня нет от него никаких известий, — сказал он. — Полчаса назад на студию приходил какой-то тип бандитского вида и интересовался им.

— Этот неприятный человек похож на бродягу? — спросила

Адель. — Я разговаривала с ним. Он заявил, что у него письмо для мистера Бриксана и он отдаст его только лично в руки.

Адель посмотрела в окно. У края тротуара стоял человек, явно выпавший из жизненной колеи. Длинные гладкие черные волосы, местами тронутые сединой, выбивались из-под грязной кепки. На мужчине, видимо, не было рубашки, так как воротничок его неописуемой куртки был застегнут по самый подбородок. На голых ногах — грубые дырявые ботинки.

Ему было лет под шестьдесят, но точно определить его возраст было невозможно. Лицо покрывала сероватая щетина, к которой бритва, похоже, не прикасалась со времени последней отсидки. Глаза красные, мутные, нос лилово-пурпурного цвета. Руки он глубоко засунул в карманы брюк, казавшиеся единственным средством опоры. Человек переминался с ноги на ногу, насвистывал какой-то минорный мотив. Время от времени он доставал руку из кармана, смотрел на потёртый грязноватый конверт и затем, как бы удовлетворенный проверкой, запихивал его обратно и продолжал свой неторопливый танец.

— Вам не кажется, что вы должны прочитать это письмо? — спросила Джека встревоженная Адель. — Оно может оказаться очень важным.

— Я об этом уже думал, — сказал Небворт, — но, когда попросил разрешения на конверт, этот бродяга только усмехнулся. Ну ладно, пока ни время отвлечемся от Майкла и вернемся к нашей прекрасной Розелле. Кадры с башней нельзя улучшить, поэтому я собираюсь вырезать ночную сцену. С этого момента мы будем снимать массовки.

Съемки были очень трудные, необычные даже для такого режиссера, как Небворт. Для Адель же день выдался еще более нелегкий. К вечеру она еле стояла на ногах.

— Так не вернулся еще мистер Бриксан, а, мисс? — позвал ее кто-то резким голосом, когда она вышла из студии.

Адель вздрогнула. Она совершенно забыла о бродяге.

— Нет, — ответила она. — Он в Лондоне. Вам ведь, кажется, уже об этом говорили?

— Он не может быть в Лондоне, — разочарованно ответил бродяга. — Если б он был там, я бы не околачивался здесь... Нет, из Лондона он выехал еще вчера. Ладно, подожду еще...

Переходя торговую площадь, она едва успела увернуться от автомобиля, который, как ей было известно, принадлежал Стелле Мендосе. Стелла порою была безрассудна, да и девиз на радиаторе ее автомобиля звучал довольно грозно: «Отскочи или умри».

Стелла ужасно спешила и смачно выругалась, избежав столкновения с девушкой. Госпожа Мендоса торопилась повидать сэра Грегори, пока тот не позабыл то, что он сказал Стелле по телефону. Машина резко затормозила у ворот Грифф-тауэра, женщина толкнула дверь и вбежала в дом.

— Если через два часа я не вернусь, поезжайте в Чичестер и вызовите полицию, — сказала она своему водителю, который томился на заднем сиденье, не понимая, что он тут делает, если за рулем предпочитает сидеть сама Стелла.

30. ПУТЬ ГРЕГОРИ

Записку подобного содержания Стелла оставила на своем столе. Если она не возвратится к определенному часу, полиция прочитает письмо. Она не могла допустить и мысли, что на следующее утро ее записку не найдут.

Предстоящий разговор был очень серьезен для нее. Она намеренно оттягивала отъезд, надеясь, что Грегори Пенн перемнит свое мнение о деньгах. И вот он странным образом смягчился, говорил с ней по телефону дружеским тоном, смеялся над ее опасениями, и она преодолела свой естественный страх.

Он принял ее не в библиотеке, а в большом холле наверху. Стелла только раз была в «Великолепном зале», как она его называла. Размеры и мрачность помещения поразили ее, хотя сам прием оставил неприятный осадок.

Зал, не совсем лишенный мебели (с обеих сторон стояли диваны), устилал толстый темный ковер. Стены были украшены пурпурного цвета пилонами, пространство между которыми драпировалось восточной тканью. Свет, лившийся сверху — со стороны трех тяжелых потемневших светильников, был тусклым.

Подобно восточному паше, Грегори Пенн сидел на шелковом диване, скрестив ноги и наблюдая за движением малайской девушки, извивающейся под странные звуки гитар, на которых играли трое малайцев. Грегори был в яркой алой пижаме. Его стеклянный взгляд и жестко сжатые губы сказали Стелле о ее зловещем друге гораздо больше, чем то, что она знала раньше.

Сэр Грегори Пенн на ее глазах становился все более зависим от своих эксцентричных желаний. Так, люди, например, становятся рабами денег или привычки. Грегори познал все естественные удовольствия жизни. Они ему приелись. Теперь он хотел только запретного...

Стелла, уже видевшая себя хозяйкой Грифф-тауэра, на самом деле становилась с каждым днем все менее привлекательной для Пенна. В конце концов он потерял всякий интерес к ее старящимся прелестям.

Однажды врач сказал, что вино убьет его, и он стал пить еще больше. Спиртные напитки часто пополам с наркотиком вызвали удивительные картины, которые, нанизываясь одна на другую, составляли вереницу ярких сказочных образов. Ему

доставляло удовольствие, находясь в одурманенном состоянии, сажать перед собой ненавидевшую его женщину. Она сидела почти обнаженная. А он на нее смотрел.

Грубиян и трус, он не мог или даже не хотел довести их отношения со Стеллой до логического конца, то есть до разрыва. Но оргии сэра Грегори теперь вызывали у нее не только отвращение, но и беспокойство. Короче, после их разговора Стелла ожидала совсем другого приема. Она некоторое время стояла у дивана, глядя на Грегори, пока тот не соизволил обратиться на нее внимание. Наконец он повернул голову и одарил ее тупым отсутствующим взглядом.

— Садитесь, Стелла, — глухо произнес он, — садитесь. Вы же не можете так танцевать, а? Ни у кого из европейцев нет такой грации, такой гибкости. Только взгляните на нее!

Танцовщица быстро кружилась, радужно переливались краски ее прозрачного одеяния. С последним звуком гитар она медленно опустилась на ковер.

— Садитесь сюда, — повторил Грегори, указывая рукой на диван.

Как по волшебству, все слуги исчезли из комнаты, и Стелла почувствовала легкое беспокойство.

— Мой шофер остался в машине. Я дала ему указание обратиться в полицию, если я не вернусь через полчаса, — сказала она с подчеркнутой экзальтированностью, и Грегори рассмеялся.

— Вы бы еще няньку с собой привезли, Стелла. Что это в последние дни с вами происходит? Все время вспоминаете полицию. А мне так хотелось бы побеседовать с вами... — отечески произнес он.

— Пожалуйста, Грегори. Я, как вы знаете, навсегда уезжаю из Чичестера, больше не хочу здесь оставаться.

— Это означает, что вы просто больше не хотите бывать у меня, да? Ну что ж, я сам сыт вами по горло, и с моей стороны не будет ни слез, ни завываний, ни скрежета зубного.

— Моя новая компания... — начала было она, но он жестом прервал ее.

— Если финансы вашей компании зависят от моих пожертвований, то лучше забудьте об этом, — сказал он грубо. — Я говорил со своим юристом — точнее, с человеком, разбирающимся в этих делах, — так вот, он сказал мне, что если вы попытаетесь шантажировать меня относительно Тжарджи, у вас будут крупные неприятности. Хорошо. Я дам вам денег, — продолжил он, — небольшую сумму, но достаточно приличную. Не думаю, что вы совсем нищая, ибо денег вы у меня вытянули вполне достаточно для основания трех компаний. Стелла, я схожу с ума от той девушки!

— От какой? — в крайнем изумлении спросила она.

— От Адель. Кажется, так ее зовут — Адель Лэмингтон.

— Вы... Вы... хотите сказать, что она займет мое место? — с трудом произнесла Стелла.

Грегори кивнул, уставившись на нее стеклянным взглядом.

— Да, она мне по вкусу... Поверьте, не хочу ни в коей мере унижить вас, но она очень и очень волнует меня.

Стелла не знала, что ответить, заявление Пенна ее просто поразило.

— И я готов на все, чтобы добиться ее, — продолжал Грегори. — Если понадобится, я женюсь на ней. В конце концов, пора мне жениться, а поскольку вы ее подруга...

— Кто? Это я ее подруга?! — злобно воскликнула Стелла, у которой вдруг прорезался голос. — Как я могу быть ее подругой, если она заняла мое место?! Ну, а даже если б и была? Неужели вы думаете, я приведу хоть какую-то девушку в этот земной ад?

Он опять бросил в ее сторону холодный, угрожающий взгляд.

— Этот ад земной был для вас раем. И как бы то ни было, дал вам крылья. Повремените с возвращением в Лондон, Стелла, по крайней мере, на неделю или две. Постарайтесь подружиться с этой девушкой, если еще не подружились. Обманите ее, в конце концов, вы ничего не теряете. Расскажите ей обо мне: о том, какой я хороший человек, еще крепкий, богатый, многое повидавший. Не стоит упоминать о свадьбе, но можете сказать и об этом, если такое упоминание как-то поможет. Покажите ей ваши драгоценности, например ту большую подвеску, которую я подарил вам... — Он продолжал что-то бормотать.

Стелла внимательно слушала, постепенно приходя в ярость.

— Да вы просто чудовище! — заорала она наконец. — Предположить, что я приведу сюда свою соперницу! Естественно, я ее терпеть не могу, но готова опуститься на колени, чтобы она обходила Грифф-тауэр за пять миль стороной, не думайте, что во мне говорит зависть! — снова заорала она, заметив усмешку Пенна. — Вы ошибаетесь, Грегори. Да, я завидую ее положению в студии, но что касается вас... — Она передернула плечами. — Знайте, что вы меня совершенно не волнуете и никогда не волновали. Вы для меня не более, чем стабильный источник дохода. Рада, что получила наконец возможность сказать вам об этом.

Вскочив с дивана, Стелла стала надевать перчатки.

— Кажется, вы не горите желанием говорить со мной о деле, — произнесла она, — но я найду способ заставить вас выполнить свое обещание. Вы намеревались, напомним, выделить средства на компанию, Грегори. Лучше бы вы не забыли об этом...

— У меня был в отношении вас некоторый интерес, — сказал он. — Куда вы сейчас направляетесь?

— Сейчас я возвращаюсь к себе в коттедж, а завтра уезжаю в город.

Грегори окинул взглядом комнату, а затем уставился на Стеллу.

— Вы не поедете в коттедж, — произнес он. — Вы останетесь здесь, моя дорогая.

Стелла рассмеялась.

— Вы сказали вашему шоферу отправиться в полицию, не правда ли? Так вот, в данный момент он ужинает у меня на кухне. Если вы полагаете, что ему удастся выйти раньше вас, то вы меня плохо знаете, Стелла.

Грегори взял халат, лежавший на диване, и набросил его на плечи. Все в его фигуре казалось ей грязным и непристойным. Отсвет от алой пижамной куртки придал лицу демонические черты, и она почувствовала, что дрожит от страха.

Заметив это, Грегори усмехнулся. Его глаза загорелись торжеством.

— Бег вниз, — со значением произнес Грегори. — Он быстро справляется с людьми. Не так давно он так скрутил одну девушку, что пришлось вызывать врача. Вы идете со мной? Дополнительной помощи не потребуется?

Стелла молча поднялась, она едва держалась на ногах.

Оказавшись в коридоре, Грегори отомкнул ключом какую-то дверь и, пропуская Стеллу, сказал:

— Побудьте здесь. Завтра мы договорим с вами о делах. Когда я пьян, мне не хочется принимать никаких решений. Может быть, я пришлю кого-нибудь к вам для компании. — Он взъерошил редкие волосы. — Когда я протрезвею, поверьте, мне в голову придут более интересные мысли насчет того, чем мне заняться с вами.

Дверь захлопнулась, ключ повернулся в замке. Стелла осталась в полной темноте. Ужасное чувство охватило ее — одна ли она здесь?

Прошло немало времени, пока ее ладонь коснулась кнопки на стене, и сразу зажегся свет. Стелла находилась посреди маленькой спальни. Правда, кровати не было, а матрац и подушка лежали свернутые в углу. Единственное окно было забрано железной решеткой. Стелла осмотрела дверь, подергала ручку — бесполезно!

Она подошла к окну, подняла раму и увидела лужайку и кроны деревьев. Она поняла, что комната расположена в задней части дома. Дорога проходила с другой стороны, и, как бы Стелла ни кричала, ее все равно никто не услышит.

Преодолевая страх, она решила подготовиться к худшему. Вообще-то Стелла была женщиной достаточно решительной. Приподняв юбку, она достала из специальной кобуры, привешенной к поясу, маленький браунинг — миниатюрное, но вполне действенное оружие. Осмотрела его, убедилась, что пистолет заряжен, и сняла с предохранителя.

— Вот так-то, Грегори, — громко произнесла она и, глянув в окно, испустила дикий вопль.

Две грязные руки схватились за решетку, на нее смотрело

ужасное лицо бродяги. Трясущейся рукой она подняла пистолет, но, прежде чем успела выстрелить, лицо исчезло.

31. БРОДЯГА

В десять часов, когда пробили часы Чичестерского собора, бродяга, покинув двор Грифф-тауэрс, появился на торговой площади города. Его одежда стала еще более пыльной и грязной.

При виде этой странной фигуры полицейский встал у него на пути.

— Путешествуете? — спросил он.

— Да, — хрипло согласился бродяга, — можно так сказать.

— Не задерживайтесь в Чичестере. Или вы желаете найти место для ночлега?

— Было бы неплохо, сэр.

— А почему не попытались обратиться в гостиницу?

— Они все переполнены, сэр.

— Лжете, — возразил полицейский. — А теперь послушайте: если еще раз я вас увижу, то отведу в участок.

Что-то бормоча про себя, бродяга двинулся в сторону Арандел-роуд.

Заметив еще одного полицейского, он резко свернул направо и ускорил шаг. Он направился к дому Джека Небворта. Режиссер услышал стук в дверь, открыл ее и с удивлением уставился на посетителя.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Мистер Бриксан вернулся?

— Нет еще. Вы бы лучше отдали это письмо мне. Я могу позвонить ему.

Бродяга усмехнулся и покачал головой.

— Нет. Мне нужен лично Бриксан.

— Ну, до вечера вы его не увидите, — сказал Джек и с подозрительным взглядом добавил: — Мне кажется, вы ищите тут не его. По какой причине вы тут околачиваетесь?!

Бродяга ничего не ответил. Он стал потихоньку насвистывать искаженный пассаж из «Индианы», все время отбивая такт правой ногой.

— Старина Бриксан пошел по неверному пути, — назидательно произнес бродяга.

— В каком смысле? — удивился Джек.

— Да вроде бы у него испортились отношения с начальством, — сказал бродяга. — Его интересовали адреса, куда направлялись письма. Он их не знает, а я знаю.

— И ради этого вы хотели видеть его?

Бродяга энергично закивал головой.

— Я знаю, — наконец произнес он, — что ему нужно, и сказал бы ему это, если б он был здесь, но его нет.

— А сколько же вы собираетесь его еще ждать? — спросил доведенный до белого каления Джек. — Почему бы вам не прийти завтра?

— А куда мне идти сейчас? Полицейский на торговой площади обещал спалать меня, как только увидит еще раз. Нет, уж лучше я подожду тут мистера Бриксана. Авось он поможет мне...

— Ну и дела! — недоуменно произнес Джек. — В конце концов, вольному воля. Это ваше свободное время, я даже помог вам чуть-чуть скоротать его. Может, хотите есть?

— Нет, — ответил бродяга. — Я пользуюсь плодами земли! Его пронзительный голос, характерный для лондонских низов, стал действовать Джеку на нервы.

— Ну что ж, тогда доброй ночи! — коротко бросил он, хлопнув дверью перед носом неожиданного посетителя.

Бродяга долго стоял, не делая никаких движений. Затем из недр своей кепки он извлек сигарету, зажег и медленно двинулся в обратный путь, сделав большой крюк, чтобы избежать центра города, где дежурил недружелюбный полицейский. Часы на соборе пробили четверть одиннадцатого, когда он добрался до угла Арандел-роуд. Бросив сигарету, бродяга притаился в тени забора и застыл.

Прошло пять минут, десять... Его острый взгляд уловил очертания человека, быстро шедшего тем же путем, что и он. Бродяга в темноте усмехнулся. Это был Небворт. Джека смутил визит незнакомца, и он решил навести справки о Майкле в полицейском участке. Обо всем этом бродяга тут же догадался, но у него не было времени предвидеть дальнейшие события, как неслышно подкатил автомобиль и остановился совсем рядом.

— Вы здесь, мой друг?

— Да, — напряженно произнес бродяга.

— Садитесь.

Бродяга нагнулся, вглядываясь в неосвещенный салон автомобиля. Затем, с силой дернув ручку, он распахнул дверцу и неожиданно навалился на водителя.

— Мистер Охотник за головами, — прошепел он, — вас-то я и разыскиваю.

Но не успел он произнести эти слова, как что-то мягкое и влажное ударило ему в лицо — он ослеп, стал задыхаться и хватать руками воздух. Водитель пнул его ногой, и бродяга, бездыханный, упал на тротуар. Автомобиль, набрав скорость, быстро исчез.

Джек Небворт, оказавшийся свидетелем этой сцены, мгновенно рванулся вперед. Неизвестно откуда появился полицейский, и они вдвоем помогли бродяге сесть.

— Я уже видел этого типа сегодня вечером, — сказал полицейский, — и предупреждал его.

Затем качающийся бродяга глубоко вздохнул и поднес руки к глазам.

— Вот теперь-то мне придется подать прошение об отставке, — еле слышно произнес он.

Неборт от удивления вздрогнул. Это был голос Майкла Брик-сана!

32. ПОИСКИ

— Да, да, это я, — горько признался Майкл. — Все нормально, сержант, не ждите. Джек, я пойду домой и переоденусь. Надо снять весь этот маскарад.

— Господи! — воскликнул Неборт, уставившись на детектива. — Кто вас гримировал? Потрясающая работа! Даже я ничего не заподозрил.

— Все хорошо, но я никого не провел, кроме самого себя, — недовольно возразил Майкл. — Я думал, что смогу его поймать с помощью фиктивного письма, а вместо этого он, дьявол, поймал меня.

— Что это было?

— Кажется, какой-то новейший газ, — ответил Майкл.

Минут двадцать спустя он уже выходил из ванной комнаты, разбитый, грустный, с потухшим взглядом.

— Я хотел поймать его слишком простым методом, но он оказался дьявольски умен.

— Вы знаете, кто он?

— Да, знаю, — сказал Майкл, кивнув головой. — Я располагаю значительными силами, их специально выделили мне, но я не хотел шума, тем более кровопролития. А оно будет, если я не ошибаюсь.

— Я не узнал автомобиля, хотя мне известны все машины в округе, — сказал Джек.

— Это особый автомобиль, которым Охотник за головами пользуется только для ночных приключений. Прячет он его в каком-то гараже, вдали от дома... Вы недавно меня спрашивали, хочу ли я есть? Я солгал, заявив, что питаюсь плодами земли. Ради Бога, дайте мне хоть что-нибудь!

Джек прошел в кладовую, принес немного холодного мяса, приготовил кофе и сел, желая дослушать все до конца.

— Ну вот, теперь я снова чувствую себя человеком, — поев, сказал Майкл. — Кроме печенья, после одиннадцати утра у меня во рту не было маковой росинки. Между прочим, наша подруга — Стелла Мендоса — сейчас в Грифф-тауэре. Боюсь, я сильно напугал ее. Примерно час тому назад я околачивался там, чтобы убедиться, что птичка на месте, и случайно попался на глаза Мендосе. В который уже раз напугал ее.

Раздался резкий стук в дверь.

— Кто это еще может быть? — удивленно спросил Джек Неборт.

— Возможно, полицейский, — сказал Майкл.

Небворт открыл дверь и увидел на пороге низенькую полную пожилую женщину с пакетом в руке.

— Вы мистер Небворт? — спросила она.

— Да, — ответил Джек.

— Я принесла папку, которую забыла мисс Лэмингтон. Она просила отнести ее вам.

Небворт взял папку и раскрыл. Там оказался сценарий «Розеллы».

— Почему вы принесли ее? — спросил Джек у женщины.

— Мисс Лэмингтон попросила меня принести вам эту папку, но я не смогла ее сразу найти.

— Очень хорошо, — произнес заинтригованный Джек. — Большое вам спасибо.

Он закрыл за женщиной дверь и вернулся в столовую.

— Адель прислала свой сценарий. Интересно, что случилось?

— Кто принес его? — спросил с интересом Майкл.

— Ее хозяйка, как мне кажется, — ответил Джек, дав описание женщины.

— Да, это она. Адель отказывается от своей роли?

— Непохоже. — Джек отрицательно покачал головой.

— Тогда не понимаю. Что сказала эта женщина?

— Она сказала, что мисс Лэмингтон попросила принести сценарий.

Майкл в ту же секунду выскочил из дома и, догнав женщину, вернул обратно.

— Мистер Небворт просит вас объяснить, почему мисс Лэмингтон прислала свой сценарий и что вы подразумевали под словом «забыла»?

— Ну как же, когда она пошла к вам... — начала было женщина.

— Ко мне? — живо вскричал Небворт.

— К нам зашел какой-то человек со студии и сказал, что вы хотите ее видеть, — заявила хозяйка дома. — Мисс Лэмингтон уже собиралась лечь, но я передала ей записку. Этот человек сказал, что вы просили захватить с собой сценарий. А она, как назло, куда-то его засунула и не могла сразу найти, стала нервничать, и я посоветовала ей идти, пообещав принести сценарий попозже. Она очень просила меня это сделать.

— Как выглядел этот человек?

— Довольно полный джентльмен. Точнее, даже не джентльмен... Он похож на водителя, и от него пахнет бензином. Между прочим, мне показалось, что он еще и выпивши, но я не стала ничего говорить об этом мисс Лэмингтон, чтобы не встревожить.

— И что же потом произошло? — поторопил ее Майкл.

— Она вышла из дома и села в автомобиль. Шофер уже был за рулем.

— И затем они уехали? В какое время это было?

— Да, наверное, в половине одиннадцатого. Я это запомнила, потому что слышала, как пробили соборные часы.

Майкла прошиб холодный пот.

— Двадцать пять минут двенадцатого, — едва слышно прошептал он, взглянув на часы. — Вы слишком долго добирались.

— Я никак не могла найти эту папку, сэр. Она оказалась у мисс Лэмингтон под подушкой. А разве девушка не здесь?

— Нет, не здесь, — срывающимся голосом произнес Майкл. — Благодарю вас. Не буду вас больше задерживать. А сейчас будьте добры — срочно идите в полицейский участок, все расскажите, а потом дождитесь меня там.

Майкл поднялся наверх и надел пальто.

— Как вы думаете, где она? — спросил у него Джек.

— В Грифф-тауэре, — последовал ответ. — От того, как этой ночью Грегори Пенн обойдется с Адель, зависит его жизнь или смерть.

В полицейском участке Майкла дожидалась хозяйка. Она была напугана, чуть ли не плакала.

— Что было на мисс Лэмингтон, когда она выходила из дома?

— Голубое пальто, сэр, — пробормотала женщина. — То симпатичное пальто, в котором она всегда ходит.

В участке Бриксана ожидали и работники Скотленд-Ярда. Машина выехала из Чичестера; она была забита людьми. Прощла, кажется, вечность, прежде чем они добрались до Грифф-тауэра. Майкл не стал останавливаться у домика привратника. Машина сбила хрупкую решетку, влетела на склон, пересекла гравийную площадку и затормозила.

Звонить в дверь не было необходимости. Она была широко открыта. Во главе своего отряда Майкл Бриксан пересек пустынный холл и по коридору помчался в библиотеку Грегори. Там никого не было. Майкл подбежал к столу и нажал кнопку. Логово Вэга открылось, но орангутанг отсутствовал.

Он позвонил в колокольчик, висевший у камина, и в комнате почти сразу же появился дрожащий от страха малец, которого Майкл видел раньше.

— Где твой хозяин? — спросил Майкл по-голландски.

— Не знаю, — отвечал тот, покачав головой, но инстинктивно взглянул на потолок.

— Перестань валять дурака! Покажи мне дорогу.

Они вернулись в холл, по широкой лестнице поднялись во второй этаж, прошли по коридору, подобно помещениям первого этажа, увешанному оружием, и дошли до другой двери. Заглянув в нее, Майкл увидел, что в зале никого нет. Едва он шагнул снова в коридор, как услышал энергичный стук, раздававшийся

со стороны одной из дверей. Ключ от нее был в замочной скважине. Повернув ключ и распахнув дверь, он увидел, как оттуда, шатаясь, бледная как смерть, вышла Стелла Мендоса.

— Где Адель? — с трудом произнесла она.

— Это я хотел бы спросить у вас, — сурово сказал Майкл. — Где она?

Стелла бессильно покачала головой, пытаясь что-то вымолвить, и упала без чувств.

Майкл не стал дожидаться, пока она придет в себя, и продолжал поиски. Он переходил из комнаты в комнату, но нигде не было признаков ни Адель, ни жестокого владельца Грифф-тауэра.

Бриксан остановился и, дрожа от напряжения, попытался сконцентрироваться на том, куда же, собственно, сейчас двигаться? И вдруг он услышал звуки со стороны логова Бэга. А затем в дверном проеме появился сам орангутанг. Плечо у него кровоточило от страшной раны. Кровь капала на пол, а он стоял, сжимая в огромных руках что-то, похожее на кучу тряпья.

Комната поплыла в глазах Майкла. В этих окровавленных лохмотьях он узнал пальто Адель Лэмингтон!

Какое-то мгновение Бэг стоял, уставившись на Майкла, словно чувствовал в нем врага. Затем, бросив пальто и оскалив зубы, кинулся к своему убежищу.

Майкл успел трижды выстрелить, но огромная обезьяна исчезла с быстротой молнии. Дверь за нею закрылась со щелчком.

Небворт был очевидцем этой сцены. Он бросился вперед и поднял пальто.

— Да, это вещи Адель, — произнес он глухо. Ему стало не по себе.

Майкл, нажав кнопку на столе, открыл дверь в логово Бэга и бросился вперед. Небворт побоялся следовать за детективом. Да там и не стоило появляться вдвоем.

— Никого нет, — вернувшись, произнес Майкл, — убежище Бэга пусто.

— Пусто? — шепотом переспросил Джек Небворт. — Слава Богу!

— Бэг исчез. Там есть следы крови... Но это не мое оружие... Недавно в него стреляли. — И Майкл показал пятна крови на полу. — Перед этим в него тоже стреляли, но не попали.

— А вы видели его еще до сегодняшней ночи?

Майкл кивнул.

— Он все время крутился вокруг дома Лонгвейла.

— Лонгвейла?

Майкл не отвечал. Где Адель? Вот основной вопрос, всецело занимавший его. И куда делся баронет? Почему дверь была открыта? Никто из слуг не мог ему ничего сказать, на вопросы они разводили руками, и он чувствовал, что они действительно

ничего не знают. Только Пенн и Стелла... И этот огромный орангутанг...

Майкл поспешил назад, туда, где оставил полицейского, пытавшегося привести в чувство Стеллу Мендосу.

— Она никак не очнется, — сказал полицейский. — Я ничего не смог от нее добиться, кроме одной-единственной фразы: «Убей его, Адель!»

— Значит, она видела девушку! — воскликнул Майкл.

Пришел полицейский, оставленный на улице наблюдать за домом. Он заявил, что видел, как кто-то взобрался наверх и вдруг исчез, как бы пройдя сквозь стену, но затем появился вновь.

— Это Бэг, — сказал Майкл. — Когда мы прибыли сюда, я был уверен, что его здесь нет. Пока мы были наверху, он, вероятно, проник в дом через отверстие в стене.

Была обнаружена машина, которая привезла Адель. Это был автомобиль Стеллы, и сперва Майкл подумал, что Мендоса участвовала в похищении. Позднее он узнал, что, пока шофер Стеллы находился на кухне, фактически в заключении, Пенн сам сел за руль автомобиля и направился к дому девушки, которая, увидя машину Стеллы, отбросила прочь все подозрения.

Майкл был на грани помешательства. Охотник за головами значил для него значительно меньше, чем безопасность Адель.

— Если я не найду ее, я перестреляю тут всех! — бросил он.

Джек Небворт уже открыл было рот, собираясь что-то сказать, как вдруг в ночи раздался пронзительный крик, от которого кровь застыла в жилах.

— Помогите, помогите!

Майкл сразу узнал этот голос. Это был Грегори Пенн!

33. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АДЕЛЬ?

Время от времени у Адель Лэмингтон возникали сомнения в своей пригодности к профессии актрисы. Нередко она задумывалась над текстом посредине фразы и ничего не могла поделать с собой. А надо было сосредоточить внимание на пьесе. Во всем она обвиняла Майкла и тут же чувствовала раскаяние. И начинала винить уже себя. Отказавшись от всякой борьбы, Адель вложила сценарий в папку, сунула ее под подушку и стала готовиться ко сну. Она уже сняла юбку и кофточку, как ее позвали.

— От мистера Небворта? — спросила она с удивлением. — В такое позднее время?

— Да, мисс. Он завтра собирается внести большие коррективы и просит вас приехать. Он прислал за вами машину. В список исполнителей вводится мисс Мендоса.

— О! — слабо произнесла Адель.

Значит, она все-таки неудачница и, как дура, напрасно чувствовала себя на вершине блаженства.

— Хорошо. Я немедленно приеду, — сказала Адель.

Дрожащими руками она оделась, ненавидя себя за слабость. Возможно, Стелла получит не прежнюю роль, а совершенно новую, специально для нее написанную. Возможно, она ангажирована заново для съемок в другом фильме, а не в «Розелле». Эти и подобные им размышления мелькали у нее в голове; Адель была уже в прихожей и открыла дверь, как вдруг подумала, что Джеку Небварту наверняка понадобится сценарий. Она бегом поднялась на второй этаж, но в волнении совершенно забыла, где его положила. В отчаянии она обратилась к хозяйке.

— Я куда-то положила очень важные бумаги. Не могли бы вы найти их и принести в дом мистера Небворта. Они в коричневой папке...

Выбежав на улицу, Адель увидела автомобиль Стеллы Мендосы. Значит, Джек и Стелла все-таки помирились! Она уселась рядом с молчаливым водителем.

— Мистер Бриксан у мистера Небворта? — спросила она. Ответа не последовало. Она подумала, что водитель ее не расслышал.

Сделав разворот, автомобиль помчался в противоположном направлении.

— К мистеру Небварту не сюда, — произнесла она в тревоге. — Вы знаете дорогу?

Ответа вновь не последовало. Набрав скорость, машина спустилась вниз по длинной темной улице и свернула на сельскую дорогу.

— Остановите немедленно машину! — потребовала Адель и схватилась за ручку двери.

Тотчас ее руку сильно сжали.

— Моя милая, вы можете сильно ушибиться, поранить свое прелестное личико, если попытаетесь выскочить на ходу из машины.

— Сэр Грегори! — с трудом вымолвила Адель.

— Спокойно. Не надо паники, — сказал сэр Грегори. По его голосу чувствовалось, что он очень возбужден. — Вы только поужинаете со мною. Я часто просил вас об этом, и сегодня вам придется это сделать, хотите вы этого или нет. У меня в гостях Стелла, так что вам нечего опасаться.

Адель с трудом сдержалась.

— Сэр Грегори, — сказала она, — я требую, чтобы вы немедленно отвезли меня обратно. Вы затеяли очень нехорошее дело и оплатите за него!

Он громко расхохотался.

— Ничего с вами не случится. Чего вы боитесь? Вы вернетесь обратно целой и невредимой, но сперва вы со мной отужинаете, моя милая крошка. А если будете шуметь, я направлю автомобиль на первое же дерево, и мы разобьемся вдребезги!

Он был пьян — теперь она хорошо это видела, но инстинктивно она чувствовала, что дело не только в этом. Сэру Грегори явно отказывался служить его мозг. Страшное возбуждение сказывалось даже на том, как он вел автомобиль. По всему было видно, что он не собирался останавливаться ни перед чем.

Кажется, он что-то говорил о Стелле? Адель не верила ему, и в то же время это могло быть правдой. Она хваталась за соломинку, которую давало возможное присутствие Стеллы.

— Ну вот мы и на месте, — все так же громко сказал сэра Грегори, подъезжая к Грифф-тауэру и затормаживая на гравийной площадке.

Прежде чем она поняла, что он делает, сэра Грегори подхватил ее на руки и, несмотря на яростное сопротивление девушки, понес в дом, хохоча и уговаривая.

— Если вы будете кричать, я поцелую вас, — шептал он ей прямо в ухо.

Вдруг открылась дверь. Адель увидела слугу, флегматично стоявшего в холле. Грегори стал подниматься по широкой лестнице. У какой-то двери он поставил ее на ноги и, отворив дверь, толкнул ее в комнату.

— Вот и ваша подруга, Стелла! — сказал он. — Замолвите за меня словечко. Вбейте ей в голову хоть какую-нибудь разумную мысль. Я вернусь через десять минут, и мы с вами устроим такой прекрасный свадебный ужин, о котором невеста может только мечтать.

Дверь за Адель закрылась, и она услышала, как повернулся ключ. При виде побледневшего лица Стеллы ей, как ни странно, стало легче.

— О, мисс Мендоса, — едва дыша, произнесла она. — Слава Богу, что вы здесь!

34. СПАСЕНИЕ

— Не стоит так быстро благодарить Бога, — со зловещим спокойствием сказала Стелла. — Дурочка, зачем вы сюда приехали?

— Он привез меня обманом. Я совсем не собиралась ехать, — ответила Адель.

Она была на грани истерики, хотя и пыталась, подобно Стелле, казаться спокойной. Она кусала дрожащие от страха губы. Но в конце концов Адель успокоилась и рассказала Стелле о случившемся. Лицо Мендосы помрачнело.

— Ну конечно, он воспользовался моим автомобилем, — произнесла Стелла. — Он задержал моего шофера, как и обещал. Ах, скотина!

— Что он собирается делать? — прошептала Адель.

Стелла посмотрела ей в глаза.

— А как вы думаете, что он собирается делать? — со значением в голосе сказала она. — Это же зверь. Такое чудовище можно встретить только в книгах да запертых комнатах. Не знаю в точности, что подскажет ему сегодня его извращенное сознание, но ума в его башке осталось не больше, чем у Бага.

— Если Майкл об этом узнает, он убьет его.

— Майкл? А, вы говорите о Бриксане? — с проснувшимся интересом произнесла Стелла. — Он влюблен в вас и поэтому крутится на съемках? Это как-то не приходило мне в голову. Впрочем, вряд ли Грегори испугается его, несмотря на всю свою трусость. Он может сбежать в крайнем случае — в Саутгемптон у него яхта. Он достаточно богат, чтобы выпутаться из любой истории. И, кроме того, он знает, что честные женщины не любят внимания к себе со стороны суда. Так что готовьтесь, милочка. Вам придется иметь дело со зверем, но весьма трезвым и ловким.

— Что же мне делать? — воскликнула Адель.

Ломая в отчаянии руки, она ходила взад-вперед по узкой вытянутой комнате.

— Мне-то он ничего не сделает, — сказала Стелла и, внезапно остановившись, добавила: — Пару часов назад в окно этой комнаты заглядывал бродяга.

— Бродяга? — в недоумении спросила Адель.

Стелла кивнула.

— Я ужасно испугалась, пока не вспомнила этих глаз. Человек был так заgrimирован, что его абсолютно нельзя было узнать. Но я не зря столько лет терлась на сценических площадках! Это были глаза Бриксана — я только потом поняла, где видела их!

— Так Майкл здесь? — нетерпеливо спросила Адель.

— Он где-то поблизости... Это ваш первый шанс, а вот и другой.

Стелла достала из кармана маленький браунинг.

— Вы когда-нибудь в жизни стреляли?

— Да, — кивнула Адель. — В одной сцене, — смущенно добавила она.

— Ну конечно! Этот пистолет заряжен. А вот это, — показала Стелла, — курок. Для того чтобы выстрелить, нажмите на него. Вам лучше убить Пенна. Лучше для вас и для него!

Адель отпрянула назад.

— О, нет, нет!

— Положите его в карман. У вас есть карман?

Карман оказался в голубом пальто, в котором была девушка, и Стелла опустила туда пистолет.

— Вы даже не представляете, какую я приношу жертву, — откровенно призналась она девушке. — И делаю я это не потому, что вы мне нравитесь, Адель Лэмингтон. Просто я не смогу жить, если позволю этому сукину сыну искалечить вас. А ему, чтобы овладеть вами, придется вас искалечить.

Послышался поворот ключа в замочной скважине.

— Он идет, — прошептала Стелла Мендоса.

Это был сэр Грегори — в алой пижамной куртке и пурпурном халате. Его лицо сияло, глаза по-прежнему горели от возбуждения.

— Пойдемте! Вы! — И он поманил пальцем. — Нет, не вы, Мендоса. Вы остаетесь здесь, да? Вы увидите ее позднее, возможно... после ужина.

Грегори с вождением посмотрел на отпрянувшую Адель.

— Ничего с вами не случится. Оставьте свое пальто здесь.

— Нет, я возьму его с собой, — произнесла девушка.

Ее рука инстинктивно сжала пистолет.

— Ну, хорошо, как хотите. Это для меня не имеет значения.

Сильно сжав ее руку, он потащил ее за собой, удивленный, но удовлетворенный тем, что она не оказывает ему особого сопротивления. Они спустились в холл, а затем прошли в маленькую гостиную, примыкавшую к кабинету. Грегори распахнул дверь и, показав на богато сервированный стол, толкнул Адель в комнату.

— Вино и поцелуй! — заорал он, выбив пробку из бутылки шампанского. — Вино и поцелуй! — снова воскликнул он, протягивая бокал.

Адель покачала головой.

— Я не пью вина.

— Пейте! — с угрозой произнес он, и девушка испуганно пригубила вино.

Прежде чем Адель поняла, что происходит, она оказалась в объятиях Пенна. Его горячие губы коснулись ее щеки.

Наконец он отпустил Адель и, подойдя к двери, ударом ноги закрыл ее, вставил ключ в замочную скважину. И тут за его спиной раздались слова:

— Если вы повернете ключ, я вас убью!

С удивлением он оглянулся и при виде пистолета замахал руками.

— Положите его, идиотка! — визгливо крикнул он. — Положите. Вы не знаете, что делаете! Эта дурацкая вещь может случайно выстрелить!

— Случайности не будет, — сказала девушка. — Теперь откройте дверь!

Грегори застыл в нерешительности, но тут же заметил, как ее палец лег на курок.

— Не стреляйте, не стреляйте! — закричал он, настежь распахивая дверь. — Подождите, дурочка! Не уходите. Там Бэг. Он набросится на вас. Оставайтесь со мной. Я...

Но Адель уже выскочила в коридор. Она поскользнулась на коврик в холле, но быстро вскочила. Дрожащими руками она снимала засовы и цепочки. Дверь открылась. Еще мгновение, и она на свободе.

Сэр Грегори следовал за нею. Он как-то сразу протрезвел. «Если дать ей уйти, все может иметь трагические последствия», — ликорадочно соображал он. Бросившись в кабинет, он открыл сейф и, вынув пачку банкнот, сунул их в карман отделанного мехом пальто, восточные туфли были мгновенно скинуты, а ботинки надеты. Сэр Грегори подумал о Бэге. «А что, если Бэг нападет на нее?» — подумал Грегори, закусив ноготь.

Какие-то отрывки чувств шевелились в его душе. Надо сперва узнать, где Бэг. Грегори выскочил на улицу и стал в темноте искать своего странного и ужасного слугу. Приложив обе руки ко рту, он испустил долгий крик, похожий на завывание. На этот призыв Бэг всегда появлялся, но сейчас никакого отклика не последовало. Грегори вновь печально завыл, но, даже если Бэг и слышал его, впервые в своей жизни он не пожелал отозваться.

Грегори Пенн стоял весь в холодном поту. Постепенно, однако, он пришел в себя. Нельзя терять времени. Он поднялся в свою богато украшенную комнату и переоделся. Большой бокал виски вернул ему уверенность. Он вызвал слугу, исполнявшего в гараже обязанности техника.

— Поставь машину у задней калитки, — приказал он. — Не теряй ни минуты. Проверь, чтобы ворота были открыты. Возможно, мне сегодня ночью придется уехать.

Грегори не сомневался в том, что будет арестован. Ни богатство, ни положение, ни влияние, каким он пользовался в этом графстве, не спасут его. Его пьяный поступок выглядел совсем не эксцентричной выходкой — это было преступление, и он не питал на сей счет никаких иллюзий.

Вспомнив, что Стелла Мендоса еще в доме, он поднялся к ней. При одном взгляде на его лицо она поняла, что произошло что-то необычное.

— Где Адель? — сразу спросила она.

— Не знаю. Она сбегала. У нее оказался пистолет. Бэг двинулся за ней следом. Если он настигнет ее, может случиться непоправимое — он разорвет ее на части. Что это?

Где-то на расстоянии послышался слабый звук выстрела.

— Может быть, это браконьеры? — неуверенно произнес Грегори. — Я пойду проверю...

— Куда? — спросила Стелла.

— Куда надо! — опять взорвался он. — Вот деньги. — И он сунул ей в руку несколько банкнот.

— Что вы сделали? — в ужас прошептала она.

— Ничего, говорю вам, ничего! — шептал он. — Но они меня арестуют. Я знаю... Я поеду на яхту. Вам лучше исчезнуть, пока они не приехали.

Стелла взяла сумочку и надевала уже перчатки, как вдруг услышала, как щелкнул замок. В спешке Грегори запер ком-

нату и теперь совершенно не обращал внимания на ее стук и удары по дереву.

Гриф-таур — поместье сэра Грегори — находился на холме, откуда открывался прекрасный вид на дорогу, ведущую к Чичестеру. Стоя у входа в дом, Грегори всматривался в даль, надеясь увидеть орангутанга. Но вместо этого заметил огоньки, быстро передвигавшиеся по шоссе.

— Полиция! — понял он и, спотыкаясь, метнулся через сад к калитке.

35. СНОВА В БАШНЕ

Адель сбегала вниз по подъездной дорожке, стремясь побыстрее покинуть этот ужасный дом. Ворота были закрыты, сторожка темна. Она отчаянно пыталась открыть железные створки, но безуспешно.

Взглянув в сторону башни, Адель вдруг увидела фигуру, передвигавшуюся в тени кустарников, росших по обеим сторонам дороги. Сперва она подумала, что это Грегори Пени, но вдруг поняла... Это Бэг!

Она быстро побежала вдоль стены, но орангутанг заметил ее, двинулся следом, сперва медленно, ссторожно, как бы сомневаясь в том, что она — его законная добыча. Возможно, там есть другие ворота, подумала она, и продолжала бежать, время от времени оглядываясь назад. Она с такой силой сжимала маленький пистолетик, что он вскоре стал скользким от пота.

Вскоре Адель выскочила из-под прикрытия стены, пересекла поле и даже подумала, что оторвалась от преследователя. Но спустя какое-то время снова его увидела. Он двигался параллельно ей, вдоль стены, не проявляя никаких признаков спешки. Может быть, подумала она, обезьяна в конце концов от нее отстанет. Он следует за нею, возможно, просто из любопытства. Адель побежала по тропинке, пока не поняла, что все больше приближается к стене, вдоль которой двигался ее преследователь. Поняв это, она свернула с тропинки и побежала прямо по траве. Мгновенно ее ноги промокли от росы до колен, но она не замечала этого, так как Бэг все так же неторопливо следовал за нею.

Достигнув невысокого заборчика, спускавшегося к дороге, которая явно служила границей имения, она со всех сил помчалась по дороге, даже не задумываясь над тем, куда та ведет. Бросив взгляд назад, она, к своему ужасу, увидела, что Бэг все так же следует за ней, даже чуть прибавив шагу.

И вдруг вдали она увидела огни коттеджа. Они казались совсем рядом, на расстоянии около двух миль. Заплавав от радости, она свернула с дороги и побежала вверх по склону

невысокого холма. На вершине его она убедилась, что эти огни дальше, чем показалось ей сперва. Обернувшись, Адель увидела блеск в темноте зеленые глаза Бэга.

Где же она находится? Осмотревшись, Адель нашла ответ. Впереди и слева были приземистые очертания старой Гриффтауэр.

По какой-то непонятной причине Бэг отказался от роли заинтересованного наблюдателя и, рыча, как собака, бросился к Адель. Она устремилась к башне. Дыхание ее переходило в рыдание, сердце в груди замирало. Бэг схватился за ее пальто и сорвал его. Это дало ей секундную передышку. Она должна либо лицом к лицу встретить своего врага, либо погибнуть!

Повернувшись, она наставила пистолет на обезьяну, рвавшую на части ее пальто, и, когда та изготавилась к прыжку, успела нажать на курок. Грохот выстрела так испугал Адель, что она чуть не уронила пистолет. С криком боли Бэг упал, но сразу же вскочил и, держась за раненое плечо, стал отступать.

Что же делать дальше? Бэг может ее подстеречь в кустах. Перебегая от дерева к дереву, он вдруг набросится на нее, и тогда Адель обречена. Она посмотрела на башню. Если б только взобраться туда! И тут она вспомнила о лестнице, которую Джек Небворт велел оставить для ночных съемок!

В траве она нашла лестницу и без особого труда приставила к стенке. Джек говорил как-то, что обезьяна не сможет забраться на башню снаружи, хотя изнутри это для нее не представляло труда — внутри рос кустарник.

Бэг настороженно следил за ней. Тусклый блеск его глаз был ужасен. С невероятной скоростью она поднялась наверх и втащила лестницу за собой. Бэг подошел к самому основанию башни, сделал три неудачные попытки взобраться на стену и упал. Слыша его недовольное щебетание, она спустила лестницу внутрь башни.

Так они сидели и смотрели друг на друга — орангутанг и девушка. Наконец Бэг удалился. Она долго наблюдала за ним, пока не убедилась, что он действительно ушел. Затем попыталась втащить лестницу, но нижняя ступенька ее зацепилась за кусты. Она дернула ее раз, второй, третий, и вдруг лестница так неожиданно освободилась, что Адель потеряла равновесие. Какое-то мгновение она пыталась удержаться, цепляясь одной рукой за стену, а за лестницу — другой, а затем, скользя, чуть ли не кувырком скатилась по отлогой внутренней стене башни и, еле дыша, поднялась на ноги. Адель, возможно, посмеялась бы над своей неловкостью, если б не одиночество в таком жутком месте. Она попыталась вновь установить лестницу, но в темноте было невозможно найти твердое основание.

Где-то здесь должны быть камни, решила Адель, осторожно

передвигаясь. По стенке она добралась до самого низкого места, но, раздвигая кусты, неожиданно поскользнулась и вдруг рухнула куда-то вниз.

36. ПЕЩЕРА МЕРТВЕЦОВ

Она падала, скользя по пологому склону, пытаясь одной рукой уцепиться хоть за что-то, а другой бессознательно сжимая пистолет. За что-то зацепилась ее нога, и от боли Адель чуть было не потеряла сознание. Казалось, перед ней разверзлась бездна. Наконец, перевернувшись несколько раз, она с такой силой ударилась о каменную стену, что на мгновение лишилась чувств.

Это падение для нее продолжалось целую вечность, хотя длилось, наверное, несколько секунд. Какое-то время она лежала, затем медленно поднялась; лодыжка ужасно ныла. Адель прошла, чтобы убедиться, что ничего не сломано. Посмотрев вверх и увидев бледную звезду, она поняла, что находится в каком-то подземелье. Она попыталась выбраться обратно, но при каждом шаге мягкая земля осыпалась, и девушка соскальзывала назад.

Адель потеряла туфлю — пока это была ее единственная потеря. Она пошарила в темноте и наконец нашла ее. Вытряхнув землю, она обулась и села, раздумывая, что же делать дальше, и философски решила, что надо дожидаться рассвета.

Тут она обнаружила, что все еще сжимает забитый землей браунинг. Слабо улыбнувшись, она почистила его как могла и засунула за пазуху.

Загадка появления Бэга во время съемок была раскрыта. Он прятался здесь, как свойственно диким зверям.

Далеко ли тянется эта пещера? Она посмотрела влево и направо, но ничего не увидела, а затем, осторожно ступая, нащупала каменный столб, но немедленно отдернула руку, ибо он был влажный и скользкий.

Стена, вдоль которой она двигалась, перешла в нишу, поверхность которой носила явно искусственное происхождение. Адель продолжала ощупью продвигаться дальше, пока не натолкнулась еще на одно творение человеческих рук. Это оказался фонарь. Открыв его стеклянную дверцу, она нащупала свечу и коробок спичек.

Это не было чудом, но в тот момент ей показалось, что Господь снизошел к ней, откликнувшись на ее мольбу. Руки так тряслись, что ей не сразу удалось зажечь спичку. Свеча оказалась новой. Когда фитиль разгорелся, Адель закрыла дверцу и осмотрелась.

Она была в узкой пещере, с потолка которой свисали сталактиты. В том месте, где оказалась Адель, пол был сухой, а дальше вода, капаящая со сталактитов, сливалась в маленький ручеек. Еще дальше пещера расширялась, и сталактитов стало

побольше. Своей формой они напоминали творения человеческих рук и, сливаясь, образовывали впадины внутри пещеры. Ска- зочные гроты и маленькие озера переливались всеми цветами радуги. Пещера становилась все шире и шире, пока Адель не оказалась в огромном помещении, украшенном целыми гирляндами ледяных кружев. Пол здесь был усеян странными белыми палками, их были тысячи, разных размеров и форм. Они отличались белизной. Адель взяла одну из них и сразу отбросила с криком ужаса — это были человеческие кости!

Вся дрожа, она почти бежала. Пещера между тем стала сужаться. Тут девушка увидела другую нишу и в ней опять — фонарь, свеча, спички. Кто принес их сюда? При виде первого фонаря она не задумывалась над этим. Второй фонарь вынудил ее остановиться. Кто развесил эти фонари на стенах пещеры, как бы на случай крайней необходимости? Должно быть, кто-то часто бывает здесь, а может, даже живет? При этой мысли дыхание Адель участилось.

Она медленно продвигалась вперед, шаг за шагом, захватив с собой второй незажженный фонарь. В одном месте ей пришлось перейти быстрый ручеек, в другом — небольшую речку, где вода доходила до щиколоток. И вот пещера стала загибаться немного вправо. Время от времени Адель останавливалась и прислушивалась, надеясь услышать человеческий голос. Пещера стала ниже, и было заметно, что в некоторых местах сталактиты кем-то сбиты, может, тем самым таинственным человеком, обитавшим в этих подземных пустотах.

Один раз она остановилась, ее сердце болезненно застучало при звуке шагов. Они раздавались у нее над головой. Потом послышался странный шум, который усилился, а затем затух и пропал. Машина! Она была под шоссе! Ну конечно, ведь старая башня Грифф-тауэр располагалась на склоне холма. Девушка была почти на уровне дороги, всего в каких-то 8—9 футах от поверхности земли. Адель посмотрела на каменный свод над головой и пошла дальше. Чтобы выбраться на поверхность, ей требовались мужество и осторожность — это она понимала.

Пещера резко свернула. В стене вновь стали появляться маленькие гроты. Неожиданно она замерла. Фонарь осветил один из таких гротов. Два мужских тела лежали рядом...

Зажав рот рукой, она едва сдержала готовый сорваться крик и крепко закрыла глаза. Оба мужских тела были обезглавлены! Они лежали в мелком бассейне, на них капала вода, капля за каплей, превращая эти тела в камень.

Долгое время она не могла ни двинуться, ни открыть глаза. Наконец, взяв себя в руки, Адель вновь посмотрела на ужасную картину. Соседний грот также был заселен, только на этот раз там был один человек. И вот, когда она уже готова была потерять сознание, впереди во тьме пещеры появилась маленькая точка света. Тут же послышался леденящий душу смех.

Адель поскорее задула свечу и застыла, вжавшись в стену пещеры. Вспыхнул более яркий огонь, потом другой, и дальняя часть пещеры осветилась как днем.

Пока Адель стояла, раздумывая над тем, что же происходит, раздался ужасный крик:

— Помогите! О Боже! Помогите! Бриксан, я не хочу умирать!

Это был голос сэра Грегори Пенна.

37. МАЙКЛ ЗНАЕТ ТОЧНО

Это и был тот крик, который услышал Майкл. Он пересек сад и побежал к машине, стоящей за оградой. Рядом с ней метался испуганный малаец.

— Где твой хозяин? — быстро спросил Майкл.

— Он пропал, — дрожащим голосом ответил малаец. — Какой-то злой дух завелся в машине, и она не может тронуться с места.

Майкл понял, что случилось. В последний момент мотор не завелся, и сэр Грегори куда-то побежал, бросив автомобиль.

— В какую сторону он направился?

— В ту, — ответил слуга, взмахнув рукой.

Майкл повернулся к стоявшему рядом полицейскому.

— Оставайтесь здесь. Он может вернуться. Сразу же арестуйте его, наденьте наручники! Он, возможно, попытается покончить с собой, так что не стоит рисковать.

Майкл так часто ходил по участку, который называл «задним полем», что мог ориентироваться тут с закрытыми глазами. Он быстро выбрался на дорогу. Сэра Грегори нигде не было. Ярдах в пятидесяти дальше по шоссе виднелся дом мистера Лонгвейла, в верхнем окне которого горели веселые огоньки. Майкл поспешил к нему.

Он вошел через калитку и, взбежав на крылечко, постучал в дверь, которую почти сразу же открыл старый джентльмен. На нем был шелковый халат, перевязанный кушаком. «Картина уюта», — подумал Майкл.

— Кто там? — спросил Сэмпсон Лонгвейл, вглядываясь в темноту. — Да это, клянусь жизнью, мистер Бриксан, наш представитель закона! Входите, входите, сэр.

Он открыл дверь пошире и провел Майкла в гостиную с ее неизменными двумя свечами, к которым добавилась небольшая серебряная лампа, чадившая керосином.

— Надеюсь, в Грифф-тауэре ничего не случилось? — с любопытством спросил мистер Лонгвейл. — Там был шум.

— Кое-что случилось, — осторожно произнес Майкл. — Не заходил ли к вам Грегори Пенн?

Старик покачал головой.

— Сегодня ночью довольно прохладно, поэтому я не стал совершать обычной своей прогулки по саду, — сказал он. — Сюда же никто не заходил... похоже, самое интересное в мире совершается в те часы, когда спускается тьма. У сэра Грегори какие-то неприятности?

— Надеюсь, что нет, — сдержанно произнес Майкл. — Но мне необходимо разыскать его.

Он пересек комнату, облокотился на камин, подперев подбородок руками, и уставился на висевший над ним портрет.

— Вас восхищает мой родственник? — с сияющей улыбкой спросил мистер Лонгвейл.

— Не очень... Хотя с виду он был удивительно симпатичным старым джентльменом.

Мистер Лонгвейл склонил голову.

— А вы читали его мемуары?

Майкл кивнул; старик, казалось, был ничуть не удивлен.

— Да, я читал то, что называют его мемуарами, — ответил Майкл, — хотя сейчас бытует мнение, что они не подлинные.

Мистер Лонгвейл пожал плечами.

— Лично я, — сказал он, — верю каждому слову, написанному в них. Мой дядя был довольно образован...

Как бы поразился Джек Небворт, если б узнал, что человек, только что шедший по следам возможного убийцы, спокойно обсуждает какие-то литературные проблемы, так, однако, и было.

— У меня иногда возникает чувство, мистер Лонгвейл, что вы слишком много размышляете о своем предке, — мягко произнес Майкл.

Старый джентльмен нахмурился.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что это может стать навязчивой идеей, очень нездоровой идеей. Такое преклонение может привести человека к совершению антиобщественных поступков.

Лонгвейл с удивлением посмотрел на Майкла.

— Разве может быть что-нибудь значительнее повторения деяний великих? — спросил он.

— Надо очень точно различать великое и ужасное...

Майкл повернулся и, опершись о стол, взглянул прямо в лицо выпрямившемуся перед ним во весь рост человеку.

— Я хотел бы, чтобы вы сегодня съездили со мной в Чичестер.

— Зачем? — последовал резкий вопрос.

— Мне кажется, вы серьезно больны, и вам следует обследоваться у квалифицированных врачей.

Старик рассмеялся и еще больше выпрямился.

— Болен? Да я никогда в жизни не чувствовал себя лучше, мой дорогой сэр, чем сейчас.

И действительно, его статность, размах плеч, хороший цвет лица — все это говорило о его физическом здоровье.

Последовала длинная пауза.

— Так где же может быть Грегори Пенн? — наконец произнес Майкл, подчеркивая каждое слово.

— Не имею ни малейшего представления. — Старик не колеблясь посмотрел в глаза детективу. — Мы говорили о моем прапрапрадеде. Я вижу, что вас он тоже интересует. Знаете ли вы, какое звание он носил?

— Да, знаю. Я сразу же его узнал на этом портрете, но сперва подумал, что ошибся. Оказалось, однако, что нет. Ваш прапрапрадед, — осторожно произнес Майкл, — был Сэнсоном, или Лонгвейлом, потомственным палачом Франции!

Наступила такая тишина, что слышно было тиканье часов.

— У вашего дяди в жизни случилось немало достойного мемуарных записей. Это он, если мне не изменяет память, отрубил голову Луи Французскому и его супруге Марии Антуанетте.

Лицо старика озарилось гордостью. Глаза его зажглись, а сам он, казалось, вырос.

— По какому-то капризу судьбы вас занесло в Англию. Что же заставило вас тайно следовать профессии Сэнсона?

Майкл старался не повышать голоса, говорил спокойно и непринужденно. В том же духе последовал и ответ Лонгвейла.

— Разве не лучше, — произнес он мягко, — что человек отходит в мир иной, не накладывая на себя руки? Разве я не был благодетелем для людей, боявшихся покончить с собой?

— Для Лоули Фосса, например? — спросил Майкл, выдерживая все тот же непринужденный тон беседы с Лонгвейлом.

— Он был предателем, мерзким шантажистом, пытаюсь за счет случайно полученной информации шантажировать меня.

— Скажите все-таки, где Грегори Пенн?

Улыбка озарила лицо старика.

— Вы, я вижу, не верите мне? Это несправедливо, сэр. Я не встречал сэра Грегори.

Майкл показал на камин, где еще тлела сигарета.

— Вот посмотрите! — произнес он. — Потом здесь, в комнате, на ковре отпечатки грязных ботинок. Потом я слышал крик. Где он? — сказал Майкл, и в одно мгновение в его руке оказался тяжелый браунинг.

Одно движение со стороны старика, и он будет трупом!

Но старик не оказывал никакого сопротивления. Он только внимательно посмотрел на Майкла и продолжал со всей любезностью свою речь. Казалось, он даже испытывал гордость от преступлений, которые, по его мнению, совсем не являлись таковыми.

— Если вы действительно желаете, чтобы сегодня вечером мы отправились с вами в Чичестер, — произнес он, — я так и сделаю. Но лучше бы вы не мешали моей работе. Поверьте, вы оказываете плохую услугу человечеству. Между тем, служа ему, я израсходовал уже тысячи фунтов. Но я не таю зла.

Он взял бутылку из низкого дубового буфета, стоявшего у стены, со скрупулезной тщательностью выбрал два бокала и наполнил их.

— Давайте выпьем за то, что мы понимаем друг друга, — произнес он со старинной учтивостью и, взяв бокал, осушил его с видом знатока редких вин.

— А вы почему не пьете? — продолжил он в удивлении.

— Здесь кто-то уже пил, — сказал Майкл, заметив наполовину осушенный бокал на буфете. — И ему, видимо, не понравилось ваше вино.

— Очень немногие разбираются в старом вине, — вздохнул мистер Лонгвейл и снял пылинку со своего халата. Затем, вынув шелковый платок из кармана, он наклонился и стал стирать грязь с ботинок.

Майкл стоял на длинном коврике у самого камина, с оружием в руке, напряженно ожидая ответа на свой вопрос. Он понимал, что сейчас подвергается опасности, но откуда она последует, в какой форме проявится, не мог предполагать. А опасность была где-то рядом... Он чувствовал, как она вползала в него, ужасная и безжалостная, несмотря на учтивость старого человека...

— Видите ли, мой дорогой сэр... — чуть надтреснутым голосом говорил Лонгвейл, продолжая вытирать ботинки.

И вдруг, прежде чем Майкл понял, что происходит, старик резко дернул на себя коврик. Потеряв равновесие, Майкл упал, ударившись о дубовую панель. Пистолет выскользнул из рук. В глазах у Майкла сделалось темно. Мгновенно старик бросился на него, перевернул на спину, загнув руки назад.

Майкл пытался подняться, но лишь слабо, как ребенок, трепыхался в мертвой хватке Лонгвейла. Вдруг запястий детектива коснулась холодная сталь и раздался щелчок. Собрав всю силу, Майкл попытался высвободить вторую руку, но ее тут же с силой отвели назад. Щелкнул второй наручник.

На крыльце дома послышались шаги. Старик выпрямился, снял шелковый халат и обмотал им голову детектива. Раздался стук в дверь. Убедившись, что узник не сможет сбежать, Лонгвейл потушил лампу, задул одну из свечей, а со второй вышел в прихожую. Он был без пиджака, в одной рубашке, и посетитель, оказавшийся сотрудником Скотленд-Ярда, извинился перед ним за беспокойство — старик по виду только что поднялся с постели.

— Вы не видели мистера Бриксана?

— Мистера Бриксана? Да, он заходил несколько минут назад, сколько я знаю, он собирался в Чичестер.

Майкл слышал голоса, но не мог разобрать ни слова. Он задышался, почти терял сознание, но вскоре старик вернулся и развязал халат.

— Если вы издадите хоть один звук, мне придется зашить ваши губы, — произнес он так естественно и добродушно, что казалось невероятным, что он может привести свою угрозу в действие. Но Майкл знал, что тот не бросает слов на ветер — кстати, так не раз поступал со своими жертвами его предок, проживший среди галантных кавалеров французского двора прозвище Хозяин Парижа. Он очень трепетно относился к своим обязанностям: вешал, обезглавливал и мучил людей. В старой Бастилии были потемневшие от копоти камеры, где этот старый благородный палач изобретал такие пытки, что даже читать о них было страшно.

— Мне жаль, что вам придется уйти из жизни, — с явным сочувствием в голосе произнес старик. — Вы молоды, и я отношусь к вам с огромным уважением. Закон для меня священен, а его слуги занимают особое, привилегированное место в моем сердце.

Он открыл ящик буфета, взял оттуда большую салфетку, тщательно свернул ее и завязал ею рот Майкла. Затем поднял его и усадил на стул.

— Если б я был молод, я сыграл бы шутку, которая понравилась бы моему дяде — Чарльзу Генри, и бы украсил вашей головой ворота Скотленд-Ярда! Я часто осматривал эти ворота... Неплохая мысль, а? Это не значит, что я думал именно о вас, но я был уверен, что рано или поздно провидение пошлет мне высокое официальное лицо — какого-нибудь министра или, может быть, даже премьер-министра. Моему дяде, как вам известно, была дана специальная привилегия — лишать жизни королей и вождей различных партий — Дантона, Робеспьера, всех великих лидеров, за исключением Марата. Лучше всех из них оказался Дантон.

Майкл молчал. Он успокоился, взял себя в руки. Несмотря на то, что голова раскалывалась от сильного удара, рассудок его был ясен. Он ожидал близкой развязки. Каких только сцен не видела эта гостиная! Каких умственных и физических мучений! Это было преддверие ада.

Именно здесь наверняка Бэг рухнул без сознания. Майкл сразу же узнал соблазнительный запах отравленного вина, догадавшись, что амилнитрат был составной частью снаряжения убийцы. Бэг, должно быть, добрался до Дуэр-хауса следом за майлацями, которых коварный старик по каким-то своим соображениям пощадил.

Вскоре Майкл понял, что произойдет. Старик открыл дверцу буфета и вытащил оттуда большой стальной крюк, который заканчивался специальным блоком. Встав на цыпочки, он зацепил конец крюка за стальную скобу, прикрепленную к потолочной балке. Майкл заметил ее еще раньше и думал, каково же ее предназначение. Теперь все стало ясно.

Из шкафа был извлечен моток веревки, один конец которой был пропущен через блок и продет под мышками детектива. Наклонившись, Лонгвейл свернул коврик, под которым оказалась небольшая дверца. Он поднял ее и откинул назад. Внизу ничего не было видно, но вдруг до Майкла донесся чей-то стон.

— Думаю, это мы можем убрать, сэр, — произнес мистер Лонгвейл, снимая салфетку, закрывавшую рот детектива. — Ведь так вам удобнее, не правда ли?

Сделав это, он дернул за веревку без особых усилий, и Майкл повис в воздухе. «Выгляжу, наверное, чертовски смешно», — почему-то пришла ему в голову глупая мысль. Старик направил ноги Бриксана в образовавшуюся щель и стал постепенно отпускать веревку...

— Вы мне скажите, пожалуйста, когда коснетесь земли, — любезно попросил он. — Я тогда спущусь к вам.

Посмотрев вверх, Майкл увидел, что отверстие становится все меньше и меньше. Какое-то время он болтался в воздухе, затем застыл. Его ноги коснулись земли. Майкл крикнул.

— С вами все в порядке? — поинтересовался мистер Лонгвейл. — Вы не могли бы отойти в сторону на несколько шагов? Я сброшу веревку, а она может вас задеть.

Майкл безропотно выполнил указание. Затем он услышал свист падающей веревки и глухой удар о землю. Дверца люка закрылась. Рядом раздался чей-то стон.

— Это вы, Пенн?

— Кто это? — спросил испуганный голос. — Это вы, Бриксан? Где мы? Что случилось? Как я попал сюда? Этот старый дьявол дал мне что-то выпить. Я выбежал из дома... Господи, я ничего не помню! Я хотел одолжить у него машину. О Боже, я боюсь!

— Это вы кричали, когда выбежали из дома?

— Кажется, да. Я рванулся, едва почувствовав, как начинает действовать этот проклятый яд. А вы как сюда попали, Бриксан? Полиция вытащит нас, да?

— Боюсь, что нет, — мрачно произнес Майкл и услышал, как Пенн испуганно вскрикнул. Он пожалел, что произнес эти слова.

— Кто он? Это пещеры? Я слышал о них. Здесь ужасно пахнет землей, правда? Вы что-нибудь видите?

— Мне только показалось, что я заметил какой-то огонек, — ответил Майкл, — но это может быть просто галлюцинация. А где Адель Лэмингтон?

— Бог ее знает! — последовал ответ. Грегори бил озноб, и Майкл слышал, как у него стучат зубы. — Я больше ее не видел. Я опасаясь, что Бэг последовал за нею. Надеюсь, что он ей ничего не сделает. А вообще он стал очень странным. Как бы мне хотелось, чтобы сейчас он был здесь.

— И мне бы этого хотелось, — откровенно признался Майкл.

Он пытался освободиться от наручников, хотя понимал, что и со свободными руками почти бессилен против старика. Он

потерял пистолет и, хотя в кармане его жилета лежал не раз выручавший его длинный нож с острым, как бритва, лезвием, — он понимал, что у него не будет возможности им воспользоваться.

Выпрямив спину, он попытался проделать трюк, который не раз видел на театральной сцене в Берлине — продевание ног через руки в наручниках. Вытянув руки перед собой, он попытался это сделать, но безуспешно. Вдруг сверху послышался звук открываемого люка.

— Я не заставляю вас долго ждать, — произнес Лонгвейл, спускаясь вниз с фонарем в руке. — Я не люблю, когда мои пациенты простужаются.

Его смех эхом отразился от стен пещеры. Остановившись, старик чиркнул спичкой и зажег керосиновую лампу, установленную в скале. Затем он зажег вторую, третью, четвертую, и, наконец, все предметы осветились бледным, немигающим светом. В самом центре пещеры возвышалось алое сооружение, при виде которого Майкл, даже, казалось, приготовившийся к любым страшным испытаниям, вздрогнул.

Это была гильотина!

38. «ВДОВУШКА»

Гильотина!

Она как бы застыла в ожидании. Окровавленная, она своей простотой вселяла ужас.

Майкл смотрел на нее как зачарованный. Корзинка, поднятый треугольный нож, качалка, покрытый черной краской люнет, удерживающий голову, пока не упадет нож и не хлынет кровь. Он хорошо знал эту машину, видел ее в действии во французских тюрьмах. Помнил он и свист падающего ножа. Щелчок, и лежавший под ним человек уходил в вечность.

— «Вдовушка»! — нежно произнес Лонгвейл.

— О Боже! Я не хочу умирать! — раздался агонизирующий вопль Пенна, эхом отразившийся в пустотах пещеры.

— Милая моя «вдовушка», — повторил снова старик.

Он был без шляпы. Его лысая голова отражала свет. И все же в его внешности не было ничего смешного.

— Кто первым станет ее женихом?

— Нет, нет, не я, — завопил Пенн, лихорадочно прижимаясь к стене. Лицо его было пепельного цвета, рот конвульсивно сжимался. — Я не хочу умирать...

Лонгвейл медленно подошел к нему, наклонился и поднял на ноги.

— Наберитесь мужества! — пробормотал он. — Час настал!

Джек Небворт в нетерпении ходил по шоссе, когда со стороны Чичестера показалась полицейская машина.

— Его там нет. Его вообще не было в управлении, — с трудом произнес водитель, выскакивая из машины.

— Он, должно быть, пошел к Лонгвейлу.

— Я заходил к мистеру Лонгвейлу, и тот уверил меня, что капитан отправился в Чичестер. Он, видимо, ошибся.

Неборт от случайно промелькнувшей мысли остановился. Лонгвейл! В этом человеке было что-то странное. Может быть...

Он вспомнил, как он был озадачен необычным заявлением старика, его неоднократным желанием сняться в эпизоде об этом парижском палаце...

— Пойдемте и разбудим его. Я хочу поговорить с ним.

Они несколько раз постучали в дверь, но ответа не последовало.

— Вот его спальня, — сказал Джек Неборт, показывая на решетчатое окно, в котором виднелся свет.

Инспектор Лайл со злостью бросил в окно камушком, стекло разбилось, но никто не отозвался.

— Мне это не нравится, — произнес Неборт.

— Мне тоже, — проворчал полицейский. — Займитесь этим окном, Смит.

— Вы хотите, чтобы я открыл его, сэр?

— Да, и немедленно.

Вскоре окно в гостиную было взломано, но затем возникло неожиданное препятствие.

— Здесь, оказывается, решетка, — сообщил детектив. — Я думаю, что лучше попытаться проникнуть со второго этажа. Подсадите меня.

С помощью коллеги он поднялся во второй этаж, ухватился за подоконник открытого окна, того самого, из которого Адель увидела страшную морду Бэга, и в следующую секунду был уже в комнате. Там он сразу рванул вниз, чтобы помочь напарнику. Несколько минут спустя засовы были сняты и входная дверь открылась.

— Насколько я понял, в доме никого нет, — сказал полицейский.

— Включите свет, — приказал инспектор.

Они зажгли керосиновую лампу.

— А это что? — детектив показал на крюк с блоком, все еще продетый в скобу на балке. — Непонятно, — медленно произнес он, прищурив глаза. — Для чего это?

— А вот и пистолет Бриксана! — воскликнул Джек Неборт, поднимая оружие с пола.

Бросив взгляд на пистолет, инспектор вновь обратил свой взор на крюк.

— Для чего это? — повторил он. — Так, давайте посмотрим, есть здесь что-нибудь еще? Просмотрите каждый шкаф, каждый ящик. Прослушайте стены — там могут быть скрытые двери, как во всех домах, сооруженных во времена Тюдоров.

Все поиски, однако, были напрасны, и инспектор Лайл вновь вернулся к тревожным размышлениям о крюке. Затем в комнату вошел один из полицейских и сообщил, что найден гараж.

Это было необычно длинное сооружение, но, открыв его, они обнаружили только старинный автомобиль. За белоснежной стеной позади автомобиля была еще одна комната, но где же дверь?

— Это не кирпич, а дерево, — заявил Джек Небворт, постучав по внутренней стене.

В углу висела цепь. У нее явно не было особой функции. Инспектор дернул за цепь, и «стена» открылась. Во втором помещении тоже находилась машина, закрытая брезентом. Приподняв его, Небворт сказал:

— Это та машина.

— Какая? — спросил инспектор Лайл.

— Которой управляет Охотник за головами, — быстро ответил Небворт. — Он был и этой машине, когда Бриксан пытался арестовать его. Я чувствовал, что она спрятана где-то здесь! Бриксан тоже должен быть в Доуэр-хаусе, и да поможет ему Бог, если он в руках Охотника за головами!

Они снова вернулись в дом Лонгвейла. Крюк с блоком вновь привлек их внимание. Неожиданно полицейский наклонился и отбросил в сторону коврик. Увидев дверцу, он откинул ее назад, встал на колени и стал вглядываться в темноту. Небворт заметил, как лицо его побледнело.

— Слишком поздно, слишком поздно! — пробормотал он.

39. СМЕРТЬ

Мало приятного слышать вопль человека, почти сошедшего с ума от страха. У Майкла были крепкие нервы, но он был вынужден впиться ногтями в ладони собственных рук, чтобы сохранить самообладание. Когда крики Грегори перешли в хрипение, Майкл нашел в себе силы сказать:

— Я предупреждаю вас, Лонгвейл, если вы сделаете это, вы будете навеки прокляты!

Старик со спокойной улыбкой повернулся ко второму узнику, но даже не удостоил его ответом. Без особых усилий подняв Грегори, он отнес его к ужасной машине и положил на качалку. Все это делалось основательно и без спешки. Майкл заметил в глазах Лонгвейла такое наслаждение, что даже было трудно поверить! Тот подошел к люнету и поднял его верхнюю половину, которая после щелчка осталась в неподвижном положении.

— Мое изобретение, — с гордостью бросил он через плечо. — Я усовершенствовал «вдовушку».

Не обращая внимания на зловещего экзекутора, Майкл взглянул в дальний конец пещеры. И тут кровь прилила к его щекам. Сперва он подумал, что ему просто померещилось — галлю-

цинации при таких испытаниях, какие выпали на его долю, были вполне возможны.

Адель!

Ее фигура отчетливо вырисовывалась на границе освещенного пространства.

— Если вы сделаете хоть одно движение, я убью вас! — крикнула девушка.

Да, это была она! Майкл изловчился и встал на ноги, а Лонгвейл, услышав голос, медленно обернулся.

— Моя маленькая леди! — с удовольствием произнес он. — Какое счастье! Я всегда думал, что кульминацией моей карьеры, как у святого Чарльза Генри, станет момент, когда в руках окажется королева. Как это замечательно!

С радостной улыбкой, протягивая маленькие белые руки к своей «почетной гостье», он подходил к ней, не обращая внимания на наставленный пистолет, на опасность, которой подвергался.

— Стреляйте, — хрипло крикнул Майкл. — Ради Бога, стреляйте!

После некоторого колебания девушка все же нажала на курок, но выстрела не последовало. Забитый землей механизм не действовал.

Адель бросилась прочь, но Лонгвейл поймал ее и прижал голову к груди.

— Вот видите, моя дорогая, — произнес он. — «Вдовушка» станет «вдовцом», и вы будете его первой невестой!

Адель безвольно лежала в его руках, не способная к сопротивлению. Ею овладела странная апатия, и, хотя она еще не лишилась чувств, у нее не хватало ни сил, ни воли, чтобы вырваться или заговорить. Майкл отчаянно пытался высвободить руки, в душе моля, чтобы Адель потеряла сознание, дабы не видеть всего этого ужаса.

— Так кто же будет первым? — сказал старик, поглаживая сияющую плешь. — Нет, какой день, какой день! Было бы хорошо, если б первой стала моя юная леди, но все же нет... Пусть посмотрит, как это случается с мужчинами.

Он задумчиво оглядел фигуру, расprostертую на качалке, и отпустил люнет на шею Грегори Пенна. Его рука поднялась к механизму, освобождающему нож, но застыла — видимо, Лонгвейлу, в его безумии, пришла какая-то новая мысль.

— Нет, первым будете вы, — сказал он Майклу и, высвободив почти безумевшего Грегори, положил его на землю.

Затем, выпрямившись, он прислушался. Где-то вверху раздавались шаги. Лонгвейл вновь изменил решение. Он нагнулся и поставил Грегори на ноги. Майклу показалось странным, почему старик так долго держит Грегори стоймя, почему неожиданно бросил его, и тот упал на землю. Но затем все стало ясно. Пещеру пересекало огромное волосатое существо, злобным взглядом уставившееся на Лонгвейла.

Это был Бэг!

Вся шерсть его была в крови, а морда от пыли напоминала серую маску. Он остановился и припнулся к человеку на полу, затем нежно коснулся его лица. Неожиданно он прыгнул на Лонгвейла, и старик, безуспешно пытавшийся вырваться из ужасных объятий обезьяны, вопя, упал на землю.

Какое-то мгновение Бэг смотрел на него, что-то щебеча, затем поднял и положил на то место, которое раньше занимал его хозяин — он привязал Лонгвейла к качалке.

Майкл с ужасом следил за происходящим. Огромная обезьяна уже видела, как осуществляется казнь! Значит, именно в этой пещере скрывался Бэг, когда был убит Фосс, и его получеловеческий ум запомнил детали происходившего. Теперь он по памяти воспроизводил увиденную процедуру.

Бэг освободил пружину, фиксирующую верхнюю половину люнета в поднятом положении, зажал шею Охотника за головами. В этот самый момент Майкл, привлеченный каким-то посторонним звуком, посмотрел вверх и увидел, что люк открывается. Бэг тоже слышал этот звук, но был так увлечен своим делом, что не обратил на него особого внимания. Лонгвейл пришел в сознание и попытался вытащить голову из люнета. Наконец, осознав предстоящую неизбежность, он затих, ухватившись за края качалки и, видимо, подыскивая нужную фразу, произнес:

— Сын святого Луи, вознесись на небеса!

В этот момент Бэг освободил нож. Раздался глухой звук «чоп».

Инспектор Лайл сверху видел, как нож гильотины упал, и ему стало дурно.

— Быстрее, инспектор! — раздался голос снизу. — Веревку вы можете найти в буфете. Возьмите пистолет и спускайтесь.

Минуту спустя инспектор Лайл спустился вниз.

— Обезьяны можете не бояться, — сказал Майкл.

Бэг ухаживал за бесчувственным хозяином, как мать за ребенком.

— Займитесь Адель Лэмингтон, — произнес Майкл, когда инспектор Лайл освободил его от наручников.

Девушка без сознания лежала рядом с гильотиной. К счастью, она не видела случившегося.

Затем по веревке спустился второй полицейский, а третьим появился Джек Небворт. Ему удалось найти дверь, которой пользовался Лонгвейл. Небворт помог полицейским отнести девушку в безопасное место.

Сняв наручники с рук баронета, Майкл перевернул его на спину. Сэр Грегори был тяжело болен. Бэг молча следил за происходящим. И тут Майкл вспомнил, что Бэг при их знакомстве обнюхивал его руки, и Грегори представил детектива как своего друга.

— Подними его, — приказал Майкл, копируя манеру обращения Грегори к обезьяне.

Бэг моментально наклонился, поднял бесчувственное тело хозяина и вслед за Майклом поднялся по лестнице.

В доме было уже полно полицейских, и они оторопели при виде огромной обезьяны и ее ноши.

— Отнеси его наверх и уложи в постель, — приказал Майкл.

Желая избавить Адель Лэмингтон от пребывания в страшном доме, Небворт повез ее в Чичестер. Девушке срочно был нужен врач.

Майкл вновь спустился вниз и вместе с полицейским инспектором произвел беглый осмотр пещеры. Найденные в нишах обезглавленные трупы были красноречивее живых людей. Пройдя немного дальше, туда, где пещера расширялась, они увидели, что ее пол усеян костями.

— А вот и подтверждение древней легенды, — произнес Бриксан глухим голосом. — Это останки тех воинов и сквайров, которых похоронил оползень. А вот и скелеты лошадей.

Но как попала в пещеру Адель? Вскоре они обнаружили отверстие, через которое она скатилась.

— Вот и вторая загадка нашла объяснение, — произнес Майкл. — Грифф-тауэр, конечно, была построена римлянами для того, чтобы скот и люди не падали в пещеру. И я абсолютно уверен, что этим выходом Лонгвейл в случае необходимости не раз пользовался.

Они вернулись к гильотине с ее ужасной жертвой, и Майкл долго стоял, молча глядя на неподвижное тело.

— Как ему удавалось убедить свои жертвы свести счеты с жизнью? — едва слышно произнес инспектор.

— Это вопрос для психолога, — после долгого молчания сказал Майкл. — Нет сомнений в том, что он входил в контакт со многими людьми, желавшими расстаться с жизнью, но не имевшими на это силы воли, и оказывал им эту услугу. Я, кстати, уверен, что его практика оставлять для опознания голову вызывала у бедных жертв надежду, что их семьи получат страховку.

Лонгвейл работал с необычайной ловкостью. Письма, как вы знаете, пересылались по определенному адресу и получались старухой, которая отправляла их по второму адресу, где они вкладывались в приготовленные заранее конверты и отправлялись якобы в Лондон. Мне удалось выяснить, что конверты лежали в специальном светонепроницаемом ящике и изымались оттуда только в момент отправки — таково было условие, оговоренное неизвестным автором объявлений. Час спустя после того, как конверты отправлялись, адрес на них исчезал и появлялся иной.

— Симпатические чернила?

Майкл кивнул.

— Этим методом часто пользуются преступники. Новым адресом был Доуэр-хаус. Ну ладно, гасите лампы, и пошли наверх.

Три лампы были погашены. Инспектор со страхом посмотрел на очертания гильотины.

— А это, я думаю, пусть останется здесь, — сказал он.

— Да, пусть, — отозвался Майкл.

40. МОТОР!

Прошло три месяца с тех пор, как Доуэр-хаус раскрыл свою ужасную тайну. За это время Грегори Пенн поправился и успел отсидеть месяц из шести лет, к которым был приговорен местным судом. Гильотина была разобрана и перевезена в Музей криминалистики в Лондоне. Разговоры об Охотнике за головами прекратились.

Однако на съемочной площадке, казалось, ничего не изменилось.

Майкл сидел у стола и наблюдал за Джеком Небвортом, раздраженно объяснявшим самоуверенному Корби Коннолли, как играть очередную любовную сцену. Рядом стояла Адель Лэмингтон, а чуть поодаль Стелла Мендоса, с сигаретой в руке, со снисходительной улыбкой наблюдала за своим бывшим другом.

— Не вам меня учить, мистер Неборт, — раздраженно говорил Корби, — как надо обнимать девушку. Бы что, думаете, я проспал всю жизнь? Или знаю о девушках меньше, чем вы?

— Меня несколько не волнует, как вы держите свою девушку, — нервничал Джек. — Меня волнует, как вы держите мою девушку. Есть только один способ объясняться в любви, запатентованный для моего фильма, — и это мой способ! Так, возьмите снова ее за талию, Коннолли, другую руку положите на грудь! А теперь поднимите голову. Так, теперь немного поверните сюда. Теперь чуть-чуть опустите подбородок. Улыбайтесь, черт побери, улыбайтесь! Да не такой зловещей улыбкой! — орал он. — Улыбайтесь, как будто вы ее любите. Попытайтесь представить, что и она любит вас! Я извинюсь потом перед вами, Адель. А вы попытайтесь представить это, Коннолли. Вот так-то лучше. А вообще-то вы выглядите, как будто проглотили ликер из битого стекла. Посмотрите ей прямо в глаза. Посмотрите, я сказал, а не вылупляйтесь как истукан. Вот так-то лучше. Теперь все повторим...

Он наблюдал, корчился, жестикулировал. Наконец, смирившись, холодно произнес:

— Чертовски слабо, но придется снимать. Свет!

Вспыхнули юпитеры и залили все пространство сияющим рассеянным светом. Игра возобновилась.

— Мотор! — крикнул Джек.

— С вами на сегодня достаточно, Коннолли, — сказал Неборт, когда сцену сняли. — Так, а теперь мисс Мендоса.

Адель подошла к столу и села рядом с Майклом.

— Мистер Небворт совершенно прав, — сказала она, покачивая головой. — Корби Коннолли действительно не знает, как объясняться в любви.

— Ну, тут трудно найти специалиста, — сказал Майкл.

— Но он-то и считается специалистом, — настаивала Адель. — И, кроме того, лучшим героем-любовником на английском экране.

— Ладно уж! — пренебрежительно рассмеялся Майкл.

Адель замолчала.

— Почему вы еще здесь? — вдруг спросила она. — Мне казалось, вы уже закончили свои дела.

— Не совсем, — весело отозвался Майкл. — Мне надо проинформировать еще один арест.

— Еще один? — спросила Адель, удивленно на него взглянув. — А я-то думала, когда вы арестовали бедного сэра Грегори...

— Бедный сэр Грегори! — фыркнул Майкл. — Да он просто счастливчик! Получить всего шесть лет! Быть обвиненным не за убийство слуги, а за всего лишь сокрытие его смерти! Все его «художества» на Борнео суд оставил в тени...

— И кого вы собираетесь арестовать на сей раз?

— Я еще не уверен, арестую или нет...

— Так кто же это?

— Одна женщина.

— А что она сделала?

— Обвинение еще окончательно не вынесено, — уклончиво произнес он, — но думаю, в нем будет несколько пунктов. Во-первых, содействие организации беспорядков; во-вторых, нанесение вреда здоровью общества, во всяком случае, одному его представителю; ну а затем, умышленное нанесение раны чувствам...

— О, вы имеете в виду... — Она от души рассмеялась. — Я никак не могла понять, показалось мне или было на самом деле, когда в больнице вы поцеловали меня. Но другие это видели, значит, это было на самом деле. Так вы действовали осознанно? Правда, я не знаю, пора ли мне выходить замуж. Я...

— Не хотите же вы сказать, что намерены обручиться только с вашим искусством? — простонал Майкл.

— Нет, но мне следует предостеречь моего друга от большой ошибки. Вас ждет, Майкл, блестящая карьера, а женитьба лишь помешает ей. И когда наступит неизбежный развод...

Тут они оба рассмеялись.

— Если вы закончили, я скажу вам следующее, — произнес Майкл. — Я влюбился в вас с первого взгляда.

— Конечно, — ответила она спокойно. — Только так и можно по-настоящему влюбиться. Если думаешь три дня, то это уже не любовь. Вот почему я знаю, что не люблю вас. Я была раздражена вами при первой встрече, взбешена при второй,

и только терпела вас после этого. Подождите меня, пока я сниму грим.

Она встала и отправилась в гримерную. Чтобы успокоиться, Майкл пошел к Джеку Небврту.

— Адель? О, с ней все нормально! У нее даже есть предложение из Америки. Правда, не из Голливуда, а из какой-то студии на Востоке. Я посоветовал ей не торопиться, набраться немного опыта, но не думаю, что она прислушается. Боюсь, она не собирается больше сниматься в кино.

— Что заставляет вас так думать, Небврт?

— Она собирается замуж, — сумрачно ответил Джек. — Я уже заметил симптомы. Я говорил вам с самого начала, что в ней есть что-то странное. Она собирается выйти замуж и навсегда распрощаться со съемками — вот и вся ее экстравагантность.

— И за кого же она собирается замуж, как вы думаете? — спросил Майкл.

— Ну, конечно, не за Корби Коннолли, — фыркнул старый Джек. — Это я вам могу обещать.

— Еще не хватало! — воскликнул возмущенный Корби, обладавший удивительно острым слухом. — Я не из тех, кто женится. Это губит актера. Жена — это камень на шее. Женатый мужчина не выразит и доли своей индивидуальности. И если уж зашел такой разговор, мистер Небврт, вы абсолютно уверены, что во всем следует винить только меня? Не кажется ли вам, — только поймите, я не хочу сказать о ней ничего плохого, — не кажется ли вам, что Адель не совсем — как бы это сказать? — опытна в любви? Вот подходящее выражение.

К беседующим подошла Стелла Мендоса. Она вернулась в труппу и, похоже, постепенно стала отвоевывать прежние позиции. Какая-то неуловимая метаморфоза произошла с ней после известных событий.

— Когда вы говорите «опытна», вы имеете в виду «испорчена», Корби, — сказала она. — А я думаю, вы не правы.

— Я не могу ошибаться, — самодовольно заявил Корби. — Я объяснялся в любви больше, чем все ведущие актеры этой страны, вместе взятые, и заявляю, что Адель чертовски неопытна.

В этот момент в студии появилась сама Адель, пожелала всем доброй ночи и вышла. Майкл последовал за ней.

— Вы ужасно неопытны, — сказал он.

— Кто это сказал? Похоже на Корби. Во всяком случае, это его любимое словечко.

— Он заявляет, что вы не знаете, как объясниться в любви.

— Возможно, нет, — бросила она коротко.

Ее тон совершенно сбил Майкла с толку, и он смущенно замолчал.

Так они дошли до длинной темной улицы, где жила Адель.

— Правильный способ объяснения в любви, — произнес

Майкл, несколько испугавшись собственной смелости, — заключается в том, чтобы обнять за талию и...

Вдруг Адель, оказавшаяся в его объятиях, прижалась к нему лицом.

— Не надо никаких объяснений, — прошептала она, — надо только любить.

Перевел с английского С. ШПАК

ОБ АВТОРАХ

РОЛЬ БОТАНИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Очередной том нашей серии «Подвиг» примечателен, помимо прочего, тем, что в нем как бы специально представлена англосаксонская ветвь остросюжетной литературы. И хотя такого рода деления на «ветви», «направления», «школы» и т. д. в значительной мере условны, наш случай выглядит особым, ибо термин, заимствованный из ботаники, свидетельствует прежде всего о том, что большая группа литераторов разных лет, пишущих на одном языке, исповедующих сходные идеи, оперирующих внутри одной, как сейчас любят говорить, «ментальности», последовательно создавала определенную традицию, продолжающую развиваться и ныне. Стоит в этой связи вспомнить, что именно в Англии еще в 1895 году вышла в свет первая антология детективных историй (она называлась «Длинная рука» и другие детективные рассказы), а к середине двадцатого века было издано свыше двухсот подобных сборников. Так что почему бы не принять эту условность и не согласиться с существованием особой англосаксонской ветви! Поблагодарим ботанику и познакомимся поближе с теми представителями британской традиции, которые предложены вашему вниманию в очередном томе «Подвига».

Эдгар Уоллес — живая история остросюжетной литературы, несколько уже комичная, старомодная, по сегодняшним меркам неуклюжая, но все еще вызывающая у читателя не только академический интерес. Родерик Джеффрис — современный английский писатель, в России почти неизвестный, но создавший большое количество занимательных романов и повестей, переведенных на многие языки; публикуется в нашей стране он едва ли не впервые. Грегори Макдональд — писатель американский и в какой-то степени символизирующий своим творчеством трансформацию «уоллесовского» стиля на заокеанской почве; многим нашим читателям он знаком по прошлогоднему пятому тому «Подвига» (см. роман «Карнавал Флетча»).

Эдгар Уоллес, а полностью Эдгар Ричард Горацио Уоллес, несмотря на столь звучное имя, родился в простой английской семье в 1875 году. Его творчество принято считать своеобразной

векой между классическим детективом девятнадцатого века и «жесткой школой», сформировавшейся в двадцатых-тридцатых годах нынешнего. Он пришел в литературу из самой гущи жизни, получив суровый, но столь полезный для писателя ее опыт. В возрасте двенадцати лет будущий детективный автор бросил учебу и нанялся разносчиком газет. Чуть позже был «повышен» до курьера. Затем опробовал целый круг разнообразных специальностей: продавца, заводского рабочего, повара, грузчика и др. Так что туманные берега Темзы он исходил, что называется, на своих двоих, узкие улочки Сохо, колоритно описанные в его романах, изучил не хуже любого уголка в собственном доме, а лондонские пригороды, равно как и провинциальные городки и селения, в одном из которых действуют герои «Мстителя», изображал с такой скрупулезностью, что они выглядят сошедшими с фотографической карточки.

Из «писчих» профессий он в совершенстве освоил репортерское дело, очерковую журналистику, чуть позже драматургию. Уже с первых своих литературных опытов Эдгар Уоллес рекомендовал себя великим тружеником, умело ориентирующимся в проблемах книжного рынка своего времени. Он подошел к писанию прозы с позиции профессионально-ремесленной, предпочитая сначала досконально разобраться, почему читатель отдает свои симпатии одним произведениям и равнодушно откладывает в сторону другие. Поняв это, он стал с завидным постоянством выдавать именно то, в чем так нуждалась читающая публика.

Следует, наверное, пояснить, что в Англии к началу века сложился совершенно необычный общественный слой, интересующийся книгой. Еще в 1870 году на Британских островах был принят билль об образовании, обязывавший всех граждан страны пройти начальное обучение в школе. Естественно, количество читателей газет и журналов сразу увеличилось в несколько раз, и на первых порах увлекала их в основном развлекательная литература. Ее-то и стали требовать у литераторов тоже выросшие почти внезапно популярные библиотеки. Учтем, к слову, что в средние века, а кое-где и много позже посещение театра и вообще зрелищ в Англии считалось занятием низменным... Домоседам-британцам как нельзя кстати пришлось истории о полицейских расследованиях, поединках с пиратскими фрегатами или подвигах королевских офицеров в колониальных войнах.

Живая, остроумная, говоря откровенно, слегка вульгарная и циничная манера, в которой стал работать Э. Уоллес, быстро завоевала успех у читателей. Это был стиль газеты, экстренного

выпуска — он позволял автору поддерживать напряжение, не заботясь о глубине повествования, спокойно касаться таких тем и проблем, от которых в смущении отворачивались литераторы, ориентирующиеся на интеллигентное восприятие. Взять хотя бы романы Э. Уоллеса, созданные на сюжеты, связанные с Африкой. В качестве военного корреспондента он побывал на Черном континенте в дни англо-бурского конфликта. Однако в отличие от «серьезных» писателей никогда не пытался изложить увиденное в сколько-нибудь объективной форме — большинство читателей черпало сведения об африканцах из анекдотов, лженаучных статей, предубеждений и генеральских заявлений, исполненных завоевательного пафоса, на этом же уровне Э. Уоллес выстраивал конструкции своих сочинений. Юмор его грешил цирковыми интонациями, сюжеты бывали порой смехотворно нежизненными, мысли, случалось, отдавали националистической спесью, о языке вообще трудно было рассуждать всерьез, но, наверное, стоит взглянуть на его творчество и с другой стороны: за 34 года литературной деятельности Э. Уоллес написал более двух сотен произведений, и ни одно из них не залежалось на прилавке!

Колин Уотсон, убежденно недоброжелательный критик Э. Уоллеса, писал: «Пытаться оценивать произведения Уоллеса литературными мерками было бы столь же бесплодно, как рассматривать груду щебня глазами скульптора». Такая строгая оценка достаточно объективна, однако как не вспомнить в противовес и соображение Сомерсета Моэма: «Мне кажется, когда литературоведы англоязычных народов примутся изучать в будущем литературу первой половины нашего века, они с некоторой легкостью будут проскальзывать по произведениям серьезных романистов и внимание свое обратят на безгранично многообразные достижения авторов детективов». Что ж, среди создателей остросюжетных произведений в первой половине двадцатого века Э. Уоллес занимает, как видим, далеко не последние строчки...

Свой первый роман Э. Уоллес опубликовал в 1905 году — «Четверо справедливых». Впоследствии его сочинения, в том числе такие крупные, как «Красный круг», «Башня смерти», «Летающая гвардия» и другие, печатались отдельными выпусками и появлялись на лотках обыкновенно в полдень, почему его имя в какой-то момент сделалось почти нарицательным: полуденный «Уоллес»... Тоже свидетельство огромного успеха у читателей!

При всей «вульгарности» писаний Э. Уоллеса, что почти единодушно отмечают все его критики, уже в первых из этих зна-

менитых выпусков можно найти и некоторую элегантность, выдумку, изощренность. В том же романе «Четверо справедливых», например, была заключена сюжетная тайна, которую предстояло разгадать публике. При этом литератору прислали так много хороших решений, что он понес существенный материальный убыток — за каждое решение по уговору следовало уплатить определенную сумму. Этот прием, надо сказать, потом много раз использовался создателями детективов, и не только ими. Известно, что популярный президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт, большой поклонник остросюжетной литературы, однажды придумал загадку, решение которой интересовало как самих писателей (в частности, такого крупного, как С. С. Ван Дайн), так и любителей этого вида творчества. Был даже издан специальный сборник, составленный из новелл, посвященных решению загадки, назывался он «Детективная история президента — мысль подсказана Франклином Делано Рузвельтом» (1935 г.) — книжка выдержала не одно переиздание.

Что касается собственно детективного творчества, то Э. Уоллесу принадлежит бесспорный приоритет в освоении такого вида остросюжетной литературы, как полицейская история. В самом деле, припомним, что у классиков жанра, как правило, сыщик действовал отнюдь не в союзе с полицией. И Шерлок Холмс, и Огюст Дюпен, и папаша Табаре Эмиля Габорио, и даже патер Браун, герой Г. Честертона, проводят свои расследования на фоне явной неспособности тех, кто по своим служебным обязанностям должен стоять на страже закона, справиться с этим хлопотливым делом. Полицейский офицер Э. Уоллеса, профессиональный детектив, пожалуй, первый, кто стал успешно выполнять задания руководства, то есть так, как делают это сегодняшние герои Э. Макбейна, Р. Фиша, Пера Валё и многих других авторов. Как несложно убедиться, «Мститель» и есть типовая полицейская история из множества созданных Эдгаром Уоллесом сходных произведений.

Заканчивая краткий обзор его литературного творчества, отметим, что, кроме романов, он написал несколько популярных пьес, таких, как «Таинственный мастер», «Календарь» и долгое время удерживавшаяся в репертуаре «На месте преступления». Из романов же стоит еще упомянуть много раз переиздававшиеся вещи: «Вождь террористов», «Фальшивомонетчик», «Тайна желтых нарукавников» и, видимо, самое известное произведение Э. Уоллеса — серию о Кинг-Конге; большинство наших читателей наверняка видело одноименный кинофильм.

Для кинематографа Э. Уоллес в свое время оказался подлинной находкой, поскольку выяснилось, что всевозможные его

тайнственные коридоры, люки, башни, тайники, подземные коммуникации, выходящие в самые неожиданные места, в том числе даже в аристократические салоны, умопомрачительные сюжетные повороты, погони и преследования, связанные с переодеванием, изменением внешности, появлением совершенно непредвиденных сообщников и т. д., — все это способно заворожить зрителя и привлечь его в кинозалы. Вот почему Э. Уоллеса экранизируют по сию пору. Кроме того, завоевал немалую популярность журнал «Мистерии Мэгэзин Эдгар Уоллес». В Англии существует общество его имени.

Мы назвали выше Грегори Макдональда своеобразным последователем «уоллесовского» стиля на американской почве. Тут решающую роль играет то обстоятельство, что у известного американского автора, как и у его предшественника — англичанина, события в романах исполнены таинственности и непредсказуемости. Вспомним барабаны бразильского карнавала, так красочно описанные Г. Макдональдом в предыдущем произведении, опубликованном у нас в «Подвиге»: ситуацию, в которой оказался неунывающий его герой, журналист Ирвин Флетчер, по прозвищу «Флетч», никак нельзя назватьординарной. Или первый роман из этой серии, так и названный по имени журналиста «Флетч»... На пляже в Калифорнии к некоему оборванцу подходит человек и предлагает большие деньги. На вопрос же, что за это нужно сделать, подошедший, не моргнув глазом, отвечает: «Я хочу, чтобы ты меня убил...» Такого типа ситуации обожал Э. Уоллес.

Все же между американской и английской школами существует и существенная разница. Грегори Макдональд в этом смысле истинный американец, его герой не столько стоит на страже закона (что почти обязательно в английских романах), сколько отстаивает идеалы, мы бы сказали, абстрактного гуманизма, а такая борьба зачастую ведется с обеих сторон абсолютно беззаконными методами.

Остановимся хотя бы ненадолго на биографических данных Грегори Макдональда — ведь многие наши читатели не выписывали в прошлом году «Подвиг».

Показательно, что так же, как Уоллес, Г. Макдональд начинал с журналистики. Он родился в 1937 году. Закончил образование и стал работать в газете «Бостон глоуб». Прошел почти все отделы этого издания, но наиболее успешно выполнял обязанности репортера — обстоятельства, связанные с этим трудом, без конца варьируются в романах писателя, а типичные черты чернорабочего американской журналистики легли в основу образа Флетча. Герой Макдональда умен, весел, беспорядо-

чен, авантюристичен, при всем при этом он обладает несомненным чувством справедливости, на которое и опирается, когда жизнь приставляет нож к его горлу.

Первый роман из серии «Флетч» принес автору всемирную известность. Произведение было опубликовано в 1974 году и получило престижную премию Эдгара По. За год до этого Г. Макдональд покинул редакцию «Бостон глоуб» и сделал литературу своей основной профессией. Впрочем, в этому времени и в писательском творчестве он был уже далеко не новичком, ибо первый роман Г. Макдональда «Бегущий в испуге» вышел из печати десятилетием раньше.

Наш читатель только-только начинает знакомиться с романами популярного американского автора. «Выборы Флетча» — еще один из них, столь же напряженный по интриге, сюжетно запутанный, социально острый и по-своему бесстрашный. Критика относит творчество Г. Макдональда к «жесткому» стилю, однако с таким утверждением можно и поспорить. Конечно, Флетч в чем-то близок персонажам Микки Спиллейна или Брета Холлидея — вспомним попутно, что книги последнего занимают первые семь строк в итоговом списке бестселлеров США за шестьдесят лет, так что любой автор, пишущий в остросюжетном жанре, обязан помнить, что у читателя пользуются успехом именно такие герои и книги... И все же лучшие произведения Г. Макдональда, при всей их внешней похожежности на «крутой» детектив, существенно отличаются от него. Репортерский опыт заставляет автора уделять гораздо больше внимания не преследованию нарушителя закона, чем в основном занимаются положительные персонажи «жесткого» стиля, а тем деталям жизни, которых мы почти не замечаем в повседневности и которые, если начать вглядываться в них пристально, несут в себе и тайну, и обаяние, и разнообразные конфликты. Собственно, эти детали и составляют все наше бытие... У Г. Макдональда же они, будучи вплетены в сюжет, своеобразно формируют мир, в котором протекает действие романа, и мир этот порой много интереснее самих сюжетных перипетий. «Приключенческая история» — вот жанр, более подходящий для произведений писателя, хотя, как говорилось выше, все деления подобного рода очень условны...

Прежде чем представить читателям еще одного автора «Подвига» — Родерика Джеффриса, стоит вернуться еще раз к особенностям англосаксонской школы детектива. В частности, задать простой вопрос: что в первую очередь интересует человека, ведущего расследование, в книгах британских авторов? Многие критики пришли к парадоксальному выводу: отнюдь не торжество справедливости, не наказание преступника и не

возвращение похищенного, возмещение убытков и т. д. Главное для английских сыщиков — само расследование, духовная сторона преступления, тайна, с ним связанная! У французов, например, по единодушному мнению специалистов, задача формулируется гораздо прозаичнее: Мегрэ и многие его коллеги обычно стремятся просто побыстрее завершить дело и сдать его в архив. Они не озабочены особой игрой ума и опираются больше на свой житейский опыт, знание предмета, помощь сослуживцев.

Сказанное весьма важно для понимания того, что известный английский мастер остросюжетной прозы Родерик Джеффрис утверждает в своих книгах. Действующие лица повести «Наперекор времени — мы имеем в виду, конечно, прежде всего полицейских — написаны во французском вкусе. Они тоже торопятся изо всех сил, борясь с преступниками. Но ведь это обусловлено и самим сюжетом! Ребенок-то находится под постоянной угрозой, есть ли минута, чтобы задуматься над той самой духовной стороной?!

Стражи закона у Р. Джеффриса — это профессиональные полицейские, любящие свое дело, связанные дружескими отношениями, готовые прийти на помощь, если обстоятельства того требуют. При этом детали поиска выписаны автором предельно достоверно, как будто он излагает конкретное уголовное дело, начиная с краткого вступления, содержащего благодарность в адрес невыдуманных полицейских, и кончая финалом в суде. Такая манера, стилизованная под жанр репортажа (чему способствует и скрупулезно регистрируемое время действия!), создает у читателя эффект присутствия, а идет она опять-таки еще от Э. Уоллеса с его полуденными выпусками.

Теперь несколько слов о самом Родерике Джеффрисе. Он родился в Лондоне 21 октября 1926 года, окончил университет и специальную морскую навигационную школу. Служил в торговом флоте Соединенного королевства, занимался юриспруденцией... Печататься начал еще в конце сороковых годов. Кроме своей основной фамилии, использовал несколько псевдонимов. Наиболее известные среди них: Петер Алдинг, Джеффри Эшфорд и Грем Гастингс.

Писатель предпочитал работать сразу над серией романов. Обычно с каким-то главным героем. Такими героями у него становятся самые обычные полицейские сержанты и офицеры. Энрике Альварес, Д. Керри, Родерик Грейм и другие... Все они написаны психологически весьма достоверно и всё в той же манере, которую мы рискуем назвать псевдодокументальной, но очень эффектной.

Из наиболее известных романов писателя упомянем «Дважды увиденное», опубликованный в 1959 году, «Три плюс один получается пять» (1984 г.), «Совет по безопасности», вышедший в Лондоне в 1960 году и тут же выпущенный в Нью-Йорке, «Презумпция виновности», созданный четыре года спустя. Думается, переводчики обратят внимание на этого автора, печатавшегося у себя на родине до последних лет и переведенного на многие языки.

Когда-то классик остросюжетной литературы Г. К. Честертон писал: «Не верю, что простой народ любит плохую литературу больше, чем хорошую, и принимает детектив лишь потому, что это скверная литература. Книга не станет популярной только оттого, что в ней нет художественной тонкости...» Эта мысль впоследствии вызвала жаркие споры. Сразу скажем, что мы в этой полемике присоединяемся к мнению Г. К. Честертон и полагаем, что произведения, с которыми в нынешнем томе «Подвига» познакомили читателей, служат подтверждением его слов.

Вадим ЧЕРНЯК

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Макдональд. ВЫБОР ФЛЕТЧА	4
Р. Джеффриз. НАПЕРЕКОР ВРЕМЕНИ	154
Э. Уоллес. МСТИТЕЛЬ	224
Об авторах	342

Под редакцией
А. ШЕВЕЛЕВА, В. ЧЕРНЯКА

Редактор **В. Черняк**
Художники **Н. Михайлов и Б. Сопин**
Технический редактор **Г. Прохорова**

Подписано в печать с готовых матриц 03.10.93. Формат
84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Бумага
типографская № 2. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 20,16.
Тираж 50 000 экз. Заказ 37 400.

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а.

Отпечатано с готовых матриц. Типография АО «Молодая гвар-
дия». Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

**НАСТОЛЬНАЯ КНИГА
РУССКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА,
или Руководство для годового круга
крестьянских работ**

В ней собрано лучшее из народного опыта и агрономической науки о полеводстве и огородничестве, бахчеводстве и травосеянии, садоводстве и лесоводстве, животноводстве и птицеводстве, пчеловодстве и шелководстве;

все о сельском хозяйстве на разных почвах и в разных климатических поясах России.

Книга для крестьян, написанная в годы столыпинской реформы, в период расцвета сельского хозяйства в России.

Энциклопедическое издание, впитавшее многовековой опыт хозяйствования на земле, сохранения и умножения ее плодородия, своеобразный домашний агроном и зоотехник, самоучитель крестьянского труда. Книга написана просто, доступно, понятно. В ней читатель найдет точные ответы на тысячи вопросов: что, как и когда делать?

«Настольная книга русского земледельца» впервые издается в современной редакции.

М., АО «Прибой», 1993 г., 704 с. Формат 70×
×100¹/₁₆, тв. переплет, шитье.

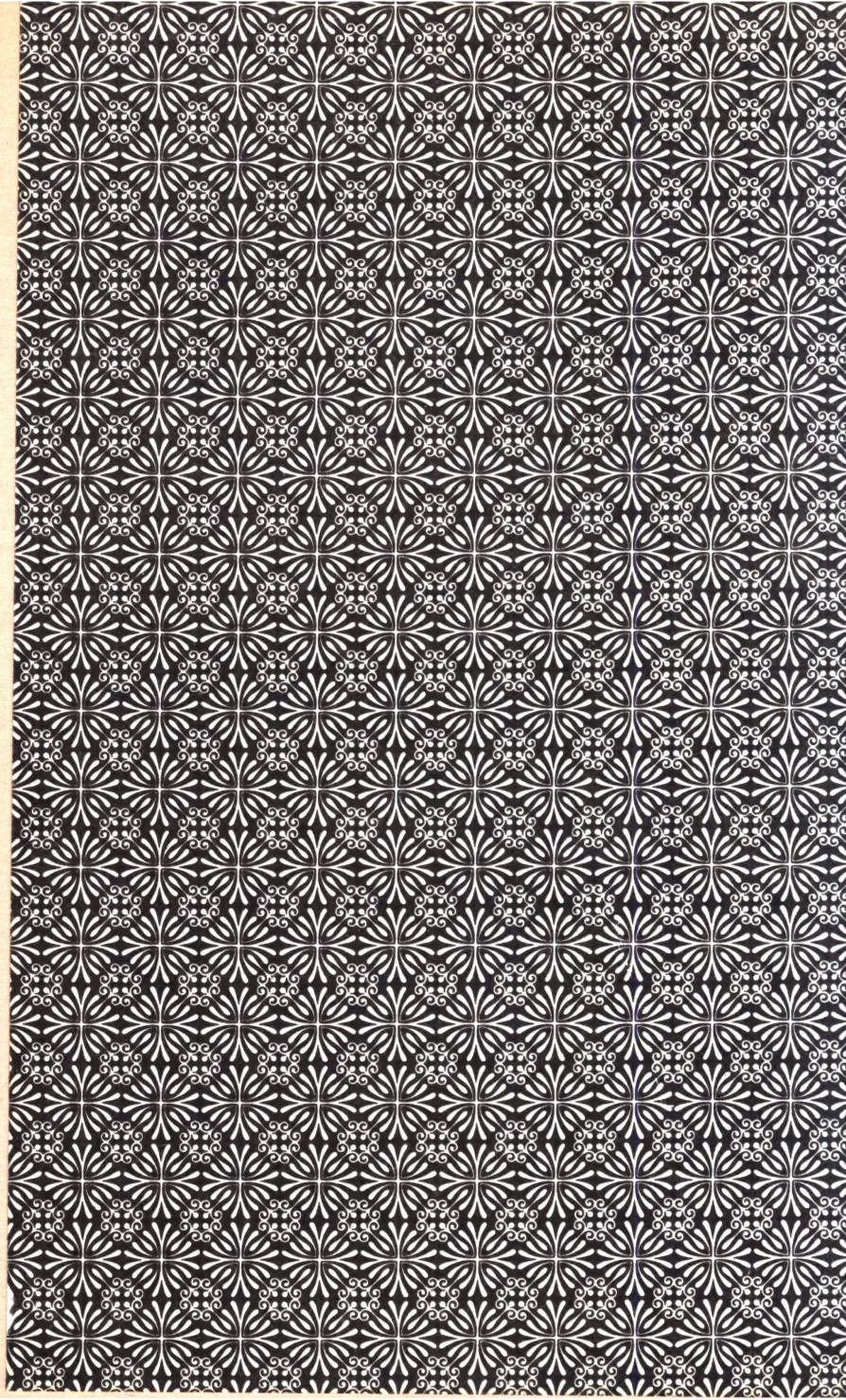
Издательство «Прибой» предлагает книготорговым организациям оптовые и мелкооптовые партии книг.

Наш адрес: 103001, Москва, Трехпрудный переулок, д. 9.

Контактные телефоны: 299-42-03, 285-80-27.

Факс 299-04-94.

Классика
модерна
Боготеректиба

